

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ВЛАСТЕЛИН ХАОСА

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 6

Колесо Времени

Роберт Джордан
Властелин Хаоса

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Джордан Р.

Властелин Хаоса / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус»,
1994 — (Колесо Времени)

ISBN 978-5-389-20000-5

Среди сообщества Айз Седай раскол. Признать Ранда ал'Тора Возрожденным Драконом или заклеить его как самозванца? Темный властелин все силы прикладывает к тому, чтобы убедить Престол Амерлин в том, что Ранд — Лжедракон. Он внедряет в ряды Айз Седай своих приспешниц, наделяя их новыми телами, и плетет интригу за интригой. Мало того, Темный наводит на мир засуху и безумную жару, представляя все это происками Лжедракона Ранда ал'Тора. Найнив и Илэйн, оставившие Белую Башню после переворота, пускаются в долгий путь, чтобы отыскать истину...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20000-5

© Джордан Р., 1994
© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Пролог	7
Глава 1	59
Глава 2	71
Глава 3	81
Глава 4	94
Глава 5	108
Глава 6	130
Глава 7	147
Глава 8	168
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Роберт Джордан

Колесо Времени. Книга 6: Властелин хаоса

Бетси

*Львы поют, холмы летают,
В полночь солнышко сияет.
Муж оглох, жена ослепла,
А дурак восстал из пепла
И теперь смеется лихо.
Правь же, хаоса владыка!*

*Считалка из детской игры, услышанная в Великом Арвалоне,
Четвертая эпоха*

Robert Jordan

LORD OF CHAOS

Copyright © 1994 by The Bandersnatch Group, Inc.

Maps by Ellisa Mitchell

Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell

All rights reserved

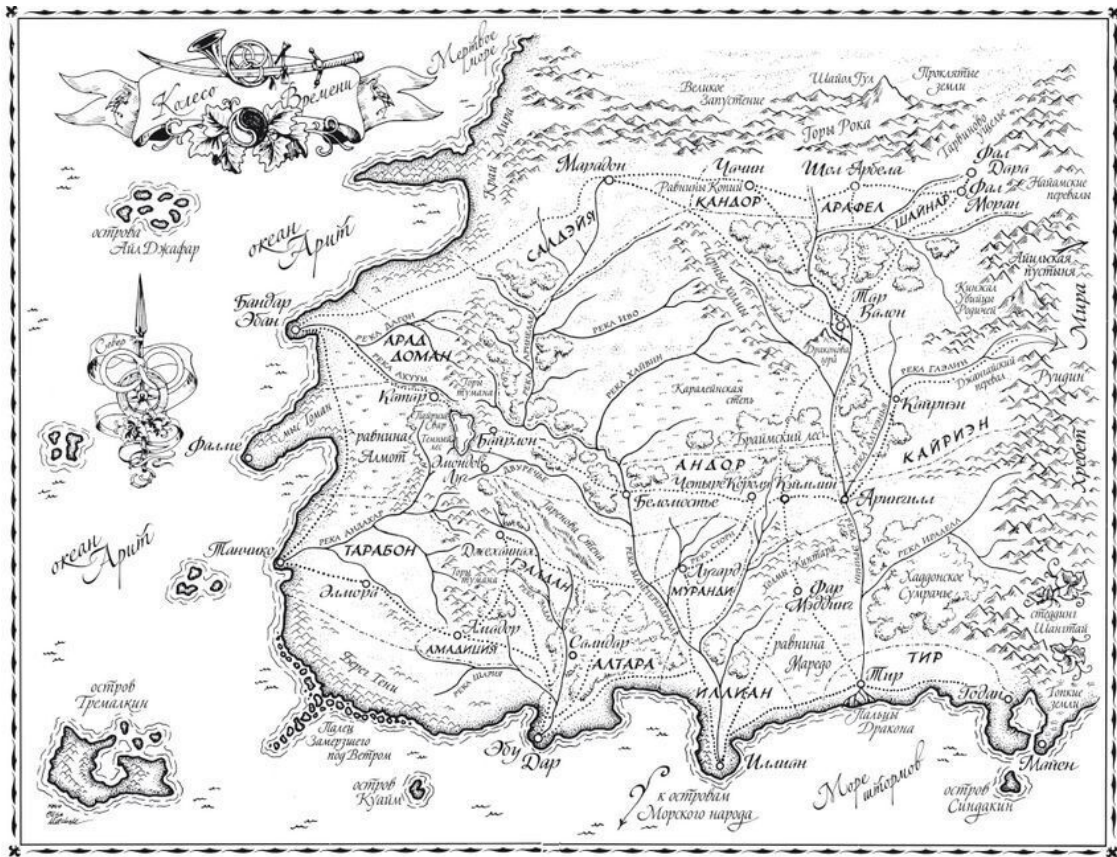
Перевод с английского Виталия Волковского

Издательство благодарит за помощь в работе над циклом «Колесо Времени» Бориса Германовича Малагина, Дмитрия Александровича Духина, а также всех участников сетевого

содружества «Цитадель Детей Света», способствовавших выходу в свет настоящего издания.

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 1998

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

Пролог Первая весть

Демандред ступил на черный склон Шайол Гул из прорехи в ткани реальности, и прореха тут же замкнулась. Мутные пепельно-серые облака нависали, затягивая небо – этот перевернутый низом вверх океан мертвенно-бледных волн, бившихся вокруг окутанного туманом скалистого пика. Над раскинувшейся внизу бесплодной долиной то и дело вспыхивали странные тускло-голубые и красные огни, но они не в силах были рассеять сумрак, скрывающий их источник. Молния, ударив *снизу*, пронзила облака, ей в ответ глухо послышался раскат грома. Трещины в скальной породе сочились дымом и паром. В некоторые из этих трещин едва удалось бы просунуть руку, зато другие могли бы поглотить и десяток человек.

Демандред расстался с Источником, и одновременно с уходом Единой Силы ушло обостренное восприятие реальности, позволявшее ощущать окружающее яснее и четче. Расставшись с *саидин*, он почувствовал себя опустошенным, но только глупец стал бы направлять Силу здесь. И конечно, только глупец мог желать видеть, слышать или осязать все отчетливее именно здесь.

Во времена, которые ныне именовали Эпохой легенд, это место было идиллическим островком в холодном море, излюбленным местом для тех, кто предпочитал простой, бесхитростный образ жизни. Даже теперь, несмотря на дым и на пар, здесь было очень холодно. Демандред не позволял себе ощущать холод, однако инстинкт побудил его поплотнее закутаться в подбитый мехом бархатный плащ. При дыхании изо рта его выходил серебристый пар и тут же исчезал в воздухе. В нескольких сотнях лиг к северу лежали вечные льды, но Такан’дар всегда пребывал безводным, словно пустыня, несмотря на вечную зиму, царившую в нем.

Нет, вода здесь была – чернильный ручеек тонкой струйкой стекал по скалистому склону неподалеку от сложенной из грубых серых камней кузницы. Внутри грохотали молоты, и с каждым ударом в узких окошках вспыхивал бледный свет. Одета в лохмотья женщина безвольно привалилась к шероховатой стене, прижимая к груди младенца. Долговязая исхудалая девочка зарылась лицом в ее юбки. Понятно было, что это пленницы, захваченные во время набега на Порубежье. Но пленных было мало. Надо думать, мурддраалы скрежетали зубами от ярости.

Их клинки по прошествии времени теряли свою силу. Мечи нужно было менять, а набеги в Пограничные земли становились все реже.

Из кузницы вышел грузный, тяжелый на подъем молотобоец, похожий на высеченную из скалы статую. Кузнецы не были живыми людьми, – оказавшись в отдалении от Шайол Гул, любой из них обратился бы в камень или рассыпался в прах. Да и ковать они умели только мечи. Этот держал в руках длинные клещи с зажатым в них клинком, уже закаленным и в лунном свете казавшимся льдисто-белым. Живой не живой, но погрузил он поблескивающий металл в темный поток с большой осторожностью. Малейшее прикосновение к этой воде могло покончить и с тем подобием жизни, что теплилась в нем. Когда он вытащил клинок из ручья, металл сделался абсолютно черным. Но работа над клинком еще не была закончена. Шаркающей походкой молотобоец вернулся в кузницу, и оттуда раздался отчаянный крик. Кричал мужчина.

– Нет! Нет! НЕТ!

Крик превратился в пронзительный вопль, который становился все глуше, будто некая сила гасила голос, унося его далеко отсюда. Меч был готов.

Снова появился кузнец – тот же, а возможно, другой – и рывком поставил женщину на ноги. Она, девочка и младенец разразились рыданиями, но он вырвал дитя из объятий матери и сунул девочке в руки. В женщине проснулась воля к сопротивлению – она отчаянно царапалась и отбивалась ногами, но молотобоец этого даже не заметил: с тем же успехом можно было пинать скалу. Крики женщины смолкли, как только он затащил ее внутрь. Снова загрохотали молоты, заглушая плач детей.

Один меч был готов, над другим шла работа, и два еще предстояло сковать. Демандред никогда прежде не видел очереди из пятидесяти пленников, это как минимум, готовых послужить Великому повелителю Тьмы. Да, уж точно мурддраалы скрежешут зубами!

– Ты медлишь, когда тебя призывает Великий повелитель? – Голос прозвучал словно шорох осенней листвы.

Демандред обернулся. Он хотел возмутиться тем, что Получеловек осмелился говорить с ним в подобном тоне, но слова возмущения замерли на его устах. И вовсе не из-за ледящего взгляда безглазого лица – взгляда, повергавшего в трепет любого смертного. Он, Демандред, давно забыл, что такое страх. Ошеломил его сам вид облаченного в черное существа. Обычно мурддраал, змееобразное подобие человека, не превосходил в высоту мужчину ростом чуть выше среднего, но у этого плечи возвышались над головой Демандреда.

– Я отведу тебя к Великому повелителю, – заявил мурддраал. – Я – Шайдар Харан.

Он повернулся и начал взбираться по склону, проворно, словно змея. Чернильно-черный плащ свисал с плеч неестественно прямо и не играл складками при движении.

Демандред поморщился. Сколько он помнил, Полулюдям всегда давали имена на троллоковой тарабарщине – язык, выговаривая, ломаешь. Но Шайдар Харан на древнем наречии означало «Рука Тьмы». Это было странно и непонятно, а такого Демандред не любил, особенно в Шайол Гул.

Проход внутри горы мог сойти за одну из многих каверн на склоне, но от него не исходило ни пара, ни дыма. В эту пещеру могли бы попасть одновременно сразу два человека, идущих плечом к плечу, но мурддраал шел впереди. Тоннель вел вниз, пол его был исхожен так, что казался отшлифованным вручную. По мере того как Демандред двигался под уклон, следуя за широкой спиной мурддраала, холод уступал место жаре, все нарастающей. Демандред ощущал это, хотя и не позволял жару себя коснуться. От каменных плит тоннеля исходил бледный свет, казавшийся ярким в сравнении с сумерками снаружи. С потолка свисали острые колющие зубья, готовые в любой момент разорвать врага. Их называли клыками Великого повелителя. Понятно, они были ненастоящими, но уничтожить могли реально.

Неожиданно для себя Демандред отметил некую странность. Всякий раз, когда ему прежде случалось проходить по этому тоннелю, острые зубья едва не царапали макушку. Но сейчас между головой шедшего впереди мурддраала и каменными клыками оставалось пространство в добрых две ладони. Демандреда это удивило. Удивило не то, что изменилась высота тоннеля, – здесь постоянно происходили самые невероятные вещи, – а то, что проход подделался под рост Получеловека. Великий повелитель намекал мурддраалу на свою благосклонность, словно тот был человеческим существом. Этот факт стоило взять на заметку.

Неожиданно тоннель вывел на широкий уступ над озером расплавленного камня. Черно-красная магма клокотала, выбрасывая танцующие языки пламени. Потолка у огромной пещеры не было, сквозь отверстие на вершине горы виднелось небо. Но это не было небо Такан'дара. В сравнении с этим даже такан'дарское, с его странными, трепещущими, будто от порывов ураганного ветра, бороздчатыми облаками, казалось обычным. Это место именовали Бездной Рока, хотя мало кто догадывался, сколь точно это название.

Даже после многочисленных посещений – а в первый раз он побывал здесь более трех тысячелетий назад – Демандред испытывал трепет. Здесь явно ощущался Проход, давным-давно проделанный в узилище, где с момента Творения был заточен Великий повелитель. Здесь, благодаря некой разреженности в Узоре, чувствовалось присутствие Великого повелителя, хотя в физическом смысле это место было ничуть не ближе к Проходу, чем любое другое в мире.

Демандред с трудом удержал улыбку. Какими все же глупцами должны быть те, кто пытается противиться Великому повелителю. Конечно, Проход все еще оставался запертым, но уже не так плотно, как в момент его пробуждения. Да, запертым, хотя он и увеличился по сравнению с тем, каким был, когда Демандред очнулся от долгого сна и вырвался из своего собственного узилища. Раньше, в конце Войны Силы, когда он и его соратники были заточены в Шайол Гул и Проход запечатали, он был больше. Но со времени пробуждения Демандред бывал здесь неоднократно и замечал, что с каждым разом Проход делается чуть шире. Скоро преграда падет и Великий повелитель вновь протянет свою длань над землей. Наступит День возвращения, и он, Демандред, станет вечным правителем мира. Разумеется, под верховенством Великого повелителя. И вместе с теми из Избранных, кому удастся к тому времени уцелеть.

– Теперь уходи, Получеловек. – Демандред не хотел, чтобы это существо видело, как его переполняет восторг. С болью одновременно.

Шайдар Харан не тронулся с места.

Демандред открыл было рот, но тут в его голове громом взорвался голос:

– ДЕМАНДРЕД.

Впрочем, назвать это голосом было все равно что гору – песчинкой. Громыхающий у него под черепом голос едва не сбил Демандреда с ног, наполнил его еще большим восторгом. Он упал на колени. Мурддраал встал рядом и бесстрастно смотрел на него, но Демандред едва ли замечал Получеловека – звучащий голос целиком завладел его разумом.

– ДЕМАНДРЕД, ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В МИРЕ?

Демандред понятия не имел, какими именно сведениями располагал Великий повелитель. Порой он поражал своей осведомленностью, иногда ошарашивал невежеством. Но сейчас Демандред точно знал, о чем желает услышать Великий повелитель.

– Равин мертв, Великий повелитель. Погиб вчера. – Восхищение сменилось болью. Руки и ноги Демандреда дрожали, он весь покрылся испариной. – Ланфир исчезла без следа, как и Асмодиан. А Грендаль говорит, что и Могидин не явилась на условленную встречу. И тоже вчера, Великий повелитель. Я не верю в случайные совпадения.

– РЯДЫ ИЗБРАННЫХ РЕДЕЮТ, ДЕМАНДРЕД. СЛАБЫЕ ОТПАДАЮТ. ПРЕДАВШИЕ МЕНЯ ВСТРЕТЯТ ОКОНЧАТЕЛЬНУЮ СМЕРТЬ. АСМОДИАН СЛОМЛЕН СВОЕЙ СЛАБОСТЬЮ. РАВИНА СГУБИЛА ЕГО ГОРДЫНЯ. ОН СЛУЖИЛ ХОРОШО, НО ДАЖЕ Я

НЕ МОГ УБЕРЕЧЬ ЕГО ОТ ПОГИБЕЛЬНОГО ОГНЯ. ДАЖЕ Я НЕ В СИЛАХ СТУПИТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ ВРЕМЕНИ. – На миг этот ужасный голос наполнился гневом и... неужели отчаянием?.. Но только на миг. – ЭТО СОВЕРШИЛ МОЙ ДРЕВНИЙ ВРАГ, ТОТ, КОТОРОГО НАЗЫВАЮТ ДРАКОНОМ. ТЫ ОСВОБОДИШЬ ПОГИБЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ, СЛУЖА МНЕ, ДЕМАНДРЕД?

Тот заколебался. Бусинки пота скользили по его щекам; казалось, прошел час. Во время Войны Силы погибельный огонь в течение года использовали обе стороны, пока не смекнули, к чему это может привести. И тогда его применять прекратили – безо всякого соглашения или перемирия: никакого перемирия и быть не могло, как не могло быть и пощады. Но даже за этот год погибельный огонь выжег не только целые города, но и сотни тысяч нитей из Узора, так что едва не распалась ткань реальности. Весь мир мог истаять, словно туман. Если разящий огонь будет применен снова, не останется мира, которым можно было бы управлять.

И еще одно встревожило Демандред. Великий повелитель знал, как умер Равин. Да и об Асмодиане, по-видимому, знал больше самого Демандред.

– Как ты прикажешь, Великий повелитель. – Возможно, его и трясло, но голос был тверд, как скала. Колени, обожженные горячими камнями, уже начали покрываться волдырями, однако Демандред не обращал на это внимания.

– ИТАК, ТЫ СДЕЛАЕШЬ ЭТО.

– Великий повелитель, Дракона можно уничтожить. – «Мертвец всяко не способен испускать погибельный огонь, а коли так, это, возможно, не потребует и Великому повелителю». – Он невежествен, слаб и кидается в разные стороны. Разбрасывается, не умея сосредоточиться на главном. Равин был тщеславным глупцом. Я...

– ХОЧЕШЬ ТЫ СТАТЬ НИ'БЛИСОМ?

У Демандред перехватило дыхание. Ни'блис имел право приказывать другим Избранным, оказываясь лишь ступенью ниже самого Великого повелителя.

– Я желаю лишь служить тебе всем, чем сумею, Великий повелитель.

Ни'блис!

– В ТАКОМ СЛУЧАЕ ВНИМАЙ И ПОВИНУЙСЯ. НЫНЕ ТЕБЕ ДАНО БУДЕТ ЗНАТЬ, КОМУ СУЖДЕНО ЖИТЬ, А КТО ОБРЕЧЕН НА ГИБЕЛЬ.

Когда Демандред осознал смысл услышанного, у него вырвался крик, и по щекам полились слезы радости.

Мурддраал за ним наблюдал бесстрастно.

– Хватит вам суетиться, – сказала раздраженно Найнив, перекинув через плечо свою длинную косу. – Толку-то от того, что вы хнычете, как маленькие девчонки?

За шатким столиком перед ней сидели две женщины. Обе они выглядели так же, как и сама Найнив, но были гораздо старше – самое меньшее лет на двадцать. Они были совершенно спокойны и уж точно не суетились. Наоборот, это Найнив нервничала из-за духоты и жары. Ей казалось, что в тесной камерке без окон уже не осталось воздуха. Она взмокла от пота, а этим женщинам хоть бы что. Лиане – высокая, меднокожая, в доманийского покроя платье из тончайшего голубого шелка – обладала, как видно, неистощимым запасом терпения, которого, возможно, недоставало Суан Санчей, хоть та и выглядела куда как крепче.

Вот и сейчас Суан что-то буркнула и раздраженно поправила юбку. Она отдавала предпочтением одежде простой и добротной, но сегодня утром была в платье из тонкого желтого полотна с тайренским шитьем по вырезу – и довольно глубокому. Ее голубые глаза казались холодными, как вода в бездонном колодце. Точнее, казались бы такими, если бы не изнуряющая жара. Впрочем, как бы ни менялись наряды Суан, взгляд ее не менялся никогда.

– Все равно не сработает, что так, что эдак, – отрезала Суан. Манера говорить у нее тоже осталась прежней. – Нельзя вернуть сгоревшую лодку. По мне, все это пустая трата времени. Но я обещала, так что поторопись. У нас с Лиане и без того дел по горло.

Суан и Лиане занимались тем, что просматривали донесения глаз-и-ушей – сети согла-датаев, поставлявших сведения для собравшихся в Салидаре Айз Седай, – сообщения и слухи о событиях в мире.

Найнив тоже разгладила свою юбку, стараясь успокоиться. На ней было платье из простой белой шерсти с семью цветными полосами по подолу – по одной в соответствии с каждой Айя. Платье принятой. Это одеяние раздражало Найнив – она не думала, что может так злиться из-за одежды. Однако она вынуждена была признаться – разумеется, только самой себе, – что успела привыкнуть к изысканным нарядам. Да, она лучше чувствовала бы себя в зеленом шелковом платье, которое лежало сейчас в узле. Но только потому, что оно тонкое и легкое, а не из-за того, что зеленый цвет нравился Лану. Вовсе не потому. Впрочем, все это пустые, бесплодные мечтания. Вздумай принятая надеть что-либо, кроме предписанного белого платья с семицветной каймой, ей бы очень быстро дали понять, что она еще далеко не Айз Седай. Найнив сосредоточилась и решительно выбросила все эти глупости из головы, – можно подумать, ей больше нечем заняться. А Лану еще нравилось и голубое. Нет!

Бережно и с опаской она прозондировала с помощью Силы сначала Суан, а потом Лиане. Собственно говоря, Силу Найнив сейчас вовсе не направляла. Она вообще была не способна даже почувствовать Истинный Источник, пока не разозлится как следует. И все же в конечном счете дело сводилось именно к *саидар* – женской составляющей Истинного Источника. Тончайшие потоки пронизывали обеих женщин. Свила их Найнив, но почерпнула из Источника не она.

На левом запястье Найнив красовался простой, но изящный, составленный из множества сегментов серебристый браслет. Он, да, был изготовлен из серебра, причем не совсем обычного, но не это важно. Браслет был единственным украшением, которое носила Найнив, если не считать кольца Великого Змея. Принятым не полагалось щеголять побрякушками. Серебристое ожерелье, под стать браслету Найнив, охватывало шею четвертой находящейся в комнате женщины. Она сидела на табурете возле стены, сложив руки на коленях. Одета в грубошерстное коричневое платье, какие носят жены фермеров, она и своим здоровым, цветущим видом походила на крестьянку и к тому же совсем не страдала от жары. Сидела женщина совершенно неподвижно, но ее темные глаза ничего не упускали из виду. Эту женщину окружало – разумеется, в глазах Найнив – свечение саидар. Черпала из Источника она, но Найнив полностью контролировала направляемую ею Силу. Браслет и ожерелье создавали между ними связь, подобную той, которую устанавливают Айз Седай, когда хотят объединить свою мощь. По словам Илэйн, это получалось с помощью каких-то «абсолютно идентичных матриц». Правда, более-менее вразумительного объяснения тому, что это за матрицы такие, Илэйн дать не могла. Найнив подозревала, что та только делает вид, будто понимает, в чем суть этой связи. Сама Найнив не понимала ничего и не собиралась притворяться. Просто она воспринимала каждый оттенок чувств этой женщины, ощущала ее всю, словно та угнездилась в дальнем уголке ее сознания. Она чувствовала, как цеплялась эта женщина за саидар, и полностью контролировала ее. Порой Найнив хотелось, чтобы эта сидящая на табурете женщина была мертва. Так, конечно, было бы много проще. Яснее.

– Как будто что-то порвано или обрезано, – пробормотала Найнив, рассеянно утирая с лица пот. Ощущение было смутным, едва уловимым, но сегодня она впервые почувствовала нечто отличное от пустоты. Впрочем, возможно, это ей просто почудилось – уж больно хотелось хоть что-нибудь уловить.

– Это отъединение, – произнесла сидящая на табурете женщина. – Так раньше называлось то, что теперь вы именуете укрощением для мужчин или усмирением для женщин.

Три головы обернулись к ней, три пары горящих гневом глаз. Суан и Лиане были Айз Седай, пока их не утомили, когда Элайда совершила в Белой Башне переворот, в результате которого и восседала теперь на Престоле Амерлин.

Усмирение. Одно это слово способно вызывать дрожь. Быть усмирённой означало никогда больше не направлять Силу, но всегда помнить об этой невозполнимой утрате. Ощущать Истинный Источник и знать, что тебе вовеки не коснуться его, – трудно представить горшую муку. Не коснуться никогда, ибо усмирение, как и смерть, Исцелению не поддавалось.

Во всяком случае, так полагали все – но не Найнив. Она верила в возможность Исцеления Единой Силой чего угодно, кроме, разумеется, смерти.

– Если можешь сказать что-нибудь путное, Мариган, – резко заявила Найнив, – выкладывай, а нет, так сиди и молчи!

Женщина вжалась в стену, съежилась, не сводя глаз с Найнив. Та чувствовала, как страх и ненависть Мариган захлестывают ее, будто перекатываясь через браслет. Впрочем, так было всегда, что и немудрено. Пленники редко испытывают любовь к тем, кто их пленил, особенно если знают, что заслуживают куда худшей участи, чем неволя. Найнив сердилась скорее из-за того, что и Мариган говорила, будто отъединение, или, по-нынешнему, усмирение, Исцелить невозможно. Правда, при этом она уверяла, будто в Эпоху легенд не умели Исцелять только смерть, тогда как теперь даже то, что умеют делать Желтые сестры, всего лишь грубое подражание истинному Целительству. Только вот толку от этих разговоров никакого, поскольку ничего конкретного Мариган не предлагала, даже малейшей подсказки дать не могла и в Исцелении понимала не больше, чем Найнив в кузнечном ремесле. Всякому известно, что металл надобно раскалить на огне да бить по нему молотом, но таких познаний не хватит даже для того, чтобы выковать простую подкову. Точно так же и общее представление о принципах Целительства еще не дает возможности залечить хотя бы простую ссадину.

Повернувшись на стуле, Найнив внимательно посмотрела на Суан и Лиане. Когда удавалось оторвать их от других занятий, на такого рода попытки уходили целые дни, но до сих пор все усилия ни к чему не привели. Неожиданно Найнив поймала себя на том, что вертит браслет на запястье. Какие бы преимущества ни давал браслет, ей было неприятно оставаться связанной с этой женщиной. От одной мысли о подобной близости мурашки пробегали по коже.

«Может, хоть так удастся что-нибудь выяснить, – подумала Найнив. – Хуже-то все равно не будет».

Она осторожно расстегнула браслет – застежку невозможно было найти, не зная, где та находится, – и протянула Суан:

– Надень!

Расставание с Силой, как всегда, несло с собой горечь, зато избавление от накатывавших через браслет враждебных чувств было подобно очищению души. Мариган смотрела на узенькую серебряную полоску как завороченная.

– Зачем? – удивилась Суан. – Ты ведь сама говорила, что эта штука работает только...

– Ты просто надень, вот и все.

Суан посмотрела на Найнив недовольно («Свет, подумать только, эта женщина так и не избавилась от своего упрямства!») и защелкнула браслет на запястье. В следующий миг на лице Суан появилось удивление, а затем она взглянула на Мариган, сузив глаза.

– Она ненавидит нас, но это я знала и раньше, безо всяких браслетов. А тут другое – страх и... потрясение. По лицу ее ничего не видно, но она потрясена до мозга костей. По-моему, она не верила, что я смогу воспользоваться этой вещью.

Мариган беспокойно шевельнулась. До сих пор только две знавшие ее женщины могли пользоваться браслетом. Если теперь их будет четыре, то возникнет больше возможностей задавать вопросы и получать ответы. Внешне Мариган демонстрировала полную готовность к

сотрудничеству, но сколько она при этом скрывала?.. Столько, сколько могла, – Найнив в этом не сомневалась.

Суан тяжело вздохнула и покачала головой:

– Я не могу. Ты ведь думала, что через нее мне удастся дотянуться до Источника? Нет, скорее кабан влезет на дуб. Меня утомили. Утомили – этим всё сказано! Как снимается эта штукавина? – Она принялась тереть браслет. – Как ее снять, пропади она пропадом?

Найнив мягко положила ладонь на запястье Суан:

– Неужели ты не понимаешь, что ни браслет, ни ожерелье не будут действовать, если надеть их на женщину, не способную иметь дело с Силой? Если я нацеплю браслет или ожерелье на какую-нибудь кухарку, для нее это будут всего-навсего побрякушки.

– Насчет кухарок я ничего не знаю и знать не хочу. А то, что я не могу направлять Силу, это я знаю. Меня утомили.

– Но у тебя есть нечто, что можно Исцелить, – настаивала Найнив. – Иначе ты просто ничего не почувствовала бы через браслет.

Суан отдернула руку и выставила запястье:

– Снимай!

Найнив кивнула и подчинилась. Суан часто бывала упрямой, словно мужчина!

Зато когда Найнив протянула браслет Лиане, та с готовностью подставила руку. Она, как и Суан, старалась не падать духом оттого, что усмирена, но ей это не всегда удавалось. Существовал, как считалось, единственный способ прожить подольше после усмирения – найти для себя нечто придающее жизни новый смысл, обрести цель и тем самым заполнить страшную пустоту, вызванную невозможностью прикоснуться к Источнику. Для Суан и Лиане таким делом стало, во-первых, управление сетью соглядатаев, во-вторых – что важнее, – старание убедить здешних Айз Седай в необходимости признать Ранда Драконом Возрожденным и поддерживать его. И сделать все так, чтобы ни одна Айз Седай не прознала, чего именно они добиваются. Горечь на лице Суан и радостное волнение, охватившее Лиане, когда браслет защелкнулся у нее на запястье, говорили о том, что всего этого едва ли достаточно, чтобы совладать с потерей.

– Так и есть! – воскликнула Лиане, надев браслет. Манера говорить у нее была резковатой, и слова она произносила отрывисто, хотя с мужчинами вела себя совсем по-другому, и неудивительно. Ведь родом Лиане была из Арад Домана, а в последнее время из всех сил старалась наверстать упущенное за годы, проведенные в Башне. – Она и впрямь ошарашена, иначе не скажешь. Но похоже, уже начинает с этим справляться.

Некоторое время Лиане сидела молча, рассматривая женщину на табурете. Мариган отвечала ей настороженным взглядом. Наконец Лиане пожалала плечами:

– Я тоже не могу коснуться Источника. И еще я пыталась заставить ее почувствовать на лодыжке блошинный укус. Ничего не вышло, ведь она не смогла бы этого скрыть.

Такова была одна из хитрых особенностей браслета. Он позволял вызывать любое ощущение – например, заставить женщину, которая носит ожерелье, почувствовать боль от раны или ожога. Настоящих травм не было, и следов никаких не оставалось, но ощущение было более чем реальным. Таким реальным, что убедить Мариган в предпочтительности сотрудничества не составило особого труда. Тем более что и выбор у нее был небогат – повиновение или скорый суд и неминуемая смерть.

Несмотря на неудачу, Лиане внимательно наблюдала за тем, как Найнив расстегивает браслет и вновь надевает его себе на запястье. Похоже, она не рассталась с надеждой в один прекрасный день снова обрести способность направлять Силу.

Надев браслет, Найнив ощутила радость обладания Силой. Конечно, это было не то же самое, как обнимать саидар один на один, но даже прикосновение к Источнику через другую женщину дарило чувство полноты жизни. Саидар, наполнявшая ее, вызывала чистый восторг,

почти неудержимое желание танцевать и смеяться. Когда-нибудь она привыкнет к этому, как и подобает настоящей Айз Седай. Но сейчас... пожалуй, связь с Мариган – не слишком высокая плата за столь восхитительное чувство.

– Теперь, когда мы знаем, что возможность есть, – сказала она, – я думаю...

Дверь распахнулась. Найнив поднялась с места, даже не успев понять, в чем дело, и не заметив, что Лиане и Суан тоже встали со стульев. Она ни звука не издала, у нее перехватило дыхание. Страх, водопадом хлынувший через браслет, смешался с ее собственным страхом.

Дощатая дверь закрылась. Вошедшая молодая женщина, похоже, не заметила даже, что ее появление вызвало такой переполох. Высокая, стройная, с золотистыми кудряшками, ниспадавшими ей на плечи, в обязательном для принятой белом платье с разноцветной каймой по подолу, она выглядела рассерженной до предела. Но, даже несмотря на капельки пота, покрывавшие искаженное от гнева лицо, она выглядела на удивление красивой. Илэйн ухитрилась сохранять привлекательность при любых обстоятельствах.

– Знаете, что они задумали? – выпалила она с порога. – Посылают посольство в Кэймлин. В Кэймлин! И не позволяют мне ехать! Шириам сказала, чтобы я даже не думала об этом. Даже не заикалась!

– Илэйн, неужто так трудно усвоить, что без стука входить нельзя? – Найнив села. Точнее сказать, рухнула на сиденье стула – испуг прошел, ноги ее уже не держали. – Я подумала, это Шириам.

При одной мысли о том, что могло случиться, узнай Шириам, чем они здесь занимаются, Найнив снова стало не по себе.

Илэйн, надо отдать ей должное, покраснела и извинилась, но тут же стала оправдываться:

– Я в толк не возьму, с чего вы так всполошились. Я видела там, за дверью, Бергитте, а вы прекрасно знаете, что она не даст чужаку приблизиться незамеченным. Найнив, они *обязаны* отпустить меня в Кэймлин.

– Ничем они тебе не обязаны, – резко оборвала ее Суан. И она, и Лиане уже сидели по своим стульям. Суан сидела как всегда прямо, Лиане, наоборот, обмякла; у нее, похоже, как у Найнив, ноги подкашивались. Мариган, тяжело дыша, откинулась к стене. Глаза ее были закрыты. Браслет попеременно посылал волны то ужаса, то облегчения.

– Но...

Суан не дала Илэйн продолжить:

– Неужели ты полагаешь, что Шириам – или любая другая на ее месте – допустит, чтобы дочь-наследница Андора оказалась во власти Дракона Возрожденного? Теперь, когда твоя мать мертва...

– Я в это не верю! – воскликнула Илэйн.

– Ты не веришь в то, что ее убил Ранд ал'Тор, – безжалостно продолжала Суан, – а это совсем другое дело. В такое я тоже не верю. Но будь Моргейз жива, она бы открыто признала Ранда Драконом Возрожденным. Или, сочти она его Лжедраконом, непременно оказала бы ему сопротивление. Но никто из моих глаз-и-ушей ни о чем подобном даже краем уха не слышал. Ни в Андоре, ни в Алтаре, ни в Муранди.

– А вот и нет, – встряла Илэйн. – На западе разгорелся мятеж.

– Мятеж против Моргейз. Против! Если это вообще не пустой слух. – Голос Суан звучал тускло и невыразительно. – Твоя мать мертва, девочка. Лучше тебе оплакать ее и смириться со случившимся.

Илэйн вскинула подбородок и заговорила с ледяным высокомерием. Была у нее такая не очень приятная привычка, впрочем не мешавшая большинству мужчин находить ее более чем привлекательной.

– Ты сама без конца жалуешься на то, что подолгу не получаешь известий от своих соглядатаев, – холодно заявила Илэйн. – Но сейчас я не буду говорить, насколько верны твои све-

дения. Дело вовсе не в этом. Жива моя мать или нет, все равно ныне мое место – в Кэймлине. Я – дочь-наследница.

Суан фыркнула так громко, что Найнив чуть не сорвалась с места.

– Ты давно уже стала принятой, Илэйн. Должна бы и сама понимать.

Илэйн поморщилась. Она обладала редкостными способностями в обращении с Силой – подобная природная мощь встречалась раз в тысячу лет. Превосходила ее только Найнив, но та еще не научилась направлять Силу по своему желанию, но при виде девушки с такими возможностями у любой Айз Седай загорался огонь в глазах. Оставить подобное дарование без внимания Башня не могла, и Илэйн действительно понимала, что, даже будь она королевой, восседающей на Львином троне, Айз Седай все равно нашли бы способ заставить Найнив учиться – попросив или уговорив, но, если потребуется, могли и применить силу. Илэйн хотела что-то сказать, но Суан продолжила, не обращая на нее внимания:

– По правде говоря, они ничего не имели бы против твоего скорейшего воцарения. Долгие века ни одна Айз Седай не восседала на королевском троне – во всяком случае, открыто. Но ты пока еще не стала полноправной сестрой. Да и когда станешь ею, тебя не сразу отпустят. Ты – дочь-наследница, и тебе предстоит стать королевой. Ты слишком важна. Прежде чем позволить тебе отправиться в Андор, они должны убедиться, что этому Дракону Возрожденному, чтоб ему провалиться, можно доверять. Что сомнительно, особенно после его затей с объявленной... амнистией.

Она криво усмехнулась, а Лиане поморщилась. Не по себе стало и Найнив. С детских лет ее приучили считать способных направлять Силу мужчин чудовищами. Ведь они обречены на безумие, которое заставит их повергать людей в ужас своими деяниями, прежде чем сами они погибнут в страшных мучениях. Порча, наведенная Темным на мужскую составляющую Истинного Источника, делала эту участь неизбежной. Но Ранд, которого она знала с малолетства, был Драконом Возрожденным. Само его появление на свет возвещало о приближении Последней битвы, в которой ему предстояло сразиться с Темным. Дракон Возрожденный – единственная надежда человечества, но он мужчина, и он способен направлять Силу. Хуже того, ходили слухи, что он задумал собрать вокруг себя и других обладающих подобными способностями мужчин. Правда, таких не могло оказаться много. Все Айз Седай выискивали их без устали – Красные сестры только этим и занимались, – но находили редко, гораздо реже, чем, если верить книгам, это случалось в прежние времена.

Илэйн между тем сдаваться не собиралась. Нрав у нее такой, что она и на эшафоте под топором палача упорствовала бы до последнего мгновения. Вздернув подбородок, она вызывающе смотрела в глаза Суан, а Найнив по опыту знала, как нелегко выдержать взгляд бывшей Амерлин.

– Ехать должна именно я, и на то есть две веские причины. Во-первых, что бы ни случилось с моей матерью, она пропала без вести, и, поскольку я – дочь-наследница, только я могу не допустить смуты, обеспечив законную преемственность власти. Во-вторых, я знаю, как подступиться к Ранду. Он мне доверяет. Для Совета было бы самым разумным остановить свой выбор на мне.

Здесь, в Салидаре, Айз Седай образовали собственный Совет Башни – Совет в изгнании. Предполагалось, что он займется выборами новой, законной Амерлин, которая сможет по праву оспорить притязания Элайды на этот титул. Правда, Найнив казалось, что они не проявляют в этом особого рвения.

– С твоей стороны было очень любезно предложить такую жертву, дитя мое, – язвительно заметила Лиане.

Выражение лица Илэйн не изменилось, но она густо покраснела. Мало кому за пределами этой комнаты было известно об отношениях Илэйн с Рандом, и, уж конечно, об этом не

догадывалась ни одна Айз Седай. Но Найнив не сомневалась: попади Илэйн в Кэймлин, она первым делом найдет способ уединиться с Рандом и полезет к нему с поцелуями.

– В сложившихся обстоятельствах, когда твоя мать... пропала... Пойми, если Ранд ал'Тор, уже захвативший Кэймлин, получит еще и тебя, весь Андор будет в его руках. А Совет сделает все, чтобы не позволить ему приобрести в Андоре больше влияния, чем имеют они. Да и где бы то ни было, не только в Андоре – если могут этого не допустить. Он и так уже наложил руку на Тир, Кайриэн и, кажется, на айильцев. Добавь сюда Андор, и вскорости Муранди и Алтара падут, стоит ему чихнуть. Алтара, где находимся мы! Его могущество растет слишком быстро, и в один прекрасный день он может решить, что вовсе в нас не нуждается. Ведь теперь, когда погибла Морейн, рядом с ним нет никого, кому мы можем доверять.

Услышав имя Морейн, Найнив вздрогнула и поморщилась. Морейн была той самой Айз Седай, которая вывезла ее из Двуречья, круто изменив всю ее жизнь. Ее, Ранда, Эгвейн, Мэта и Перрина. Найнив слишком уж долго мечтала заставить когда-нибудь Морейн заплатить за все, что та с ними сделала, поэтому гибель этой Айз Седай стала для нее равносильна утрате части самой себя. Но Морейн погибла в Кайриэне, погибла, прихватив с собой Ланфир. Она уже становилась легендой среди здешних сестер – единственная Айз Седай, которой удалось убить какого-то из Отрекшихся, а может, даже и двух. Одно, хоть об этом стыдно даже подумать, принесло Найнив облегчение. Со смертью Морейн Лан перестал быть ее Стражем. Теперь он свободен – вот только как его найти...

Суан продолжила свою речь, как только замолчала Лиане:

– Мы не можем позволить молодому человеку пускаться в плавание без руля и без ветрил. Кто знает, что он способен натворить? Да-да, я вижу, ты всегда стоишь за него горой, но я о такой ерунде и слышать не желаю. Девочка, мне приходится танцевать с живой щукой-серебрянкой на носу. С одной стороны, мы не можем позволить ему слишком окрепнуть, прежде чем он предпочтет действовать в согласии с нами, а с другой – не должны отталкивать или раздражать его. Я пытаюсь убедить Шириам и прочих в том, что ему *необходимо* оказать поддержку, в то время как добрая половина Совета считает самым разумным держаться от него подальше, а остальные в глубине души предпочли бы его укротить, хоть он и Дракон Возрожденный. И вообще, каковы бы ни были твои доводы, не советую соваться с ними к Шириам. Ей ты все равно ничего не докажешь, а сама неприятностей не оберешься. Послушниц у Тианы сейчас маловато, так что ей в самую пору заняться тобой.

Илэйн сердито поджала губы. Тиана Нозелль, Серая сестра, здесь, в Салидаре, исполняла обязанности наставницы послушниц. Принятой надо было совершить серьезный проступок, чтобы ее отправили для разбирательства к Тиане, но оттого наказание казалось еще более горьким и постыдным. Если по отношению к послушницам Тиана порой и выказывала некоторое – некоторое – снисхождение, то с принятых спрашивала в полной мере. Ни одной из них не хотелось оказаться в той маленькой комнатухе, которая служила кабинетом наставницы.

Найнив внимательно посмотрела на Суан, и вдруг ее осенило.

– Ты ведь все знала об этом... посольстве, или как его там... разве не так? Конечно, ведь вы обе всегда ладили с Шириам и ее компанией. – До избрания новой Амерлин верховная власть формально принадлежала Совету, но на деле всем заправляла кучка Айз Седай, первыми обосновавшимися в Салидаре. – Скольких они посылают в Кэймлин, Суан?

Илэйн ахнула: очевидно, такое ей даже в голову не приходило. Уже одно это показывало, насколько девушка огорчена. Обычно Илэйн бывала дальновиднее и догадливей Найнив.

Суан не стала ничего отрицать. С тех пор как ее усмирили, она могла лгать направо и налево, точно торговец шерстью, но если предпочитала играть в открытую, то обходилась без обиняков.

– Девятерых. «Вполне достаточно, чтобы оказать честь Дракону Возрожденному». Рыбий потрох! К *королю* и то редко посылают больше трех! «Но этого мало, чтобы его испугать». Если он узнал достаточно и имеет представление, чего нужно страшиться.

– Вам бы лучше надеяться, что он знает достаточно, – холодно вставила Илэйн. – Если нет, восемь из ваших девяти окажутся лишними.

Если Ранд узнал достаточно много, он должен опасаться тринадцати Айз Седай. Ранд был силен, возможно, как ни один мужчина со времен Разлома Мира, но тринадцать Айз Седай, соединившись, могли одолеть его, отрезать от саидин и пленить. Правила предписывали, чтобы укрощение мужчины осуществлялось тринадцатью сестрами. Правда, Найнив подозревала, что это скорее дань традиции, чем действительная потребность. Айз Седай многое делали только потому, что так повелось испокон веков.

Улыбка Суан стала язвительной.

– Надо же, девочка, какая ты умница. Полагаешь, ни Шириам, ни Совет об этом не подумали? Все предусмотрено. Сначала к нему приблизится только одна из посланниц, чтобы он не насторожился. Но он будет знать, что их прибыло девять, и кто-нибудь непременно объяснит, какая честь ему оказана.

– Понятно, – тихонько пробормотала Илэйн. – Мне следовало бы самой догадаться, что кто-нибудь из вас об этом подумает. Прошу прощения.

Эта черта, безусловно, относилась к достоинствам Илэйн. Девушка могла быть упряма, как мул, но, поняв, что не права, признавала это и извинялась, чем заметно отличалась от большинства знатных дам.

– Поедет и Мин, – сказала Лиане. – Ее... дарование может принести пользу Ранду, но сестры, разумеется, в это не посвящены. Она умеет хранить секреты. – Как будто это было важно.

– Понятно, – повторила Илэйн, на этот раз безжизненным тоном. Она постаралась заставить свой голос звучать не так мрачно, но ничуть в этом не преуспела. – Ну что ж, вижу, вы очень заняты с... с Мариган. Я не хотела вас беспокоить. Не буду вам мешать. – И не успела Найнив открыть рот, как девушка исчезла, громко захлопнув за собой дверь.

Найнив рассерженно обернулась к Лиане:

– Я-то думала, ты не такая, как Суан. Зачем ты ее огорчила? Это жестоко!

Ответила ей Суан:

– Если две женщины влюблены в одного мужчину, всяко добра не жди, а уж ежели этот мужчина – Ранд ал’Тор... Одному Свету ведомо, сохранил ли он рассудок и к чему эти девицы могут подтолкнуть его своими выходками. Если им придет охота оттащить друг дружку за волосы, пусть лучше займутся этим здесь и сейчас.

Найнив произвольно схватила за косу и тут же раздраженно отбросила ее за плечо.

– Мне надо бы... – начала она и осеклась. Беда в том, что ей все равно не под силу повлиять на ход событий. – Давайте продолжим с того, на чем остановились, когда вошла Илэйн. Но, Суан... если ты еще раз поступишь так с Илэйн, – «Или со мной», – добавила Найнив мысленно, – ты об этом пожалеешь. Э, куда это ты собралась?

Суан встала, оставив в сторону стул, и бросила взгляд на Лиане. Та тоже поднялась.

– У нас дела, – уклончиво ответила Суан, уже направляясь к двери.

– Но ведь ты обещала... – запротестовала Найнив. – И Шириам тебе говорила.

Если честно, Шириам считала все это пустой тратой времени не в меньшей степени, чем Суан, но полагала, что Найнив с Илэйн заслужили небольшую привилегию. Вроде того, чтобы дать им в услужение Мариган, тем более что тогда у обеих принятых останется больше времени на занятия.

Суан бросила на нее с порога лукавый взгляд:

– Шириам, говоришь? Так, может, ты ей на меня пожалуешься? А заодно растолкуешь, как именно ты проводишь свои исследования. Кстати, мне потребуется Мариган сегодня вечером. Хочу кое о чем расспросить ее.

Когда Суан вышла, Лиане грустно заметила:

– Все бы хорошо, Найнив, но прежде всего мы должны делать то, что в состоянии сделать. Попробуй заняться Логайном.

Потом ушла и она.

Найнив нахмурилась. Изучение Логайна дало ей еще меньше, чем работа с этими двумя женщинами, и она полагала, что едва ли сможет узнать с его помощью что-нибудь еще. К тому же ей меньше всего на свете хотелось Исцелять укрощенного мужчину. Один его вид ее раздражал.

– Вы бросаетесь друг на друга, как пауки в банке, – подала голос Мариган. – Судя по всему, шансы на успех у вас невелики. Может, тебе стоит подумать... о других вариантах?

– Попридержи свой гнусный язык! – рявкнула Найнив, бросив на нее свирепый взгляд. – Молчи, испепели тебя Свет!

Страх по-прежнему просачивался через браслет, но ощущалось и нечто иное, почти неуловимое. Возможно, проблеск надежды.

– Испепели тебя Свет! – повторила Найнив.

В действительности эту женщину звали не Мариган, а Могидин, и она была одной из Отрекшихся, попавшей в ловушку из-за своей непомерной гордыни и оказавшейся пленницей в окружении множества Айз Седай. Во всем мире правду о ней знали лишь пять женщин, и среди них не было ни одной Айз Седай. Приходилось скрывать, кто она такая, ибо преступления Отрекшейся были столь ужасны, что, выйди истина наружу, казнь ее оказалась бы столь же неотвратимой, как закат солнца. Суан согласилась хранить секрет именно потому, что понимала: на каждую сестру, готовую хотя бы повременить с наказанием, найдутся десять, которые станут требовать немедленного и справедливого возмездия. Но если оно осуществится, вместе с Отрекшейся уйдут в безымянную могилу бесценные знания Эпохи легенд, когда с помощью Силы люди умели совершать невероятное, такое, о чем сегодня даже и не мечтали. Правда, Найнив не верила и половине того, что рассказывала Могидин о той эпохе. А понимала еще меньше.

К тому же выудить из пленницы полезные сведения было не так-то просто. Взять, например, Целительство – в нем Могидин мало что смыслила, скорее всего, потому, что, как подозревала Найнив, и в прежние времена интересовалась лишь тем, что могло способствовать ее возвышению и что не заставляло ее прилагать много стараний. Да и вряд ли стоило рассчитывать, что она так прямо и выложит свои знания. Найнив полагала, что эта женщина была лживой и вероломной еще до того, как запрдала душу Темному. Порой Илэйн и Найнив просто не знали, с какого конца подступиться, какие задавать вопросы. Уклониться от ответов Могидин не могла, но сама, по доброй воле, ничего рассказывать не собиралась. Но пусть с трудом, по крупицам, выяснили они не так уж мало. Все эти сведения Найнив и Илэйн сообщали Айз Седай, но преподносили их как результаты собственных исследований. Немудрено, что их ценили и выделяли среди прочих принятых.

Возможно, Найнив и Илэйн предпочли бы не делиться новыми знаниями ни с кем, но Бергитте все было известно с самого начала, а потому пришлось рассказать и Суан с Лиане. Суан знала достаточно об обстоятельствах, повлекших за собой пленение Могидин, а потому имела основания требовать объяснений – и она их получила. Найнив и Илэйн были знакомы с некоторыми секретами Суан и Лиане, а те, в свою очередь, похоже, знали все тайны подруг, за исключением правды о Бергитте. Таким образом сложилось шаткое равновесие с некоторым перевесом в пользу Суан и Лиане. Кроме того, некоторые полученные от Могидин сведения касались возможных действий приспешников Темного и замыслов других Отрекшихся. Чтобы расстроить их козни, необходимо было предупредить Айз Седай, а существовал лишь один способ сделать это, не раскрыв себя, – представить дело так, будто все это разузнали лазутчики и соглядатаи Суан и Лиане. Но о Черной Айя, само существование которой было принято отрицать, ничего нового разузнать не удалось, а она-то интересовала Суан больше всего. Все

приспешники Темного внушали ей отвращение, но одна мысль о том, что поклясться в верности Тени могла Айз Седай, приводила Суан в ледяную ярость. Могидин клялась, что боялась и близко подходить к любой Айз Седай, и этому можно было поверить, ибо страх являлся частью самой сути этой женщины. Немудрено, что она вечно скрывалась в тени, за что и была прозвана Паучихой. Но, так или иначе, она являлась слишком ценной находкой, чтобы отдать ее палачу, хотя большинство Айз Седай с этим наверняка бы не согласились. Более того, многие едва ли согласились бы воспользоваться полученными знаниями, узнай они, каков их источник.

Вновь, уже в который раз, Найнив ощутила стыд и сомнение. Может ли знание, любое знание, оправдать укрывательство Отрекшейся от справедливой кары? Но пути назад не было. Если правда о Могидин выплывет наружу, то не только Найнив, но и всех причастных к этому делу – и Илэйн, и Суан, и Лиане – ждет суровое, может быть ужасное, наказание. Тайна Бергитте будет раскрыта, а с таким трудом добытые знания утрачены. Возможно, сама Могидин в Целительстве и не смыслила, но даже те отрывочные сведения, которые из нее удалось выудить, дали Найнив немало намеков на то, что вообще возможно. А сколько всего еще остается в голове пленницы? Какую пользу могли принести эти знания? Куда они в конце концов приведут Найнив? Что из давно забытого она смогла бы открыть?

Найнив захотелось как следует вымыться, причем вовсе не из-за жары.

– Поговорим-ка о погоде, – сказала она.

– О том, как управлять погодой, ты знаешь больше меня, – усталым голосом ответила Могидин, и отголосок этой усталости проскользнул через браслет. Расспросов на эту тему уже было предостаточно. – Одно могу сказать: то, что происходит сейчас, дело рук Великого... Темного. – У нее хватило самообладания заискивающе улыбнуться после своей оговорки. – И ни один человек не в силах это изменить.

Найнив потребовалось усилие, чтобы не заскрежетать зубами. Илэйн, понимающая в воздействии на погоду больше всех в Салидаре, говорила то же самое. Включая роль Темного, хотя об этом и дурак бы догадался. Откуда еще взяться такой жарнице, что реки пересыхают, тогда как пора бы уже и снегу выпасть.

– Коли так, поговорим о том, какие плетения используются для Исцеления различных недугов. – Могидин рассказывала, что раньше Исцеление занимало несколько больше времени, чем сейчас, но вся целительная сила черпалась непосредственно из Источника, не ослабляя ни Целительницу, ни больного. И конечно же, она твердила, что в некоторых видах Целительства мужчин превосходили Целительства женщин, но в такое Найнив верилось с трудом. – Ты наверняка хотя бы раз да видела, как это делается.

И она снова принялась выискивать самородки в куче пустой породы. Кое-что из услышанного и впрямь дорогого стоило, но Найнив не покидало ощущение, что она копается в отбросах.

Выйдя из комнаты, Илэйн не задержалась, лишь помахала рукой Бергитте и пошла дальше. Бергитте, золотистые волосы которой были причудливым образом заплетены в длинную, до пояса, косу, играла с двумя маленькими мальчиками, внимательно наблюдая при этом за узеньким переулком. Лук ее был прислонен к покосившемуся плетню. Точнее сказать, она не столько играла, сколько пыталась играть. Джарил и Сив только таращились на женщину в чудных желтых широченных шароварах и темной короткой куртке. Они так и не заговорили. Оба мальчугана считались детьми «Мариган». Бергитте любила возиться с ними, как и вообще играть с детьми, особенно с маленькими мальчиками, хотя эти игры всегда вызывали у нее легкую грусть. Илэйн знала ее чувства не хуже, чем свои собственные.

Если бы она была уверена, что детишек довела до такого состояния Могидин... Но та заверяла, что, когда подобрала на улице в Гэалдане сирот, которые требовались ей для маскировки, они уже были такими. Да и Желтые сестры считали, что ребятишки просто слишком

много пережили во время беспорядков в Самаре. В это Илэйн могла поверить, ибо и сама вспоминала увиденное там с содроганием. Еще Желтые сестры говорили, что малышам помогут время и ласка. Илэйн надеялась на это. И на то, что, укрывая Могидин, она не помогает мучительнице невинных детей избежать заслуженной кары.

Но сейчас ей было не до Могидин. Определенно не до нее. И о своей матери Илэйн не хотелось думать. Она не могла думать ни о чем другом, кроме как о Мин. И о Ранде. Должен же быть какой-то способ это уладить. Едва заметив ответный кивок Бергитте, она торопливо зашагала по переулку, направляясь к главной улице. Над головой нависал раскаленной жаровойней безоблачный небосвод.

Долгие годы Салидар был заброшен; но как только сюда стали стекаться не признавшие власти Элайды Айз Седай, все переменялось. На крышах появилась свежая солома, дома подлатали и подкрасили, а три самых больших каменных строения – постоянные дворы – были битком набиты. Самый большой из них прозвали Малой Башней, поскольку там заседал Совет. Разумеется, сделано было только самое необходимое – кое-где вставили треснутые стекла, а для большинства окон их и вовсе не нашлось. Хватало дел поважнее, чем выправлять старую кладку или красить заборы. Пыльные улочки были полны народу: Айз Седай, принятые в платья с семицветной каймой, Стражи,двигающиеся, независимо от роста и телосложения, со смертоносной грацией леопардов, слуги, следовавшие за Айз Седай из Башни, даже детишки. И воины.

Здесь Совет намеревался сразу же по избрании истинной, законной Амерлин добиться отстранения Элайды от власти. Если потребуется – силой. Сквозь гомон толпы с оклицы доносился звон молотов – там подковывали лошадей и латали доспехи.

По улице неспешно ехал мужчина с квадратным лицом и заметной сединой в темных волосах. Поверх колета из бычьей кожи на нем был стальной панцирь с вмятинами от ударов. Проталкиваясь сквозь толпу, он внимательно присматривался к марширующим небольшими группами воинам – копейщикам и лучникам. Гарет Брин согласился набрать для салидарского Совета войско и возглавить его. Зачем и почему – Илэйн могла только гадать. Она полагала, что здесь не обошлось без Суан и Лиане, хотя и не понимала, какова их роль. Брин относился к ним обеим, особенно к Суан, с явным пренебрежением. А их, похоже, привязывал к нему какой-то обет, но какой – Илэйн и представить себе не могла. Суан без конца сетовала на то, что ей, занятой столь важными делами, приходится прибираться в комнате Брина и чистить его одежду. Сетовала, но продолжала ему прислуживать. Надо полагать, обет был нешуточным.

Взгляд Брина скользнул по Илэйн, почти не задержавшись. Здесь, в Салидаре, он, хоть и был с ней любезен, держался холодно и отстраненно, несмотря на то что знал ее еще маленькой девочкой. Всего год назад он был капитан-генералом королевской гвардии Андора. Было время, когда Илэйн казалось, что он и ее мать поженятся. Но нет, она же решила сейчас не думать о матери! Прежде всего Мин. Надо найти Мин и поговорить с ней.

Но не успела она добраться до конца пыльной, запруженной людьми улочки, как ее перехватили две Айз Седай. Девушке пришлось остановиться и сделать реверанс, в то время как толпа, раздаваясь, обтекала их с обеих сторон. При виде Илэйн обе женщины просияли. Они совершенно не потели – ни одна, ни другая. Вытаскивая из рукава большой носовой платок, чтобы утереть лицо, Илэйн искренне сокрушалась из-за того, что не успела еще выучиться именно этому умению Айз Седай.

– Добрый день, Анайя Седай, Джания Седай.

– Добрый день, дитя мое. Ну, чем ты нас сегодня порадуешь? Есть что-нибудь новенькое? – Джания Френде говорила, как всегда, торопливо и сбивчиво. – У вас бывают такие чудесные находки, у тебя и у Найнив. Просто удивительные достижения, тем более для принятых. Понять не могу, как у Найнив такое получается, когда у нее такие трудности с Силой. Но прямо скажу, я восхищена.

В отличие от большинства Коричневых сестер, рассеянных и интересовавшихся только своими книгами и штудиями, Джания Седай выглядела аккуратной и собранной. Ее гладкое, лишенное признаков возраста лицо, какие отличали Айз Седай, долго имевших дело с Силой, обрамляли коротко стриженные и тщательно уложенные темные волосы. Но все же облик этой стройной женщины указывал на ее Аюя. На ней было добротное, но простое платье из серой шерсти. Чуждые всякого щегольства Коричневые сестры заботились лишь об удобстве, а не о красоте нарядов. Как и все они, Джания даже во время беседы задумчиво морщила лоб, словно мысли ее витали где-то далеко. Если бы не эта нахмуренность, ее можно было бы назвать хорошенькой.

– Взять хотя бы этот удивительный способ заворачиваться в кокон света и становиться невидимой! Потрясающе! Уверена, можно найти возможность избавиться от ряби и даже передвигаться невидимкой. А Каренна в полном восторге от придуманной Найнив хитрости с подслушиванием. Конечно, это нехорошо, зато очень, очень полезно. Каренна надеется, что в этом направлении удастся продвинуться дальше и научиться разговаривать на расстоянии. Подумать только! Разговаривать друг с другом на расстоянии мили. Или двух, или даже...

Анаия коснулась ее руки, и Джания осеклась.

– Ты делаешь большие успехи, Илэйн, – сдержанно произнесла Анаия. Всегда спокойное, грубовато-добродушное лицо придавало ей материнский – иначе не скажешь – облик, хотя, как и другие Айз Седай, она была напроочь лишена признаков возраста. Анаия принадлежала к тесному избранному кружку Шириам, который являлся реальной властью в Салидаре. – Даже большие, чем мы рассчитывали, а мы рассчитывали на многое. Впервые со времен Разлома удалось изготовить *тер'ангриал*. Замечательное достижение, дитя мое, и я хочу, чтобы ты это знала. Тебе есть чем гордиться.

Илэйн потупилась. Поблизости со смехом вертелись два мальчугана, ростом ей по пояс. Ей очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из прохожих услышал эти похвалы. Правда, никто не обращал на разговаривавших женщин особого внимания. Айз Седай в деревне было столько, что даже послушницы приседали в почтительных реверансах, лишь когда те к ним обращались. К тому же у всех было полно дел, которые требовалось закончить еще вчера.

Просто Илэйн отнюдь не испытывала гордости. Ведь все эти «открытия» были всего лишь крохами знания, которые удалось вытянуть из Могидин. Но было их немало, и очень ценных. Взять, например, особое, обращенное вовнутрь плетение, которое Могидин называла «инвертированием». Инвертированные потоки не мог видеть никто, кроме самой направляющей их женщины. Это позволяло маскировать способность направлять Силу – которую любая Айз Седай чувствовала в двух-трех шагах от наделенной таким даром женщины. Иначе Могидин была бы разоблачена в считанные часы. И если известно, как можно инвертировать плетения, то найдется и способ проникать сквозь них. А еще инвертированные плетения позволяли изменять внешность – именно таким образом Могидин превратилась в совершенно непохожую на нее «Мариган».

Некоторые умения Могидин не вызывали у Илэйн ничего, кроме отвращения. Например, Принуждение – способ навязывать людям свою волю или внедрять в сознание приказы, которые безоговорочно выполнялись, после чего подвергшиеся этой процедуре начисто обо всем забывали. Илэйн полагала, что это гадко. Гадко и слишком опасно, чтобы такое умение можно было кому-либо доверить. Правда, Найнив говорила, что этому не худо выучиться, чтобы иметь возможность противостоять подобному воздействию, но Илэйн не хотела. У них и без того было слишком много тайн, и слишком часто им приходилось лгать даже друзьям. Илэйн почти желала принести Три Клятвы с Клятвенным жезлом в руках, не дожидаясь возведения в ранг Айз Седай. Один из этих обетов, преступить который не могла ни одна сестра, ибо он становился частью ее сути, не позволял Айз Седай лгать ни при каких обстоятельствах.

– Думаю, мне следовало бы побольше поработать над тем тер'ангриалом и сделать его получше, Анайя Седай.

Во всяком случае, это было ее собственной заслугой. Правда, первый изготовленный тер'ангриал – устройство, состоящее из браслета и ожерелья, – существование которого хранилось в строжайшей тайне, представлял собой всего лишь несколько видоизмененную копию мерзкого шончанского изобретения, называвшегося *ай'дам*, которое осталось после того, как вторгшиеся захватчики бежали в море после битвы при Фалме. Зато плоский зеленый диск, позволявший становиться невидимой женщине, не обладавшей достаточной мощью, чтобы оборачиваться в свет без этого приспособления, – а таких набралось бы не так много, – был придуман самой Илэйн. У нее не было *ангриала* или *са'ангриала*, чтобы изучить и попробовать изготовить один из них. Но, еще пытаясь скопировать шончанское устройство, она поняла, что тер'ангриалы не так просты, как казалось поначалу. Они не увеличивают мощь направляющей Силу женщины, но лишь позволяют использовать Силу, причем строго определенным способом. Каждое такое устройство создано для особой цели. Некоторыми тер'ангриалами могли пользоваться женщины, вовсе не способные направлять Силу, и даже мужчины. Лучше бы они, тер'ангриалы, были попроще. Не в пользовании – пользоваться ими, как правило, совсем несложно, – а в изготовлении.

Скромное утверждение Илэйн вызвало бурный протест со стороны Джании:

– Глупости, дитя мое. Полная чепуха! Ничуть не сомневаюсь: как только мы вернемся в Башню, ты пройдешь положенное испытание, принесешь обеты с Клятвенным жезлом в руке и получишь шаль и кольцо. Никаких сомнений. Уж ты-то всяко оправдываешь оказанное тебе доверие, с этим не поспоришь. Даже более того. Никто не ожидал...

Анайя предостерегающе коснулась ее руки, и Джания снова осеклась и заморгала.

– Перестань забивать девочке голову, – сказала Анайя и повернулась к Илэйн. – Дитя мое, – проговорила она решительно, но по-матерински мягко, – нечего кукситься, пора бы тебе уже повзрослеть. Ты добилась очевидных успехов, и не стоит сокрушаться из-за нескольких мелких неудач. – (В случае с тем каменным диском Илэйн испытывала его пять раз. Две попытки не дали ничего, в результате двух других ее фигура стала лишь немного размытой, да вдобавок они еще и вызвали болезненные ощущения в желудке и тошноту. И лишь одна, третья по счету, оказалась вполне успешной. Илэйн была не склонна считать эти неудачи мелкими.) – Вы все делаете замечательно, и ты, и Найнив.

– Спасибо, – сказала Илэйн. – Большое спасибо за добрые слова. Я постараюсь не кукситься. – Илэйн за собой такого не замечала, но с Айз Седай лучше не спорить. – Прошу прощения, Анайя Седай, Джания Седай. Сегодня отбывает посольство в Кэймлин, и мне хотелось бы попрощаться с Мин.

Они не стали ее задерживать, хотя, наверное, не будь Анайи, Джания проболтала бы еще с полчаса. Анайя пристально посмотрела на Илэйн – ей наверняка известно о разговоре девушки с Шириам, – но промолчала. Правда, молчание Айз Седай порой красноречивее любых слов.

Повертев кольцо на третьем пальце левой руки, Илэйн припустила чуть ли не бегом, глядя только перед собой, что позволяло ей якобы не замечать встречных, в том числе и сестер, которые могли остановить ее, чтобы в очередной раз поздравить с успехом. Конечно, это могло кончиться и отправкой к Тиане – хорошая работа еще не давала принятой права вести себя, как ей вздумается, – но в настоящее время Илэйн, пожалуй, предпочла бы выволочку от Тианы незаслуженным похвалам.

Золотое кольцо было выполнено в виде змея, кусающего собственный хвост. Кольцо Великого Змея, символ Айз Седай, какие носили не только полноправные сестры, но и принятые. Когда она наденет шаль с бахромой цвета избранной Айя, ей будет позволено носить кольцо на любом пальце. Выбор же для нее был однозначен. Она собиралась стать Зеленой сестрой, ибо только Зеленые имели больше чем одного Стража. А она хотела заполучить

Ранда. Заполучить всего – или настолько, насколько сможет. Трудность заключалась в том, что Илэйн уже была связана с Бергитте, первой женщиной, ставшей Стражем. Именно потому она улавливала чувства и настроение Бергитте, знала даже, что та утром занозила руку. Об этой связи было известно только Найнив. Иметь Стражей могли лишь Айз Седай. Установление такой связи принятой было неслыханным проступком, и никакие поблажки не спасут ее шкуры. Илэйн пошла на такой шаг не из прихоти, а по необходимости – иначе Бергитте грозила смерть, – но девушка сомневалась, что это обстоятельство было бы принято Айз Седай во внимание. Нарушать правила обращения с Силой опасно не только для нарушительницы, но и для окружающих, и Айз Седай такого рода проступки редко оставляли без последствий, независимо от побудительных мотивов.

Впрочем, здесь, в Салидаре, все было крайне запутано. Это касалось не только тайны Бергитте и Могидин. Скрытничали и сами Айз Седай. Одна из Клятв не позволяла им лгать, но о многом они просто умалчивали. Так, Морейн умела облачаться в плащ невидимости, – возможно, она делала это тем же способом, какому девушки научились от Могидин. Найнив однажды видела, как Морейн проделала подобный трюк, когда сама еще понятия не имела о Силе. Но здесь, в Салидаре, ни одна сестра ничего похожего не умела. Или не признавалась, что умеет. Бергитте подтвердила то, о чем Илэйн начала уже догадываться и сама: большинство Айз Седай, а может и все, утаивали друг от друга часть своих знаний и умений. Послушниц и принятых обучали лишь тому, что было достоянием многих, а тайное знание порой умирало вместе с его обладательницей. Пару-тройку раз Илэйн показалось, что она заметила странный блеск в глазах некоторых сестер, когда демонстрировала свои достижения. Каренна освоила новый способ подслушивания с подозрительной быстротой и легкостью. Но едва ли принятая могла выдвинуть против Айз Седай обвинение такого рода.

Разумеется, то, что сестры ловчили, не значило, что сама Илэйн поступала всегда совершенно правильно, но все же это несколько помогало. И еще о многом была необходимость помнить. Однако было бы еще легче, перестань они расточать ей незаслуженные похвалы.

Илэйн не сомневалась, что знает, где найти Мин. В трех милях к западу от Салидара протекала река Элдар, в которую впадал струившийся по окраине селения, ставшего уже, пожалуй, городком, и пересекавший ближайший лесок ручей. Когда в Салидар начали прибывать Айз Седай, почти все деревья в округе вырубали, и лишь у самой воды осталась узенькая полоска леса. Мин, хотя и твердила, что предпочитает городскую жизнь, частенько сжививала под этими деревьями, поскольку только так могла избавиться от крайне нежелательного для нее общества Айз Седай и Стражей.

И само собой, когда Илэйн, обогнув последний каменный дом, ступила под деревья и пошла вдоль ручья, она вскоре наткнулась на Мин. Та сидела, прислонившись спиной к дереву, и смотрела на журчащий, перетекавший через камушки поток. Ручеек, точнее то, что от него осталось, протекал по ложу из сухой глины раза в два шире его самого. Здесь на ветвях еще сохранялась пожухлая листва, хотя повсюду окрест облетели даже дубы.

Под ногой Илэйн хрустнула сухая веточка, и Мин вскочила на ноги. Как обычно, она была в штанах и сером мальчишеском кафтанчике, только вот по отворотам, как и вдоль боковых швов плотно облегающих стройные ноги штанин, были вышиты голубые цветочки. Странное дело, Мин утверждала, что ее вырастили три тетки-белошвейки, но сама она, похоже, не знала, с какого конца за иголку взяться. Девушка бросила взгляд на Илэйн, поморщилась и запустила пальцы в отросшие до плеч темные волосы.

– Ты уже знаешь, – только и сказала она.

– Я решила, что нам нужно поговорить.

Мин почесала голову:

– Суан сказала мне только сегодня утром. Я все никак не могла собраться с духом и рассказать тебе. Она хочет, чтобы я шпионила за ним, Илэйн. Шпионила и сообщала ей. Пред-

ставляешь, дала мне имена своих доверенных людей в Кэймлине, чтобы я передавала через них донесения.

– Ты не станешь этого делать, – промолвила Илэйн без тени сомнения или намека на вопрос, и Мин посмотрела на нее с благодарностью. – Но почему ты боялась подойти ко мне? Ведь мы подруги. И обещали друг дружке, что мужчина никогда не встанет между нами, пусть даже мы обе его любим.

Мин хрипловато рассмеялась. Илэйн подумалось, что мужчинам такой смех, наверное, нравится. К тому же Мин прехорошенькая, похожа на озорного мальчишку. Пожалуй, она чутьчку постарше Илэйн, но кто знает, хорошо это или плохо?

– Ох, Илэйн, мы дали друг дружке слово, когда он был так далеко. Потерять тебя для меня все равно что лишиться сестры, но что, если одна из нас передумает?

Кто именно может передумать, лучше не спрашивать. Илэйн старалась выкинуть из головы мысль о том, что если спеленать Мин с помощью Силы, заткнуть ей рот кляпом и инвертировать потоки, то ее можно будет спрятать и продержат где-нибудь в подвале, пока не уедет посольство.

– Нет, этого не будет, – коротко сказала она. Поступить так с Мин она не могла. Ей очень хотелось заполучить Ранда, но не такой ценой. У Илэйн возникло желание просто попросить Мин не ехать, раз уж они не могут отправиться вместе, но вместо этого она спросила: – Гарет Брин собирается освободить тебя от клятвы?

На сей раз Мин рассмеялась еще более хрипло и отрывисто:

– Как бы не так! Он сказал, что рано или поздно еще заставит меня все отработать. Но на самом деле он хочет попридержать только Суан, уж Свет знает зачем.

При этих словах Мин слегка поморщилась, и это навело Илэйн на мысль, что тут не обошлось без видений, но расспрашивать она не стала. Сама же Мин никогда не говорила о видениях с теми, кого они не касались напрямую.

Она обладала редкостным даром, о чем в Салидаре мало кому было известно. Знали об этом только Илэйн, Найнив, Суан и Лиане. Даже Бергитте не знала. Правда, и Мин не знала ни о Бергитте, ни о Могидин. Секретов вокруг было полно, но своим Мин не смогла бы поделиться ни с кем, даже пожелай она этого. Порой у нее бывали видения – перед ней представляли некие образы или окружавшие людей ауры. Иногда их значение так и оставалось загадкой, но порой девушка, неизвестно почему, точно знала, что они предвещают. В таких случаях Мин не ошибалась никогда: если, например, она говорила, что мужчина и женщина пожениются, так оно рано или поздно и выходило, пусть даже сейчас они друг друга терпеть не могли. Лиане именovala эту способность «чтением Узора», однако дар Мин не имел никакого отношения к Силе, и в чем его суть, никто толком не понимал. У большинства людей подобные образы и ауры если и появлялись, то изредка, но Айз Седай и Стражи были окружены ими постоянно. Потому-то Мин и старалась избегать их общества.

– Ты передашь Ранду письмо от меня? – спросила Илэйн.

– Конечно. – Мин отозвалась так быстро и лицо ее было таким открытым, что Илэйн смутилась. Сама-то она на месте Мин, наверное, не согласилась бы.

– Мин, – пробормотала Илэйн. – Не говори ему ничего о своих видениях. Я имею в виду те, что касаются нас. – Некогда Мин привиделось, что в Ранда будут безнадежно влюблены три женщины и всем им суждено быть связанными с ним вечно. Одной из них была сама Мин. Второй – Илэйн. – Если он узнает о видениях, то может, чего доброго, подумать, что дело не в наших желаниях и чувствах, а в том, что так свился Узор, или в том, что он *та'верен*. Вдруг ему вздумается проявить благородство и спасти нас, не подпустив к себе ни одну из нас.

– Все возможно, – неуверенно отозвалась Мин. – Мужчины – они странные. Если он решит, что стоит ему поманить нас пальцем, – и мы побежим, то, пожалуй, он так и сделает. Случалось мне видеть такое. Думаю, это все из-за того, что у них на лице волосы растут. – Вид

у Мин был такой задумчивый, что Илэйн так и не поняла, всерьез говорит подруга или шутит. Вроде бы Мин немало знала о мужчинах, ведь она рассказывала, что долго работала в конюшне, потому как любит лошадей. Правда, в другой раз она помянула, что прежде прислуживала в таверне. – В любом случае я ничего не скажу. Возможно, нам с тобой придется разделить его, как пирог. Да еще и оставить корочки третьей, коли она объявится.

– Мин, что ты собираешься делать?

Илэйн не хотела спрашивать и уж тем более не хотела, чтобы ее голос звучал так жалобно, но это вышло само собой. С одной стороны, ей хотелось верить, что она ни за что не побежит, помани ее Ранд пальцем, а с другой – что он непременно ее поманит. С одной стороны, ей хотелось сказать, что делить Ранда она ни с кем и никогда не станет, даже с подругой, и пусть Мин со своими видениями канет в Бездну Рока, а с другой – просто надавать Ранду по ушам за то, что он сделал с ними обеими. А поскольку она сама понимала, что все это ребячество, ей вдобавок хотелось еще и зарыться головой в песок. Как еще разобраться в своих чувствах?

Совладав с дрожью в голосе, Илэйн, прежде чем Мин успела откликнуться, сама ответила на свой вопрос:

– Что ты и я... что мы с тобой сейчас сделаем, так это посидим и поговорим по душам. – Подбирая слова, она одновременно подыскала место, где сухие опавшие листья лежали особенно плотным слоем, да поближе к дереву – чтобы привалиться спиной. – Поговорим, но только не о Ранде. Я буду скучать по тебе, Мин. Ведь так хорошо иметь подругу, которой можно довериться.

Мин уселась рядом с Илэйн, скрестив ноги. Она рассеянно выковыривала из земли камушки и бросала их в ручей.

– Найнив тоже твоя подруга. Ты ей доверяешь. Да и Бергитте, с ней ты проводишь даже больше времени, чем с Найнив. – Лоб девушки пересекла легкая морщинка. – Неужто она и вправду считает себя той Бергитте, героиней легенд? Чего ради она отрастила такую косу и таскается повсюду с луком, точь-в-точь как в преданиях? Не могу поверить, что это ее настоящее имя.

– Ее в самом деле так зовут, – осторожно возразила Илэйн. В каком-то смысле рассуждения Мин были верны. Но лучше направить разговор в другое русло. – А Найнив все никак не может решить, подруга я ей или та, кого она должна заставить делать то, что она полагает правильным. И знаешь ли, еще ей не удастся забыть, что я дочь ее королевы, и порой она поминает об этом в пику мне. Ты – совсем другое дело.

– Может, потому, что меня это особо не впечатляет, – заметила Мин с усмешкой, хотя глаза ее оставались серьезными. – Я-то ведь, Илэйн, родилась в Горах тумана, на рудных копиях. В эдакую глушь указы твоей матушки почитай что и не доходят. – Усмешка исчезла. – Прости, Илэйн.

Та с трудом подавила вспыхнувшее раздражение, – в конце концов, Мин точно такая же подданная Львиного трона, как и Найнив.

Откинув голову к стволу дерева, она сказала:

– Давай поговорим о чем-нибудь хорошем.

Даже сквозь густое кружево ветвей у них над головами нещадно пекло солнце. На небе не было ни облачка. Илэйн произвольно окунулась в саидар – каждая капля ее сущности исполнилась радостью жизни и полнотой бытия. «Вот, – загадала она, – если мне удастся сотворить хоть одно малюсенькое облачко, все будет хорошо. Выяснится, что матушка жива. Ранд меня полюбит, ну а с Могидин... разберутся – так или иначе». Илэйн сплела тончайшую паутину Воздуха и Воды и затянула ею небосвод, пытаясь отыскать влагу. Вот-вот, казалось ей, стоит еще чуточку поднатужиться, и все получится. Сладость обладания Силой быстро переросла в боль. Опасный знак – зачерпни она еще немного, и этот поток погубит ее. А ведь ей всего-то и надо было, что крохотное облачко.

– О хорошем? – переспросила Мин. – Ну-ну. Вижу, ты не расположена говорить о Ранде, но, как ни толкуй, важнее его нет никого на свете. Отрекшиеся и те падают замертво при одном его появлении. Целые страны уже склонились к его ногам. И здешние Айз Седай намерены его поддержать, я знаю. Деваться-то им все одно некуда. А потом и Элайда передаст ему Башню. Для него Последняя битва все одно что прогулочка. Он всегда побеждает, Илэйн. А значит, и мы.

Илэйн отпустила Источник и уставилась на небо, столь же опустошенное, как и ее душа. Нет нужды уметь направлять Силу, чтобы понять – здесь не обошлось без Темного. А если он способен касаться мира с такой силой, да что там, если он вообще может касаться мира...

– Неужели? – спросила она сама себя, но так тихо, что этого не расслышала даже Мин.

Здание манора еще оставалось недостроенным, даже высокие деревянные панели в большом зале не успели покрасить, но леди Фэйли ни Башир т'Айбара каждый день устраивала прием, как и подобает жене лорда. Она восседала в массивном кресле с высокой, украшенной резными фигурками соколов спинкой, стоявшем возле сложенного из необработанного камня камина. В другом конце зала, напротив, словно зеркальное отражение первого, находился точно такой же камин. Рядом с креслом Фэйли стояло другое – украшенное резьбой в виде волков, высокую спинку которого увенчивала большая волчья голова. Пустовавшее кресло предназначалось для ее мужа, Перрина т'Башира Айбара, Перрина Златоокого, лорда Двуречья.

Правда, манор был разве что малость побольше обычного фермерского дома, да и зал имел всего шагов пятнадцать в длину, но Перрин поначалу и об этом-то слышать не хотел – зачем, мол, ему такая хоромина? Он никак не мог отвыкнуть думать о себе как о простом кузнеце, даже как о подручном кузнеца, как и привыкнуть к тому, что жену его при рождении назвали Заринэ, а не Фэйли. Экая важность! Заринэ – подходящее имя для изнеженной дамы, томно вздыхающей над воспевающими ее улыбку стихами. Фэйли, что на древнем наречии означает «сокол», девушка назвалась сама, когда принесла клятву охотницы за Рогом Валир. Присмотревшись к ее лицу с рельефным носом, высокими скулами и раскосыми темными глазами, метавшими молнии, когда она сердилась, никто не усомнился бы, что это имя соответствует ей наилучшим образом. Что же до всего остального, все зависит от намерений. Так же, как и что считать хорошим, а что плохим.

Сейчас глаза Фэйли метали молнии. На этот раз гнев молодой женщины был вызван не упрямством ее мужа и даже не поразительной для этого времени года жарой, хотя, по правде сказать, тщетные попытки добиться хотя бы иллюзии прохлады, обмахивая вспотевшее лицо веером из фазаньих перьев, настроение не поднимали.

Давно минул полдень, почти все просители были уже отпущены, и ожидавших приема у Фэйли осталось не так уж много. В сущности, все эти посетители пришли к Перрину, но сама мысль о том, чтобы судить и наставлять людей, среди которых он вырос, приводила новоявленного лорда в ужас. Если только Фэйли не удавалось загнать его в угол, он, когда приближалось время ежедневной аудиенции, исчезал, словно волк в чашобе. К счастью, его земляки не возражали, если вместо лорда Перрина их принимала и выслушивала леди Фэйли. Впрочем, некоторые, возможно, и возражали, но у них хватало ума держать свои возражения при себе.

– И с этим вы пришли ко мне? – Голос Фэйли звучал холодно и сурово.

Две женщины, стоявшие перед креслом, потели и переминались с ноги на ногу, смущенно опустив взгляды на гладкие половицы.

Доманийское платье, закрытое, с высоким воротом, но облегающее и тонкое, почти не скрывало соблазнительных округлостей меднокожей Шармад Зеффар. Сшитое из светло-золотистого полупрозрачного шелка, оно изрядно потерлось, пообтрепалось по краям, да и некоторые мелкие пятна дорожной грязи уже невозможно отстирать; но шелк есть шелк, а в здешних

краях он редкость. Патрули, посылавшиеся в Горы тумана на поиски троллоков, уцелевших после событий минувшего лета, находили немного этих звероподобных тварей, а мурддраалов – благодарение Свету – не встречали вовсе, зато то и дело натыкались на беженцев. Подбирали десятерых там, два десятка здесь, пятерых еще где-то, и все они оседали в Двуречье. В большинстве своем то были выходцы с равнины Алмот, но некоторые бежали из Тарабона или, как Шармад, из Арад Домана. Всех их заставили бросить свои дома раздоры, мятежи и войны. Фэйли даже думать боялась о том, сколько несчастных погибло в пути, так и не добравшись до Двуречья. Блуждать в горах, где нет ни дорог, ни даже троп, опасно даже в лучшие времена, а о нынешних и говорить нечего.

Реа Авин беженкой не была, хотя и носила платье тарабонского покроя из тонкой серой шерсти. Ниспадающее мягкими складками, оно подчеркивало достоинства фигуры почти так же, как и доманийский наряд. Сумевшие перебраться через горы принесли с собой не только тревожные слухи, но и невиданные ранее в Двуречье навыки и умения. А работы на разоренных троллоками фермах и в опустошенных деревнях хватало. Реа, хорошенькая круглолицая женщина, была здешней, родилась не далее чем в паре миль от того места, где нынче находился манор. Темные волосы она заплетала в толстую и длинную, до пояса, косу. В Двуречье девушкам разрешалось носить косы лишь после того, как Круг женщин признавал их достаточно взрослыми, чтобы выйти замуж. Это право можно было получить и в пятнадцать лет, и в тридцать, но обычно девушки добивались его годам к двадцати. Реа заплела косу четыре года назад и была лет на пять старше Фэйли, но сейчас казалась смущенной девчонкой. Она поняла: то, что казалось ей превосходной идеей, в действительности обернулось величайшей глупостью, какую только можно отчудить. А Шармад, бывшая на пару лет постарше, выглядела пристыженной еще сильнее; для доманийки оказаться в подобной ситуации было, наверное, унижительно. Фэйли же больше всего хотелось отшлепать обеих. Очень жаль, что леди не может позволить себе такую выходку.

– Мужчина, – произнесла Фэйли, стараясь придать невозмутимость своему тону, – не лошадь и не поле. Он не может быть чьей-то собственностью. И как вам только в голову пришло спрашивать меня, которая из вас имеет на него право? – Она тяжело вздохнула. – Будь у меня основания считать, будто Вил ал'Син завлек вас обманом, я еще могла бы что-то предпринять, а так...

Вил, ясное дело, обхаживал обеих, но и они завлекали его напропалую – парень-то он видный. И он не давал ни одной из них никаких обещаний. Шармад готова была от стыда провалиться сквозь землю, ведь доманийские женщины славились умением кружить мужчинам головы, а не сходить по ним с ума.

– Итак, вы поступите следующим образом: отправитесь к Мудрой и все, без утайки, расскажете ей, – решила Фэйли. – Она разберется. Надеюсь, вы побываете у нее еще сегодня.

Женщины поежились. Дейз Конгар, Мудрая Эмондова Луга, нрав имела суровый и всякую дурь отнюдь не поощряла. Однако делать нечего. Обе соперницы присели в реверансе и пролепетали:

– Как скажете, леди Фэйли.

«Очень скоро, – подумала Фэйли, – они горько пожалеют о том, что отняли пустяками драгоценное время Дейз Конгар. А заодно и мое».

Все знали, что Перрин редко присутствует на такого рода аудиенциях, да и к нему мало кто решился бы сунуться с подобной чепухой. Небось сиди он, как положено, на своем кресле, они бы и в зал не зашли. Фэйли искренне надеялась, что из-за несусветной жары Дейз будет не в духе и обеих красоток ждет хорошая выволочка. Жаль, что нельзя спровадить к Дейз и Перрина – его тоже не мешало бы взять в оборот.

Не успели женщины, волоча ноги, покинуть зал, как их место занял Кенн Буйе. Несмотря на то что старик тяжело опирался на узловатую, как он сам, палку, ему удалось отвесить цере-

монный поклон. Правда, он тут же испортил произведенное впечатление, запустив костлявую пятерню в редкие седые волосы. Как обычно, грубошерстный коричневый кафтан кровельщика был помят, словно тот в нем спал.

– Да осияет Свет вас, достопочтенная леди Фэйли, и вашего достославного супруга, лорда Перрина. – Витиеватое приветствие никак не сочеталось с его скрипучим голосом. – Да продлится вечно ваше счастье. Позвольте пожелать вам этого и от моего имени, и от имени всего нашего Совета. Ваши красота и ум, достопочтенная леди, делают нашу жизнь светлее, равно как справедливость и мудрость ваших суждений делают ее разумнее.

Фэйли невольно забарабанила пальцами по подлокотнику. С чего это Кенн, вместо того чтобы, как обычно, ныть и брюзжать, принялся расточать ей цветистые похвалы? Но и не преминул исподволь напомнить, что он член Совета деревни, а стало быть, человек не последний и вправе рассчитывать на уважение. К тому же он явно напрашивался на сочувствие – для того и посох прихватил. На самом деле прыти у того старика на двух молодых хватит. Что-то ему понадобилось.

– С чем пожаловали к нам сегодня, мастер Буйе?

Кенн выпрямился, забыв о своем посохе. В голосе его, чего он, видимо, не заметил, зазвучали язвительные нотки:

– Все дело в чужестранцах. Они нынче к нам валом валят и приносят с собой всякие новшества, без которых мы прежде прекрасно обходились. – Кенн, как, впрочем, и большинство двуреченцев, похоже, начисто забыл, что Фэйли тоже приехала из дальних краев. – Диковинные повадки, леди, чудны́е манеры, а уж наряды – срамota, да и только. Знаете, леди, мне неловко, но женщины еще порасскажут вам, как выглядят эти доманийские бесстыдницы в этаких своих нарядах.

Фэйли, ясное дело, знала об этом не только по рассказам, а по блеску в глазах почтенного члена Совета предположила, что тот не слишком обрадуется, ежели она, вняв его призывам, встанет на защиту приличий.

– Чужаки лишают нас куска хлеба, оставляют без работы. Взять хотя бы того тарабонского малого, что делает эту дурацкую черепицу. Сам делает, да еще и подмастерьев набрал, а мальцов можно было к полезной работе приставить. Ему наплевать на добрых двуреченцев. Он, видите ли...

Обмахиваясь веером, Фэйли перестала слушать эту трескотню, хотя всем своим видом выказывала заинтересованность. Поступать так ее научил отец, и, надо признаться, порой это выручало. Как, например, сейчас. Впрочем, Кенна Буйе можно понять. Он кормился тем, что крыл кровли соломой, и ему мало радости от черепицы мастера Хорнвала.

Но не все относились к новоприбывшим так, как Буйе. Харал Лухан, кузнец из Эмондова Луга, взял себе в напарники ножовщика-доманийца и жестянщика, жившего прежде на равнине Алмот, а мастер Айдар, столяр, нанял сразу троих мужчин и двух женщин, знающих толк в изготовлении мебели, резьбе и золочении, хотя золота в округе отродясь не водилось. Это они сработали кресла для Перрина с Фэйли, и сработали на славу. Да что там, сам Кенн имел с полдюжины помощников, и не все они были двуреченцами, – когда нагрянули троллоки, погорело немало крыш, к тому же повсюду ставили новые дома. Нет, Перрин просто не имел права бросать ее одну и заставлять выслушивать всякий вздор.

Двуреченцы провозгласили его своим лордом, что и не диво, ибо под его водительством они одержали победу над троллоками. Возможно, он понял, что с этим ничего не поделаешь, раз уж все кланяются ему да величают лордом Перрином, хоть он и запрещает это делать. Понять, может, и понял, но по-прежнему на дух не переносил связанных с его новым положением церемоний и старался избегать многого из того, чего люди ждут от своих вождей. Он артачился, когда требовалось исполнять обязанности лорда. Фэйли, в отличие от него, с детства знала, что подобает настоящей леди, ибо была старшей из оставшихся в живых детей Даврама

т'Галине Башира, лорда Башира, Тайра и Сидоны, защитника Рубежей Запустения, хранителя Сердца страны и маршала-генерала королевы Тенобии Салдэйской. И хотя Фэйли сбежала из отчего дома, чтобы стать охотницей за Рогом, а потом отказалась и от Охоты ради мужа, который порой ее озадачивал, она помнила все, чему ее учили. Перрин внимательно выслушивал все советы жены, кивал и поддакивал, но заставить его следовать им на деле было не легче, чем научить лошадь танцевать са'сара.

Под конец Кенн понес что-то и вовсе несусветное, хотя спохватился, и язвительности в его голосе прибавилось.

– Но ведь мы с Перрином решили, что у нас будет соломенная кровля, – спокойно напомнила ему Фэйли, и Кенн удовлетворенно закивал. – Решить-то решили, но она почему-то до сих пор не закончена. – (Кенн встрепенулся.) – Похоже, мастер Буйе, у тебя слишком много заказов и до всего руки не доходят. Что ж, коли так, нам, наверное, придется обратиться к мастеру Хорнвалу.

Кенн беззвучно зашлепал губами. Он понимал: если жилище лорда будет покрыто черепицей, все захотят последовать его примеру.

– Я с удовольствием тебя послушала, – продолжала Фэйли, – но уверена, что ты предпочтешь закончить крышу, а не тратить время на разговоры, пусть даже и очень интересные.

Кенн поджал губы, и глаза его сердито блеснули. Он поклонился – не так низко, как в начале беседы, сдавленно пробормотал что-то – разобрать удалось только «миледи» – и вышел, постукивая посохом о голый пол.

И на такую чушь приходится тратить время. Нет уж, в следующий раз пусть Перрин сам отдувается.

Правда, другие обращения оказались не такими вздорными. Женщина, видать некогда упитанная, поскольку выцветшее платье висело на ней мешком, беженка с мыса Томан, что за равниной Алмот, заявила, что знает толк в травах и лечебных снадобьях. Неуклюжий верзила Джон Айеллин, все время потиравший потеющую лысину, и сухопарый Тэд Торфинн, теревший отвороты кафтана, вынесли на суд Фэйли спор о меже. Двое смуглых доманийцев с коротко подстриженными бородками оказались рудознатцами. Они заявили, что по пути заметили в горах признаки, указывающие на близость месторождений золота и серебра. И железа, хотя оно интересовало их меньше. И наконец, жилистая тарабонка с худощавым лицом, укрытым прозрачной вуалью, и со светлыми волосами, заплетенными во множество косичек, сообщила, что умеет ткать ковры и знает, как изготовить нужный для этого ткацкий станок.

Травницу Фэйли направила в распоряжение здешнего Круга женщин, – если Эспара Соман и впрямь понимает в этом деле, ее определяют в помощницы к одной из Мудрых. Нынче, когда люди прибывали отовсюду и многие из них после долгого, трудного пути нуждались в лечении и уходе, почти все Мудрые в Двуречье обзавелись помощницами. Может, Эспара рассчитывала на что-то большее, но главное – начать, а остальное зависит от тебя самой. С помощью нескольких наводящих вопросов Фэйли выяснила, что ни Тэд, ни Джон не помнят точно, где пролегла межа, потому как унаследовали этот спор от родителей, и велела им прийти к соглашению, да и покончить дело миром. Как видно, оба считали, что так решил бы и Совет, потому и не обращались туда так долго, предпочитая спорить да препираться.

Прочие получили разрешение заниматься тем, о чем просили. По существу, особой надобности в таком разрешении не было, но Фэйли полагала, что им не повредит с самого начала усвоить, кто здесь правит. За свое дозволение и кошель серебра, что ссудила для закупки припасов, Фэйли заручилась обещанием доманийских рудознатцев выплачивать Перрину десятину с добытого ими золота и серебра. Кроме того, они обещали отметить расположение всех месторождений железа. Перрину история с десятиной наверняка не понравилась бы, но Фэйли смотрела на вещи трезво. Двуреченцы давно забыли о том, что такое налоги, но лорду – чтобы он исполнял то, что требуется от лорда, – необходимы деньги. Железо же

сейчас будет очень кстати – не меньше, чем золото. Ну а насчет Лиалы Мосрары все ясно. Если тарабонка прихвастнула, то скоро сама и прогорит, а вот если сказала правду... Трое ткачей уже обещали, что на следующий год смогут предложить байрлонским купцам не только необработанную шерсть, но и кое-что получше. Продажа хороших ковров тоже сулила Двуречью немалую прибыль. Мастерница заверила, что придет в манор лучшие свои изделия, и Фэйли согласилась принять этот дар, удостоив тарабонку милостивого кивка. Может, та получит и еще что-нибудь, но только после того, как Фэйли увидит обещанные ковры своими глазами. По ее мнению, полы в маноре и впрямь следовало застелить коврами. В целом как будто все остались довольны. Даже Джон и Тэд.

Когда тарабонка, кланяясь, попятилась к выходу, а Фэйли, обрадованная окончанием аудиенции, уже встала с кресла, в дальнем конце зала, из бокового коридорчика – таких было два, по обе стороны камина, – появились четыре женщины в плотных, темных двуреченских платьях. Все они изрядно потели. Дейз Конгар, не уступающая ростом любому мужчине и многих превосходившая шириной плеч, была на голову выше остальных Мудрых. Она устремила вперед, желая показать, что здесь, близ ее деревни, первенство принадлежит ей. Седовласая, но стройная Эдель Гаэлин из Сторожевого Холма держалась напряженно и прямо, всем своим видом показывая, что возраст и долгие годы пребывания в должности Мудрой дают ей преимущество перед Дейз. Круглолицая Элвин Тарон, Мудрая из Дивен Райд, ростом была ниже всех. С лица этой женщины никогда, даже если ей приходилось заставлять людей делать то, чего им вовсе не хотелось, не сходила добродушная материнская улыбка. Последней шла Милла ал'Азар из Таренского Перевоза, самая молодая из четырех. Эдель она едва ли не годилась в дочери и среди прочих держалась не совсем уверенно.

Фэйли осталась стоять, медленно обмахивалась веером. Ей очень захотелось, чтобы сейчас рядом оказался Перрин. Очень. Каждая из этих женщин пользовалась в своей деревне не меньшим влиянием, чем мэр, а в некоторых отношениях даже большим. С ними нельзя вести себя как с простыми просительницами, и это усложняло дело. При Перрине они смущались, словно девчонки, глупо улыбались и думали только о том, как бы ему угодить, но с ней... В Двуречье веками не было своей знати, а чиновников правившей в Кэймлине королевы здесь не видели на протяжении семи поколений. Все местные жители, включая и этих четырех женщин, понятия не имели, как следует держаться с лордами и леди, и только начинали осваивать эту науку. Порой они забывали, что Фэйли – леди, и видели в ней лишь молодую женщину, на свадьбе у которой Дейз распоряжалась всего несколько месяцев назад. Они могли кланяться и повторять: «да, миледи», «разумеется, миледи» – и вдруг ни с того ни с сего принимались поучать ее, не видя в этом ничего особенного. «Все, Перрин, с меня хватит», – подумала Фэйли.

Сейчас они приседали в реверансах – как умели – и наперебой приветствовали ее:

– Свет да осияет вас, леди Фэйли.

Однако Дейз, еще не успев выпрямиться, заговорила о деле, видимо решив, что с любезностями покончено. Тон ее был вроде бы и учтив, но она словно хотела сказать: «Хочешь не хочешь, а выслушать меня тебе придется».

– Еще трое мальчишек сбежали, миледи. Дэв Айеллин, Ивин Финнгар и Элам Даутри. Сбежали поглядеть на мир, наслушавшись рассказов лорда Перрина.

Фэйли растерянно заморгала. Эта троица давно вышла из мальчишеского возраста. Дэв и Элам одних лет с Перрином, а Ивин – ненамного моложе самой Фэйли. К тому же двуреченская молодежь могла разузнать что-то о большом мире не только из скупых и немногословных рассказов ее мужа.

– Если желаете, я попрошу Перрина поговорить с вами.

Женщины заерзали и засуетились. Дейз оглянулась, будто ожидала, что он вот-вот появится, Эдель и Милла непроизвольно принялись расправлять юбки, а Элвин перебрosiла через плечо и поправила косу. Неожиданно они осознали, что делают, и замерли, стараясь не

глядеть друг на друга. И на Фэйли. Единственное преимущество Фэйли перед ними заключалось в том, что все они терялись перед ее мужем и прекрасно это знали. Сколько раз она видела, как после встречи с Перрином та или иная женщина убеждала себя, что никогда больше такое не повторится; сколько раз она видела, как при одном его виде подобная решительность куда-то улетучивается. И никто из них не был до конца уверен, с кем проще иметь дело – с Перрином или же с Фэйли.

– Не стоит его беспокоить по пустякам, – сказала Эдель. – Подумаешь, мальчишки сбегали. Досадная мелочь, и только. – Ее тон чуть больше походил на тот, который уместен в разговоре с леди, чем в случае Дейз.

Элвин добавила к словам Мудрой Сторожевого Холма улыбку, подобавшую скорее матери, которая разговаривает с дочуркой:

– Но раз уж мы здесь, дорогая, пожалуй, стоит поговорить и кое о чем поважнее. О воде. Многие встревожены.

– Дождя нет уже который месяц, – добавила Эдель, и Дейз кивнула.

На сей раз Фэйли прищурилась. Эти женщины достаточно умны, и уж им-то следовало знать, что тут Перрин ничего поделать не может.

– Источники еще не пересохли, к тому же Перрин велел вырыть еще несколько колодцев. – Вообще-то, он лишь предложил это, но между его предложением и приказом особой разницы не было. – И оросительные каналы из Мокрого леса будут прорыты задолго до сева. – Это было ее затеей. В Салдэе орошалась добрая половина полей, а в здешних краях о таком никто и не слыхивал. – Конечно, каналы роют только на всякий случай. Рано или поздно дожди все равно пойдут.

Дейз снова кивнула, а за ней и Элвин с Эдель. Все это они знали не хуже Фэйли.

– Дело не в дожде, – пробормотала Милла. – То есть я хочу сказать, не совсем в дожде. Нынче у нас не просто засуха. То, что сейчас творится, неестественно. Ни одна из нас не может слушать ветер.

Остальные Мудрые насупились, по-видимому решив, что она сболтнула лишнее. Считалось, что Мудрые умеют предсказывать погоду, слушая ветер, – во всяком случае, так утверждали они сами.

Милла понурилась, но упрямо продолжала:

– Не можем, и все! Вместо этого приходится смотреть на облака, следить за птицами, и муравьями, и гусеницами, и... – Она глубоко вздохнула и выпрямилась, но по-прежнему старалась не встречаться взглядом с другими Мудрыми.

«Интересно, – подумала Фэйли, – как она у себя в Таренском Перевозе ладит с деревенским Советом и особенно с Кругом женщин». Впрочем, и Совет, и Круг, так же как и Милла, только-только приступили к своим обязанностям. Нашествие троллоков опустошило Таренский Перевоз, и все его жители были новоселами, поэтому и Совет деревни, и Круг женщин пришлось выбирать заново.

– Это неестественно, миледи! Давно пора выпасть первому снегу, а погода стоит как в середине лета. Мы не просто встревожены, миледи, мы напуганы! Если другие не решаются сказать об этом открыто, то признаюсь я. Я ночами глаз не смыкаю. Уже месяц нормально не спала, и... – Милла спохватилась, сообразив, что действительно зашла слишком далеко. Мудрой подобало владеть собой при любых обстоятельствах, а она взяла да и рассказала напрямую обо всех своих страхах.

Остальные Мудрые перевели взгляды с Миллы на Фэйли. Они молчали, и лица их были столь же непроницаемы, как у Айз Седай.

Теперь Фэйли поняла. Милла сказала чистую правду. Погода стояла не просто необычная – она была неестественная. К Фэйли и самой порой сон не шел. Она молилась о дожде, а еще лучше о снеге, стараясь не думать, что может таиться за этой затянувшейся жарой. Мудрые

пришли к ней, а ведь это их дело – успокаивать людей. Куда же податься ей, коли у нее на сердце та же тревога?

Однако, возможно сами того не сознавая, эти женщины пришли как раз туда, куда следовало. Часть соглашения между простонародьем и знатью, усвоенного Фэйли с малолетства, требовала от благородных заботы о безопасности и благополучии простых людей. Если она не имела возможности помочь им на деле, то могла хотя бы напомнить, что худые времена не вечны. Если сегодня плохо, то завтра, в крайнем случае послезавтра, непременно станет лучше. Фэйли вовсе не была в этом уверена, но ее учили поддерживать и ободрять тех, кто от нее зависит, а не усугублять их тревоги своими страхами.

– Перрин рассказывал мне о своих земляках задолго до того, как я попала сюда, – сказала Фэйли. Перрин был скуп на похвалы, но всегда правдив. – Я знаю, что, когда град выбивает ваши посевы, когда зимняя стужа губит половину стад, вы гнетесь, но не ломаетесь, а потом, распрямившись, начинаете все сначала. Когда троллоки опустошали Двуречье, вы поднялись и дали им отпор, а покончив с ними, тут же принялись восстанавливать разрушенное. – Это Фэйли видела собственными глазами. Она не ожидала от южан такой стойкости и упорства. Такие люди не ударили бы в грязь лицом и в Салдэе, даже на северных ее окраинах, где набег троллоков были обычным делом. – Я не могу обещать вам, что завтра погода переменится к лучшему. Могу только заверить, что мы с Перрином будем делать все, что в наших силах, чтобы помочь вам. Вы и без меня знаете – нужно уметь принимать то, что несет с собой каждый новый день, и готовиться встретить следующий. Именно такие люди живут в Двуречье. Именно таковы и вы.

Понятливости всем четверым Мудрым было не занимать. Если раньше они даже себе не признавались, зачем явились в манор, то теперь пришлось. Будь они не столь сообразительны, могли бы, пожалуй, и обидеться, но этого не случилось. Женщины уразумели, что те самые слова, которые они говорили себе не раз, в иных устах и звучат по-иному. И конечно же, они смутились. Щеки их пылали, и больше всего им хотелось оказаться где-нибудь подальше.

– Ну да, конечно, – сказала наконец Дейз, уперев кулаки в пышные бока и с вызовом поглядывая на других Мудрых. – Я то же самое говорила, разве не так? У леди Фэйли есть голова на плечах. Дельная девушка, я это сразу сказала, как только она к нам приехала. Так и сказала.

Эдель фыркнула:

– Да кто же с этим спорит, Дейз? Я что-то не слышала. – И, обратившись к Фэйли, добавила: – У вас и вправду здорово получается.

Милла неумело присела:

– Спасибо, леди Фэйли. Я сама твердила людям то же самое, с полсотни раз на дню, но когда вы сказали, это совсем другое дело...

Дейз прервала ее нарочито громким кашлем – видно, сочла такую откровенность чрезмерной. Милла покраснела еще сильнее.

– Хорошая работа, миледи, – сменила тему Элвин, наклонившись вперед и пощупав предназначенную для верховой езды юбку. – Но у нас, в Дивен Райд, есть одна тарабонская мастерица, она может сшить для вас наряд и получше. Я с ней поговорю, если вы не возражаете. Теперь она шьет вполне приличные платья, что годятся для замужних женщин. – На лице ее вновь появилось материнское выражение – сочетание добродушия и неколебимой твердости. – Или для тех, кто замуж хочет. Она чудесно шьет, вы уж мне поверьте. И конечно же, сочтет за честь сшить наряд для вас, к тому же у вас такая фигура, что работать с вами – одно удовольствие.

Дейз ехидно заулыбалась еще до того, как Элвин закончила говорить:

– Терилла Марза у нас, в Эмондовом Лугу, уже шьет для леди Фэйли полдюжины платьев. Причем одно из них бальное – вот уж красота.

Элвин выпрямилась, Эдель поджала губы, и даже Милла задумчиво опустила глаза.

Насколько понимала Фэйли, аудиенцию можно было завершать. Доманийскую мастерицу приходилось твердой рукой удерживать от попыток одевать Фэйли в наряды, годные для придворных празднеств в Бандар Эбане. А идея сшить бальное платье принадлежала Дейз, а вовсе не самой Фэйли. Фасон его был ближе к салдэйскому, чем к доманийскому, но что с того? Фэйли понятия не имела, куда его надевать, справедливо полагая, что балы в Двуречье заведутся не скоро. Мудрые же тем временем будут соперничать друг с другом и спорить, чья деревня лучше оденет леди.

Фэйли предложила своим гостям чай и как бы ненароком обронила, что стоит подумать, как лучше приободрить людей. Это можно было воспринять как намек, и они заторопились, сожалея, что дела не позволяют им задержаться.

Наконец Мудрые направились к выходу, и Фэйли проводила их задумчивым взглядом. Последней, как обычно, шла Милла – словно девчонка, что плетется за старшими сестренками. Пожалуй, стоит поговорить об этом кое с кем из Круга женщин с Таренского Перевоза. Каждой деревне необходимо иметь сильного, авторитетного мэра и уважаемую всеми Мудрую. Поговорить осторожно и деликатно. А то ведь когда Перрин узнал, что она говорила с жителями Таренского Перевоза о выборах мэра – почему бы селянам и не знать, что лорд и леди поддерживают верного человека, у которого голова варит? – так вот, когда он узнал... Перрин не из тех, кто легко впадает в ярость, но на всякий случай Фэйли предпочла запереться в своей спальне и не высовываться, пока он не остынет. А остыл он лишь после того, как она клятвенно обещала ему больше не «вмешиваться» в выборы мэра – ни открыто, ни за его спиной. Так-то оно так, но насчет Круга женщин он ничего не сказал – наверное, просто забыл, – а стало быть, тут она ничем не связана. Пусть-ка его забывчивость сослужит ему самому добрую службу. И Таренскому Перевозу тоже.

Подумав о Перрине, Фэйли вспомнила и о другом обещании – том, что дала себе, – и принялась обмахиваться веером еще энергичнее. Сегодняшний день выдался не самым урожайным на глупости и даже не самым трудным по части взаимоотношений с Мудрыми. Во всяком случае, они не приставали с вопросами насчет того, скоро ли она подарит лорду Перрину наследника, благослови его Свет. Но изнуряющая жара все равно заставила ее злиться. В конце концов, почему она одна должна отдуваться? Пусть Перрин исполняет свой долг, или...

В небе прогрехотал гром, и за окном сверкнула молния. В Фэйли всколыхнулась надежда. Если бы пошел дождь...

Она побежала по коридорам в поисках Перрина, почти бесшумно в мягких туфлях. Ей хотелось разделить с ним радость долгожданного дождя. И сказать ему пару ласковых. Или даже больше чем пару.

Перрин был там, где она и ожидала его застать, – на третьем этаже, на крытой веранде. Рослый, широкоплечий и большерукий, в простом коричневом кафтане, он стоял, прислонившись к колонне, и задумчиво смотрел вниз. Не вверх, а вниз. Фэйли остановилась на пороге.

Гром прогремел снова, и небо прочертила молния. Огненный зигзаг на безоблачном небосводе. Никаких туч. Никакого дождя, даже намека. Никакого снега. На лице Фэйли выступили бусинки пота, но она поежилась.

– Прием закончился? – спросил Перрин, и Фэйли вздрогнула. Он ведь и головы не поднял. Трудно было привыкнуть к тому, какой тонкий у него слух. А может, он просто учуял ее запах. Хотелось верить, запах духов, а не пота.

– А я думала, что найду тебя с Гвиллом или Хэлом.

Это было одним из худших его недостатков. Фэйли пыталась как следует обучить прислугу, чтобы все было как в настоящем маноре, а Перрин держался со слугами запанибрата. Ему ничего не стоило распить с ними жбан-другой эля. Хорошо еще, что он, в отличие от многих мужчин, не заглядывался на каждую юбку. Ему даже в голову не пришло, что Калли

Коплин нанялась в услужение, надеясь не только стелить лорду постель, но и делить ее с ним. А когда Фэйли чуть ли не с хворостиной выставила эту вертихвостку вон, он даже не заметил.

Подойдя ближе, она увидела, за чем он так внимательно наблюдал. Внизу двое обнаженных по пояс мужчин упражнялись на деревянных мечях. Тэм ал'Тор был крепок и кряжист, с заметной сединой, Айрам же строен, молод и гибок. Айрам учился быстро. Очень быстро. Тэм прежде служил в армии и был мастером клинка, но юноша крепко наседал на него.

Фэйли непроизвольно перевела взгляд на палатки, поставленные на обнесенном каменной оградой поле в полумиле от манора, по направлению к Западному лесу. Лудильщики разбили лагерь рядом со своими недостроенными фургонами, похожими на домики на колесах. Само собой, с тех пор как Айрам взял в руки меч, они не признавали его своим. Туата'ан никогда, ни при каких обстоятельствах не прибегали к насилию.

«Интересно, – подумала Фэйли, – тронутся они дальше после того, как соорудят новые фургоны взамен сожженных троллоками?»

После того как все укрывавшиеся по зарослям Лудильщики собрались вместе, оказалось, что их уцелело не больше сотни. Может, они и двинутся в путь, а вот Айрам наверняка останется здесь. У Туата'ан не принято селиться или даже подолгу задерживаться на одном месте.

Во всяком случае, прежде такого не бывало. Правда, как поговаривал двуреченский люд, прежде много о чем не слыхивали, но с тех пор, как нагрянули троллоки, все как вверх дном перевернулось. Эмондов Луг, располагающийся всего шагах в ста к югу от манора, стал заметно больше, чем был, когда Фэйли увидела его впервые. Все погоревшие дома уже восстановили, да и новых немало понастроили. Появились и невиданные ранее кирпичные дома, притом некоторые – с черепичными крышами. По тому, как быстро разрасталась деревня, следовало ожидать, что вскоре и манор окажется в черте Эмондова Луга. Толковали, что не худо бы построить стену, – вдруг снова объявятся троллоки. Всюду перемены. По деревенской улице шествовал могучий Лойал в сопровождении стайки ребятишек. Еще недавно облик огромного – в полтора человеческих роста – огира с ушами торчком и широченным носом вызывал изумление и страх. Теперь же матери, несколько месяцев назад пугавшие Лойалом детишек, сами посылали своих чад к огиру, чтобы тот почитал им книжку. Чужаки в чудного покроя одеждах болтались по всему Эмондову Лугу, но никто не обращал на них внимания, так же как и на трех айильцев – мужчину и двух женщин в серо-коричневых, с разводами куртках и штанах. Даже двух Айз Седай – которые покинули деревню всего несколько недель назад – приветствовали почтительными поклонами или чем-то вроде реверансов, но не более того. Перемены, куда ни глянь. Над крышами виднелись два шеста с флагами, установленные на Лужайке, неподалеку от Винного ручья. На одном полотнище изображена красная волчья голова, ставшая эмблемой Перрина, а на другом – алый летящий орел – древний герб Манетерен. Сама Манетерен была стерта с лица земли во время Троллоковых войн, примерно две тысячи лет назад, но некогда тот край, что ныне называется Двуречьем, относился к манетеренским владениям, и двуреченцы подняли этот стяг почитай что единодушно. Перемены на каждом шагу, хотя многие еще не поняли, что все изменилось и продолжает меняться, неумолимо и безвозвратно. Но Перрину в конце концов придется это усвоить. Разумеется, с ее помощью.

– Бывало, я охотился с Гвиллом на кроликов, – пробурчал Перрин. – Он, хоть и постарше, частенько брал меня с собой на охоту.

Фэйли не сразу поняла, о чем говорит муж, а сообразив, рассердилась не на шутку:

– Как ты не поймешь, Гвилл старается сделаться хорошим слугой, а ты ему мешаешь. Да-да, мешаешь тем, что вечно зовешь его покурить да поболтать о лошадях, словно ровню. – Она перевела дух. Говорить с Перрином на эту тему было очень непросто. – Перрин, у тебя есть долг перед твоими земляками, и ты должен его исполнять, нравится тебе это или нет.

– Я знаю, – тихо отозвался Перрин. – Чувствую, как меня тянет к нему.

Голос мужа звучал так странно, что Фэйли, потянувшись, ухватила его за короткую бородку и заставила взглянуть ей в лицо. В его загадочных золотистых глазах застыла грусть.

– Что ты имеешь в виду? Я понимаю, что Гвил тебе симпатичен, но...

– Я не о Гвиле, Фэйли. О Ранде. Я нужен ему.

Внутри у Фэйли все сжалось. Она убедила себя, старалась убедить, что с отъездом Айз Седай эта опасность миновала. Но ее муж – та'верен, тот, вокруг кого нити человеческих судеб сплетаются, повинуюсь его тяготению. Мало того, он вырос в одной деревне с двумя другими та'веренами, один из которых был вдобавок еще и Возрожденным Драконом. Ей приходилось жить с этим, мириться как с неизбежностью, ибо изменить что-либо она не могла.

– Что ты собираешься делать?

– Поеду к нему. – Перрин на мгновение отвел глаза в сторону. Фэйли проследила за его взглядом и заметила прислоненные к стене тяжелый кузнечный молот и боевой топор с выгнутым полумесяцем лезвием и рукоятью в три фута длиной. – Я никак не мог... – голос его упал почти до шепота, – никак не мог решиться сказать тебе. Я уеду сегодня ночью, когда все улягутся. Сдается мне, времени осталось в обрез, а путь предстоит неблизкий. Мастер ал'Тор и мастер Коутон помогут тебе с выбором мэра, если потребуется. Я с ними это обсудил. – Он старался говорить весело и беззаботно, но это были жалкие и тщетные попытки. – И с Мудрыми у тебя не будет особых хлопот. Забавно, раньше я их побаивался. Они казались мне грозными и суровыми, а оказалось, что иметь с ними дело очень просто, надо только быть твердым.

Фэйли поджала губы. Выходит, он уже и с Тэмом поговорил, и с Абеллом – только ей ни слова. И надо же сказать такое о Мудрых! Заставить бы его побыть денек в ее шкуре, чтобы понял, каково иметь дело с этими женщинами.

– Мы не сможем собраться так быстро, – возразила она. – Потребуется время, чтобы все подготовить и собрать подходящую свиту.

У Перрина сузились глаза.

– «Мы»? Но ты не можешь ехать! Это будет... – Он закашлялся и попытался смягчить тон. – Лучше, ежели один из нас останется здесь. Раз уезжает лорд, понятно, что леди следует остаться. Забот у тебя хватит. Каждый день прибывают новые беженцы. Нужно всех обустроить, улаживать споры. Если ты тоже уедешь, здесь станет хуже, чем при троллоках.

Неужто он решил, будто она не заметила его обмолвку? Ведь он хотел сказать «будет опасно». И почему, когда Перрин пытается оградить ее от опасностей, у нее на сердце теплеет, хоть она и злится?

– Мы поступим так, как ты сочтешь нужным, – миролюбиво произнесла Фэйли. Перрин подозрительно взглянул на нее и почесал бородку. Потом кивнул.

Теперь перед Фэйли стояла задача заставить его счесть правильным то, что находит таковой она. Заяви Перрин сразу, что она никуда не поедет, ей пришлось бы труднее. Уж ежели он закусит удила, его с пути не свернешь. Легче амбар руками с места сдвинуть. Но если подойти к нему остороженько да с умом, обычно можно рассчитывать на успех.

Неожиданно Фэйли обхватила мужа за шею и уткнулась лицом в его широкую грудь. Крепкой ладонью Перрин нежно погладил ее волосы – наверное, решил, что она тревожится из-за его отъезда. Отчасти так оно и было, но только отчасти. Он просто еще не успел понять, что такое жена из Салдэйи. Жаль, конечно, что все так оборачивается. Ведь им было так хорошо вдвоем, вдалеке от Ранда ал'Тора. Зачем Дракону Возрожденному потребовался Перрин? Потребовался именно сейчас, да так, что Перрин ощутил его зов через сотни лиг. И что означает «времени в обрез»? Почему? К потной груди Перрина прилипла рубашка. Пот струился и по лицу Фэйли, но она поежилась.

Гавин Траканд держал одну руку на рукояти меча, а другой подбрасывал на ладони камушек. Он в очередной раз обходил своих воинов, расставленных у подножия холма с неболь-

шой купой деревьев на вершине. Жаркий суховец, поднимающий пыль над поросшей бурой, пожухлой травой равниной, трепал за спиной юноши простой зеленый плащ. Вокруг не было ничего, кроме увядшей травы да засохших кустов. Передовое охранение было слишком растянуто, и людей на случай внезапного нападения явно недоставало. Гавин расставил пеших мечников группами по пять человек. В пятидесяти шагах выше по склону расположились лучники, а на вершине холма, неподалеку от лагеря, укрывалось полсотни конных копейщиков. В случае нужды они должны прийти на подмогу товарищам – но Гавину хотелось верить, что надобности в этом не возникнет.

Вначале Отроков насчитывалось гораздо меньше, но слава о них шла такая, что от желающих вступить в отряд не было отбоя. Но ни одному новобранцу не разрешалось выходить за стены Тар Валона до тех пор, пока он не достигнет требуемого уровня мастерства во владении оружием. Не то чтобы у Гавина были основания ожидать нападения именно сегодня, но он уже усвоил, что схватки завязываются, как правило, когда их совсем не ждешь. А Айз Седай никогда не предупредят заранее о том, что должно случиться.

– Все спокойно? – спросил Гавин, остановившись рядом с группой вооруженных мечами воинов. Несмотря на жару, многие были в форменных зеленых плащах, а на груди у каждого был вышит герб Гавина – атакующий белый вебрь.

Джисао Гамора был совсем зеленым юнцом с мальчишеской ухмылкой, но из этих пятирх только он носил на ворота маленькую серебряную башенку – знак, что он является ветераном битвы за Белую Башню. Он и ответил Гавину:

– Все спокойно, милорд.

Отроки вполне оправдывали свое прозвание. Сам Гавин, двадцати с небольшим лет от роду, был едва ли не старше всех. В отряд не принимали юношей, ранее служивших в войске, побывавших оруженосцами у лордов и леди или даже купеческими охранниками. Первые Отроки были учениками – мальчиками и юношами, посланными в Башню учиться воинскому мастерству у Стражей, лучших бойцов в мире. Они продолжали беспрерывно совершенствовать свои умения и сейчас, хотя Стражи их больше не обучали. Юность они вовсе не считали помехой. На прошлой неделе Отроки торжественно поздравили Бенджи Далфора с первыми бакенбардами. По окончании церемонии Бенджи бакенбарды сбрил, а вот шрам через всю щеку, полученный в сражении за Башню, остался. В те дни, когда Суан Санчей лишили сана Амерлин, Айз Седай были слишком заняты, чтобы Исцелять. Но возможно, Суан восседала бы на Престоле Амерлин и сейчас, когда бы Отроки не скрестили мечи со своими наставниками в залах и коридорах Башни и не одолели их. Отроки оказались достойными учениками.

– Милорд, какой в этом смысл? – спросил Хэл Мэйр. Будучи на два года старше Джисао, он, как и все не имевшие серебряной башенки, жалел, что не принял участия в той достопамятной битве. Ему следовало еще многому научиться. – Ведь айильцев поблизости нет – о них ни слуху ни духу.

– Ты так думаешь?

Не прицеливаясь, чтобы никого не встревожить, Гавин с силой запустил камушком в единственный находящийся в пределах досягаемости броска куст. В ответ донесся лишь шорох сухих листьев, но куст заколыхался чуть сильнее, чем следовало, будто камушек чувствительно задел прятавшегося там человека. Новички заохали, Джисао лишь попробовал, легко ли вынимается меч.

– Вот так, Хэл. Айилец может спрятаться в любой складке почвы, в такой, какую ты и без него-то нипочем не углядишь. – Правда, и сам Гавин знал об айильцах больше по рассказам и книгам, но он прочел о них все книги, какие смог отыскать в библиотеке Белой Башни. Авторы их были по большей части воинами, которым довелось сражаться с айильцами, и они знали, о чем пишут. Мужчине надлежит готовить себя к будущему, а в будущем, пожалуй, всех ожидает

лишь одно – война. – Но сегодня, если то будет угодно Свету, возможно, удастся обойтись без кровопролития.

– Милорд! – раздался с холма крик дозорного, но Гавин уже и сам заметил, как из-за маленького перелеска в нескольких сотнях шагах к западу появились три женщины и зашагали к холму. Никто не ожидал, что они появятся с западной стороны, но айильцы всегда любили неожиданности.

Гавин читал, будто айильские женщины сражаются наравне с мужчинами, но эти, в длинных тяжелых юбках и белых блузах, воевать явно не могли. Несмотря на жару, на их плечи были накинuty шали. Воительницами они не были, но как им удалось незамеченными добраться до того перелеска по голой равнине?

– Следите внимательно, но не за ними, – приказал Гавин и, сам себе противореча, принялся с интересом рассматривать трех Хранительниц Мудрости, представлявших Шайдо Айил. Других здесь быть не могло.

Хранительницы Мудрости вышагивали величаво и гордо, словно не замечая вооруженных людей. У всех трех из-под головных платков ниспадали длинные волосы – а Гавин читал, будто айильские женщины коротко стригутся. На каждой висело столько золотых, серебряных и костяных браслетов и ожерелий, что звяканье должно было выдать их за милю.

Они горделиво прошествовали мимо Отроков, не удостоив их даже взглядом, и начали подниматься на холм. Впереди шла красивая золотоволосая женщина. Завязки ворота ее свободной блузы были распущены так, что в его вырезе виднелась соблазнительная загорелая ложбинка. Две ее спутницы, седовласые и морщинистые, выглядели по крайней мере вдвое старше.

– Я бы не прочь пригласить эту красотку потанцевать, – восхищенно пробормотал один из Отроков, глядя на проходящую мимо женщину. Он был моложе ее на добрый десяток лет.

– На твоём месте, Арвин, я бы не стал этого делать, – сухо заметил Гавин. – Боюсь, она тебя неправильно поймет. – Он читал, что «танцем» айильцы называют битву. – И, чего доброго, съест на обед твою печень.

Гавин уловил блеск светло-зеленых глаз золотоволосой женщины. Он в жизни не встречал более сурового взгляда.

Юноша следил за Хранительницами, пока они не поднялись на вершину холма, туда, где их поджидали шесть Айз Седай со своими Стражами. Впрочем, Стражи были не у всех – две сестры принадлежали к Красной Айя, а у них Стражей не бывает. Когда женщины скрылись в одном из высоких белых шатров и возле него встали караулом пятеро Стражей, Гавин продолжил обход постов.

Отроки были приведены в боевую готовность, когда стало известно о появлении айильцев. Гавину это было не по вкусу. Бдительность следовало проявить раньше. Даже те, кто не носил серебряной башенки, повидали немало стычек вокруг Тар Валона. Эамон Валда, лорд-капитан белоплащников, еще месяц назад отослал большую часть своих воинов на запад. Оставшиеся с трудом удерживали в повиновении разбойников и громил, набранных Валдой. Но тщетно. Отроки рассеяли весь этот сброд. Гавин был бы не прочь прогнать подальше и самого Валду, но сил у него было маловато, а своих солдат Башня удерживала от стычек с белоплащниками под предлогом, что реальной угрозы они не представляют и единственная причина пребывания Чад Света под Тар Валонем заключается в желании разведать слабые места Башни. Гавин, однако, считал, что причины всех действий Валды таятся глубоко. Вероятно, он следует приказам Пейдрона Найола. Гавин дорого бы дал за возможность узнать, что это за приказы. Он не любил блуждать в потемках.

По правде сказать, Гавин был раздражен. И не только из-за айильцев, хотя об этой встрече он впервые узнал лишь сегодня утром. Ему даже не сочли нужным сказать, куда направляется отряд, пока Койрен Седай, Серая сестра, возглавлявшая Айз Седай на этих переговорах, не отвела его в сторону. Элайда некогда была советницей его матери в Кэймлине и еще тогда

отличалась скрытностью и высокомерием, ну а уж когда она воссела на Престол Амерлин, все эти качества усугубились. Теперь прежняя Элайда казалась воплощением общительности и добродушия. Гавин не сомневался, что именно Элайда спровадила его командовать эскортом и под этим предлогом удалила из Тар Валона.

Отроки встали на ее сторону, когда Совет Башни лишил прежнюю Амерлин жезла и палантина. Гавин и сейчас считал низложение Суан Санчей законным и оправданным, а попытку освободить ее силой – бунтом, но с некоторых пор – задолго до оглашения обвинений против Суан Санчей – у него зародились сильные сомнения в мудрости и справедливости всех Айз Седай. О том, что они держат на привязи и заставляют плясать под свою дудку монархов, говорили так часто, что Гавин поначалу не придавал этому значения, но вскоре увидел, к чему приводят такие пляски. Его сестра танцевала под эту музыку и дотанцевалась до того, что бесследно пропала. Она и еще одна девушка. Он, Гавин, помог свергнуть и заточить Суан, а потом сам же способствовал ее побегу. Узнай об этом Элайда, Гавина не спасла бы и корона его матери.

Но при этом он оставался в Тар Валоне. Оставался, потому что его мать всегда поддерживала Башню, а сестра сама хотела стать Айз Седай. И потому, что этого хотела еще одна женщина – Эгвейн ал'Вир. Он не имел права даже думать о ней, но покинуть Башню означало бы отказаться от этой женщины. Вот сколь неосновательные причины определяют порой судьбу мужчины. И хотя он сам сознает их неосновательность, это ничего не меняет.

Обходя позиции, Гавин присматривался к покрытой увядшей, примятой суховеем травой равнине. Он надеялся, что айильцы – вопреки или благодаря тому, о чем Хранительницы Мудрости из Шайдо толкуют с Койрен и другими сестрами, – не станут нападать, ибо подозревал, что их тут слишком много и в случае атаки ему не отбиться даже с помощью Айз Седай. Между тем на этой равнине Гавин и Айз Седай оказались вовсе не из-за айильцев. Отроки сопровождали сестер в Кайриэн, и Гавин даже не знал, как к этому отнестись. Койрен заставила его поклясться строжайше хранить тайну, причем даже сама страшилась того, что говорила. Что ж, возможно, на то были основания. К любым словам Айз Седай следовало относиться очень внимательно. Лгать они не могут, но умеют так выворачивать правду наизнанку, что любого заморочат. Но как Гавин ни ломал голову, скрытого смысла в словах Серой сестры обнаружить не смог. Эти шесть Айз Седай собирались предложить Дракону Возрожденному пожаловать в Башню. Отроки под командованием сына королевы Андора должны послужить почетным эскортом. Тому могло быть лишь одно объяснение, хотя верилось в такое с трудом. И со всей очевидностью такое объяснение настолько шокировало Койрен, что она позволила себе намек на испытываемое ею потрясение. Гавин был поражен всем этим. По-видимому, Элайда вознамерилась возвестить миру о том, что Белая Башня поддерживает Дракона Возрожденного.

А ведь прежде, чем стать Амерлин, Элайда принадлежала к Красной Айя. У всех Красных сестер одна мысль о мужчине, способном направлять Силу, вызывала отвращение. Они вообще были невысокого мнения о мужчинах. Но считавшаяся неприступной Тирская Твердыня пала, и, в соответствии с пророчеством, это могло означать лишь одно: Ранд ал'Тор действительно Дракон Возрожденный. Сама Элайда вынуждена была признать, что близится Последняя битва. Гавин с трудом мог представить себе, что тот насмерть перепуганный деревенский парень, которого он видел во дворце матери в Кэймлине, и есть грозный Возрожденный Дракон. Слухи о деяниях Ранда поднимались по реке Эринин и достигали Тар Валона. Рассказывали, что в Тире он приказал повесить благородных лордов и позволил айильцам разграбить Твердыню. Так или иначе, он действительно привел айильцев из-за Хребта Мира – такое случилось лишь второй раз со времен Разлома – и вторгся в Кайриэн. Скорее всего, он уже впал в безумие. Гавину этот малый был симпатичен, жаль, что он стал тем, кем стал.

Когда, обойдя все посты, Гавин вернулся к группе Джисао, с запада появился еще один человек, на сей раз вовсе не айилец. Бродячий торговец в широкополой шляпе, ведя под уздцы тощего вьючного мула, направлялся к холму, прямо к стоящим у его подножия Отрокам.

Джисао подался было вперед, но замер, когда Гавин коснулся его руки. Гавин догадался, о чем подумал юноша, но понимал: вздумай айильцы прикончить купчину, тут уж ничего не поделаешь. Да и Койрен вряд ли понравится, если Отроки затеют схватку с теми, с кем она ведет переговоры.

С трудом волоча ноги, торговец благополучно миновал тот самый куст, в который Гавин запустил камушком. Подойдя к молодым воинам, он отпустил узду, и мул тут же принялся щипать сухую траву. Торговец снял шляпу, отвесил сразу всем низкий поклон и утер перепачканным платком потное, запыленное лицо.

– Свет да осияет вас, достойные лорды. Я вижу, вы снарядились в дорогу как должно, и это разумно в наше беспокойное время. Но ежели вам, случаем, потребуется какая-нибудь мелочь, можете не сомневаться – в тюках у старого Мила Тизена все найдется. А уж дешевле вы и в десяти милях окрест товару не сыщете, достойные лорды.

Гавин сильно сомневался в том, что на десять миль вокруг найдется хотя бы захудалая ферма, не говоря уже о лавке.

– Времена и впрямь беспокойные, мастер Тизен. Неужто вы не боитесь айильцев?

– Айильцев, достойный лорд? Но ведь они же все в Кайриэне. У старого Мила нюх, он айильцев издалека учует. Да он и не прочь поторговать с айильцами. По правде говоря, торговать с ними – дело выгодное. У них уйма золота, захваченного в Кайриэне. А торговцев они не трогают, это всякий знает.

Гавин не стал спрашивать, почему же этот человек не едет на юг, коли в Кайриэне можно разжиться айильским золотишком.

– Что творится в мире, мастер Тизен? Мы с севера, а ты наверняка знаешь новости с юга, которые до нас еще не дошли.

– О, на юге происходят великие события. Вы, поди, уже слышали о случившемся в Кайриэне? О том, кого прозывают Драконом? – Гавин кивнул, и торговец продолжил: – Так вот, он еще и Андор захватил. Не весь, правда, но, во всяком случае, немалую часть. Тамошняя королева погибла. Поговаривают, что он завоюет весь мир, прежде чем...

Торговец сдавленно застонал, и лишь тогда Гавин сообразил, что изо всех сил схватил его за ворот.

– Королева Моргейз мертва? Мертва? Отвечай! Быстро!

Тизен, выкатив глаза и задыхаясь, затараторил:

– Так говорят, достойный лорд. Старый Мил ничего не знает, но так говорят повсюду. Будто бы это сделал Дракон. Так все говорят. Отпустите, достойный лорд. Вы мне шею свернете!

Гавин отдернул руки, словно обжегся. Внутри у него все горело. Если он и хотел свернуть шею, то вовсе не эту.

– Дочь-наследница? – Голос его звучал глухо. – Что слышно об Илэйн, дочери-наследнице?

Как только Гавин выпустил его ворот, торговец благоразумно отступил подальше:

– Старый Мил ничего не знает, достойный лорд. Некоторые говорят, что она тоже умерла. Будто бы и ее убил этот Дракон. Но старый Мил ни за что поручиться не может.

Гавин медленно кивнул. Воспоминания словно поднимались вверх из глубины колодца.

«Кровь моя прольется прежде ее крови. Жизнь моя будет отдана за ее жизнь».

– Спасибо, мастер Тизен. Я... – «Кровь моя прольется прежде ее крови...» Эту клятву он принес, когда подросток достаточно для того, чтобы заглянуть в колыбель Илэйн. – Ты можешь торговать с... Возможно, кому-нибудь из моих людей потребуется...

В то время Гавин был еще слишком молод, и Гарету Брину пришлось растолковать ему, что означает эта клятва, но даже тогда он понял, что должен сдерживать ее, пусть все остальное в его жизни пойдет прахом.

Джисао и другие Отроки посматривали на Гавина с беспокойством.

– Позаботьтесь об этом торговце, – резко бросил он и зашагал прочь.

Итак, его мать мертва. И Илэйн тоже. Пока это только слухи, но дурные слухи часто оборачиваются правдой. Гавин непроизвольно приблизился на полдюжины шагов к палаткам Айз Седай, прежде чем осознал это. Он почувствовал боль в руках и, лишь взглянув на них, понял, что судорожно вцепился в рукоять меча. Разжать хватку ему удалось с трудом. Койрен и прочие желают доставить Ранда ал'Тора в Тар Валон. Но если его мать погибла... и Илэйн. Если они погибли... «Увидим, что поможет этому хваленому Дракону, когда меч пронзит его сердце!»

Поправив шаль с красной бахромой, Кэтрин Алруддин поднялась с подушек одновременно с другими находившимися в шатре женщинами. Она чуть не фыркнула, когда пухленькая Койрен с важным видом заключила:

– Как мы условились, так тому и быть.

Можно подумать, это не встреча с дикарями, а переговоры между Башней и государями.

Впрочем, следовало признать, что айильские женщины выказали удивительное самообладание и держались с тем же спокойствием, что и тогда, когда переступили порог шатра. А ведь даже короли и королевы выдавали свои самые сокровенные помыслы, оказавшись лицом к лицу с двумя-тремя Айз Седай, не говоря уже о полудюжине. Невежественные дикарки должны были дрожать от страха. Впрочем, чего ожидать от грубых жительниц Пустыни – они вряд ли способны осознать, с кем имеют дело. Их предводительница, сообщившая, что ее зовут Севанна, присовокупив к этому какую-то чушь насчет «мудрости» – это у них-то! – «септа» и «Шайдо Айил», сразу заявила:

– Соглашение вступит в силу, когда я увижу его лицо. – Одно то, что айильцев представляет особа с надутыми губками и в кокетливо расшнурованной блузе, свидетельствует об отсталости и грубости нравов этого народа. – Я хочу увидеть его, когда он будет повержен. И хочу, чтобы он увидел меня. Только на этом условии Шайдо вступят в союз с вашей Башней.

Нотка нетерпения в ее голосе заставила Кэтрин подавить улыбку. Что там насчет мудрости? Надо же! Кто-кто, а эта Севанна мудростью явно обделена. Белая Башня не заключает союзов. Ей служат – одни добровольно и сознательно, другие нет. Иного не дано.

Уголки рта Койрен слегка дрогнули, выдавая досаду. Серая сестра неплохо умела вести переговоры, но не обладала достаточной гибкостью и не любила отступлений от намеченного заранее.

– Несомненно, ваши услуги зачтутся, и эта просьба будет удовлетворена.

У одной из седовласых айилок – кажется, Тарвы – сузились глаза, но Севанна кивнула. Она услышала в словах Койрен то, что и хотела.

Проводить айильских женщин до подножия холма вышла сама Койрен с Зеленой сестрой Эриан, Коричневой сестрой Несан и с пятью Стражами. Кэтрин остановилась под деревьями, глядя им вслед. По прибытии эти дикарки поднялись на вершину одни, как и подобает просительницам, каковыми они и являлись, но сейчас им оказали честь, словно они и вправду стали союзницами Башни. Правда, Кэтрин сомневалась, что они в состоянии оценить подобную тонкость.

Гавин находился внизу. Он сидел на утесе и смотрел на сухую степь. «Интересно, – подумала Кэтрин, – что сказал бы этот юнец, узнав, что он со своими Отроками находится здесь только потому, что его решили убрать подальше от Тар Валона?» Ни Элайде, ни Совету не нравилось держать в Башне дерзких волчат, не желавших ходить на поводке. Может быть, Шайдо

помогут избавиться от этой головной боли. Элайда намекала на нечто подобное. Если все сделают айильцы, Башне, во всяком случае, не потребует объясняться с королевой Моргейз по поводу смерти ее сына.

– Если ты не перестанешь глазеть на этого мальчишку, Кэтрин, я могу подумать, что ты из Зеленых.

Кэтрин подавила вспыхнувшую было искорку гнева и почтительно склонила голову.

– Я лишь пытаюсь догадаться, о чем он думает, Галина Седай, – отозвалась Кэтрин, выказав, пожалуй, даже несколько больше почтения, чем подобало на людях.

Галина Касбан выглядела моложе истинного возраста Кэтрин, лет на сорок, однако была в два раза старше, и уже на протяжении восемнадцати лет эта круглолицая женщина возглавляла Красную Айя. Разумеется, негласно. Этот факт был известен лишь самим Красным сестрам. Формально она даже не представляла Красных в Совете Башни, тогда как руководительницы большинства других Айя, как подозревала Кэтрин, заседали в Совете. Скорее всего, Элайда и во главе этого посольства хотела поставить Галину, а не самоуверенную Койрен, но Галина сама заметила, что Красная сестра может вызвать у Ранда ненужные подозрения. Амерлин возглавляла все Айя – и ни одну в отдельности. Вступая на престол, она отрекалась от своего цвета, но если Элайда и считалась с чьим-либо мнением, что представлялось довольно сомнительным, то лишь с мнением Галины.

– Пойдет ли он с нами добровольно, как надеется Койрен? – спросила Кэтрин.

– Вполне возможно, – сухо отозвалась Галина. – Чести, какую окажет ему это посольство, достаточно, чтобы заставить любого короля отнести свой трон в Тар Валон на спине.

Кэтрин кивнула:

– Но эта женщина, Севанна, убьет его при первой возможности.

– Стало быть, ей не должно представиться подобной возможности. – Галина поджала пухлые губы; голос ее прозвучал холодно. – Амерлин будет недовольна, если нарушатся ее планы. Боюсь, в таком случае нам с тобой придется молить о смерти как об избавлении.

Кэтрин поежилась и обернула плечи шалью. Ветер нес сухую пыль, и она подумала, что не помешало бы накинуть легкий плащ. Что же до смерти, то погибнут они обе скорее не от руки Элайды, хотя гнев ее мог быть ужасен. Кэтрин была Айз Седай уже семнадцать лет, но только перед самым отъездом из Тар Валона узнала, что с Галиной ее объединяет не только Красная Айя. Уже двенадцать лет Кэтрин тайно являлась членом Черной Айя и все это время не подозревала, что Галина тоже служит Великому повелителю Тьмы, причем гораздо дольше. Черные сестры по необходимости таились даже друг от друга. На своих редких встречах они скрывали лица и изменяли голоса. До Галины Кэтрин знала лишь трех. Приказы время от времени появлялись у нее под подушкой или в кармане плаща. Коснись любой из этих записок чужая рука, и чернила бы вмиг исчезли. Свои донесения она оставляла в тайнике. Пытаться подсмотреть, кто их заберет, строжайше запрещалось, а Кэтрин всегда повиновалась беспрекословно. Возможно, и среди тех, кто следовал за их посольством, отставая на день пути, были Черные сестры, но этого она знать не могла.

– Почему? – спросила Кэтрин. Приказ сохранить жизнь Возрожденному Дракону казался ей совершенно бессмысленным.

– Давшей обет повиновения не пристало задавать вопросы. Это опасно.

Кэтрин снова поежилась и чуть было не присела в поклоне:

– Да, Галина Седай.

Но недоумение оставалось. Почему?

– Они не выказывают ни малейшего уважения и понятия не имеют о чести, – проворчала Терава. – Позволили нам свободно пройти в лагерь, словно мы беззубые собаки, а потом ни с того ни с сего приставили охрану, будто заподозрили нас в воровстве.

Севанна шла, не озираясь по сторонам, решив, что осмотрится, когда скроется за деревьями. Айз Седай наверняка наблюдали за ней, выискивая признаки неуверенности и беспокойства.

– Они согласились, Терава, – отозвалась она. – Пока этого достаточно.

Пока. Настанет день, когда все эти земли как добыча будут отданы Шайдо. И Белая Башня тоже.

– Это негодная затея, – недовольно проворчала третья женщина. – Хранительницы Мудрости всегда избегали Айз Седай, так повелось испокон веку. Может, тебе, Севанна, это и на руку, коли ты, как вдова Суладрика и Куладина, говоришь за вождя клана, покуда мы не послали в Руидин нового человека, но нас в это не впутывай.

Севанна от злости чуть не сбилась с шагу. Дизэйн выступала против того, чтобы Севанну признали Хранительницей Мудрости, под тем предлогом, что она не прошла должного обучения, не побывала в Руидине и к тому же замещала вождя клана. И будто бы она вообще приносит несчастье, недаром же похоронила уже двух мужей. К счастью, большинство Хранительниц Мудрости Шайдо предпочли прислушаться к речам Севанны. Но и у Дизэйн были свои сторонники, и в достаточном числе. Избавиться от нее было не так-то просто. К тому же Хранительницы Мудрости считались неприкосновенными, у Кайриэна даже Хранительницы из септов и кланов глупцов и предателей свободно приходили к палаткам Шайдо и беспрепятственно уходили. Однако Севанна твердо решила для себя, что найдет способ решить эту проблему.

Сомнения Дизэйн словно передались Тераве, и та принялась бормотать себе под нос:

– Все, что делается против Айз Седай, добром не кончится. Мы служили им до Разлома, подвели их и были за то наказаны. Если мы подведем их снова, то и вовсе сгинем.

Так говорилось в древних преданиях, которым все верили. Севанна, однако же, сомневалась в их правдивости. Ей эти Айз Седай показались слабыми и глупыми: пустились в дорогу в сопровождении всего нескольких сот воинов, тогда как в этих землях тысячи Шайдо, истинных Айил, и они могут без труда окружить и смять эту жалкую охрану.

– Настали новые времена, – резко сказала Севанна, повторяя то, что уже не раз говорила Хранительницам Мудрости. – Мы больше не привязаны к Трехкратной земле. Оглянитесь по сторонам – нужно быть слепым, чтобы не увидеть повсюду перемены. Мы тоже должны измениться, а если не сможем, то действительно сгинем, и памяти о нас не останется.

Однако она никогда не говорила о том, сколько перемен и какие именно перемены замыслила сама. Во всяком случае она собиралась сделать все, чтобы Хранительницы Мудрости никогда и никого не послали больше в Руидин.

– Новые ли времена, старые ли, – проворчала Дизэйн, – но что делать с Рандом ал’Тором, ежели мы и впрямь заполучим его у Айз Седай? И зачем он нам? Не проще ли сунуть ему нож под ребро, когда они повезут его к себе?

Севанна промолчала – она просто не знала, что ответить. Пока не знала. Но одно она знала точно: когда-нибудь этот так называемый *Кар’а’карн*, вождь вождей всех Айил, будет посажен на цепь перед ее палаткой, как бешеный пес. Вот тогда эта земля воистину будет принадлежать Шайдо. И ей. Это она знала еще до того, как тот чужак из мокрых земель невесть как отыскал ее в горах, которые эти люди называют Кинжалом Убийцы Родичей. Он дал ей маленький кубик из какого-то странного твердого камня, на котором вырезаны непонятные письмена и узоры, и рассказал, что с ним надо сделать, – разумеется, с помощью Хранительниц, умеющих направлять Силу, – когда Ранд ал’Тор окажется в ее руках. Этот подарок Севанна носила в кошеле на поясе. Она еще не решила, как поступить, но ни о той встрече, ни о подарке никому не рассказывала. Севанна шагала, высоко подняв голову. В осеннем небе нещадно палило солнце.

Возможно, в дворцовом саду ощущалось бы некое подобие прохлады, будь у росших в нем деревьев нормальные, развесистые кроны. Однако ветви были подрезаны, чтобы придать растениям самую причудливую форму – скачущих коней, кувыркающихся медведей и тому подобного. Садовники в одних рубашках сновали под палящим полуденным солнцем с полными ушатами воды, пытаясь спасти творение своих рук. Спасти хотя бы кусты и деревья, – цветы давно погибли, и узоры на цветочных клумбах теперь выкладывали дерном, который тоже быстро иссушало солнце.

– Жаль, что стоит такая несносная жара, – заметил Айлрон. Достав кружевной носовой платок из украшенного кружевными же манжетами рукава, он слегка обтер лицо и отбросил платок в сторону. Слуга в красной с золотым шитьем ливрее, шагнув вперед, быстро подхватил платок с посыпанной гравием дорожки и снова отступил за деревья. Другой слуга столь же проворно вложил в руку королю свежий платок, и тот спрятал его в рукав, будто не заметив услуги. Возможно, и вправду не заметил. – Обычно этим малым удается сохранить все посадки до весны, но, боюсь, этой зимой я кое-чего лишусь. Хотя у нас и зимы-то, похоже, вовсе не будет. Эти растения переносят холод лучше, чем сушь. Но они весьма милы, не правда ли?

Айлрон, помазанник Света, король и защитник Амадии и хранитель Южных Врат, был вовсе не так красив, как рассказывали. Впрочем, Моргейз еще с первой встречи, случившейся много лет назад, заподозрила, что источником этих слухов был он сам. Его темные волосы, действительно пышные и волнистые, спереди явно начинали редеть, нос был слегка великоват, да и уши, пожалуй, тоже. И весь он казался каким-то рыхлым.

«Кстати, – подумала Моргейз, – надо бы как-нибудь спросить у него, что это за Южные Врата».

Обмахиваясь ажурным веером из резной кости, Моргейз окинула взглядом одно из... творений садовников – группу деревьев, стриженных в виде трех огромных обнаженных женщин, отчаянно борющихся с гигантскими змеями.

– Они заняты, – ответила она. А что еще скажешь, пребывая в роли просительницы?

– Весьма заняты, не правда ли? О, похоже, меня призывают государственные дела. Боюсь, неотложные. – На вершине короткой мраморной лестницы у дальнего конца садовой дорожки появились придворные – дюжина человек в одеяниях ярких и пестрых, словно цветы, которых в саду уже не было, дожидались короля среди колонн с каннелюрами, которые ничего не поддерживали. – До вечера, дорогая. Мы еще побеседуем обо всех этих ужасных событиях и о том, чем я смогу вам помочь.

Он склонился над ее рукой – чуть было на самом деле не поцеловал, – а она слегка присела в намеке на реверанс и пробормотала какие-то подходящие случаю глупости. Затем Айлрон удалился, сопровождаемый целой оравой таскавшихся за ним всюду лакеев.

Моргейз принялась энергичней обмахиваться веером – король хоть и потел, но делал вид, будто жара ему нипочем, – и повернула к своим покоям. Вернее, к отведенным ей покоям. Ничего своего у нее здесь не имелось. Даже бледно-голубое платье на ней было дареным. Несмотря на жару, она согласилась принять лишь закрытое платье, с высоким, под горло, воротом. С некоторых пор к вырезам у нее было особое отношение.

Один из слуг, приставленный Айдроном, немного отстав, последовал за ней. И Талланвор, само собой, дышал ей в спину. Он, по собственному настоянию, так и ходил в грубошерстном зеленом кафтане, в котором проделал весь путь, и не расставался с мечом, будто здесь, во дворце Серанда, менее чем в двух милях от Амадора, им могло грозить нападение. Моргейз старалась не обращать внимания на рослого молодого человека, но, как правило, он не предоставлял ей такой возможности.

– Лучше бы мы поехали в Гэалдан, Моргейз. В Джеханнах.

Определенно, он слишком много себе позволял. Юбки королевы зашуршали, когда она резко повернулась, оказавшись с ним лицом к лицу. Глаза ее сверкали.

– В дороге нам приходилось таиться, и вольности были допустимы. Но здесь все знают, кто я такая. Ты тоже должен это помнить и выказывать своей королеве надлежащее почтение. На колени!

Он не шелохнулся, что ее потрясло.

– Ты моя королева, Моргейз? – Хорошо еще, что он догадался понизить голос и Айлронов слуга не мог подслушать его слова и разнести повсюду. Но его глаза... В них пламенели гнев и такое страстное желание, что Моргейз едва не отпрянула. – Да, я тебя не покину до самой смерти. Но ты оставила позади многое, отдав Андор Гейбрилу. Когда вернешь свое королевство, я встану перед тобой на колени и ты, если захочешь, сможешь отрубить мне голову. Но до тех пор... Напрасно мы не поехали в Гэалдан.

Юный глупец готов был погибнуть, сражаясь против узурпатора, даже когда ей стало ясно, что ни один Дом в Андоре не намерен помогать свергнутой королеве и единственный выход для нее – прибегнуть к чужеземной помощи. И чем дальше, тем бесцеремоннее и независимее он держался. Конечно, Моргейз могла просто попросить у Айлрона голову Талланвора и, без сомнения, получила бы ее. Король Амадии даже вопросов ей задавать не стал бы, что, правда, не значит, что он не стал бы задаваться ими сам. В конце концов, здесь она не более чем просительница и должна помнить, что за всякое одолжение придется платить. К тому же, не будь Талланвора, она вообще не попала бы сюда, оставаясь пленницей – хуже, чем пленницей! – лорда Гейбрила. Только по этим причинам голова Талланвора оставалась на его плечах.

Резные двери, ведущие в покои королевы, охраняла ее армия. Базел Гилл, сидящий розовощекий толстяк, тщетно пытавшийся прикрыть проплешину волосами, натянул трещавшую по швам кожаную безрукавку с нашитыми круглыми стальными пластинами и прицепил к поясу меч, которого, пока не отправился в путь с Моргейз, не касался уже, наверное, лет двадцать. Ламгвин, мужчина могучего сложения, которому, однако, опущенные веки придавали сонный вид, тоже опоясался мечом, хотя, судя по шрамам на лице и не раз перебитому носу, он более привык драться на кулаках или дубинкой. Трактирщик и уличный громила составляли теперь всю ее армию – если, конечно, не считать Талланвора. И с этим войском ей предстояло отбить Андор и свой трон у Гейбрила.

Оба караульных неловко поклонились, но Моргейз, не обращая на них внимания, прошествовала мимо и захлопнула дверь перед носом Талланвора.

– Мир был бы не в пример лучше, не будь в нем мужчин, – проворчала она.

– И гораздо скучнее, – возразила сидящая на стуле возле окна передней, завешенного бархатной портьерой, старая нянюшка королевы. Седая и тоненькая словно тростинка, она была вовсе не такой хрупкой, какой казалась. Лини склонилась над пальцами, покачивая головой; ее седые волосы были собраны в пучок. – Надеюсь, Айлрон не был сегодня слишком назойлив. Или все дело в Талланворе? Дитя, тебе пора бы перестать огорчаться из-за мужчин. От этого у тебя пятна по лицу идут.

Хотя Лини успела уже выпестовать не только свою королеву, но и ее дочь, для нянюшки Моргейз все еще оставалась несмышленной девчушкой.

– Айлрон был очень любезен, – осторожно ответила Моргейз.

Третья женщина в комнате, стоявшая на коленях возле комода, вынимая оттуда сложенные простыни, фыркнула, и Моргейз с трудом удержалась от резкого замечания. Бриане была... спутницей Ламгвина. Эта низенькая загорелая женщина следовала за ним повсюду, но, в отличие от него, являлась уроженкой Кайриэна. Моргейз не была ее государыней, и Бриане давала ей это понять довольно часто.

– Еще денек-другой, – продолжала Моргейз, – и, сдастся мне, я добыю своего. Сегодня он наконец согласился с тем, что мне необходимы войска, чтобы вернуть Кэймлин. Как только удастся изгнать Гейбрила, знать снова примкнет ко мне.

Ей хотелось на это надеяться. В Амадиции она оказалась отчасти и потому, что, поддавшись чарам Гейбрила, по его наущению дурно обошлась не только со многими влиятельными Домами, но и со старыми верными друзьями.

– «Улита едет, когда-то будет», – заметила Лини, не отрываясь от своего рукоделия. Она очень любила поговорки, прибаутки да присказки, причем, как подозревала ее воспитанница, многие сочиняла сама.

– Когда-нибудь да будет, – упрямо заявила Моргейз. Талланвор ошибается насчет Гэалдана. Айлрон рассказывал, что там нынче разброд и безвластие из-за какого-то пророка, возвещающего Возрождение Дракона. Об этом пророке все слуги шепчутся... – Я не прочь бы выпить пуншу, Бриане. – Женщина молча посмотрела на нее, и Моргейз пришлось добавить: – Пожалуйста.

Бриане взялась за кувшин, но вид у нее оставался недовольный.

Охлажденная смесь вина и фруктовых соков освежала в жару – приятно было даже просто коснуться лба холодным серебряным кубком. Айлрону доставляли лед и снег с Гор тумана, хотя для обеспечения дворцовых нужд караванам фургонов приходилось двигаться беспрерывно.

Лини тоже взяла себе кубок.

– Так вот, насчет Талланвора, – начала она, отхлебнув.

– Лини, оставь это, – бросила Моргейз.

– А что, он ведь, как я понимаю, моложе вас, – встряла в разговор Бриане, наливая кубок и себе. До чего же бесцеремонная особа! А ведь предполагалось, что здесь она простая служанка, кем бы ни была когда-то у себя в Кайриэне. – Почему бы вам и не приблизить его? Ламгвин говорит, что он вам предан, да я и сама не слепая, вижу, как он на вас смотрит. – Она хрипло рассмеялась и добавила: – Уж он-то не откажется.

У всех кайриэнцев манеры никуда не годятся, но большинство из них хотя бы не выставляет свою распушенность напоказ. Рассерженная Моргейз уже собралась было выставить Бриане из комнаты, но неожиданно раздался стук в дверь. Не дожидаясь разрешения, через порог ступил сухопарый седовласый мужчина в белоснежном плаще с золотой эмблемой в виде сияющего многолучевого солнца на груди. Моргейз похолодела, но вовсе не из-за пунша. А ведь она так надеялась избежать встреч с белоплащниками, во всяком случае, до тех пор, пока не заручится соглашением с Айлроном, заверенным королевской печатью. Куда же смотрела ее охрана? Где Талланвор? Как сюда смог пройти этот белоплащик?

Вошедший слегка склонил голову, что едва ли можно было счесть поклоном, потом устремил взгляд темных глаз прямо на королеву. Он был стар и худ, кожа да кости, но, несмотря на это, в нем чувствовалась недюжинная внутренняя сила.

– Моргейз Андорская? – спросил он твердым и звучным голосом и, не дожидаясь ответа, представился: – Я – Пейдрон Найол. – Не просто какой-то белоплащик; а сам Пейдрон Найол, лорд капитан-командор, стоящий во главе Чад Света. – Не пугайся. Я пришел не для того, чтобы арестовать тебя.

– Арестовать меня? – Моргейз резко выпрямилась. – Но на каком основании? Я не умею направлять Силу.

Едва произнеся эти слова, она тут же пожалела о сказанном. Не следовало упоминать о Силе, да и вообще оправдываться в чем бы то ни было, ведь это явный признак неуверенности. Однако, так или иначе, она сказала правду. Из пятидесяти попыток ощутить Истинный Источник ей удалась лишь одна, и тогда она раз двадцать пыталась открыть себя саидар и лишь единожды сумела ухватить самую малую струйку. Коричневая сестра по имени Верин как-то сказала Моргейз, что Башне нет смысла тратить время на попытки развить столь ничтожные способности. Однако в Амадиции любая, даже самая слабая способность касаться Источника

каралась смертью. Кольцо Великого Змея, так восхищавшее Айлрона, сейчас едва не жгло Моргейз палец.

– Ты обучалась в Башне, а это уже само по себе преступно, – пробурчал Найол. – Но не в этом суть. Я ведь уже сказал, что пришел не для того, чтобы арестовать тебя. Напротив, я хочу предложить тебе помощь. Отошли своих женщин, и мы потолкуем. – Он удобно устроился в мягком кресле, закинув плащ за высокую спинку. – Но пока они не ушли, я был бы не прочь выпить пуншу.

К неудовольствию Моргейз, Бриане тут же подала кубок. Смотрела она при этом в пол, не смея поднять глаза.

Усилием воли Моргейз совлала себя и невозмутимо заявила:

– Они останутся здесь, мастер Найол. – То, что она обратилась к нему просто «мастер», не присовокупив титулов, должно было показать, что он не внушает ей страха. Впрочем, лорда капитан-командора это, похоже, ничуть не смутило. – Что с моими людьми, караулившими у дверей? Если с ними обошлись дурно, я этого так не оставлю. И почему ты вообще решил, будто я нуждаюсь в твоей помощи?

– Ничего страшного с твоими людьми не случилось, – небрежно, словно отмахиваясь, ответил Найол, потягивая пунш. – А вот насчет помощи... Я знаю, ты рассчитываешь добиться своего от Айлрона. Ты красива, Моргейз, к тому же Айлрону очень нравятся золотоволосые женщины. Ручаюсь, он будет кормить тебя обещаниями до тех пор, пока ты не поймешь, что его помощь может быть получена лишь в обмен на... некоторую уступчивость. Все бы ладно, только ты ничего не получишь от него, на какие бы жертвы ни шла. Он просто не в силах предоставить тебе требуемую поддержку. Северные окраины Амадии разоряют толпы бунтовщиков, предводительствуемых так называемым пророком. К западу лежит Тарабон, где бушует гражданская война, где разбойники присягнули так называемому Дракону Возрожденному, и Айлрон до смерти напуган слухами об Айз Седай и Лжедраконе. Дать тебе солдат? Да он душу бы свою заложил за возможность увеличить собственное войско в десять раз. Что там в десять, хотя бы вдвое. Зато стоит тебе попросить меня, и пять тысяч Чад Света поскачут в Кэймлине с тобой во главе.

Сказать, что услышанное ошеломило Моргейз, значило не сказать ничего. С достоинством, подобающим ее титулу, она направилась к креслу напротив Найола и уселась, прежде чем у нее подкосились ноги.

– Но почему ты вдруг решил помочь мне изгнать Гейбрила? – спросила Моргейз. Сомневаться не приходилось – этот человек знал все. Наверняка у него были осведомители среди Айлроновой челяди. – Ведь я никогда не давала белоплащикам воли в Андоре.

На сей раз Найол поморщился. Чада Света не любили, когда их называли белоплащиками.

– Гейбрил? Твой любовник мертв, Моргейз. Кэймлин нынче завоеван Лжедраконом по имени Ранд ал’Тор.

Лини слабо пискнула, словно укололась иголкой, но Найол смотрел только на Моргейз.

Самой же Моргейз пришлось вцепиться рукой в подлокотник, чтобы не схватиться за сердце. Она едва не расплескала пунш – хорошо, что держала кубок в руке, которая лежала на другом подлокотнике. Выходит, Гейбрил мертв! Этот негодяй обманул ее, сделал своей любовницей, притеснял от ее имени Андор и в конце концов сам провозгласил себя королем, захватив власть в стране, которой испокон веку управляли только королевы. Неужели после всего этого она могла почувствовать хотя бы тень сожаления из-за того, что он больше никогда не коснется ее руки? Безумие. Что он с ней сделал... Хотя Моргейз и знала, что это невозможно, порой ей казалось, что Гейбрил каким-то образом применил к ней Единую Силу.

А Кэймлин, стало быть, захватил Ранд ал’Тор. Но ведь это может многое изменить. Ранда ал’Тора она как-то видела и запомнила: смущенный деревенский парнишка с запада всячески

старался выказать подобающее почтение своей королеве. Однако уже тогда этот молодой человек носил меч мастера клинка – клейменный знаком цапли. И Элайда опасалась юноши.

– А почему ты называешь его Лжедраконом, Найол? – Моргейз решила, что раз он считает возможным обращаться к ней на «ты» и по имени, то и она обойдется даже без простонародного обращения «мастер». – Тирская Твердыня пала, как предсказывалось в пророчествах о Драконе. Благородные лорды сами признали его Драконом Возрожденным.

Найол усмехнулся:

– Где бы он ни объявлялся, рядом с ним всегда были Айз Седай. Это они устраивают для него всякие фокусы с помощью Силы. Помяни мое слово, он всего лишь марионетка Башни. У меня, знаешь ли, повсюду есть друзья. – Видимо, Найол имел в виду своих шпионов. – И они сообщили мне, что располагают вескими доказательствами причастности Башни к появлению и другого, предыдущего Лжедракона – Логайна. Но он, вероятно, слишком занесся, вот им и пришлось поставить его на место.

– Доказательств этому нет. – Голос Моргейз прозвучал уверенно, чему она была очень рада. Слухи о Логайне доходили и до нее, еще по дороге в Амадор. Но ведь это не более чем слухи.

Пейдрон Найол пожал плечами:

– Хочешь верь, хочешь нет, дело твое, но я предпочитаю правду глупым фантазиям. Разве истинный Дракон Возрожденный стал бы действовать так, как он? Ты говоришь, благородные лорды его признали? Признать-то признали, но скольких из них он повесил, прежде чем остальные склонились перед ним? Он позволил айильцам разграбить Твердыню, а потом и весь Кайриэн. Говорит, что собирается назначить в Кайриэн нового правителя, но действительной властью там располагает лишь он один. И в Кэймлине – кстати, он говорит, что и в Кэймлине будет новый правитель, – тебя же считают погибшей. Ты об этом знала? Полагаю, кое-кто уже поговаривает о леди Дайлин. Сначала он восседал на Львином троне, использовал его для аудиенций, но потом, видно, решил, что этот престол для него маловат, поскольку рассчитан на женщин. Тогда он, сохранив Львиный трон в качестве трофея, обзавелся своим собственным, приказав установить его в Тронном зале твоего королевского дворца. Но не все складывается для него так удачно. Многие считают, что это он убил тебя, и немало андорских Домов прониклось к тебе сочувствием. Ранд ал'Тор удерживает захваченные андорские земли железной рукой с помощью дикой орды айильцев и шайки разбойников из Пограничья, которых наняла для него Башня. И если ты думаешь, что он ждет не дождется, когда ты объявишься в Кэймлине, чтобы вернуть себе трон...

Он не закончил, но этот поток слов прибил Моргейз, словно град. Особенно встревожило ее упоминание о Дайлин, стоявшей ближе всех в очереди к трону. Ближе всех, если Илэйн умрет бездетной. О Свет, хорошо, если Илэйн еще в Башне, а стало быть, в безопасности. А ведь совсем недавно, когда Айз Седай недоглядели за Илэйн и та пропадала невесть где, Моргейз испытывала к ним такую неприязнь, что требовала – требовала, тогда как другие осмеливались обращаться к Башне лишь с просьбами! – немедленного возвращения дочери. Теперь ей оставалось лишь надеяться, что Айз Седай удерживают Илэйн при себе. Моргейз помнила лишь одно письмо, полученное от дочери после возвращения той в Тар Валон. Были ли другие, она сказать не могла – из-за насланного Гейбрилом морока многое из случившегося в Кэймлине припоминалось с трудом. Разумеется, сейчас судьба Илэйн важнее всего – она должна быть в безопасности. Моргейз не могла не тревожиться об участии Гавина и Галада – ведь одному Свету ведомо, где они и что с ними, – но Илэйн – наследница, а мир и благополучие Андора зависят от преемственности власти.

Ей следовало хорошенько обо всем подумать. Концы с концами у Найола вроде бы сходились, но это еще ничего не доказывало. Искусная ложь порой звучит убедительнее правды, а этот человек на такие дела мастер. Необходимы факты. Неудивительно, если в Андоре счи-

тают, что королевы нет в живых: ей пришлось покидать страну тайно, опасаясь и Гейбрила, и собственных подданных, которые могли или выдать ее узурпатору, или отомстить ей за зло, причиненное им от имени Моргейз. Если теперь люди прониклись сочувствием к погибшей государыне, она может сыграть на этом, восстав из мертвых. Но нужны факты.

– Мне требуется время, чтобы обдумать твоё предложение, – сказала Моргейз.

– Разумеется. – Найол плавно поднялся, и Моргейз тоже встала, чтобы он не возвышался над ней, хоть и не была уверена, что устоит на ногах. – Я вернусь сюда через денек-другой. Но мне не хотелось бы все это время тревожиться о твоей безопасности. Айлрон слишком поглощён своими заботами, а не ровен час, кто-нибудь проскользнет сюда с намерением причинить тебе вред. Я взял на себя смелость – конечно, с согласия Айлрона – оставить здесь нескольких Чад для охраны.

Моргейз и прежде слышала, что в Амадиции реальной силой являются белоплащники, а сейчас получила тому недвусмысленное подтверждение.

При прощании Найол выказал куда больше церемонности, чем при своём появлении, и поклонился ей заметно ниже прежнего – как равной по положению, но всем своим видом давал королеве понять, что выбора у нее нет.

Как только он вышел, Моргейз метнулась к двери, но Бриане опередила ее. Однако обе женщины не успели сделать и трех шагов, как одна из створок распахнулась и в комнату ввалились Талланвор и оба караульных.

– Моргейз... – выдохнул Талланвор, пожирая ее глазами. – Я боялся...

– Боялся? – презрительно повторила она. – Так вот как ты меня охраняешь? Любой мальчишка справился бы лучше. Видно, ты и впрямь еще юнец.

Горящий взгляд молодого человека задержался на ней еще на миг, затем Талланвор повернулся и вылетел вон мимо Базела и Ламгвина.

Трактирщик стоял возле двери, ломая руки:

– Их было не менее тридцати, моя королева. Талланвор готов был сражаться, он хотел крикнуть и предупредить вас, но его оглушили ударом по голове. А нам этот худой старик сказал, что ничего дурного вам не сделает, но, если мы попытаемся его задержать, расстанемся с жизнью... – Он перевел взгляд на Лини и Бриане. Кайриэнка, в свою очередь, не отрываясь смотрела на Ламгвина, словно желая удостовериться, что он цел и невредим. – Моя королева, если бы мы могли хоть чем-то помочь... Простите, я подвел вас.

– «Лекарство всегда кажется горьким», – пробормотала Лини. – Особенно девочкам, не умеющим сдерживаться, тем, что попусту язык распускают.

Хорошо еще, что пробормотала тихо и никто, кроме Моргейз, не мог расслышать. Но нянюшка, несомненно, была права. Почти во всем. А у Базела был такой несчастный вид – в пору голову положить на плаху.

– Ты вовсе не подвел меня, мастер Гилл. Возможно, настанет день – и я прикажу тебе умереть за меня, но никогда не стану требовать, чтобы ты отдал жизнь напрасно. Найол хотел только поговорить со мной, не более того. – Базел воспрял духом, но Моргейз чувствовала на себе взгляд Лини. Очень сердитый взгляд. – А сейчас попроси Талланвора зайти ко мне. Я... я хочу попросить у него прощения за необдуманные слова.

– Лучший способ извиниться перед мужчиной, – встряла Бриане, – уединиться с ним в укромном уголке сада.

Это было уже слишком. Не сознавая, что делает, Моргейз швырнула в кайриэнку кубок. Пунш расплескался по ковру.

– Убирайся! Все убирайтесь вон! А ты, мастер Гилл, передай Талланвору мои извинения.

Бриане невозмутимо отряхнула платье, потом не спеша подошла к Ламгвину и взяла его под руку. Базелу с трудом удалось вытолкать эту парочку из комнаты.

К удивлению Моргейз, Лини тоже вышла. Вот уж чудно, скорее можно было ждать, что она останется и примется читать своей воспитаннице нравоучения, словно той до сих пор десять лет. Моргейз порой удивлялась, как она терпит такое обращение, но сейчас чуть сама не попросила Лини остаться. Однако все ушли, двери закрылись, а у оставшейся в одиночестве королевы были дела и поважнее, чем размышлять о том, насколько задеты нянюшкины чувства.

Айлрон потребует торговых льгот, думала она, меряя шагами ковер. Возможно, нужны будут и те уступки и жертвы, о которых говорил Найол. Весьма вероятно, Найол прав и в другом – действенной помощи от короля Амадиции все равно не добиться. Удовлетворить запросы Найола будет, наверное, легче. Он захочет, чтобы белоплащники были допущены в Андор и получили возможность выискивать по всем чердакам приспешников Темного да натравливать толпу на беззащитных женщин, объявляя их Айз Седай. И убивать настоящих Айз Седай, коли те попадутся им в руки. Скорее всего, он потребует принятия закона, запрещающего использовать Силу и отправлять женщин на обучение в Белую Башню.

В конце концов, белоплащников можно потом и выгнать из Андора, хотя это наверняка будет стоить немалой крови. Но обязательно ли вообще их туда пускать? Ведь Ранд ал'Тор действительно Дракон Возрожденный. В этом Моргейз не сомневалась, что бы там ни говорил Найол. Почти не сомневалась, хотя в пророчествах, насколько ей было известно, не говорилось о том, что Дракон будет управлять государствами. Ни истинный Дракон, ни Лжедракон не вправе владеть Андором. Но как выяснить действительное положение дел?

Послышался робкий стук в дверь.

– Войдите, – резко бросила Моргейз, обернувшись.

Дверь медленно открылась. На пороге стоял улыбающийся молодой человек в красной, расшитой золотом ливрее. В руках он держал поднос с кувшином вина – видимо, только что с ледника. От холода на серебре выступили бусинки влаги. А она-то думала, что это Талланвор. В открытую дверь ей был виден коридор, где стоял на страже Ламгвин. Стоял один, лениво опираясь о стену, словно в таверне. Королева знаком приказала поставить поднос – раздраженно, ибо должен был, непременно должен был прийти Талланвор! – и снова принялась ходить из угла в угол.

Как разузнать побольше? Возможно, Базел с Ламгвином и подслушают что-нибудь в ближайшей деревне, но кто поручится за правдивость этих слухов? Их вполне может распускать сам Найол. По схожей причине трудно доверять и тому, о чем толкуют дворцовые слуги.

– Моя королева! Могу ли я поговорить с вами, моя королева?

Моргейз повернулась в изумлении, ибо никак не ожидала услышать андорский говор. Молодой человек стоял на коленях. Улыбка его становилась попеременно то робкой и смущенной, то задорной и чуть ли не хвастливой. Пожалуй, он был бы хорош собой, если бы не сломанный когда-то нос. Грубую физиономию Ламгвина перебитый нос, кажется, даже не портил – на его лице он казался вполне естественным. Но этот паренек не походил на громилу. Не иначе как споткнулся и неудачно упал ничком.

– Кто ты такой? – спросила королева. – Как ты здесь оказался?

– Меня зовут Пайтр Конел, моя королева. Я из Шеранского Рынка. Это в Андоре, – добавил он на тот случай, если она не знает. Моргейз нетерпеливым жестом велела продолжать. – Я приехал в Амадор с Дженом, своим дядюшкой. Он купец из Четырех Королей и рассчитывал прикупить здесь тарабонских красок для тканей. Нынче они дороги, потому как в Тарабоне нелады, но он подумал, что здесь, может быть, удастся... – Королева поджала губы, и он поспешно продолжил: – Мы услышали, что вы, моя королева, здесь, в этом дворце. Вот мы и подумали: вы ведь обучались в Башне, и все такое, а законами Амадиции это запрещается... Мы подумали, что можем помочь вам... – Он слотнул и закончил совсем тихо: – Помочь вам бежать.

– Бежать? Вы хотите помочь мне... бежать?

Может, это и не лучший план, но он открывает возможность ускакать на север, в Гэалдан. Вот уж Талланвор будет злорадствовать. Впрочем, нет, как раз злорадствовать-то он не станет, а это еще хуже.

Пайтр сокрушенно покачал головой:

– Хотели, моя королева. У дяди Джена был хороший план, но теперь его не осуществить. Дворец битком набит белоплащниками. Я не знал, что делать, только и смог, что проникнуть к вам вот таким способом. Его мне тоже дядюшка подсказал. И он непременно придумает новый способ выволить вас, моя королева. Дядя Джен, он страсть какой смекалистый.

– В этом я не сомневаюсь, – пробормотала Моргейз. И так, забрезжила новая надежда. Гэалдан. – А давно ты из Андора? Месяц? Два?

Пайтр кивнул.

– Стало быть, ты не знаешь, что происходит сейчас в Кэймлине, – со вздохом произнесла королева.

Молодой человек облизал губы:

– Я... Мы остановились в Амадоре у одного человека, который держит голубей. Почтовых голубей. Он купец. К нему поступают известия отовсюду. И из Кэймлина тоже. Но это дурные вести, дурные для вас, моя королева. Однако дядя непременно придумает, как вас выручить, только на это потребуется время. День-другой, не больше. А я просто хотел дать вам знать, что помощь близка.

Ну что ж, может, так и поступить? Взять да и устроить состязание между Пейдроном Найолом и смекалистым дядюшкой Дженем. Жаль только, что нетрудно догадаться, кто, скорее всего, одержит победу.

– Пусть твой дядюшка думает, а ты тем временем расскажешь мне все, что тебе известно о событиях в Кэймлине.

– Моя королева, меня просили лишь сообщить, что у вас есть верные подданные. Дядя рассердится, если я задержусь, и...

– Я – твоя королева, Пайтр, – твердо заявила Моргейз. – Твоя и твоего дядюшки. Он не станет возражать, если ты ответишь на некоторые мои вопросы.

Судя по его виду, Пайтру больше всего хотелось удрать, но королева устроилась в кресле и принялась по крупницам выжимать из него правду.

Когда Пейдрон Найол спешил в главный дворе Цитадели Света и бросил поводья конюху, он чувствовал себя превосходно. Для того чтобы поприжать Моргейз, ему даже не пришлось лгать. Лгать лорд капитан-командор не любил. Разумеется, он интерпретировал события по-своему, но ничуть не сомневался в том, что Ранд ал'Тор – Лжедракон и орудие Башни. Увы, в мире слишком много глупцов, неспособных думать самостоятельно и готовых принять на веру всякие рассказы. Но Последняя битва вовсе не будет титаническим поединком между Темным и Возрожденным Драконом, который, пусть он и впрямь возродится, останется всего лишь человеком. Нет, Творец уже давным-давно перестал мешаться в дела человечества, предоставив его собственной судьбе. Когда настанет Тармон Гай'дон, произойдет примерно то же, что и во время Троллоковых войн, когда – две тысячи лет назад – бесчисленные орды троллоков, отродий Тени и прочей нечисти, хлынув из Великого Запустения, прорвались через Пограничные земли и едва не утопили весь мир в крови. Он, Пейдрон Найол, не позволит человечеству встретить эту опасность слабым и разъединенным.

Весь путь по каменным коридорам Цитадели до его личных покоев лорду капитан-командору сопутствовала рябь поклонов – Чада Света в белоснежных плащах приветствовали своего главу. В передней поспешно поднялся на ноги Балвер, его личный секретарь, и принялся перечислять бумаги, дожидавшиеся подписи лорда капитана. Однако внимание Найола привлек

рослый мужчина, легко поднявшийся со стула возле стены. На его плаще, под эмблемой солнца, красовался темно-красный пастушеский посох, а ниже три золотых банта – знаки высокого ранга.

Джайхим Карридин, инквизитор Десницы Света, выглядел человеком суровым, каким и был. Со времени последней встречи с Найолом на висках у него изрядно прибавилось седины, а в глубоко посаженных темных глазах таилась тревога. Что и неудивительно, ибо он провалил два данных ему поручения подряд – такое едва ли простительно для человека, лелеявшего надежду сделаться со временем верховным инквизитором, а возможно, даже и лордом капитан-командором.

Бросив плащ Балверу, Найол жестом предложил Карридину проследовать за собой в приемную. Отделанные темными панелями стены украшали трофейные знамена поверженных недругов Цитадели, а на полу красовался огромный, сверкающий знак солнечной вспышки. Золота на него пошло столько, что глаза слепило. В остальном убранство комнаты было по-солдатски простым и непритязательным – под стать самому Найолу. Он уселся в кресло с высокой спинкой, добротное, ничем не украшенное. В обоих концах комнаты высились каменные каминные, вычищенные и холодные, тогда как в это время года в них должно было вовсю бушевать пламя. Это ли не явное свидетельство того, что Последняя битва не за горами? Карридин отвесил низкий поклон и преклонил колени на золотом многолучевом солнце, за многие века гладко отполированном коленями и ступнями.

– Ты размышлял о том, почему я послал за тобой, Карридин?

После того что случилось на равнине Алмот, при Фалме и в Танчико, Карридин вполне мог полагать, что его собираются взять под стражу. Но если он и имел в виду такую возможность, это никак не сказалось на его голосе. И как обычно, инквизитор не удержался, чтобы не показать, что знает больше, нежели кто-либо другой. Гораздо больше, чем можно было от него ждать.

– Айз Седай появились в Алтаре, милорд капитан-командор. Вот прекрасная возможность расправиться с половиной тарвалонских колдуний прямо у нашего порога.

Это было явным преувеличением – в Салидаре собралось не более трети сестер.

– Ты обсуждал это со своими друзьями?

Найол сомневался в том, что у Карридина были друзья, но собутыльники водились. В последнее время этот человек выпивал куда больше и чаще, чем следовало. Тем не менее он обладал некоторыми весьма полезными способностями.

– Нет, милорд капитан-командор. Я знаю, что о таких вещах не говорят.

– Это очень хорошо, – заметил Найол. – Хорошо, поскольку ты не поедешь в Салидар. Ни ты, ни кто-либо еще из Чад.

Найолу показалось, что по лицу Карридина промелькнула тень облегчения. Впрочем, скорее всего, просто померещилось – чего-чего, а трусости за Джайхимом до сих пор не замечалось. Да и его ответ не указывал на облегчение.

– Но ведь они сами просятся нам в руки. Это явное доказательство того, что слухи верны. Башня расколота, и, значит, мы можем прижать эту компанию, а остальные и пальцем не шевельнут. Эту проклятую Башню можно ослабить, разбив Айз Седай по частям, и тогда она падет сама.

– Ты так думаешь? – сухо спросил Найол и тут же постарался смягчить тон. Эти Вопросы – Десница Света не жаловала такое название, но тем не менее его использовал даже лорд капитан-командор – порой не видят дальше своего носа. – Неужто ты не понимаешь, что даже Башня не может открыто выступить в поддержку Лжедракона вроде этого ал’Тора? Они должны подумать о том, что будет, если и он выйдет из повиновения, как Логайн. Вот для чего нужны «бунтовщицы». Они помогут ал’Тору, но если все обернется не так, как ими задумано, юбки Айз Седай из Башни останутся незапятнанными. – Найол был уверен, что дела обстоят

именно так. Он не верил в раскол среди Айз Седай, иначе не преминул бы использовать его, чтобы ослабить Башню. – В любом случае главное не то, что существует на самом деле, а то, что видит мир. И я не допущу, чтобы он увидел просто-напросто борьбу между Чадами и Башней. – Во всяком случае, до тех пор, полагал Найол, пока мир не поймет, что в действительности представляет собой пресловутая Башня, пока люди не осознают, что в ее стенах собрались гнусные приспешники Темного, занимающиеся делами, которых человеку не пристало касаться. Теми самыми, какие некогда привели к Разлому Мира. – Мир должен ополчиться против Лжедракона ал’Тора.

– Но каковы будут приказы мне, милорд капитан-командор, раз я не поеду в Алтару?

Найол со вздохом откинул назад голову. Неожиданно он почувствовал себя смертельно уставшим и ощутил груз прожитых лет.

– Ты поедешь в Алтару, Карридин.

О Ранде ал’Торе Пейдрон Найол узнал вскоре после памятных событий при Фалме, где Чада потеряли тысячу воинов. Этот заговор Айз Седай положил начало распространению массового безумия и хаоса в Тарабоне и Арад Домане, где множилось число принявших Дракона. Он знал, кто таков этот ал’Тор, и полагал, что сумеет использовать его появление, чтобы объединить народы и государства. Объединить под его, Найола, властью. Тогда мир сможет и избавиться от ал’Тора, и своевременно подготовиться к вторжению троллочьих орд. Лорд капитан-командор уже разослал гонцов ко всем правителям, чтобы предупредить их об угрозе, исходящей от Лжедракона. Однако и ал’Тор действовал на удивление быстро. Найол поначалу рассчитывал, что этот бешеный лев будет только пугать людей своим ревом, носясь по улицам, но он оказался громадным и стремительным, как молния, и очень опасным.

Но Найол верил, что еще не все потеряно. Более тысячи лет назад Возрожденным Драконом объявил себя некий Гвайр Амаласан, умевший направлять Силу. Поначалу этот Лжедракон захватил куда больше земель, чем Ранд ал’Тор, но молодой король по имени Артур Пейндраг Танриал выступил против него, ниспроверг и создал собственную империю. Найол, конечно же, не считал себя новым Артуром Ястребиное Крыло, но похоже, кроме него, миру не на кого надеяться. А он не откажется от борьбы, пока жив.

И он уже начал противодействовать растущей мощи ал’Тора. Помимо гонцов, направленных к правителям всех стран, Найол послал в Тарабон и Арад Доман верных людей, чтобы те распускали нужные слухи. Виновниками всех бед и несчастий объявляли приспешников Темного, глупцов, называющих себя принявшими Дракона, и, конечно же, Белую Башню. Из Тарабона распространялись известия о причастности Айз Седай к тамошнему кровопролитию. Людей готовили к тому, чтобы они могли выслушать и принять правду. Пожалуй, теперь настало время перейти к следующему этапу плана и показать всем колеблющимся, на чью сторону им надлежит встать. Время. Времени у Найола в обрез, но все же он улыбнулся. Некогда он знал людей, говаривавших: «Найол улыбается – смерть подбирается». Ныне все они уже были мертвы.

– Принявшие Дракона распространяются подобно чуме, – заявил лорд капитан-командор, обращаясь к Карридину. – Наш долг – излечить Алтару и Муранди от этой заразы.

Всем своим видом – сводчатым, украшенным лепниной потолком, искусно сработанными коврами на выложенном белой плиткой полу, резными панелями на стенах – это помещение напоминало дворцовую гостиную. Только вот находилось оно очень далеко от любого дворца. И, по правде говоря, вообще от любого места, в том смысле, какой вкладывают в это понятие обычные люди. Красновато-коричневое платье Месаны шуршало, когда она перемещалась вокруг инкрустированного лазуритом столика, сооружая для забавы башенку из костяшек домино, причем такую, что каждый верхний этаж был шире нижнего. Она гордилась тем,

что делает это только на основе расчета нагрузки и прочности, не прибегая к Единой Силе. Башенка поднялась уже на девять этажей.

Если быть точнее, возня с башенкой была не столько забавой, сколько предлогом, позволявшим избежать разговора с другой находившейся в той же комнате женщиной. В кресле с высокой спинкой, обтянутом красным гобеленом, сидела за вышиванием Семираг. Ее длинные изящные пальцы проворно делали стежок за стежком, создавая изысканно-сложный узор из мельчайших цветов. Очень странно, что ей нравится занятие столь... заурядное. Черное платье резко выделялось на фоне обивки кресла. Даже Демандред не решался сказать Семираг в лицо, что она так часто носит черное в пику Ланфир, предпочитавшей белый цвет.

В тысячный раз Месана попыталась понять, почему она чувствует себя в присутствии Семираг как-то неуютно. Месана прекрасно знала свои преимущества и недостатки как во владении Единой Силой, так и в любом другом отношении. В чем-то она уступала Семираг, но в чем-то превосходила ее. Причина коренилась в другом. Семираг испытывала удовольствие, причиняя страдания, но это вряд ли смутило бы Месану. Она сама, если требовалось, могла проявить не меньшую жестокость и уж вовсе не интересовалась тем, что проделывает Семираг с другими. Какая-то причина, несомненно, была, но Месане никак не удавалось уразуметь, в чем она заключается.

Досадуя на себя, она неверно положила очередную костяшку, и башенка со стуком развалилась, и костяные прямоугольники посыпались на пол. Щелкнув языком, Месана отвернулась от стола и сложила руки на груди:

– Где Демандред? Сколько можно ждать? Он уже семнадцать дней как отправился в Шайол Гул, но что-то не торопится сообщить нам послание. И даже не появляется.

Самой ей довелось побывать у Бездны Рока два раза. Дважды за последнее время прошла она под касавшимися волос каменными клыками, но не видела никого, кроме странного, слишком рослого мурддраала, не желавшего говорить. Проход там был, безусловно; его наличие ощущалось, но Великий повелитель молчал. И оба раза она там не задерживалась. Месана считала себя неспособной испытывать страх и уж во всяком случае думала, что ее не испугаешь взглядом Получеловека, но под безмолвным безглазым взором этого мурддраала невольно ускоряла шаги. Ей приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не пуститься бежать. Направлять там Силу было равнозначно гибели, не то она или уничтожила бы Получеловека, или сама Переместилась бы из Шайол Гул.

– Где же он, в конце концов? – воскликнула Месана.

Семираг подняла взгляд от своего шитья – темные немигающие глаза на гладком смуглом лице. Затем она отложила рукоделие и плавно поднялась.

– Когда надо, тогда и появится, – спокойно произнесла Семираг. Она всегда была спокойна и всегда грациозна. – А не хочешь ждать, уходи.

Месана непроизвольно приподнялась на цыпочки, но ей все равно приходилось смотреть на другую женщину снизу вверх. Ростом Семираг превосходила большинство мужчин, но была так превосходно сложена, что это не бросалось в глаза, пока она не оказывалась рядом.

– Уйти? Вот как? Я, значит, уйду, а он...

Разумеется, никакого предупредительного знака не было. Его и не должно быть – женщина не может почувствовать, как направляет Силу мужчина. В воздухе возникла яркая вертикальная щель. Затем она расширилась – открылся проем. В комнате появился Демандред и слегка поклонился, приветствуя обеих женщин. Сегодня он предстал перед ними в темно-сером камзоле, оттененном полосой бледных кружев у ворота. Он без труда освоил манеры и моды этой эпохи.

Его ястребиный профиль был довольно красив, но не той красотой, что заставляет женское сердце биться сильнее. «Почти» и «не вполне» – эти слова во многом определяли всю его судьбу. Демандреде всегда недоставало самой малости. Он имел несчастье родиться на

один день позже Льюса Тэрина Теламона, ставшего впоследствии Драконом. Всю свою жизнь Бэрид Бел Медар, как звали Демандреда тогда, когда он, многие годы соперничая с Теламоном, «почти» повторял его достижения, но «не вполне» достиг его славы. А ведь не будь Льюса Тэрина, Бэриду не было бы равных. Если бы в ту эпоху первенство досталось ему, разве сейчас здесь стоял бы Демандред? Но тогда предпочтение было отдано этому глупцу Теламону, осторожному, но удачливому. Сейчас же это были предположения, имевшие под собой мало оснований, хотя Месана и раздумывала над ними прежде. Нет, важным оставалось то, что Демандред всегда презирал Дракона и теперь, когда тот Возродился, ничуть не изменил своего мнения.

– Почему ты?..

Демандред поднял руку:

– Подожди, Месана. Расскажу, когда соберутся все. Тогда мне повторяться не придется.

Она ощутила саидар за мгновение до того, как появилась еще одна светящаяся щель и открылся новый проем. Грендаль ступила вперед, и отверстие за ее спиной исчезло почти мгновенно, так же как и за спиной Демандреда. На сей раз эту плотную женщину с причудливо завитыми золотыми волосами не сопровождала обычная свита из полудюжины полуодетых слуг. Ей каким-то образом удалось раздобыть стрейт для своего платья с высоким воротом. Эта ткань меняла цвет в зависимости от настроения и сейчас выглядела полупрозрачной дымкой. Порой Месане казалось, что Грендаль и впрямь не интересуется ничем, кроме чувственных удовольствий.

– А я-то гадала, явитесь ли вы вообще, – беззаботным тоном произнесла новоприбывшая. – Вы ведь все такие скрытные...

Она рассмеялась – весело и слегка дурашливо. Но было бы серьезной ошибкой судить о Грендали по манере держаться и недооценивать ее. Считавшие эту женщину простушкой в большинстве своем уже расстались с жизнью.

– Саммаэль придет? – спросил Демандред.

Грендаль махнула рукой:

– Не думаю. Он вам не доверяет. По-моему, он уже и себе-то перестал доверять. – (Стрейт потемнел, превратившись в плотный туман.) – Он собирает в Иллиане войска и сокрушается, что не может вооружить их шокowymi копьями. А когда не занят этим, пытается найти пригодный ангриал или са'ангриал. Само собой, подходящий по мощи.

Все взоры обратились к Месане, и она глубоко вздохнула. Любой из них отдал бы... почти все что угодно за подходящий ангриал или са'ангриал. Конечно, каждый из Избранных обладал несравненно большей мощью, чем любая из этих недоученных девиц, которые ныне именуют себя Айз Седай, но, объединившись, эти девицы, пожалуй, смогли бы сокрушить их всех. Правда, они давным-давно забыли, как это делается, да хоть бы и помнили... Теперь среди Айз Седай не было мужчин, а между тем, чтобы осуществить связь более чем из тринадцати человек, требовался по меньшей мере один мужчина, а чтобы связать свыше двадцати семи человек – несколько. По существу, эти девчонки – самые старшие из них действительно казались ей девчонками, ведь она прожила более трехсот лет, не считая времени, проведенного вне мира в узилище, но по понятиям своей эпохи лишь вступала в зрелый для Айз Седай возраст, – так вот, эти девчонки реальной угрозы не представляли, что, впрочем, ничуть не умаляло желания всех собравшихся в комнате завладеть ангриалом, а еще лучше са'ангриалом, гораздо более мощным. С помощью этих предметов, остатков их собственной эпохи, они могли бы направлять такие потоки Силы, которые уничтожили бы их. Ради такой возможности стоило рискнуть многим. Однако же не всем, и едва ли следовало рисковать без крайней необходимости. Сейчас такой необходимости вроде бы не было, но желание от этого меньше не становилось.

Месана невольно заговорила нравоучительным тоном:

– Теперь в Белой Башне охрана и малые стражи оберегают не только входы, но и сами хранилища, к тому же они пересчитывают там все по четыре раза на дню. А Великое хранилище в Твердыне Тира опутано какой-то гадкой охранной сетью из потоков, свитых так хитро, что я чуть в нее не угодила. Попытайся я расплести ее или прорваться через нее, то так бы там и осталась. Распутать такую паутину под силу только той, что сама ее свила. Это самая настоящая западня для любой женщины, способной направлять Силу.

– Насколько я слышал, это хваленое хранилище – всего-навсего свалка запыленного хлама, – презрительно заметил Демандред. – Тайренские невежды попросту прибирали к рукам все, что казалось им имеющим отношение к Силе.

Месана подозревала, что Демандред располагал на сей счет не только слухами. А еще она подозревала, что вокруг Великого хранилища соткана ловушка и для мужчин. В противном случае Демандред сам бы давно овладел са'ангриалом и обрушился на Ранда ал'Тора.

– Вне всякого сомнения, что-то осталось в Руидине или Кайриэне, – заметила Месана, – но там непременно нарвешься если не на самого ал'Тора, то на целую ораву женщин, умеющих направлять Силу.

– На этих невежественных девчонок! – фыкнула Грендаль.

– Когда кухарка всадит тебе в спину нож, – невозмутимо заметила Семираг, – разве ты будешь не так же мертва, как если бы пала в дуэли ша'дже при Куал?

Месана кивнула:

– Итак, остается лишь то, что погребено под древними развалинами или просто завалось где-нибудь на чердаках. Если кому-то из вас хочется искать вслепую, полагаясь на случай, – пожалуйста. Но я не стану этого делать, пока кто-нибудь не укажет местонахождение хотя бы одного стасис-накопителя.

Последние слова прозвучали суховато. Даже Разлом Мира не смог бы уничтожить стасис-накопители, но все они в результате этого катаклизма, скорее всего, оказались погребенными под горами или канули на дно океана. Мало что сохранилось от мира, который они знали, кроме разве что некоторых имен и преданий.

Улыбка Грендаль источала сладость.

– Мне всегда казалось, что тебе просто суждено было стать учительницей... Ох, прости, я совсем забыла.

Лицо Месаны помрачнело. Ее путь к Великому повелителю начался как раз с того, что для нее не нашлось места в Коллам Даане. Ее, видите ли, сочли неспособной к самостоятельным исследованиям. Правда, они все же решили, что она может учить. Вот она и учила, покуда не нашла способ научить уму-разуму их всех!

– А вот я все еще хочу услышать, что сказал Великий повелитель, – будто невзначай пробормотала Семираг.

– Да. Должны ли мы убить Ранда ал'Тора? – Месана осеклась, поняв, что вцепилась руками в подол. Странно, она-то считала, что умеет скрывать свои чувства. – Если все пойдет, как задумано, то месяца через два, в крайнем случае через три, я сумею его заполучить. Ничто ему не поможет.

– Как это ты сумеешь его заполучить? – выгнула бровь Грендаль. – Где ты устроила себе берлогу? Впрочем, это не важно. Думаю, этот план не хуже любого другого, о котором мне приходилось в последнее время слышать.

Демандред по-прежнему хранил молчание, глядя не на Грендаль, а на Месану и Семираг. Когда же он наконец заговорил, то, казалось, обращался к себе в той же мере, что и к этим двум собеседницам:

– Всякий раз, размышляя о том, где вы – вы обе – пребываете, я диву даюсь. Интересно, многое ли известно Великому повелителю? И давно ли? И что из случившегося произошло по его замыслу? – Ответа не было. Демандред немного помолчал и продолжил: – Итак, вы

хотите знать, что сказал мне Великий повелитель. Хорошо. Но все это останется между нами. Раз Саммаэль не счел нужным явиться сюда, он ничего не узнает. И остальные – как живые, так и мертвые. А Великий повелитель сказал мне следующее: «Пусть правит властелин хаоса». Таковы его точные слова.

Уголки рта Демандреда дернулись. Месане даже показалось, что он улыбнулся. Затем было рассказано остальное.

Слушая, Месана поймала себя на том, что дрожит, но сама не знала, что тому причиной – страх или возбуждение. План этот, безусловно, мог сработать и сулил очень многое, однако был рассчитан на везение и столь рискован, что ей стало не по себе. Другое дело Демандред – он игрок по натуре. И в одном, безусловно, прав – Льюс Тэрин сам творил свою удачу, словно чеканщик монет. Возможно, и Ранд ал'Тор таков же.

Если только... Если только у Великого повелителя нет иного, тайного плана. Такая возможность пугала ее больше всего.

Зеркало в золоченой раме отражало комнату без дверей и окон, с изысканным мозаичным панно на стене, роскошно обставленную и устланную великолепными коврами. А еще оно отражало нервно расхаживающую по комнате женщину в кроваво-красном платье. На лице женщины – надо признать, весьма привлекательном – отражались гнев и недоверие. Но в зеркале отражалось и другое, мужское лицо, интересовавшее его гораздо больше. Он даже не удержался и чуть ли не в сотый раз коснулся своего носа, губ и щек, чтобы удостовериться, что они настоящие. Лицо было не слишком молодым, но все же моложе, чем принадлежавшее ему после того, первого пробуждения от бесконечно долгого, полного кошмаров сна. Однако ничем не примечательное лицо, а он терпеть не мог заурядности. Уловив, как в горле зарождается булькающий смех, он подавил его. Он не безумен. Несмотря ни на что, все же не безумен.

Теперь у него было не только новое тело, новое лицо, но и новое имя, данное во время этого второго, короткого, но еще более наполненного кошмарами сна. Имя, названное издревле знакомым голосом, которого он страшился и которому нельзя было перечить. Теперь его звали Осан'гар. Прежнее имя, полученное в насмешку, но принятое в гордыне, кануло в небытие. Так решил его господин, так изрек его голос. Женщину же звали Аран'гар; она тоже рассталась с прежним именем.

Имена были выбраны со значением. *Осан'гар* и *аран'гар* – так называли некогда кинжалы для левой и правой руки, поединки на которых были одно время в ходу. Происходили дуэли в том длинном здании... Да, начиная с того дня, как проделали Проход, и до подлинного начала Войны Силы. Воспоминания его были обрывочны – слишком многое исчезло и за долгий его сон, и за короткий, но это он помнил. Впрочем, мода на такие поединки быстро прошла, ибо, как правило, в них гибли оба противника. Клинки кинжалов смазывались смертельным, медленно действующим ядом.

В зеркале зарыбило, и он обернулся, хотя не слишком поспешно. Он уже вспомнил, кто он таков, а значит, об этом следовало помнить и другим. Дверей по-прежнему не было, однако теперь в комнате оказался мурддраал. В этом не было бы ничего необычного, если бы не рост Получеловека. Такого высокого мурддраала Осан'гар еще никогда не видел.

Он не спешил, давая Получеловеку время признать его, а потому, когда он открыл наконец рот, первой отрывисто заговорила Аран'гар:

– Что это такое? Почему меня поместили в это тело? Почему? – Последние слова звучали почти как вопль.

Не зная Осан'гар о неспособности мурддраалов улыбаться, он бы, пожалуй, подумал, что бескровные губы Получеловека искривились в ухмылке. Даже троллоки обладали чувством юмора, хотя и извращенным и жестоким. Но не мурддраалы.

– Вам дали лучшие тела, какие удалось раздобыть в Пограничных землях. – Голос Получеловека звучал как шелест гадюки, ползущей в сухой траве. – Прекрасные тела, сильные, здоровые. И уж это всяко не худший вариант.

Все сказанное Получеловеком соответствовало действительности. Тело у Аран'гар и впрямь было хоть куда, в самый раз для танцовщицы-дайен в прежние времена: чувственное, гладкое, крепкое. Овальное матовое лицо с зелеными глазами, обрамленное блестящими черными волосами. И уж всяко это было предпочтительнее худшего варианта.

Однако Аран'гар, по-видимому, воспринимала все иначе. Ее прекрасное лицо исказилось от ярости. В таком состоянии она могла выкинуть что угодно. Осан'гар осознавал, что подобная возможность не исключена; из-за этого всегда возникали проблемы. Ланфир по сравнению с Аран'гар выглядела бы верхом осторожности. И Осан'гар, не раздумывая, потянулся к саидин. Конечно, направлять Силу здесь опасно, но никак не опаснее, чем позволить ей совершить нечто непоправимое. Он потянулся – и ничего не ощутил. Даже щита, что ограждал бы его от Источника, – он бы почувствовал щит и знал, как обойти или пробить подобный барьер, требовалось лишь время, если щит не чересчур крепок. Но это могло означать, что его отъединили. Осан'гар окаменел от ужаса.

Аран'гар, скорее всего, сделала такое же открытие, но повела себя иначе. Она с пронзительным криком бросилась, словно кошка, на мурддраала, пытаясь ногтями вцепиться в безглазое лицо.

Конечно же, от подобной выходки не было никакого толку. Даже не изменив позы, Получеловек схватил ее за горло и, вытянув руку, поднял в воздух. Крик перешел в хриплое бульканье. Аран'гар обеими руками вцепилась в запястье Получеловека, тщетно стараясь ослабить хватку. Держа извивающуюся женщину на весу, мурддраал повернулся к Осан'гару:

– Ты не отъединен. Но направлять Силу не будешь, пока тебе не позволят. И никто из вас не сможет повредить мне. Я – Шайдар Харан.

Осан'гар попытался сглотнуть, но во рту у него пересохло. Безусловно, к тому, что с ним случилось, мурддраал не имел отношения. Некоторыми возможностями мурддраалы обладают, но, уж несомненно, не такими. Однако этот Получеловек явно знал, в чем дело. Осан'гар никогда не любил мурддраалов. Он помогал создавать троллоков и гордился своими знаниями и умениями, позволявшими смешивать животную и человеческую природу. Но мурддраалы – другое дело. Они всегда внушали ему некоторое беспокойство.

Между тем Шайдар Харан вновь обернулся к задыхающейся в его хватке женщине. Ее лицо начало уже синеть, а ноги вяло подергивались.

– Ты привыкнешь, – прошелестел он. – Тело покоряется душе, но разум подчиняет тело. Ты уже привыкаешь. Скоро тебе будет казаться, что оно от рождения твое. Хотя, если хочешь, можешь отказаться. Тогда твое место займет кто-то другой, а тебя, в таком состоянии, отдадут моим... собратям. – Тонкие губы мурддраала вновь слегка дрогнули. – Они истосковались по забавам. В Пограничье последнее время недостает развлечений.

– Она ведь не может ответить, – вмешался Осан'гар. – Ты задушишь ее! Разве ты не знаешь, кто мы такие? Отпусти ее немедленно, Получеловек! Делай, что тебе велено! – Эта тварь обязана повиноваться одному из Избранных.

Однако мурддраал довольно долго вглядывался в потемневшее лицо Аран'гар и только потом чуть ослабил хватку, позволив ногам женщины коснуться ковра.

– Я повинуюсь лишь Великому повелителю. Только ему, и никому больше. – Женщина продолжала висеть, пытаясь набрать в грудь воздуха. – А ты? Покоришься воле Великого повелителя? – В этом скрежещущем голосе прозвучало вовсе не требование, а лишь небрежно заданный вопрос.

– Да... да... – хрипло выдохнула она, и лишь тогда Шайдар Харан отпустил ее.

Женщина качнулась, растирая горло. Осан'гар двинулся было к ней, но она резко отпрянула, сверкнув глазами, и даже показала ему кулак. Он отступил, выставив перед собой ладони и успокаивая. Ну что ж, он не собирался с ней ссориться. Зачем, если все обстоит совсем неплохо. Прекрасное новое тело, да и шутка замечательная. Он всегда гордился своим чувством юмора, но ничего не скажешь, над ней и в самом деле подшутили изрядно.

– Неужто вы не испытываете благодарности? – спросил мурддраал. – Вы были мертвы, а теперь вернулись к жизни. Подумайте хотя бы о Равине, чья душа оказалась за гранью спасения, за пределами времени. У вас есть возможность снова послужить Великому повелителю и заслужить его прощение за свои ошибки.

Осан'гар поспешил заверить мурддраала в своей безграничной благодарности и преданности Великому повелителю. Выходит, Равин умер, размышлял он. Что же с ним случилось? Впрочем, это не так уж важно. Чем меньше останется Избранных, тем больше величия и власти обретет каждый из них после освобождения Великого повелителя. Ради этого Осан'гар готов забыть о низкой природе мурддраала, который, как и троллоки, мог быть его собственным творением. К тому же он слишком хорошо помнил, что такое смерть, и готов был пресмыкаться перед червем, лишь бы не испытать этого снова. И, как он подметил, Аран'гар тоже, несмотря на всю ярость, сверкавшую в ее взоре. Несомненно, она тоже хорошо помнила о смерти.

– Пора вам вернуться в мир и вновь послужить Великому повелителю, – заявил Шайдар Харан. – О том, что вы живы, неведомо никому, кроме него и меня. Если вы преуспеете, то будете жить вечно и возвыситесь над прочими, но если вновь допустите оплошность... Но вы ведь ее не допустите?

И Получеловек улыбнулся. Действительно улыбнулся – но так могла бы улыбнуться и сама смерть.

Глава 1

Лев на холме

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, над покрытыми жухлой буровой порослью холмами Кайриэна поднялся ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

Ветер дул на запад над заброшенными деревнями и фермами, порой представлявшими собой лишь груды обугленных бревен. Кайриэн был разорен войной, мятежами и раздорами, повергшими страну в хаос, и даже сейчас, когда с этим было покончено, немногие решались вернуться в свои дома. Ветер не нес ни облачка, ни тумана, а солнце палило так, словно вознамерилось напрочь иссушить все живое, что еще осталось на этой земле. Там, где река Эринин отделяла маленький городок Мироун от смотревшего на него с противоположного берега Арингилла, города побольше, ветер перенесся в Андор. Солнце пропалило оба города, и если мольбы о дожде чаще возносились в Арингилле, битком набитом беженцами из Кайриэна, то и скопившиеся вокруг Мироуна солдаты частенько поминали Творца – то изрядно напившись, то в порыве неудержимого благочестия. Обычно в это время уже выпадал первый снег, но многие страдавшие от жары люди боялись даже задуматься о том, что могло нарушить естественный порядок, не то что высказать свои страхи вслух.

Ветер дул на запад, сметая сухие опавшие листья и поднимая рябь на поверхности высохших, обмелевших водоемов. Некогда полноводные реки превратились в ручьи, с трудом пробивающиеся сквозь корку пересохшей глины. В Андоре села не лежали в развалинах, но кре-

стыне в отчаянии поднимали глаза на раскаленное солнце, стараясь даже не смотреть на поля, где засуха победила урожай.

Ветер дул дальше на запад и, пролетая над Кэймлином, подхватил и заколыхал два знамени, реявших над королевским дворцом в центре построенного огирами Внутреннего города. На одном, кроваво-красном полотнище был изображен диск, разделенный пополам извилистой линией: одна половина сияюще-белая, а другая черная, как бездна. Рядом расчерчивало небо снежно-белое знамя с изображением странного существа – четвероногого златогривого змея с золотистыми, как солнце, глазами и ало-золотой чешуей. Казалось, что он оседлал ветер. Трудно сказать, какой из символов вызывал больший трепет. Оба внушали страх, но порой он соседствовал с надеждой. Ибо то, что грозило гибелью, должно было принести и спасение.

Многие называли Кэймлин вторым по красоте городом мира, причем не только андорцы, нередко называвшие его первым, превосходящим даже Тар Валон. Город окружала огромная стена с множеством круглых башен, сложенная из серого с серебристыми и белыми прожилками камня. Внутри высились другие башни – золотые и белоснежные купола сверкали в лучах безжалостного солнца. Кэймлин взбирался по холмистым уступам к своему сердцу, древнему Внутреннему городу, окруженному собственной, ослепительно-белой стеной. За ней красовались свои башни и купола – пурпурные, белые, золотые или выложенные узорчатой мозаичной плиткой. Они будто смотрели свысока на Новый город, которому не было еще и двух тысяч лет.

Если Внутренний город был сердцем Кэймлина, и не только потому, что находился в его центре, то сердцем Внутреннего города являлся королевский дворец – подобная сказочному видению поэма белоснежных шпилей, золотых куполов и кружевной каменной резьбы. Сердце столицы, бившееся под сенью двух знамен.

Ранд, обнаженный по пояс и балансирующий на цыпочках, в этот момент не осознавал, что находится на вымощенном белыми каменными плитами внутреннем дворе дворца, как не видел и глазеющих на него людей, толпившихся среди окружающих двор колонн. Он истекал потом, полузажившая рана на боку жестоко болела, но и это почти не достигало его сознания. Его предплечья обвивали изображения диковинных зверей, подобных тем, что красовались на белом знамени. Ало-золотая чешуя отливала металлическим блеском. Айильцы называли эти существа Драконами, и другие переняли у них это слово. Он смутно осознавал только впечатавшиеся в его ладони изображения цапли, да и то лишь потому, что они прижимались к длинной рукояти деревянного учебного меча.

Ранд слился с мечом воедино и, отрешившись от всех мыслей, плавно скользил по плитам, переходя из позиции в позицию. «Лев на холме» сменялся «Серпом луны», перетекавшим в «Башню утра». Пятеро мужчин, как и он, обнаженные по пояс и истекавшие потом, окружали его с учебными мечами наготове; они наступали и отступали, мгновенно реагируя на каждое его движение. Только их присутствие Ранд и осознавал. Бывалые, знающие себе цену воюки с суровыми лицами были лучшими бойцами, каких ему удалось отыскать. Лучшими с тех пор, как ушел Лан, его учитель. Отрешившись от мыслей – как и учил Лан, – Ранд вел бой. Он был один с мечом – один против пятерых.

Он резко рванулся вперед, и противники, пытаясь удержать его в центре, вынуждены были на миг разорвать свое кольцо – двое из пяти двинулись вперед. Сложившееся равновесие нарушилось, чем и воспользовался Ранд. Развернувшись на полушаге, он метнулся в противоположную сторону. Отреагировать соперникам не удалось – было слишком поздно. Ранд отразил своим сделанным из скрепленных планок клинком обрушившийся сверху удар учебного меча и одновременно правой ногой нанес удар в живот одному из бойцов – крепкому сидящему мужчине. Тот сложился пополам, хватая ртом воздух. Давя клинком на клинок другого противника – детины с перебитым носом, – Ранд заставил его развернуться и, оказавшись снова рядом с седовласым, еще раз пнул его. Тот повалился на каменные плиты. Горбоносый попытался отступить, чтобы получить возможность замахнуть мечом, но это освободило и

меч Ранда. Он спиралью обвел свой клинок вокруг клинка противника – «Двойная виноградная лоза» – и ударил его прямо в грудь, да так, что тот свалился с ног.

Однако уже в следующее мгновение на Ранда ринулись остальные трое. Приземистый, но проворный малый пытался атаковать, с воплем перепрыгнув через лежащего на земле горбоносого. Ранд полоснул его поперек голеней, едва не опрокинув, а затем уложил на каменные плиты мощным ударом по спине.

Теперь остались только двое противников, но они были самыми умелыми. Один был строен и гибок – меч его двигался молниеносно, как змеиное жало. Другой, бритоголовый, на вид казался тяжеловатым, но он еще ни разу не допустил ни малейшей оплошности. Они немедленно разделились, чтобы атаковать с двух сторон, но Ранд не дал им на это времени. Он устремился навстречу гибкому худощавому малому с морщинистым обветренным лицом, стремясь разделаться с ним до того, как второй боец успеет обогнуть упавшего и напасть.

Противник был не только быстр, но и умен – Ранд платил бойцам полновесным золотом, и к нему приходили лучшие из лучших. Для андорца он был довольно высок, хотя на добрую ладонь ниже Ранда. Впрочем, рост не дает особых преимуществ, когда дело касается боя на мечах, хотя сила и может иметь некоторое значение. Ранд яростно атаковал; сжав зубы, его противник попятился. «Вепрь, несущийся с горы» смог пробиться сквозь защитную позицию «Рассечение шелка». Не удержала его и «Трехзубцовая молния». Скрепленные планки полоснули бойца по шее, и он, задыхаясь, покатился по мощеному двору.

Метнувшись вперед и вправо, Ранд упал на колени и нанес рубящий удар снизу – «Река подмывает берег». Бритоголовый был не так быстр, как только что поверженный соперник, но он словно предчувствовал этот выпад. В тот самый момент, когда меч Ранда полоснул его по животу, деревянный клинок бритоголового обрушился Ранду на макушку.

У того искры из глаз посыпались. Он зашатался, замотал головой, чтобы восстановить зрение, и с трудом, опираясь на свой меч, поднялся на ноги. Бритоголовый тяжело дышал. На Ранда он смотрел настороженно.

– Заплатите ему, – приказал Ранд, и лицо бритоголового просветлело.

Непонятно, почему он вообще тревожился. Ясно же было сказано, что всякий, чей удар достигнет цели, получит одну монету сверх установленной дневной платы. А тому, кто одолевает его в поединке, Ранд посулил вдвое больше. Это был лучший способ побудить бойцов драться по-настоящему, а не пытаться угодить Дракону Возрожденному, поддаваясь ему. Он никогда не интересовался именами своих противников. Если их это злило, тем лучше – злость в схватке не помешает. Ему нужны были соперники для упражнений на мечах, и только. Он не собирался обзаводиться новыми друзьями, полагая, что и старые рано или поздно проклянут день и час, когда его встретили. Если уже не проклинали. Остальные поверженные бойцы тоже поднимались; коренастому мужчине, который считался «убитым» и который, пока схватка не закончится, должен был лежать там, где упал, изображая мертвое тело, и тем самым мешать другим поединщикам, пришлось помочь встать седовласому бойцу. Впрочем, он и сам едва держался на ногах без посторонней помощи. Малый, получивший удар по шее, морщился и крутил головой, пытаясь проморгаться. Сегодня больше тренировочных боев не будет.

– Заплатите всем, – распорядился Ранд.

По рядам теснившихся среди тонких, украшенных каннелюрами колонн лордов и леди, разряженных в яркие, обильно украшенные вычурной вышивкой и галунами шелка, словно пробежала рябь: они захлопали в ладоши, всем своим видом выказывая восхищение. Ранд поморщился и отбросил в сторону меч. Эти люди низкопоклонствовали перед лордом Гейбрилом, в то время как королева Моргейз, *их* королева, была едва ли не пленницей в этом самом дворце. В ее собственном дворце. Но Ранд нуждался в них. На данный момент. «Будешь рвать ежевику – уколешься», – припомнилась ему поговорка. Он надеялся, что это его собственная мысль.

Жилистая седовласая Сулин, командовавшая составляющими эскорт Ранда Девами и всеми Девами Копья по эту сторону Хребта Мира, вытащила из висевшего на поясе кошель золотую тарвалонскую марку и с презрительной гримасой, сделавшей еще заметнее пересекающий ее щеку шрам, швырнула ее бритоголовому. Девы не любили, когда Ранд брал в руки меч, даже деревянный. Сами они никогда не прикасались к мечам. Как и все айильцы.

Боец поймал монету и ответил Сулин осторожным поклоном. В присутствии Дев, одетых в короткие куртки, штаны и мягкие шнурованные сапожки, все держались в высшей степени осторожно. Серо-коричневая, в разводах айильская одежда была предназначена для того, чтобы маскироваться в Пустыне. Здесь некоторые Девы стали добавлять к традиционным цветам зеленый, что более соответствовало природе земель, которые они, несмотря на засуху, считали и называли «мокрыми». В сравнении с Айильской пустыней они, пожалуй, и впрямь были такими, ведь у себя на родине мало кому из айильцев приходилось видеть поток, через который нельзя было бы перешагнуть, а вокруг водоемов в два-три шага шириной разражались кровавые схватки.

Как и остальные двадцать светлоглазых Дев, несших караул во дворе, и как все айильские воительницы, Сулин коротко стригла волосы, оставляя лишь хвост на затылке. В левой руке она держала три коротких копья и круглый щит из бычьей кожи, и на поясе у нее висел широкий тяжелый нож. И сама Сулин, и все Девы, включая сохранившую еще полудетскую округлость щек шестнадцатилетнюю Джалани, превосходно владели своим оружием и держались с вызовом. Во всяком случае, людям, живущим по эту сторону Драконовой Стены, вызов в их глазах мерещился постоянно. Охранявшие Ранда Девы держали в поле зрения не только всех собравшихся во дворе, но и каждый балкон, каждую колонну, каждое стрельчатое окошко и каждую тень. Некоторые сжимали в руках короткие роговые луки с наложенными на них стрелами. Щетинившиеся стрелами колчаны висели у них на поясах. *Фар Дарайз Май*, Девы Копья, пересекли Драконову Стену для поддержания чести Кар'а'карна, чье появление было предсказано в пророчествах. Они служили ему, правда на свой, особый манер, и многим из них предстояло расстаться с жизнью, чтобы сохранить жизнь Ранда. От одной этой мысли у него ком подкатывал к горлу.

Сулин продолжала с усмешкой кидать монеты – Ранд с удовольствием отметил, что расплачивалась она тарвалонскими, – еще одну бритоголовому и по одной остальным бойцам. Жителей мокрых земель – а таковыми считались все не рожденные и не возвращенные в Пустыне – айильцы презирали не меньше, чем мечи. Для большинства из них и Ранд, несмотря на айильскую кровь, оставался бы не более чем презренным чужаком, – но на его запястьях красовались Драконы. Дракон на одной руке был знаком, отмечавшим вождя клана. Претенденты на это звание обретали его с риском для жизни, проходя суровое испытание силы воли. Двух Драконов мог иметь только Кар'а'карн, вождь вождей, Тот-Кто-Пришел-с-Рассветом. Но у Дев были и другие основания, чтобы признать Ранда.

Собрав деревянные мечи, кафтаны и рубахи, бойцы поклонились Ранду.

– Завтра, – бросил он им. – Встретимся завтра поутру.

Они вновь низко поклонились и зашагали прочь.

Не успели обнаженные по пояс мужчины покинуть двор, как из тени колонн высыпали придворные, окружив Ранда радугой пестрых шелков. Утирая вспотевшие лица кружевными платками, они наперебой принялись выражать свое восхищение. Ранду с трудом удалось унять раздражение. «Используй все, что можешь, или ты позволишь Тени накрыть мир». Так говорила ему Морейн. Он был согласен с этим, но предпочитал честное, открытое противостояние кайриэнцев и тайренцев подобному льстивому коварству знатных андорцев. И чуть не рассмеялся тому, что посчитал честным.

– Вы были великолепны, – со вздохом промолвила леди Аримилла, слегка коснувшись его руки. – Такой быстрый, такой сильный!

Ее огромные карие глаза казались даже более томными, чем обычно. Видимо, она была настолько глупа, что надеялась произвести на Ранда впечатление. Ее зеленое, расшитое серебристыми виноградными лозами платье, открывающее верхнюю часть груди, было слишком откровенным по андорским понятиям. Бесспорно, Аримилла была привлекательна, но по возрасту вполне годилась Ранду в матери. Впрочем, многие из придворных были еще старше, что не мешало им состязаться в низкопоклонстве.

– Это потрясающе, милорд Дракон! – воскликнула Эления, едва не оттолкнув Аримиллу в сторону локтем. Льстивая улыбка выглядела странно на обрамленном медового цвета волосами, хитром лице этой женщины, известной своим сварливым нравом. Впрочем, в присутствии Ранда она являла собой саму любезность. – Подобного умения владеть мечом Андор не видел за всю свою историю. Даже сам Суран Маравайл, лучший полководец Артура Ястребиное Крыло и муж Ишары, первой королевы, воссевшей на Львиный трон, погиб, когда ему пришлось сразиться с четырьмя противниками сразу. С убийцами, посланными к нему на двадцать третьем году Столетней войны. Правда, и их он уложил.

Эления редко упускала возможность блеснуть своими познаниями в андорской истории, особенно в тех ее областях, которые, как, например, период войн, расколовших империю Артура Ястребиное Крыло после его смерти, не были слишком широко известны. Хорошо еще, что на сей раз она не стала заявлять о своих притязаниях на Львиный трон.

– Только под конец вам чуточку не повезло, – игривым тоном добавил муж Элени, Джарид, – широкоплечий, приземистый мужчина, слишком смуглый для андорца. На отложном вороте и обшлагах его красного кафтана вились золотые спирали и красовались вебри – родовые знаки Дома Саранд, тогда как красное, в тон наряду мужа, платье Элени украшали белые львы Андора. Она носила их, будто не осознавая их значения. Джарид являлся главой в своем Доме, но все честолюбивые замыслы исходили от его жены.

– Прекрасно сработано, милорд Дракон, – прозвучал резкий голос Каринд. Тускло поблескивавшее серебристо-серое платье было скроено под стать лицу хозяйки, с грубыми, непритязательными чертами, но по рукавам и подолу его украшала тяжелая серебряная тесьма, в тон проблескам седины в волосах женщины. – Наверняка вы – лучший фехтовальщик в мире. – Масленный тон речей не мог замаскировать сурового взгляда этой крепкой, мужеподобной особы. Она была бы очень опасна, имей столько же ума, сколько упрямства.

Ниан, стройная красивая женщина с большими голубыми глазами и волной блестящих темных волос, проводила уходивших бойцов насмешливым взглядом и, обратившись к Ранду, сказала:

– Подозреваю, они с самого начала сговорились и действовали заодно, а теперь эту лишнюю плату разделят между собой.

В отличие от Элени она носила на рукавах своего синего платья герб Дома Араун в виде тройных ключей и никогда не упоминала о своих правах на престол, во всяком случае в присутствии Ранда. Она делала вид, будто довольствуется титулом верховной опоры древнего и знатного Дома. Львица прикидывалась домашней кошечкой.

– А разве я могу быть уверен, что мои враги не сговорятся и не станут действовать заодно? – тихо спросил Ранд.

Ниан разинула рот. Неумная и самонадеянная, она воспринимала как личное оскорбление, ежели кто-нибудь не тушевался под ее взглядом.

Энайла, одна из Дев, подошла и, не обращая внимания на андорских вельмож, подала Ранду толстое белое полотенце – утереть пот. Ярko-рыжая Дева была низковата для айилки, и ей не нравилось, что некоторые из здешних женщин – женщин мокрых земель! – превосходили ее ростом. Ее соратницы, как правило, были не ниже большинства андорских мужчин. Придворные пытались сделать вид, будто не обращают на Деву внимания, но, поскольку они

нарочито отворачивались от нее, выглядело это не слишком убедительно. Энайла же прошла сквозь их толпу, словно они были невидимы.

Молчание продолжалось лишь несколько мгновений.

– Лорд Дракон мудр, – заявил лорд Лир, склонив голову и слегка сдвинув брови. Верховная опора Дома Бэрин, облаченный в желтый кафтан с золотой тесьмой, был строен и прям, как клинок, но слишком уж вкрадчив и прилипчив, слишком уж подозрительно безупречен. Да и все они кидали порой странные взгляды на Дракона Возрожденного. – Рано или поздно враги непременно попытаются сговориться. Надобно распознать их прежде, чем они получают такую возможность.

Следом за ними расточать похвалы Ранду принялись лысый и дородный лорд Хенрен; седовласая леди Карлис, особа весьма коварная, несмотря на открытое, честное лицо; пухлая, вечно хихикающая Дерилла; нервный тонкогубый Элегар и около дюжины прочих, придерживавших языки, пока говорили представители более могущественных Домов.

Менее знатные вельможи тотчас умолкли, едва Эления снова открыла рот.

– Порой трудно распознать врагов прежде, чем они объявятся, – с глубокомысленным видом заявила она. – Бывает, что их распознаешь уже слишком поздно.

Муж ее важно закивал.

– А я, – возгласила Ниан, – всегда говорила, что всякий, кто отказывается меня поддерживать, тем самым выступает против меня. Полагаю, это разумное правило. Любой, кто поворачивается ко мне спиной, наверняка ждет, когда и я подставлю свою, чтобы он мог вонзить в нее кинжал.

Не впервые многие из них пытались упрочить свое положение, стараясь навлечь подозрение на других. Ранд хотел прекратить это, но не простым приказом. В конце концов, их попытки играть в Игру Домов были ничем в сравнении со лживыми маневрами кайриэнской или тирской знати. Лишь бы им не приходили в голову другие нежелательные мысли.

Нежданная помощь пришла со стороны седовласого лорда Насина, главы Дома Кирен.

– Вы – второй Джеаром! – воскликнул он, изобразив на худощавом лице улыбку. Дворяне помельче ответили на это раздраженными взглядами, но смирились – деваться-то некуда. Насин, с тех пор как Ранд овладел Кэймлином, стал малость странным. Вместо эмблемы его Дома – звезды и меча – светло-синие отвороты его кафтана были расшиты цветами – лунником да любовным узелком, совершенно неуместными в наряде столь важного лорда. Порой он носил цветок и в своих редющих волосах, словно деревенский паренек, собравшийся поухаживать за девчонкой. Однако Дом Кирен был слишком влиятелен, и оборвать Насина никто не смел, даже Джарид и Ниан. Вертя головой, качавшейся на тощей костлявой шее, лорд тараторил: – Ваше мастерство неподражаемо, милорд Дракон. Вы – наш новый Джеаром! Вы...

– Зачем? – Прозвучавший вопрос эхом отдался по всему двору, и многие андорские придворные поморщились.

Даврам Башир – смуглый седеющий мужчина с крючковатым носом и густыми усами, свисающими по обе стороны широкого рта, – андорцем явно не был. Худощавый, чуть выше Энайлы ростом, он носил короткую серую куртку с серебряным галуном и просторные шаровары, заправленные в ботфорты с отворотами от колен. Если андорским вельможам приходилось стоять, то маршал-генерал Салдэйи восседал на специально для него вынесенном во двор золоченом кресле, небрежно развалясь и перекинув ногу через подлокотник, – правда, рукоять меча с кольцеобразной гардой при этом оставалась в пределах досягаемости. На смуглом лице салдэйца поблескивал пот, но он обращал на жару не больше внимания, чем на андорских придворных.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Ранд.

– Эти упражнения с мечом, – ответил Башир. – Надо же такое придумать – одному против пятерых. Рано или поздно тебе даже этой деревяшкой вышибут мозги, причем без всякой пользы.

– Джеаром однажды победил десятерых, – поджав губы, возразил Ранд.

Башир поерзал в кресле и рассмеялся:

– Ты что, надеешься прожить достаточно долго, чтобы сравниться с величайшим мастером меча всех времен? – Андорские вельможи встретили эти слова гневным – Ранд был уверен, что притворно гневным, – ропотом, но Башир, не обращая на них внимания, продолжал: – Ты – тот, кто ты есть, не больше и не меньше.

Неожиданно Башир развернулся, словно пружина, и в воздухе сверкнула сталь – незаметно извлеченный кинжал полетел прямо в Ранда. Тот даже не шелохнулся. Мгновенно коснувшись саидин – той половины Истинного Источника, которую могли использовать мужчины, – он ощутил, как Сила заполнила его, неся с собой полноту жизни и одновременно омерзительную горечь порчи, наведенной на саидин Темным. Обжигающий холод, леденящий огонь, отравленный, губительный и животворящий поток наполнил все его естество. Поток, грозящий снести его. Ранду казалось, что он стоит на вершине рушащейся горы. Погрузившись в ничто, отрешившись ото всех мыслей и чувств, он направил Силу и, свив поток Воздуха, перехватил клинок в полете, возле самой своей груди.

– Смерть! – вскричал Джарид и бросился к Баширу, выхватывая на бегу меч.

Схватились за мечи и Лир, и Хенрен, и Элегар, и прочие андорские лорды, даже Насин, хотя последний, казалось, готов был вот-вот уронить клинок. Девы мгновенно обмотали головы *шуфами* и подняли черные вуали; их зеленые и голубые глаза сверкали, как и длинные наколечники копий. Айилыцы убивали, лишь прикрыв лица.

– Стоять! – крикнул Ранд, и все замерли. Андорцы растерянно моргали, тогда как Девы просто остановились, замерев на цыпочках. Башир же просто вновь устроился поудобнее в кресле, опять закинув ногу на подлокотник.

Одной рукой Ранд взял висевший в воздухе кинжал с роговой рукояткой, после чего отпустил саидин. Это было нелегко, – несмотря на тошнотворную горечь порчи, прикосновение к Источнику каким-то образом, хотя он и парил в пустоте, глушившей все телесные ощущения, позволяло ему видеть, слышать и воспринимать мир несравненно отчетливее, чем обычно. Этого парадокса Ранд не понимал и сам себе не мог объяснить. Даже отпустив Источник, он продолжал чувствовать и выворачивающую желудок тошноту порчи, и восторг саидин. Восторг и счастье, способные уничтожить его, прояви он хоть мгновенную слабость.

Вертя кинжал в руках, Ранд неспешно подошел к Баширу.

– Замешкайся я хоть на миг, – с расстановкой произнес он, – мне пришлось бы расстаться с жизнью. Я могу убить тебя на месте, там, где ты сидишь, и никто меня не осудит. Я буду прав хоть по андорским, хоть по любым другим законам.

Ранд был почти готов осуществить свою угрозу – холодная ярость клокотала в нем едва ли не с той же силой, что и саидин. Даже несколько недель близкого знакомства не могли послужить Баширу оправданием этого поступка. Раскосые глаза салдэйца не выдавали ни малейшего беспокойства – он сидел, небрежно развалясь, словно у себя дома.

– Думаю, моей жене такой исход дела не понравится. А коли так, боюсь, тебе не понравится то, что будет потом. Скорее всего, в случае моей смерти Дейра примет командование и продолжит преследование Мазрима Таима. Она и раньше-то не одобряла моего согласия последовать за тобой.

Ранд покачал головой. Самообладание салдэйца несколько притупило его гнев. Да и над его словами он не мог не задуматься. В свое время Ранд был поражен, узнав, что все благородные воины из девятитысячного конного отряда Башира отправились в поход со своими женами. Так же, как и многие офицеры незначного происхождения. Ранд не мог понять, как

может мужчина подвергать свою жену опасности, беря ее в поход, но в Салдэе жены следовали за мужьями повсюду – за исключением рейдов в Запустение.

Впрочем, размышляя об этом, он предпочитал не вспоминать о Девах. Они были воительницами до мозга костей, но оставались при этом женщинами. И он дал слово относиться к ним как к воинам и посылать в бой, даже на смерть. А от своих обещаний Ранд не уклонялся, и это грызло его. Но свое слово он сдержит. Так или иначе, Ранд делал то, что должен был делать, пусть даже порой ненавидел себя за это.

Ранд вздохнул и отбросил кинжал в сторону.

– Повторю твой вопрос, – бесстрастно промолвил он. – Зачем?

– Да затем, чтобы еще раз показать, что ты – тот, кто ты есть, – не задумываясь, ответил Башир. – Потому что ты действительно тот, кто ты есть, так же как, я полагаю, и те, кого ты призвал к себе.

Ранд расслышал позади шарканье ног: андорцы, как ни старались, не могли скрыть, что потрясены и просто в ужасе от объявленной им амнистии.

– Сделать то, что ты устроил с моим кинжалом, тебе под силу когда угодно. К тому же любой убийца, чтобы добраться до тебя, должен сначала миновать кордон твоих айильцев. Да и моих всадников тоже. Ого! Нет, ежели кто к тебе и подберется, то уж, во всяком случае, не человек. – Башир развел руками и снова откинулся в кресле. – Впрочем, ежели тебе охота биться на мечах, почему бы и нет, раз это тебя развлекает. Молодому человеку полезно упражнять тело. Но будь начеку, чтобы кто-нибудь ненароком не раскроил тебе череп. От тебя слишком многое зависит. А Айз Седай, которая могла бы в случае чего тебя Исцелить, я поблизости не вижу. – Густые усы почти скрыли неожиданную усмешку. – Кроме того, я не думаю, что в случае твоей смерти наши андорские друзья продолжат оказывать гостеприимство мне и моим людям.

Андорцы вложили мечи в ножны, но на Башира смотрели с плохо скрываемой ненавистью. И не потому, что считали, будто он едва не убил Ранда. Обычно они старались делать вид, будто не замечают салдэйца, но для них он был чужеземным военачальником, приведшим чужеземное войско на андорскую землю. Его присутствие было угодно лорду Дракону – а прикажи Ранд, они стали бы улыбаться и мурддраалу. Но стоит Ранду отвернуться от салдэйца... Тогда уж они не станут таить своей злобы. Эти стервятники склевали бы и Моргейз, когда та еще была жива, и, конечно же, дай им волю, заклюют и Башира. Как, впрочем, и самого Ранда. Он дожидаться не мог, когда избавится от этой своры.

«Единственный способ жить – это умереть!» – неожиданно пришло в голову Ранду. Он уже слышал подобные слова, причем в таких обстоятельствах, что должен был поверить в их истинность, но высказанная сейчас мысль принадлежала не ему. «Я должен умереть! Я заслужил смерть! Только смерть!» – звучало у него в голове. Отвернувшись от Башира, Ранд схватился за виски.

Салдэйец вмиг соскочил с кресла и обхватил Ранда, бывшего на голову выше его, за плечи:

– Что случилось? Никак этот удар и вправду повредил тебе голову?

– Со мной все в порядке, – ответил Ранд, поспешно опуская руки.

Он действительно не испытывал никакой боли, но чужие мысли в своей голове – это не слишком приятно. К тому же не один Башир обратил на него внимание. Девы в большинстве своем смотрели на него так же пристально, как следили за двором. Особенно – Энайла и желтоволосая Сомара, самая рослая из воительниц. Наверняка при первой же возможности эти Девы примутся пичкать его каким-нибудь травяным настоем и не отстанут, пока он не выпьет. Эления, Ниан и прочие андорские придворные тяжело дышали, судорожно вцепившись в юбки или полы кафтанов, и взирали на Ранда расширенными от испуга глазами. Наверняка они полагали, что видят первые признаки надвигающегося безумия.

– Со мной все в порядке, – повторил Ранд, однако расслабились только Девы, причем Энайла и Сомара, кажется, не очень ему поверили.

Девы, как и все айильцы, знать ничего не желали о «Драконе Возрожденном», но для них Ранд был Кар'а'карном, человеком, которому, согласно пророчеству, предстояло связать их воедино и погубить. Они принимали это как неизбежность, хотя подобная перспектива не могла их не тревожить. Кажется, так же они принимали и способность Ранда направлять Силу и все, связанное с нею. В иных, *мокрых*, как язвительно подумал Ранд, землях его называли Драконом Возрожденным, но мало кто понимал, что это в действительности значит. Люди верили, что он есть не кто иной, как родившийся заново Льюс Тэрин Теламон, прозванный Драконом, тот, кто более трех тысяч лет назад запечатал дыру в узилище Темного, положив конец Войне Тени и Эпохе легенд. Ответным ударом Темный запятнал порчей саидин, и с тех пор всякий способный направлять Силу мужчина, имея дело с Истинным Источником, обрекал себя на неминуемое безумие. Первыми оно поразило самого Льюса Тэрина и его Сто спутников. Люди называли Ранда Драконом Возрожденным, но никто и помыслить не мог о том, что Льюс Тэрин некой частью своей личности присутствует в его, Ранда, сознании и что при этом он так же безумен, как в дни Разлома Мира, безумен, как все Айз Седай мужского пола, до неузнаваемости изменившие лицо земли. Это пришло к Ранду не сразу, но чем дольше он имел дело с Единой Силой, чем больше становились его мощь и умение в обращении с саидин, тем чаще звучал в его голове голос Льюса Тэрина и тем труднее становилось ему сохранять свое «я». Отчасти именно из-за этого он так любил упражняться с мечом – отрешенность от мыслей помогала ему оставаться самим собой.

– Нам надо найти Айз Седай, – пробормотал Башир. – Если эти слухи правдивы... Выжги Свет мои глаза, не надо было отпускать ту...

Когда Ранд и айильцы овладели Кэймлином, многие жители города бежали, даже королевский дворец наполовину опустел за одну ночь. Исчезли и люди, помогавшие Ранду, те, кого он хотел бы отыскать. Повальное бегство продолжалось и в последующие дни. Скрылась из города и некая молодая Айз Седай, настолько молодая, что лицо ее еще не успело приобрести характерных, лишенных признаков возраста черт. Воины Башира нашли ее в гостинице, но, узнав, кто такой Ранд, женщина бросилась наутек с истошными воплями. С воплями! Ранд так и не узнал ни ее имени, ни Айя. Ходили упорные слухи, что где-то в городе скрывается еще одна Айз Седай, но Кэймлин полнился слухами, один невероятнее другого, и вряд ли можно надеяться, что они и вправду смогут вывести на Айз Седай. Те немногие, кто оказывался поблизости от города, подвергались досмотру айильскими дозорами, но люди торопились поскорее миновать Кэймлин, и никто не выказывал намерения вступить за стены города, которым правил Дракон Возрожденный.

– Разве я могу довериться Айз Седай? – спросил Ранд. – Да и ни к чему это. У меня просто голова слегка разболелась оттого, что я получил по макушке. Видать, не так уж она крепка.

Башир фыркнул в усы:

– Как бы ни была крепка твоя голова, рано или поздно тебе все равно придется довериться Айз Седай. Без их помощи ты не сможешь объединить народы, не проливая крови. Сколько бы пророчеств ты ни исполнил, многие согласятся последовать за тобой, только если тебя признают Айз Седай.

– Совсем без крови не обойтись, и ты это прекрасно знаешь, – заметил Ранд. – Белоплащники едва ли допустят меня в Амадицию, даже если на это согласится Айлрон, да и Саммаэль, конечно же, не уступит Иллиан без боя.

«Саммаэль, и Равин, и Могидин, и...»

Ранд вытеснил эти мысли из своего сознания. Это было непросто. Они приходили без предупреждения, и избавляться от них становилось все труднее.

Глухой стук упавшего тела заставил его обернуться через плечо. Аримилла, лишившись чувств, распростерлась на каменных плитах. Каринд опустилась рядом с ней на колени и, прикрыв подолом лодыжки упавшей женщины, принялась растирать ей запястья. Элегар покачивался, словно и сам готов был упасть в обморок, да и Эления с Насином выглядели ненамного лучше. У большинства остальных лордов и леди вид был такой, точно их вот-вот стошнит. Упоминание имени Отрекшегося вполне могло вызвать подобный эффект, особенно после того, как Ранд сообщил придворным, что лорд Гейбрил был на самом деле не кем иным, как Равином. Ранд не знал, во всем ли они ему поверили, но в том, что у многих тряслись поджилки, не сомневался. Возможно, они были потрясены тем, что остались живы. Во всяком случае, если б он мог хотя бы предположить, что они служили Гейбрилу, зная...

«Нет, – резко оборвал он себя. – Если бы они все знали, если бы они все до единого были приспешниками Темного, я все равно использовал бы их». Иногда он становился настолько противен себе, что и впрямь хотел умереть.

Но он, во всяком случае, говорил правду. Айз Седай пытались скрывать, что Отрекшиеся обрели свободу, опасаясь возможной паники и хаоса. Ранд, напротив, хотел, чтобы люди знали все. Пусть правда повергнет их в ужас, зато у них будет время прийти в себя. Если же следовать путем, избранным Айз Седай, может случиться так, что, когда ужасная истина станет известна людям, они уже не успеют опомниться. Кроме того, Ранд был уверен: человек имеет право знать, что ждет его в будущем.

– Иллиан долго не продержится, – сказал Башир. Ранд резко обернулся к салдэйцу, но волновался он напрасно – Башир был слишком опытным военачальником, чтобы во всеуслышание обмолвиться о чем-то секретном. Просто он решил перевести разговор на другую тему, подальше от Отрекшихся. Хотя если любая тема, включая Отрекшихся, и могла заставить Башира нервничать, то Ранд до сих пор за ним такого не замечал. – Иллиан расколется, как орех под ударом молота.

– Вы с Мэтом разработали превосходный план, – согласился Ранд. Основная идея принадлежала ему самому, но Мэт и Башир внесли множество дельных предложений, которые, по существу, и сделали этот план реальным. Причем Мэт предложил гораздо больше Башира.

– Интересный молодой человек этот Мэт Коутон, – задумчиво протянул Башир. – Я бы не прочь побеседовать с ним еще разок. Хотелось бы знать, под чьим началом он учился воинскому делу. Агельмара Джагада? Я слышал, что вы оба побывали в Шайнаре.

Ранд промолчал. Секреты Мэта принадлежали только ему, хотя Ранд сомневался, что и сам Мэт знает ответы на некоторые вопросы.

Башир склонил голову и погладил пальцем ус:

– Впрочем, он едва ли успел послужить под чьим-либо началом. Слишком молод; наверное, не старше тебя. Может, нашел где-нибудь библиотеку? Я бы и сам не отказался заглянуть в книги, которые он читал.

– Сам у него и спроси, – отозвался Ранд. – Мне на этот счет ничего не известно. – Он подозревал, что пару раз в жизни Мэт заглядывал в книгу, но особого интереса к чтению никогда за ним не замечал.

Башир молча кивнул. Когда Ранд не хотел о чем-то говорить, салдэец, как правило, не настаивал и менял тему. Как правило.

– А почему ты не взял сюда из Кайриэна ту Зеленую сестру? Эгвейн Седай? Я слышал, айильцы говорили, что вы с ней родом из одной деревни. Ей ты мог бы довериться, разве нет?

– У Эгвейн другие обязанности, – рассмеявшись, отвечал Ранд. Надо же, Зеленая сестра! Если бы Башир только знал...

Подошла Сомара и подала Ранду льняную рубаху и кафтан из тонкого красного сукна андорского фасона, расшитый Драконами по высокому вороту и лавровыми листьями по отворотам и рукавам. Даже для айильской Девы она была очень высока – всего на ладонь ниже

самого Ранда. Вуаль у нее, как и у всех прочих Дев, была опущена, но голова женщины оставалась обернутой темно-коричневой шуфой, так что открытым оставалось только лицо.

– Кар’а’карн может простудиться, – пробормотала она.

В этом Ранд сильно сомневался. Возможно, для айильцев в этой жаре и не было ничего особенного, но сам он уже истекал потом почти так же, как когда упражнялся на мечях. Ранд натянул через голову рубаху, заправил ее в штаны и, не завязав ворота, скользнул в рукава кафтана. Не то чтобы он считал, будто Сомара действительно принялась бы при всех одевать его, однако надеялся, что так ему, возможно, удастся избежать наставлений от нее, Энайлы, а возможно, и некоторых других. А если повезет, то и травяного настоя.

Ранда почитали как Кар’а’карна большинство айильцев, и Девы в том числе. Во всяком случае, на людях. Когда же он оставался наедине с этими женщинами, отказавшимися от любви и семейного очага ради копья, все становилось несколько сложнее. Ранд думал, что он мог бы, возможно, изменить положение, но делать это не собирался. Некоторые Девы уже отдали за него свои жизни, а многим это еще предстояло – он ведь дал слово, испекли его Свет за это обещание! Если он позволил им умирать за него, то мог позволить и все остальное. Рубаха немедленно насквозь промокла от пота, и даже на кафтане выступили темные пятна.

– Тебе необходимы Айз Седай, ал’Тор, – гнул свое Башир. Ранд надеялся, что он окажется таким же напористым и в бою. Слава о салдэйце шла именно такая, но за несколько недель знакомства Ранду еще не довелось увидеть его в настоящем деле. – Ты не можешь допустить, чтобы они выступили против тебя, а они способны решиться и на такое, если не смогут держать тебя на привязи или, во всяком случае, думать, что держат. От них можно ждать чего угодно, и ни один мужчина не знает, что они сделают и почему.

– А если я скажу, что меня готовы поддержать сотни Айз Седай? – Ранд понимал, что андорские придворные наостригли уши и он должен быть осторожным, чтобы не сказать лишнего. Впрочем, он и сам-то не слишком много знал, а то, что знал, звучало хоть и обнадеживающе, но не очень правдоподобно. «Сотни», например, он и сам считал явным преувеличением, что бы там ни говорила Эгвейн.

Глаза Башира сузились.

– Появись здесь посольство из Башни, я бы об этом знал, значит... – Голос его упал почти до шепота. – Раскол? В Башне действительно произошел раскол? – Голос салдэйца звучал так, будто он поверить не мог, что эти слова слетели с его уст.

Многие слышали о низложении и усмирении Суан Санчей – ходили слухи и о ее казни, – но в большинстве своем люди полагали, что это касается лишь самих Айз Седай, и мало кто верил в раскол. Белая Башня оставалась незыблемым монолитом, возвышавшимся над тропами, – как было вот уже три тысячелетия. Однако салдэйец был человеком, имевшим обыкновение учитывать любые возможности. Он действительно перешел на шепот и подошел к Ранду поближе, чтобы андорцы не могли подслушать.

– Должно быть, это мятежницы хотят тебя поддержать. Ты можешь иметь дело и с ними, поскольку они нуждаются в тебе так же, как и ты в них. Но бунтовщицы, будь они и Айз Седай, – это не Белая Башня, особенно в глазах королей и королев. Для простого народа особой разницы, может, и нет, но для правителей – совсем другое дело.

– Кем бы они ни были, – так же тихо ответил Ранд, – они остаются Айз Седай.

«И где бы они ни были, – угрюмо подумал он. – Айз Седай... Слуги всего сущего... Зал слуг разрушен... разрушен навсегда... разрушен... Илиена, любовь моя...»

Ранд безжалостно подавил мысли Льюса Тэрина. Порой они оказывались полезными, давали сведения, в которых он нуждался, но голос умершего давным-давно Дракона звучал в его голове все сильнее и сильнее. Если бы здесь была Айз Седай, Желтая сестра – Желтые слыли лучшими Целительницами, – она, возможно, сумела бы... Он проникся доверием лишь

к одной Айз Седай, да и то незадолго до ее гибели, и она, Морейн, оставила ему совет насчет Айз Седай, насчет всех женщин, носящих кольцо и шаль.

– Я никогда не доверюсь ни одной Айз Седай, – хрипло и тихо произнес Ранд. – Я буду использовать их, поскольку нуждаюсь в них, но знаю, что они – и те, что в Башне, и бунтовщицы – попытаются использовать меня. Айз Седай всегда действуют именно так. Я никогда не доверюсь им, Башир.

Салдэйец медленно кивнул:

– Что ж, используй их, если сможешь. Но помни, никому не под силу противиться Айз Седай. – Неожиданно он издал хриплый смешок. – Насколько я знаю, последним, кому это удавалось, был Артур Ястребиное Крыло. Выжги Свет мои глаза, возможно, вторым будешь ты.

Звук шагов возвестил о появлении в окруженном колоннами дворе одного из воинов Башира – широкоплечего и горбоносого молодого человека с густыми усами и окладистой бородой, который был на целую голову выше своего командира. Он подошел развалистой походкой человека, более привычного к седлу, и поклонился, попридержав у бедра меч. Поклонился скорее Баширу, чем Ранду. Башир мог следовать за Драконом Возрожденным, но Тумад Азкан – Ранд припомнил имя салдэйского воина – следовал за Баширом. Девы пристально следили за новоприбывшим – они не доверяли никому из жителей мокрых земель.

– Там один человек явился к воротам, – неохотно промолвил Тумад. – Он говорит... Милорд Башир, это Мазрим Таим.

Глава 2

Новоприбывший

Мазрим Таим. До Ранда на протяжении столетий временами появлялся то один, то другой человек, провозглашавший себя Возрожденным Драконом, а ныне это стало настоящим поветрием. Некоторые из тех Лжедраконов действительно могли направлять Силу. Именно таков был Мазрим Таим. Объявив себя Драконом, он собрал войско и, прежде чем его удалось схватить, подверг Салдэйю страшному опустошению.

Лицо Башира не изменилось, но он сжал рукоять меча с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Тумад смотрел на своего командира в ожидании приказаний. Лорд Башир и в Андоре-то оказался в первую очередь потому, что по пути в Тар Валон, где Мазрима Таима должны были укротить, тот бежал. Этот человек оставил о себе в Салдэе такую память, что королева Тенобия послала на его поиски целое войско, приказав Баширу преследовать Таима, где придется и сколько потребуется, только бы любым способом избавить Салдэйю от этой угрозы.

Девы сохраняли спокойствие – не то что андорские вельможи. На них произнесенное имя подействовало словно факел, брошенный в сухую траву. Аримилла, которой как раз помогали встать, вновь закатила глаза и не упала лишь потому, что ее поддержала и мягко опустила на каменные плиты Каринд. Элегар отступил за колонны и согнулся, довольно громко рыгая. Все охали и ахали; женщины прикрывали лица кружевными платками, мужчины хватались за мечи. Даже флегматичная Каринд нервно облизывала губы.

– Мое помилование! – воскликнул Ранд, убирая руку подальше от кармана.

Оба салдэйца ответили ему долгими недовольными взглядами.

– А что, если он явился вовсе не из-за амнистии? – спросил наконец Башир. – Вдруг он по-прежнему считает Возрожденным Драконом себя?

Андорцы нервно переминались с ноги на ногу – никому из них не хотелось бы оказаться и в миле от того места, где произойдет поединок с использованием Единой Силы.

– Если у него на уме такое, – твердо ответил Ранд, – его ждет горькое разочарование. – В кармане у Ранда лежала резная фигурка толстячка с мечом – редчайший ангриал, которым

могли пользоваться только мужчины. Какой бы мощью ни обладал Таим, против этого ему не устоять. – Но если он пришел за прощением, то получит его, как и всякий другой.

Что бы ни натворил Таим в Салдэе, Ранд не мог позволить себе оттолкнуть человека, мало того что способного направлять Силу, но еще и поднаторевшего в этом, такого, которого не потребуется обучать, начиная с первых шагов. Таим нужен ему. Он не считал для себя возможным отталкивать никого, кроме разве что Отрекшихся.

«Демандред и Саммаэль, Семираг и Месана, Асмодиан и...» Ранд вытолкнул мысли Льюса Тэрина на задворки сознания – сейчас он не мог отвлекаться.

Башир некоторое время молчал, но в конце концов кивнул, отпустил рукоять меча и сказал:

– Конечно, раз амнистия объявлена, прощение должно быть даровано. Но предупреждаю, ал'Тор: если Таим хотя бы ступит на салдэйскую землю, живым оттуда он не уйдет. Очень недобрую он оставил там память о себе. Он будет убит, даже если я, да что там я, даже если сама Тенобия прикажет его не трогать.

– Я стану держать его подальше от Салдэйи, – пообещал Ранд.

Если Таим пришел сюда не для того, чтобы выразить покорность Дракону Возрожденному, дело может обернуться так, что его придется убить. Ранд невольно коснулся кармана и нащупал лежащую там фигурку. Потом сказал:

– Приведите его сюда.

Тумад глянул на Башира, но короткий кивок лорда последовал так быстро, что со стороны могло показаться, будто салдэйский воин поклонился, услышав приказ Ранда. Ранд с трудом подавил подступивший гнев, но смолчал, а Тумад вразвалку заспешил прочь. Башир – воплощенная праздность и скука – стоял, скрестив руки на груди и небрежно отставив ногу в сторону, но взгляд его черных раскосых глаз, устремленный вслед ушедшему воину, выдавал жажду крови.

Андорские лорды и леди нерешительно топтались на месте и дышали так, словно им пришлось пробежать несколько миль.

– Можете идти, – бросил им Ранд.

– Я останусь с вами! – воскликнул Лир.

– Я не собираюсь бежать перед... – поддержала его Ниан.

– Ступайте! – оборвал их Ранд.

Они храбрились, хотя готовы были провалиться сквозь землю от страха или бежать сломя голову, позабыв о последних остатках собственного достоинства. Ранд облегчил этим людям выбор: раз они признали его Драконом Возрожденным, то, чтобы снискать его милость, должны повиноваться, а повиноваться этому последнему приказу означало делать именно то, чего им больше всего хотелось. Ответом на его повеление стало множество низких поклонов и глубоких реверансов. «Коли такова ваша воля... Раз так угодно лорду Дракону...» – забормотали они и... не то чтобы припустили со всех ног, но удалились более чем поспешно. Причем в направлении, противоположном тому, куда пошел Тумад, – никому не хотелось ненароком наткнуться на Таима.

Ожидание затянулось. Требовалось время, чтобы провести человека по лабиринту дворцовых коридоров, но, после того как андорская знать покинула двор, никто не двинулся с места. Башир смотрел туда, откуда должен был появиться Таим. Девы держали в поле зрения все окружающее, но так было всегда, и если они выглядели готовыми в любой момент закрыть лица вуалями, то и в этом не было ничего необычного. Воительницы казались бы статуями, когда бы не зоркие, внимательные глаза.

Наконец послышалось гулкое эхо шагов. Ранд едва не коснулся саидин, но вмиг сдержал свой порыв. Если Таим, ступив во двор, почувствует, что Ранд держится за Силу, он наверняка сочтет это свидетельством боязни. Такого Ранд допустить не мог.

Первым на освещенное жарким солнцем пространство вышел Тумад. За ним шагнул черноволосый мужчина чуть выше среднего роста, со смуглым лицом, раскосыми глазами, крючковатым носом и высокими скулами. Несомненный салдэйец, но гладко выбритый и одетый словно андорский купец, некогда процветавший, а теперь переживающий не лучшие времена. На нем был темно-голубой кафтан из тонкого дорогого сукна, отделанный синим бархатом, но потрепанный и потертый. Заправленные в покрытые пылью, разбитые сапоги штаны пузырились на коленях. Держался он, однако, с достоинством, словно не замечая того, что острия мечей четырех салдэйских солдат едва не упирались ему под ребра. И жара, казалось, ничуть его не тревожила. Девы пристально следили за приближением Таима.

Ранд внимательно рассматривал нежданного гостя, пока тот со своим эскортом пересекал двор. С виду тот был лет на пятнадцать старше его самого – лет тридцати пяти или около того. Мало что было известно о мужчинах, способных направлять Силу, и еще меньше о них писали – благоразумные люди предпочитали даже не затрагивать эту тему, – но Ранд разузнал все, что мог. К сожалению, не так уж много. Сравнительно немногие мужчины на самом деле сами стремились к владению Силой, и в этом была одна из проблем Ранда. Со времени Разлома Мира большинство мужчин, которые могли направлять, обладали такой способностью от рождения, и она неожиданно проявлялась сама собой к поре взросления. Некоторым удавалось не впадать в безумие по нескольку лет, до того как Айз Седай находили и укрощали их, но многие сходили с ума меньше чем за год со дня первого прикосновения к саидин. Ранд сохранял здравый рассудок около двух лет, не так уж мало, но сейчас он видел перед собой мужчину, имевшего дело с Силой лет десять – пятнадцать. Уже одно это многого стоило.

По знаку Тумада пришедшие остановились в нескольких шагах от Ранда. Тот открыл было рот, но, прежде чем успел заговорить, в его голове настойчиво зазвучал голос Льюса Тэрина: «Саммаэль и Демандред ненавидели меня. Ненавидели тем сильнее, чем больше почестей я им оказывал. Ненавидели еще до того, как предали свои души. Особенно Демандред. Я должен был убить его. Убить их всех! Землю выжечь, но убить! Выжечь всю землю!»

Ранд, стоя с непроницаемым лицом, упорно твердил себе: «Я – Ранд ал'Тор. Ранд ал'Тор. Я никогда не знал ни Саммаэля, ни Демандреда, ни всех остальных. Сожги меня Свет, я – Ранд ал'Тор!»

«Сожги меня Свет», – слабым эхом откликнулся Льюс Тэрин. Это прозвучало как мольба. Затем голос Теламона истаял в неведомых глубинах сознания.

Воспользовавшись молчанием Ранда, заговорил Башир.

– Так ты и есть Мазрим Таим? – спросил он.

Ранд с недоумением взглянул на салдэйца. Неужто это не Таим? Но нужно быть безумцем, чтобы присвоить себе это имя.

Рот пленника скривился в некоем подобии улыбки.

– Я просто побрился, Башир, – ответил он, почесывая подбородок. В голосе его насмешка чувствовалась еще явственнее, чем во взгляде. – Здесь жарко, разве ты не заметил? Пожалуй, жарче, чем должно быть. Хоть Андор и далеко на юге. Может, тебе нужны доказательства? Хочешь, чтобы я направил Силу? – Черные глаза пришельца блеснули. Он мельком взглянул на Ранда и вновь обернулся к Баширу. Лицо салдэйского лорда с каждым мгновением становилось все темнее. – Пожалуй, нет, здесь и сейчас этого делать не стоит. Я помню тебя, Башир. Тебе досталось от меня в Иринджаваре, прежде чем в небе появились те видения. Впрочем, об этом знают многие. Что бы сказать такое, что может быть известно лишь тебе да Мазриму Таиму? – Он полностью сосредоточился на разговоре с Баширом и, казалось, вовсе забыл и об охранявших его солдатах, и о по-прежнему приставленных к его ребрам мечам. – Я слышал, будто ты держишь в секрете, что случилось с Мусаром, Хачари и их женами? – Насмешка исчезла; теперь он словно бы рассказывал о том, что случилось. – Им не следовало, явившись под флагом переговоров, пытаться убить меня. Надеюсь, ты нашел им подходящее применение

в качестве слуг? Ведь теперь их единственное желание – служить и повиноваться. Иного счастья для них нет. Я вполне мог и убить их – они, все четверо, обнажили кинжалы.

– Таим! – прорычал Башир, схватившись за рукоять меча. – Ты...

Ранд успел встать перед ним и удержать за запястье, когда Башир уже наполовину вытащил клинок. Острия мечей четверых солдат и Тумада теперь определенно касались Таима, а возможно, и вонзились в него, но тот даже не вздрогнул.

– Зачем ты пришел? – спросил Ранд. – Увидеть меня или испытывать терпение лорда Башира? Если ты еще раз позволишь себе подобное, то я дам ему убить тебя. Мое прощение распространяется на все совершенное тобой прежде, но это не значит, что ты и впредь можешь похвастаться своими злодеяниями.

Прежде чем заговорить, Таим некоторое время внимательно смотрел на Ранда. Несмотря на жару, он почти не потел.

– Увидеть тебя. Ты был одним из представших в том небесном видении. Говорят, тогда ты сражался с самим Темным.

– Нет, не с Темным, – отозвался Ранд.

Башир не пытался освободиться, но Ранд чувствовал, как напряглись его мышцы, и понимал, что стоит отпустить руку – и меч салдэйца мгновенно поразит Таима. Разве что тот успеет использовать Силу. Или сам Ранд. Этого следовало избежать.

Удерживая запястье Башира, Ранд продолжил:

– С тем, кто назвался Ба'алзамоном. Я думаю, что на самом деле то был Ишамаэль. Позднее, в Твердыне Тира, я убил его.

– Я слышал, что ты убил уже нескольких Отрекшихся. Думаешь покончить с ними всеми? Должен ли я называть тебя «милорд Дракон»? Слышал, как тут используют этот титул.

– А ты знаешь другой способ сладить с такими, как они? – спросил Ранд. – Или погибнут они, или весь мир. Уж не считаешь ли ты, что можно уговорить их отринуть Тень, как некогда они отринули Свет?

Положение становилось нелепым. Он вел беседу с человеком, в которого уперлись острия пяти мечей, выдавливая под кафтаном струйки крови, и вдобавок удерживал за руку другого, готового выхватить шестой меч, – и тот не ограничится стружкой. Хорошо еще, что солдаты Башира слишком дисциплинированны, чтобы действовать без приказа, а Башир рта не открывал. Восхищаясь хладнокровием Таима, Ранд продолжал говорить – быстро, но все же так, чтобы никто не подумал, будто он спешит:

– Каковы бы ни были твои преступления, Таим, они блекнут в сравнении со злодеяниями Отрекшихся. Случалось ли тебе подвергать пыткам целый город, заставляя тысячи людей мучить друг друга, истязать родных и близких? Семираг сделала это безо всякой причины, просто чтобы удостовериться, что ей такое под силу. И для забавы. Убивал ли ты детей? Грендаль убивала, да еще и утверждала, что делает это по доброте душевной: ведь малюткам не выжить одним, когда их родителей угонят к ней в рабство. – Ранд надеялся, что салдэйцы слушают хотя бы наполовину так же внимательно, как Таим, заинтересованно подавший вперед. Правда, надеялся он и на то, что они не станут задаваться лишними вопросами – например, откуда это ему известно. – Скармливал ли ты людей троллокам? Такое делали все Отрекшиеся – пленников, которые отказывались служить Темному, всегда отдавали троллокам, если не убивали на месте. А Демандред однажды отдал на съедение жителей двух захваченных им городов только потому, что ему показалось, будто они были недостаточно почтительны к нему еще до того, как он предался Тени. И все мужчины, женщины, дети попали в троллочьи утробы. А вот Месана, та заводила в своих владениях школы. Детей там учили поклоняться Темному и убивать тех своих товарищей, которые учились недостаточно быстро или недостаточно усердно... Я могу продолжить. Могу перечислить все тринадцать имен, с первого до последнего, и с каждым из них связано не менее сотни таких же преступлений. Что бы ни натворил ты, с Отрекшимися

тебе не сравниться. А теперь ты явился сюда, чтобы получить прощение, выразить мне покорность и вместе со мной во имя Света выступить на бой с Темным. Что же до Отрекшихся, то я намерен искоренить их всех. И ты поможешь мне в этом. Ради того тебе и даруется прощение. Поверь, ты заслужишь его сотню раз, прежде чем придет время Последней битвы.

Рука Башира наконец расслабилась, и меч скользнул в ножны. Ранд едва сдержал вздох облегчения.

– Думаю, больше нет надобности караулить его так строго, – сказал Башир. – Уберите мечи.

Тумад и другие воины хоть и медленно, но опустили клинки и вложили их в ножны. Медленно, неохотно, но они это сделали. Затем заговорил Таим:

– Выразить покорность? Признаться, я думал скорее о соглашении между мной и тобой.

Салдэйские воины напряглись. Ранд не видел лица находившегося позади него Башира, но спиной почувствовал, что напрягся и тот. Девы не шелохнулись, лишь рука Джалани дернулась к вуали.

– Конечно, – продолжил Таим, склонив голову, – я готов быть младшим партнером. Но не забывая, что я имею дело с Силой уже давно и мог бы многому тебя научить.

Ярость накатила на Ранда с такой силой, что глаза подернула кровавая пелена. Он распинаясь здесь, рассказывая то, о чем никто не должен был знать, и наверняка породил множество слухов о себе и Отрекшихся. Все ради того, чтобы деяния Таима казались не столь ужасными. А этот малый имеет наглость говорить о каком-то соглашении?

«Убей его! – зазвучал в голове разъяренный голос Льюса Тэрина. – Убей его немедленно! Убей его!»

– Никаких соглашений! – взревел Ранд. – Никакого партнерства! Я – Дракон Возрожденный, Таим. Я! Если у тебя есть знания, которые могут мне пригодиться, я воспользуюсь ими, но ты будешь делать то, что я прикажу и когда я прикажу!

Таим без малейшего промедления опустился на одно колено.

– Я выражаю покорность Дракону Возрожденному. Обязуюсь служить ему и повиноваться во всем. – Он встал, а уголки его рта дрогнули, он чуть ли не улыбался.

Тумад удивленно вытаращился.

– Не слишком ли быстро? – негромко заметил Ранд. Ярость все еще клокотала в нем: дай он ей волю, неизвестно, чем бы все кончилось.

«Убей его! Убей! Нужно его убить!» – не унимался Льюс Тэрин. Ранд вытеснил его крики из головы, и голос превратился в неразборчивое бормотание. По сути дела, ему не следовало так удивляться мгновенной перемене, произошедшей в Таиме. Та верен, особенно такой сильный, как он, порой воздействует на окружающих самым неожиданным образом. Но Ранд не мог избавиться от гнева, смешанного с подозрением.

– Ты провозгласил себя Возрожденным Драконом, вел войну в Салдэе, был схвачен без сознания лишь потому, что тебя застали врасплох, и вдруг так быстро согласился подчиниться мне. Почему?

Таим пожал плечами:

– А какой у меня выбор? Остаться одиноким, преследуемым миром бродягой, в то время как ты будешь восходить к славе? И даже это только в том случае, если Башир или твои айильские женщины не прикончат меня прежде, чем я унесу ноги из города. Впрочем, коли они и дадут мне уйти, рано или поздно до меня доберутся Айз Седай. Сильно сомневаюсь, что Башня оставит Мазрима Таима в покое. Другое дело – последовать за тобой и разделить часть твоей славы. – Таим в первый раз огляделся по сторонам, окинул взглядом Дев и своих стражников и покачал головой. – Я ведь и вправду считал себя Драконом Возрожденным. А почему нет? Я умею направлять Силу и обладаю немалой мощью. Откуда мне было знать, что не я Дракон Возрожденный? Все, что мне требовалось, – выполнить одно из пророчеств.

– Например, родиться на склоне Драконовой горы, – язвительно заметил Ранд. – Ведь это пророчество надлежало исполнить первым.

Губы Таима снова скривились, но эта кривая улыбка не тронула его глаз.

– Историю пишут победители. Овладей Тирской Твердыней я, и никто бы не усомнился в том, что я был рожден на склоне Драконовой горы женщиной, чье лоно не знало мужчины, и что небеса отверзлись, дабы приветствовать мое появление на свет. Сейчас нечто подобное рассказывают о тебе. Но Твердыню захватил ты со своими айильцами, и весь мир должен признать Драконом Возрожденным тебя. Что ж, не буду спорить, признаю и я. И раз уж целый каравай мне не достанется, я готов довольствоваться хотя бы ломтем.

– Ты можешь добиться почестей, Таим, а можешь и не добиться. И прежде чем помышлять о славе, задумайся о том, что стало с другими, поступавшими так же, как ты. Логайн схвачен, укрощен и, по слухам, умер в Башне. Один, чье имя так и осталось неизвестным, обезглавлен тайренцами в Хаддонском Сумрачье. Другой сожжен мурандийцами. Сожжен живьем, Таим! То же самое четыре года назад иллианцы сделали с Горином Рогодом.

– Это не та судьба, о какой я мечтаю, – спокойно заметил Таим.

– А коли так, забудь о почестях и помни о Последней битве. Все, что я делаю, делается ради Тармон Гай’дон. И то, что я прикажу делать тебе, тоже. *Ты* предназначен для этого!

– Само собой. – Таим развел руками. – Ты – Дракон Возрожденный, это я признаю открыто. Нас ожидает Тармон Гай’дон. Согласно пророчествам, ты одержишь победу. И грядущие предания расскажут о том, что твоей правой рукой был Мазрим Таим.

– Возможно, и так, – коротко откликнулся Ранд. Он слишком часто сталкивался с пророчествами, для того чтобы понять: зачастую их не следует понимать буквально. Как и то, что они ничего не гарантировали. По его мнению, пророчества лишь указывали, при каких условиях то или иное событие *может* произойти, но это не значило, что даже при соблюдении их всех оно непременно *произойдет*. Одним из условий победы в Последней битве некоторые пророчества о Драконе настойчиво называли неминуемую гибель Возрожденного Дракона. Об этом Ранд предпочитал не думать. – Свет ниспослал тебе возможность, какая предоставляется не слишком часто. Совсем не часто. Итак, что нужного и полезного для меня ты знаешь? Можешь ли научить мужчину направлять Силу? И наверняка определить, способен ли он этому научиться?

В отличие от женщин, умеющий направлять Силу мужчина не мог просто ощутить подобную способность в другом. В отношении Единой Силы разница между мужчинами и женщинами была примерно такой же, как и в других отношениях: иногда тоньше волоса, а иногда больше, чем между шелком и камнем.

– Это в связи с объявленной тобой амнистией? Неужели нашлись дураки, желающие стать такими, как ты или я?

Башир, стоявший, скрестив руки на груди и расставив ноги, лишь смерил Таима презрительным взглядом, тогда как его солдаты беспокойно поежились. Но не Девы. Ранд до сих пор не знал, как относятся айильские воительницы к мужчинам, откликнувшись на его призыв, – по их виду ни о чем нельзя догадаться. Салдэйцам было труднее сохранять хладнокровие – слишком хорошо они помнили, что такое Лжедракон.

– Просто ответь мне, Таим. Если ты можешь делать то, о чем я спрашиваю, так и скажи. Если нет...

Ранд осекся – это уже говорил в нем гнев. Он не может отослать этого человека, хотя бы ему пришлось препираться с ним каждый день. Но Таим, кажется, думал иначе.

– Я могу и то и другое, – поспешно ответил он. – За все эти годы я нашел пятерых, правда, признаться, особо и не искал. Но только у одного из них хватило смелости пойти дальше проверки. – Таим немного помолчал и добавил: – Бедняга сошел с ума через два года. Мне пришлось убить его, чтобы он не убил меня.

Два года.

– Ты продержался гораздо больше. Как это вышло?

– Вижу, тебя это тревожит, – тихо заметил Таим и пожал плечами. – Не знаю. Ничем не могу тебе помочь, этого я действительно не знаю. Так уж вышло. Одно могу сказать: я в здравом уме, как... – Его глаза блеснули – он бросил быстрый взгляд на салдэйского военачальника, будто не замечая его решительного вида. – Как лорд Башир.

Ранд же в этом вдруг усомнился. К наблюдению за двором вернулась только половина Дев – они не стали бы сосредотачиваться лишь на одной возможной угрозе и игнорировать другие, поэтому остальные по-прежнему не сводили глаз с Таима. В нем видели опасность для Ранда, и если бы Девы сочли эту угрозу реальной... Любой должен был осознавать, что Девы настороже, что в их глазах, в их руках – смерть. Ранд хорошо это понимал, и они хотели защитить его. Тумад и его воины тоже держали руки на рукоятках мечей и готовы были выхватить оружие в любой миг. Коли Девы или салдэйцы решат убить Таима, он вряд ли сумеет вырваться со двора, невзирая на его способность направлять Силу, разве что Ранд ему поможет. Таим не мог не осознавать этого, однако обращал на салдэйцев и Дев не больше внимания, чем на колонны вокруг или каменные плиты под ногами. Это истинное бесстрашие, рисовка или что-то другое? Не признак ли приближающегося безумия?

Помолчав, Таим снова заговорил:

– Вижу, ты мне все еще не доверяешь. И то сказать, с чего бы? Но рано или поздно ты мне поверишь. А пока, в надежде на будущее доверие, я хочу сделать тебе подарок... – Из-за пазухи поношенного кафтана он достал сверток величиной примерно в два кулака.

Сдвинув брови, Ранд взял узел, нащупал внутри нечто твердое, и у него перехватило дыхание. Он поспешно размотал разноцветные тряпки, и в его руках оказался диск шириной с ладонь, точно такой же, какой был изображен на алом знамени над дворцом. Черно-белый диск, бывший древним символом Айз Седай, еще до Разлома Мира. Он пробежал пальцами вдоль извилистой линии, разделяющей черную и белую половины.

Таких дисков, изготовленных из *квейндияра*, существовало всего семь, и они представляли собой печати, удерживающие Темного в его узилище. Две точно такие уже были у Ранда – он скрывал и оберегал их очень тщательно. Более чем тщательно. Ничто не могло сломать квейндияр, даже Единая Сила. Краешек изящной чашечки, изготовленной из камня мужества, оставит царапину на стали или на грани алмаза – но три из семи печатей *уже* сломаны. Ранд своими глазами видел их разбитыми. Однажды он стал свидетелем тому, как Морейн срезала с края одной из них тонкую щепочку. Печати слабели – одному Свету ведомо, как и почему. Под пальцами он ощущал гладкую и твердую поверхность квейндияра – нечто среднее между тончайшим фарфором и полированной сталью, – но не сомневался, что диск разобьется, упав на каменные плиты.

Три печати уже сломаны, а три другие – с этой вместе – находились у Ранда. Где же седьмая? Только четыре печати ограждали человечество от Темного. Четыре, если седьмая еще цела. Только они стоят между людьми и Последней битвой, и они ослабли. Насколько они еще крепки? Сколько еще продержатся?

Голос Льюса Тэрина зазвучал как гром: «Разбей их разбей все ты нужно разбить их разбить их все разбей их нужно сломать их сломай сломай сейчас же разбей это...»

Ранд задрожал от напряжения, пытаясь отогнать этот голос, стряхнуть туман, словно паутина облепивший его сознание. Мускулы ныли, будто он действительно боролся, причем боролся с гигантом. Постепенно, клочок за клочком, он вытеснил этот морок, бывший Льюсом Тэрином, в самые потаенные закоулки, в самые глубины своего разума.

И тогда неожиданно понял, что говорит, – услышал собственный хриплый голос:

– Должен разбить разбить сейчас разбить разбить все разбить.

И еще он вдруг осознал, что держит печать над головой, готовясь с размаху швырнуть ее на каменные плиты. И наверное, швырнул бы, но Башир удержал его за руки.

– Знать не знаю, что это за штуковина, – тихо произнес салдэйский лорд, – но мне кажется, не стоит так сразу ее разбивать. Может, лучше повременить, а?

Тумад и остальные солдаты больше не таращились на Таима, все они широко раскрытыми глазами уставились на Ранда. Даже Девы посматривали на него и выглядели озабоченными – Сулин сделала полшага в сторону Ранда, а Джалани протянула к нему руку, словно не понимая, в чем дело.

– Я не... – Ранд сглотнул, горло у него горело. – Думаю, мне не стоит ее разбивать.

Башир медленно отступил назад, и Ранд так же медленно опустил руки. От невозмутимости Таима не осталось и следа – он казался потрясенным.

– Ты знаешь, что это такое, Таим? – требовательно спросил Ранд. – Должен знать, иначе не принес бы мне. Где ты ее взял? Есть у тебя другая? Знаешь, где она?

– Нет, – ответил Таим. Голос его звучал нетвердо, хотя явно не от страха. Мазрим Таим выглядел человеком, потерявшим опору под ногами и неожиданно вновь обнаружившим, что стоит на твердой почве. – Это только одна... Я... Я слышал диковинные рассказы, с тех пор как сбежал от Айз Седай. Чудовища выскакивают прямо из ниоткуда. Невиданные чудовища. Люди разговаривают с животными, и те им отвечают. Айз Седай теряют рассудок, что вроде бы должно происходить с нами. Целые деревни сходят с ума, и люди убивают друг друга. Что-то из рассказанного – правда, а половина слухов, в истинности которых я не сомневаюсь, столь же невероятна. Я слышал, что некоторые печати сломаны. Эту можно разбить молотком.

Башир сдвинул брови, пристально глядя на диск в руках Ранда. Он понял.

– Где ты ее взял? – повторил свой вопрос Ранд. Если бы удалось найти последнюю... И что тогда? Льюс Тэрин зашевелился в недрах сознания, но Ранд его не слушал.

– В таком месте, где ее стали бы искать в последнюю очередь, – ответил Таим. – Возможно, там в первую очередь следует искать и другие. На маленькой полузаброшенной ферме в Салдэе. Я завернул туда, чтобы напиться воды, и хозяин преподнес мне эту вещь. Он был стар, не имел ни детей, ни внуков, которым мог бы ее передать, и искренне считал меня Драконом Возрожденным. Он утверждал, что она хранилась в его семье более двух тысяч лет. Будто бы давние его предки были королями во время Троллоковых войн и лордами при Артуре Ястребиное Крыло. Думаю, он не лгал. Все это не более удивительно, чем найти подобный предмет менее чем в трех днях езды от рубежа Запустения.

Ранд кивнул, затем наклонился и подобрал тряпки. Он привык к тому, что вокруг него происходят невероятные события, – такое могло случиться где и когда угодно. Пospешно завернув печать, он вручил ее Баширу:

– Храни ее бережно. – («Разбей! Разбей ее!») – Ничего не должно с ней случиться.

Башир почтительно склонил голову и принял сверток обеими руками. Ранд так и не понял, ему поклонился военачальник или печати.

– Я сохраняю ее в целости и верну, когда ты потребуешь: через десять часов или через десять лет.

Ранд внимательно посмотрел на лорда:

– Все ждут, что я вот-вот сойду с ума, и боятся этого. Все, кроме тебя. Должно быть, сейчас ты подумал, что это в конце концов случилось. Но меня ты не боялся даже тогда. Почему?

Башир пожал плечами и усмехнулся в седеющие усы:

– Когда я еще учился держаться в седле, маршалом-генералом Салдэи был Муад Чид. Вот уж кто был безумен, словно заяц по весне. Дважды в день он обыскивал своего слугу в поисках яда и пил только воду с уксусом, уверяя, что это защищает от отравы, которой потчует его этот парень, но за милую душу ел все, что тот ему подавал. Однажды он велел вырубить дубовую рощу, потому что дубы на него таращились. А потом приказал устроить им приличные похороны, да еще сам на них речь произнес. Представляешь, что это была за работенка – рыть могилы для двадцати трех дубов?

– И что же, его никто не унял?

– Только такой же, если не худший, безумец осмелился бы косо взглянуть на него. Да и отец Тенобии никому не позволил бы тронуть Чиды. Он был сумасшедшим, но при этом лучшим полководцем, какого я когда-либо видел. За всю жизнь он не проиграл ни одного сражения. Ни единого!

Ранд рассмеялся:

– Выходит, ты следуешь за мной, ибо надеешься, что я окажусь лучшим полководцем, чем Темный?

– Я следую за тобой потому, что ты тот, кто ты есть. Весь мир должен последовать за тобой, иначе выжившие позавидуют мертвым.

Ранд медленно кивнул. Пророчества утверждали, что ему предстоит разрушить государства и связать народы воедино. Ранд этого не хотел, но понимал, что именно таков путь к победе в Тармон Гай’дон. Последняя битва не будет простым поединком между ним и Темным. В такое Ранд поверить не мог. Если он и сошел с ума, то не настолько, чтобы возомнить себя более чем человеком. Люди должны сообща выступить против троллоков, мурддраалов и прочих отродий Тени, каких способно изрыгнуть Запустение, а также приспешников Темного, поднимающихся из своих потаенных укрытий. На пути к Тармон Гай’дон встретится много опасностей, и если человечество не объединится... «Ты делаешь то, что должно». Ранд так и не понял, принадлежала эта мысль ему или Льюсу Тэрину. Но она казалась верной.

Уже направляясь к ближайшей колоннаде, он обернулся к Баширу:

– Я беру Таима на ферму. Хочешь пойти с нами?

– На ферму? – удивился Таим.

Башир покачал головой.

– Спасибо за приглашение, – сухо ответил он. Держался лорд спокойно, но, судя по всему, был по горло сыт Мазримом Таимом и на ферму всяко не стремился. – Того и гляди мои солдаты совсем обленятся, патрулируя городские улицы. Я собираюсь на несколько часов посадить своих людей в седла. Ты ведь хотел устроить днем смотр? Или он отменяется?

– Что за ферма? – снова спросил Таим.

Ранд вздохнул, неожиданно почувствовав усталость.

– Нет, не отменяется. Я буду там, если смогу.

Смотр слишком важен для того, чтобы его можно было отменить, но этого не знал никто, кроме Мэты, Башира и его самого. Он не мог допустить, чтобы кто-нибудь догадался, что это не пустая церемония, устроенная Драконом Возрожденным, лишь чтобы потешить свое честолюбие. Сегодня ему предстояло нанести еще один визит – все должны думать, что он хочет сохранить его в тайне. Это и должно было остаться секретом для большинства, но Ранд не сомневался, что те, кому нужно, секрет визнают.

Взяв прислоненный к одной из тонких колонн меч, Ранд опоясался им поверх незастегнутого кафтана. Ремень, ножны и рукоять меча были сделаны из невыделанной темной кабаньей кожи, на которой резко выделялась полированная стальная пряжка в виде Дракона, украшенная искусной золотой насечкой. Надо бы избавиться от этой пряжки, найти что-нибудь попроще, но Ранд не мог заставить себя сделать это. Пряжка была подарком Авиенды. Отчасти именно по этой причине ее и следовало снять, но... Ранд понятия не имел, как вырваться из этого замкнутого круга.

Помимо меча, у колонны находилось и копьё с двухфутовым древком и пышной бело-зеленой кистью под острым наконечником. Ранд взвесил его в руке и повернулся обратно к двору. Одна из Дев вырезала на коротком древке изображение Драконов. Некоторые, особенно Элениа и подобные ей андорские лизоблюды, уже стали называть это копьё скипетром Дракона. Ранд держал его при себе как напоминание о том, что врагов у него куда больше, чем кажется на первый взгляд.

– О какой ферме ты говоришь? – настойчиво спросил Таим. – Куда это ты собрался меня отвести?

Ранд окинул его долгим взглядом. Что-то в Мазрине Таиму ему определенно не нравилось. А может, что-то в нем самом мешало проникнуться к Таиму симпатией. Ведь довольно долго он был единственным мужчиной, который мог направлять Силу, не покрываясь холодным потом от страха перед Айз Седай. Неужели все так просто и неприязнь к Таиму объясняется прежде всего ревностью из-за того, что он теперь не единственный? Но нет, Ранд так не считал. Помимо всего прочего, он желал, чтобы способных направлять Силу мужчин было как можно больше и все они могли спокойно ходить по земле. Тогда он не был бы единственным. Но нет, этого не случится – во всяком случае, до Тармон Гай’дон. Да и в любом случае таких, как он, нет и не может быть, ибо он – Дракон Возрожденный. А Мазрим Таим ему просто не нравится. Не нравится, вот и все.

«Убей его! – подал голос Льюс Тэрин. – Убей их всех!» Ранд вытолкнул его из своего сознания. В конце концов, он собирался использовать Таима, а не водить с ним дружбу. Но намеревался и положиться на него, а решиться на такое непросто.

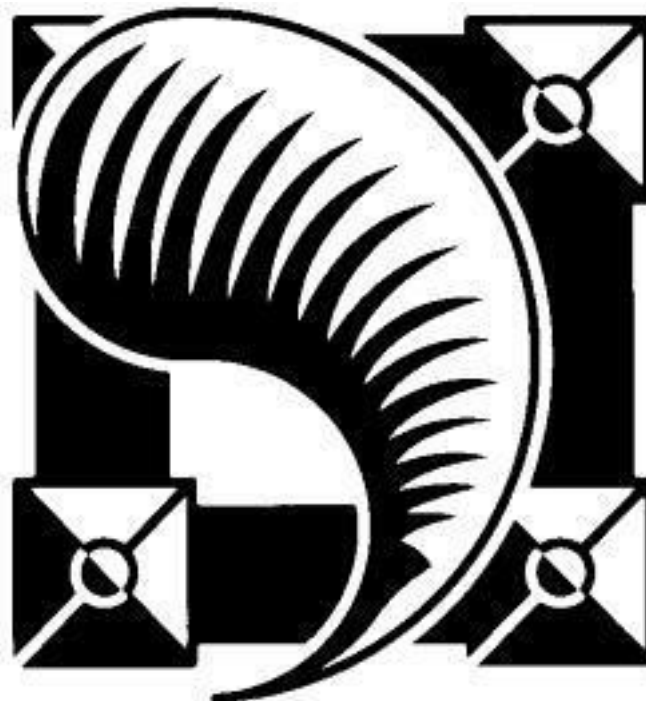
– Я беру тебя туда, где ты сможешь мне послужить, – холодно произнес Ранд.

Таим не вздрогнул, даже не нахмурился; он смотрел выжидающе, и лишь уголки его рта на миг изогнулись в подобии улыбки.

Глава 3

Глаза женщин

Стараясь унять раздражение, а заодно заглушить бормотание Льюса Тэрина, Ранд потянулся к Источнику и вступил в ставшую уже привычной борьбу за контроль над потоком саидин, губительным и живительным одновременно. Даже пребывая в коконе пустоты, он чувствовал, как горечь порчи пронизывает его до мозга костей, едва не проникая в самую душу. Сейчас же Ранд словно складывал ткань Узора и пронизывал складку насквозь, – во всяком случае, он не мог подобрать другого определения тому, что делал. По правде говоря, он не слишком хорошо представлял себе, что именно делает, ибо осваивать этот прием ему пришлось самому. Тот, у кого он учился, умел делать некоторые вещи, просто умел, однако вразумительно объяснить их не мог и сам не знал, какова их истинная природа.

В воздухе появилась яркая вертикальная линия, которая быстро превратилась в щель и расширилась до размера дверного проема. Казалось, что это проем вращается, но, когда сквозь него начали проступать очертания освещенной солнцем лужайки, окруженной пожухлыми от засухи деревьями, вращение прекратилось.

Изображение еще не успело устояться, а Энайла и еще две Девы уже подняли вуали и выпрыгнули в проем. За ними последовало еще с полдюжины Фар Дарайз Май, причем некоторые держали наготове короткие роговые луки. Ранд полагал, что там, куда ему предстояло выйти, опасаться нечего. Он специально поместил другой конец пути, если у этого пути вообще *был* конец, так же как и начало, на лужайку, чтобы никому не повредить ненароком, – открывать «дверь» в людном месте было бы опасно. Но убеждать Дев, как, впрочем, и всех айильцев, в отсутствии необходимости постоянно держаться настороже совершенно бесполезно – все одно что уговаривать рыбу прекратить плавать.

– Если ты сам еще не уловил, как делается такой проход, – заметил Ранд, обращаясь к Таиму, – я тебе потом покажу.

Тот молча уставился на него – видимо, был не слишком внимателен. Любой, кто способен направлять Силу, мог различить свитые Рандом потоки саидин.

Ранд ступил на лужайку, за ним Таим, а следом Сулин и другие Девы. Некоторые из них, проходя мимо юноши, бросали негодующие взгляды на висящий у бедра Ранда меч. Ни одна из Дев не проронила ни слова, однако они оживленно переговаривались на языке жестов – не иначе как выражали крайнее неодобрение. Энайла и ее спутницы, выпрыгнувшие первыми, уже рассыпались вокруг поляны и скрылись в тени деревьев. Их *кадин'сор* – куртки и штаны в серовато-коричневых разводах, иногда с добавлением зеленого цвета, – сливались с высохшей листвой и травой. Они были невидимыми для всех, кроме Ранда. Переполняемый Силой, он отчетливо видел каждую сухую иголку на обступавших лужайку соснах – сухих было куда больше, чем зеленых, – и чуял кислотоватый запах сока болотного мирта. В сухом, обжигающем воздухе висела мелкая пыль. Никакой опасности для него здесь не было.

– Ранд ал'Тор, стой! – Голос донесся с другой стороны прохода. Принадлежал он Авиенде.

Ранд мгновенно отпустил саидин. Врата исчезли, растаяли так же, как и появились. Ему следовало помнить о том, что опасности бывают разные.

Таим посмотрел на Ранда с нескрываемым интересом. Некоторые Девы тоже не преминули одарить его взглядами, причем весьма неодобрительными. Обмен мнениями на языке жестов стал еще более оживленным, но вслух никто не высказался. Ранду удалось втолковать им, что в некоторых случаях распускать языки не стоит.

Не обращая внимания ни на осуждение, ни на любопытство спутников, Ранд ступил под деревья. Таим держался рядом. Сухие листья шуршали у них под ногами, похрустывал валежник. Девы, окружившие их широким кольцом, были обуты в мягкие шнурованные сапожки и ступали совершенно бесшумно. Необходимость держаться настороже заставила их забыть о недовольстве. Правда, многие из них уже не раз совершали подобное путешествие, и всегда благополучно, но никто не мог убедить Дев в том, что этот лес – не самое подходящее место для засады. Что подделаешь, три тысячи лет, до самого прихода Ранда, жизнь в Айильской пустыне состояла из почти непрерывных стычек, набегов, засад и сражений.

Несомненно, Ранд мог кое-чему научиться у Таима, хотя и не столь многому, как считал тот, но обучение должно было стать взаимным, и Ранд решил, что нынче самое время втолковать тому некоторые вещи.

– Следуя за мной, ты рано или поздно столкнешься с Отрекшимися. Возможно, это случится еще до Последней битвы. Скорее всего, задолго до нее... Ты вроде бы и не удивлен?

– До меня доходили слухи, будто они сумели вырваться на свободу.

Итак – Ранд не сдержал ухмылки, – земля-то слухами полнится. Айз Седай это вряд ли придется по нраву. Но что ни говори, а щелчок по носу они заслужили.

– Ты должен быть готов ко всему. Любая опасность может нагрянуть в любое время – троллоки, мурддраалы, драгкар, Серые Люди, *голам*...

Ранд осекся и призадумался, поглаживая ладонью с клеймом цапли длинную рукоять меча. Он понятия не имел, кто таков этот *голам*. Льюс Тэрин молчал, но Ранд чувствовал: именно он подсказал это незнакомое слово. Обрывки, клочки воспоминаний Теламона просачивались сквозь тонкий барьер, разделявший сознание Ранда и Льюса Тэрина, и становились как бы частью памяти самого Ранда. К сожалению, вспоминалось лишь то или иное слово, а его значение зачастую так и оставалось тайной. И в последнее время такое происходило все чаще. Избавиться от этих путаных воспоминаний, бороться с этим наваждением, как боролся он с голосом Льюса Тэрина, Ранду не удавалось. Но замешательство его продлилось недолго.

– Вся эта нечисть встречается не только на севере, близ Запустения. Они пользуются Путиами и могут нагрянуть хоть сюда, хоть в любое другое место.

С этим ему тоже предстояло разобраться, хотя он понятия не имел как. Некогда Пути были сотворены с помощью саидин, и наведенная на саидин порча поразила и их. Ныне Пути были затемнены и опасны не только для людей. Отродьям Тени там тоже грозила смерть, а то и нечто худшее, но они все же ухитрялись использовать этот опасный способ передвижения. Не столь быстрый, как ворота-переходы, Перемещение или даже Скольжение, он все же позволял преодолевать сотни миль в день. Но этой проблемой следовало заняться потом. И сколько уже проблем отложено на потом? Но у Ранда сейчас слишком много других задач, одна неотложнее другой.

Ранд раздраженно полоснул по ветке мирта Драконовым скипетром, и жесткие, иссохшие листья посыпались на землю. Пожелтевшие листья, хуже того – побуревшие.

– Следует быть готовым ко всему, к такому, о чем ты мог слышать лишь в преданиях и легендах. Даже гончие Тьмы, даже они могут появиться, но, во всяком случае, пока сам Темный еще не поскачет позади своей Дикой охоты. Правда, с ними и без того хлопот не оберешься. Некоторых ты, наверное, сможешь уничтожить, но другие, если верить преданиям, уязвимы лишь для погибельного огня. Знаешь, что это такое? Если нет, то и я не смогу тебя научить. А если знаешь, используй его только против отродий Тени. И никого не учи им пользоваться. Что же до слухов, о которых ты говорил... Пожалуй, я представляю себе, что их порождает, хотя и не знаю точно, как это назвать... Разве что «пузырями зла». Представь себе пузыри, что поднимаются порой со дна болота. Вот и здесь нечто подобное, только эти поднимаются из узилища Темного по мере того, как слабеют печати, и несут они не гнилостный запах, а зло. Зло переполняет их. Они перемещаются по нитям Узора, пока не лопнут, а уж когда лопаются... Тут можно ждать чего угодно. Например, твое собственное отражение выскакивает из зеркала и пытается тебя убить. И такое случалось, уж поверь мне.

Если все услышанное и напугало Таима, тот не подал виду.

– Я бывал в Запустении, – сказал он, – и мне случалось убивать троллоков и мурддралов. – Таим отвел в сторону низкую ветку и придержал ее, давая Ранду пройти. – Вот про этот погибельный огонь я слыхом не слыхивал, но, думаю, ежели на меня насядет гончая Тьмы, я как-нибудь сумею с ней сладить.

– Хорошо, – промолвил Ранд, одобряя тем самым и самоуверенность Таима, и его невежество. Сам он не возражал бы против того, чтобы даже память о разящем огне исчезла с лица земли. – Если повезет, здесь ты ни с чем подобным не столкнешься, но уверенности в этом нет.

Неожиданно лес кончился, и за его кромкой взору открылась ферма – приземистый двухэтажный дом под соломенной крышей и заметно покосившийся амбар. Над одной из труб поднимался дымок. Здесь было ничуть не прохладнее, чем в расположенном в нескольких милях отсюда городе, солнце палило так же безжалостно. В горячей пыли копошились куры, две серовато-бурые коровенки жевали жвачку в огороженном жердями загоне, привязанные неподалеку черные козы деловито объедали листву с кустов, к стенке амбара притулилась крестьянская телега на высоких колесах, но все же это была не настоящая ферма. Вокруг не расстилались поля, к самому двору со всех сторон подступал лес, окружая его сплошной стеной, если не считать узенькой пыльной тропинки, которая вела на север. По ней ходили в город, но такое случалось нечасто. Кроме того, для обычной фермы здесь было слишком много народу.

Четыре женщины – все, кроме одной, средних лет – развешивали на веревках выстиранное белье, а в пыли, впережку с курами, возились детишки. Их было около дюжины, ни один не старше девяти-десяти лет. Зато мужчин, занятых сейчас обычными хозяйственными делами, насчитывалось двадцать семь. Правда, некоторые из них мужчинами могли именоваться лишь с большой натяжкой. Например, Эбен Хопвил, как раз сейчас вытаскивающий из колодца ведро с водой, уверял, что ему двадцать, хотя на самом деле был лет на пять моложе. Тщедушный, длинноносый и лопоухий, этот юнец выглядел препотешно. Федвин Морр, один из троих парней, потевших на крыше, заменяя старую солому, выглядел малость покрепче и

прыщей имел поменьше, но при всем этом вряд ли был намного старше. Да и половина остальных мужчин, что оказались здесь, прожили на свете лишь на три-четыре года больше, чем эти двое. Поначалу Ранд хотел отослать нескольких из них – в первую очередь Эбена с Федвином – домой, но потом передумал. В конце концов, Белая Башня принимала на обучение девушек столь же юных, а то и помоложе. С другой стороны, шевелюры некоторых мужчин уже посеребрила седина, а сморщенный, как сухое яблоко, Дамер Флинн был почти лыс, да вдобавок еще и хром. Сейчас он показывал двоим молодым парням, как управляться с мечом, используя для этого ветку, очищенную от коры. Прежде Дамер состоял в гвардии королевы, но расстался со службой после того, как был ранен в бедро мурандийским копьем. Мастером клинка он никогда не слыл, но, видать, считал, что старому вояке всяко есть чему поучить неоперившихся юнцов. На ферме собрались по большей части уроженцы Андора. Несколько человек прибыли из Кайриэна, из Тира же – никого. Там тоже знали о призыве Ранда, но, чтобы добраться до Кэймлина оттуда, требовалось немало времени.

Первым появление Дев заметил Дамер. Он отбросил палку и указал на приближающегося Ранда своим ученикам. Затем Эбен вскрикнул и выронил ведро, расплескав воду. Поднялся шум, все с криками побежали к дому и тревожной стайкой сбились позади Дамера. Изнутри выскочили еще две женщины, обе в фартуках, раскрасневшиеся от жара очагов, и принялись помогать собирать детишек в кучу за спинами мужчин.

– Вот они, – сказал Ранд Таиму. – В твоём распоряжении еще добрая половина дня. Скольких ты успеешь испытать за это время? Я хочу знать, кто из них пригоден к обучению. И чем скорее, тем лучше.

– Эта компания, собранная невесть... – начал было Таим, презрительно скривившись, но неожиданно осекся и устался на Ранда. В пыли возле ног Таима принялись возиться куры. – Так, выходит, ты еще никого из них не испытывал? Почему, во имя... Ты не умеешь, что ли? Стало быть, Перемещаться ты можешь, а как выяснить, способен ли человек иметь дело с Силой, не знаешь.

– Некоторые из них на самом деле не хотят иметь дело с Силой. – Ранд попытался ослабить хватку на рукояти меча. Ему вовсе не хотелось сознаваться в своем невежестве, тем более перед этим человеком. – Есть те, которые думают лишь о возможности достичь богатства, власти и славы и неспособны заглянуть дальше. Но мне нужен любой, кто может научиться, каковы бы ни были его побуждения.

Выстроившиеся перед амбаром ученики, точнее те, кому предстояло стать учениками, взирали на Ранда и Таима довольно спокойно. В конце концов, они добровольно явились в Кэймлин, желая или думая, что желают, выучиться чему-то у Дракона Возрожденного. Куда с большей тревогой они посматривали на Дев, кольцом окруживших двор фермы и шнырявших то в дом, то в амбар. Иное дело женщины. Прижимая к себе вцепившихся в юбки ребятишек, они взирали на новоприбывших с угрюмой настороженностью. Некоторые смотрели прямо, но многие кусали губы и отводили глаза.

– Ну давай, – сказал Ранд. – Пора тебе познакомиться со своими учениками.

Таим возмущенно отпрянул и замер на месте:

– Как? Неужто я тебе нужен только для того, чтобы учить этот сброд? И вообще, много ли способных учиться ты надеешься обнаружить в этой ватаге? Если тут хоть кого-то возможно обучить.

– Таим, это очень важно. Я занялся бы этим сам, если бы мог. Если бы у меня было время.

Времени всегда не хватало. Он признал это, как признал, пусть и крайне неохотно, ограниченность своих знаний и возможностей. Ранд испытывал беспричинную неприязнь к Таиму. Впрочем, у него не было необходимости любить этого человека. Поскольку Ранд продолжал идти не задерживаясь, Мазрим Таим последовал за ним и через несколько мгновений нагнал его.

– Ты говорил о доверии, – напомнил Ранд. – Так вот, я доверяю тебе это дело. – («Не доверяй! – поднялся из потаенных глубин сознания голос Льюса Тэрина. – Никогда никому не доверяй! Доверие губительно!») – Испытай всех, Таим, и, как только выявишь способных, начинай их учить, – закончил Ранд.

– Как будет угодно лорду Дракону, – криво усмехнувшись, пробормотал Таим.

Они приблизились к толпившимся у амбара людям, и те приветствовали Ранда неловкими поклонами и реверансами.

– Это Мазрим Таим, – объявил Ранд. Само собой, многие вытаращили глаза и разинули рты. Похоже, решили, что Ранд и Мазрим Таим заявили сюда, чтобы помериться друг с другом силой, и мало кому хотелось присутствовать при этом состязании.

– Назовите ему свои имена, – продолжал Ранд. – С сегодняшнего дня он будет вашим учителем.

Таим поджал губы, но промолчал.

Будущие ученики восприняли новость по-разному. Федвин живо выступил вперед и встал рядом с Дамером, тогда как Эбен побледнел и попытался спрятаться за спинами товарищей. Прочие колебались, чесали в затылках, переминались с ноги на ногу, но все равно подходили к Таиму и называли свои имена. Так или иначе, заявление Ранда означало, что неопределенности скоро придет конец. Конец не одной неделе ожиданий, а для кого-то, возможно, и конец многим годам мечтаний. Сегодня им предстояло столкнуться с действительностью, которая для кого-то будет означать способность направлять Силу – со всеми вытекающими отсюда губительными для мужчин последствиями.

Джур Грейди, крепкий темноглазый малый в домотканом крестьянском платье, шестью, а то и семью годами старше Ранда, вместо того чтобы подойти к Таиму, отбил в сторону. Встав перед Рандом, он стянул с головы матерчатую шапку, скомкал ее в широких ладонях, устался на свои стоптанные башмаки и, лишь изредка осмеливаясь поднять глаза, принялся мямлить:

– Э-э... Милорд Дракон... Стало быть, я тут пораскинул... Папаша мой покуда приглядывает за участком, а земля у меня неплохая. Ежели речка не пересохнет... Коли дождик пойдет, глядишь, и урожай ждать можно... ну и я это... как его... – Он тщательно разгладил шапчонку и скомкал ее снова. – Надумал я домой воротиться.

Женщины к Таиму не приближались. Выстроившись молчаливой шеренгой, они крепко прижимали к себе детей и встревоженно наблюдали. Самая молодая из них, светловолосая пухленькая Сора Грейди, держала за руку игравшего ее пальцами четырехлетнего карапуза. Все эти женщины последовали сюда за своими мужьями, но, как подозревал Ранд, день и ночь уговаривали их убраться отсюда подальше. Пятеро мужчин уже ушли, и, хотя ни один не сознался, что его подбила на это супруга, все они были женаты. И то сказать, какая женщина сможет спокойно смотреть, как ее муж учится направлять Силу? Это ведь все равно что ждать, когда он покончит с собой.

Кое-кто наверняка сказал бы, что семейным людям здесь делать нечего. Впрочем, с точки зрения многих, мужчинам вообще не стоило сюда соваться. Однако Ранд полагал, что Айз Седай совершили ошибку, отгородившись от мира. Мало кто бывал в Белой Башне, кроме самих сестер, их учениц, Стражей и прислуги. Просители были редки, ибо лишь крайняя нужда могла вынудить человека обратиться в Башню за помощью. Когда Айз Седай покидали Башню – а таких было немного, – то держались холодно и отчужденно. Для Айз Седай весь мир был всего-навсего игровой доской, а люди – фигурами, которые можно переставлять как заблагорассудится. Для Айз Седай реальной была лишь Белая Башня, но ведь они никогда не выходили замуж. Люди семейные видят все совсем по-иному. Они ни при каких обстоятельствах не забудут, каков обычный мир и какова жизнь обычных людей.

Впрочем, всему этому предстояло продлиться лишь до Тармон Гай'дон. Только вот как долго? Год? Два? Хватит ли времени? Так или иначе, Ранд не собирался отступать от намеченного и считал, что семьи не только не помешают, но и станут для мужчин постоянным напоминанием о том, за что им предстоит сражаться.

Сора впиалась в Ранда глазами.

– Вольному воля, – сказал он Джуру. – Пока ты еще не научился направлять Силу, можешь уйти в любое время. Но когда это случится, ты станешь все одно что солдат. Сам ведь небось знаешь, Джур, что для Последней битвы потребуется каждый воин. Тень подготовит новых Повелителей ужаса, способных направлять Силу, уж в этом-то не сомневайся. Но выбрать тебе. Кто знает, может, ты и ухитришься отсидеться на своей ферме. Должно же остаться хотя бы несколько мест в мире, которые не затронут грядущие беды. Мне, во всяком случае, хочется в это верить. Так или иначе, мы, те, кто останется, сделаем все возможное, чтобы таких убежищ оказалось как можно больше. Ну а тебе стоило бы все-таки поговорить с Таимом. Неужто не обидно уйти, так и не узнав, способен ли ты чему-нибудь научиться?

Ранд отвернулся от вконец сконфуженного Джура, постаравшись не встретиться глазами с Сорой. «И я еще смею осуждать Айз Седай за то, что они манипулируют людьми», – с горечью подумал Ранд, хотя делал он лишь то, чего не мог не делать.

Таим некоторое время выслушивал имена возможных учеников, то и дело оглядываясь на Ранда, но вскоре терпение его истощилось.

– Довольно! По именам я успею узнать вас и потом, причем тех, кто останется здесь и завтра. А сейчас к делу. Кто хочет проверить себя первым?

Никто не шелохнулся. Все молчали, словно у них языки отсохли. Кое-кто даже моргнуть не смел, не сводя глаз с Таима. Тогда он поманил к себе Дамера:

– Ну, раз желающих нет, начнем с тебя. Иди сюда.

Дамер не двинулся с места, пока Таим не ухватил его за рукав и не вытянул на несколько шагов вперед.

Наблюдавший со стороны Ранд подступил к ним поближе.

– Чем больше используется Силы, – сказал Таим, – тем легче обнаружить резонанс. Но с другой стороны, слишком сильный резонанс опасен, он может даже убить тебя, поэтому я начну с малого.

Ранд догадался: эти объяснения предназначались ему, а вовсе не Дамеру, который только хлопал глазами и из всего сказанного уразумел лишь намек на возможные неприятности.

Неожиданно в воздухе, на равном расстоянии между Таимом, Дамером и Рандом, появился пляшущий язычок пламени. Ранд ощутил, как Таим коснулся Истинного Источника, увидел свитый им тоненький поток Огня и испытал удивительное облегчение, ибо только сейчас окончательно убедился в том, что Таим и вправду умеет направлять Силу. Видимо, сомнения Башира передались и ему.

– Сосредоточься на пламени, – сказал Таим. – Ты – пламя, весь мир – пламя, нет ничего, кроме пламени!

– Ничего я не чувствую, только глаза болеть начинают, – пробормотал Дамер, утирая со лба пот тыльной стороной заскорузлой ладони.

– Сосредоточься! – резко оборвал его Таим. – Не болтай, не двигайся, ни о чем не думай. Только сосредоточься.

Под хмурым взглядом Таима Дамер заморгал, кивнул и молча уставился на маленький огонек.

Таим и сам выглядел сосредоточенным, словно нацеленным, хотя Ранд не вполне представлял себе на что. Кажется, он говорил о резонансе? Ранд тоже сосредоточился, пытаясь нащупать сам не зная что.

Одна за другой томительно тянулись минуты – пять... шесть... семь. Никто не шевелился. Дамер даже моргать перестал. Он лишь тяжело дышал и весь покрылся потом, словно его окатили из ведра. Девять минут... десять...

Неожиданно Ранд ощутил нечто – видимо, тот самый резонанс, о котором шла речь. Слабое эхо, едва уловимый отголосок Силы, пульсирующей в Таиме, исходил, похоже, от Дамера. Но хотя Мазрим говорил, по-видимому, именно об этом явлении, он не шевелился – может быть, ждал чего-то еще? А возможно, он, Ранд, ошибся и это был вовсе не резонанс?

Минуло еще с минуту или две, и Таим наконец кивнул, погасил пламя и отпустил саидин.

– Да, ты можешь научиться, – сказал Таим. – Как там тебя зовут, Дамер, что ли?

Таим выглядел удивленным – похоже, он никак не ожидал, что первый же испытуемый, да вдобавок почти лысый старикашка, окажется пригодным к обучению.

Дамер слегка ухмыльнулся. Судя по виду, его в любой момент могло стошнить.

– Наверное, мне не стоит удивляться, даже если эти олухи пройдут испытание, – пробормотал Мазрим, взглянув на Ранда. – Похоже, тебе сопутствует удача, да такая, что десятерым в пору.

Остальные «олухи» беспокойно зашаркали ногами. Некоторые из них в глубине души наверняка надеялись, что не выдержат испытания. Отступаться в открытую никому не хотелось, но ведь всякий, кто окажется непригодным, сможет отправиться домой с чистой совестью, не потеряв лица.

Ранд слегка удивился сам себе. В конце концов, было лишь это эхо, и больше ничего, и он почувствовал его прежде Таима, который знал, что ищет.

– Со временем мы выясним, сколь велики твои возможности, – сказал Таим, когда Дамер отступил и вернулся к своим сотоварищам. Те слегка расступились, стараясь не встречаться с ним глазами. – Возможно, окажется, что когда-нибудь ты сравнишься со мной, а то и с самим лордом Драконом. – Пространство вокруг Дамера чуть-чуть расширилось. – Поживем – увидим, – продолжал Таим. – Ну а куда присматривайся к тому, как я буду проверять других. Если ты смышлен, то уяснишь, в чем суть дела, прежде чем я найду еще четверых или пятерых. – Быстрый взгляд, брошенный в сторону Ранда, показал, что и эти слова предназначались для него. – Ну а сейчас продолжим. Кто следующий? – Никто не двинулся с места. – Тогда ты. – Таим указал на мешковатого малого лет тридцати с небольшим, темноволосого ткача по имени Кели Гульдин. Стоявшая среди женщин жена Кели тихо застонала.

На то, чтобы проверить оставшихся двадцать шесть человек, уйдет весь день до темноты, а может, и больше. Жара жарой, а дни становились все короче, как будто и вправду наступала зима. К тому же на каждого, кто в конце концов не пройдет испытания, наверное, потребуется на несколько минут больше – нужно ведь удостовериться наверняка. А тем временем и Башир ждет, и Вейраману надобно нанести визит, и...

– Продолжай один, – сказал Ранд Таиму. – Я вернусь завтра и посмотрю, как ты упрямился. Помни, я оказал тебе доверие.

«Не доверяй ему, – простонал откуда-то из теней Льюс Тэрин. – Не доверяй. Доверие – гибель! Убей его! Убей всех! Убить и умереть самому... Покончить со всем... уснуть и не видеть снов... снов об Илиене... Прости меня, Илиена... нет, мне нет прощения... смерть, только смерть, я заслуживаю только смерти...»

Ранд успел отвернуться, прежде чем внутренняя борьба отразилась на его лице.

– Вернусь завтра. Если смогу.

Сопровождаемый Девами, он направился обратно к деревьям, но Таим догнал его на полпути к опушке.

– Если ты немного задержишься, то сумеешь выявлять их и сам, – сказал Таим с ноткой раздражения в голосе. – По правде сказать, я не удивлюсь, если в этой ораве найдется еще пять-шесть человек, на что-нибудь годных. Ты как будто обладаешь удачей самого Темного. И

вроде бы хочешь многому научиться. Но если тебе вздумалось взваливать все это на мои плечи, предупреждаю: скорого результата не жди. Как бы я ни нажимал, пройдет не одна неделя, прежде чем этот Дамер сумеет хотя бы ощутить саидин, не говоря уже о том, чтобы коснуться ее, а паче того направить хотя бы искорку Силы.

– Я уже сообразил, в чем заключается испытание, – отозвался Ранд. – Это было не так уж трудно. И ты не ошибся, предположив, что я намерен возложить все это на твои плечи. Тебе придется проверять всех, покуда ты не подберешь себе помощников, которые сами смогут проводить такие испытания. И помни, что я тебе говорил, Таим. Нужно торопиться, время не ждет.

Время действительно поджимало, хотя Ранд понимал, что спешка таит в себе немалую угрозу. Женщины, умевшие направлять Силу, рассказывали ему о том, что представляет собой саидар – женская составляющая Истинного Источника. Для них направлять Силу значило обнимать саидар. Они учились отдаваться потоку, уступать ему; подчиняясь Силе, они овладевали ею сами. Достаточно было использовать эту гигантскую мощь правильно, чтобы ничего не опасаться. Илэйн и Эгвейн это представлялось вполне естественным, Ранду же казалось невероятным. Мужчина, имевший дело с саидин, должен был непрерывно сражаться за власть над бурным, неукротимым потоком тронутой порчей Силы и бороться за собственное выживание. Недостаточно подготовленный человек, вступая в эту схватку, попадал в положение голого мальчугана, заброшенного в самое горнило яростной битвы между облаченными в стальные доспехи воинами. Даже будучи обученным, мужчина рисковал всякий раз, когда решался иметь дело с Силой. Малейшая оплошность – и саидин могла убить, лишить разума или же – самое меньшее – напрочь выжечь саму способность касаться Истинного Источника. Если умевший направлять Силу мужчина попадал в руки Айз Седай, они насильно лишали его этой способности, но каждый рисковал утратить ее из-за малейшей беспечности. Правда, Ранд готов был побиться об заклад, что, случись такое с некоторыми из стоявших возле амбара мужчин, те только обрадовались бы. Не говоря уже о женщинах. Круглолицая супруга Кели Гульдина держала мужа за ворот и что-то настырно ему втолковывала. Кели неуверенно качал головой, да и другие женатые мужчины поглядывали на своих жен. Но что поделаешь, идет война, а на войне не обойтись без жертв. Увы, и среди семейных людей бывают убитые и раненые. «О Свет, до чего же я очерствел», – подумал Ранд и чуть отвернулся, чтобы не видеть глаз Соры Грейди.

– Тебе придется пройти по лезвию ножа, – сказал он Таиму. – Постарайся никого не загубить, но научи их всему, чему возможно, и настолько быстро, насколько сможешь.

– Научить всему, чему они способны выучиться? – переспросил Таим. – Но чему в первую очередь? Небось тому, что можно использовать как оружие?

– Именно так, – согласился Ранд. Они все должны стать оружием, все до единого, включая его самого. А разве оружие может иметь семью? И может ли оно позволить себе любить? А откуда взялись эти мысли? – Научи их всему, чему сумеешь, но этому – прежде всего.

Их было слишком мало. Всего двадцать семь человек, и если, помимо Дамера, среди них сыщется хотя бы один человек, тоже пригодный к обучению, Ранд должен быть благодарен за это особой способности та'верена притягивать к себе нужных людей. Айз Седай с неизменным рвением отлавливали и укрощали мужчин, умевших направлять Силу. Они занимались этим на протяжении трех тысячелетий и, кажется, сами не понимали, что результат оказался не совсем таков, к какому они стремились. Врожденная способность иметь дело с Истинным Источником становилась все более редкой не только среди мужчин, но и среди женщин. Человечество постепенно утрачивало ее. Белая Башня была выстроена в расчете на размещение трех тысяч Айз Седай и многих сотен девушек, проходящих обучение, но до раскола в ее стенах пребывало всего четыре десятка послушниц и менее полусотни принятых.

– Мне нужны люди, Таим. Как можно больше людей. Поэтому, как только выявишь способных, учи их искать и испытывать других.

– Стало быть, ты задумал соперничать с Айз Седай? – Само подобное предположение казалось немыслимым, но Таим выглядел невозмутимым. Взгляд его темных раскосых глаз был тверд.

– Сколько там сейчас Айз Седай? Тысяча?

– Я думаю, поменьше, – осторожно отозвался Таим.

Они портили человеческий род, ухудшали наследственность и за одно это заслуживали суровой кары, пусть даже руководствовались благими намерениями.

– Что ж, врагов у меня всяко будет достаточно.

В чем в чем, а во врагах он недостатка не испытывал. Сам Темный, Отрекшиеся и отродья Тени. Да еще и приспешники Тьмы. Само собой, белоплащники, да и некоторые Айз Седай, причем не только Черные сестры, но и те из других Айя, которые хотели превратить его в свое оружие. Таких он числил во врагах, пусть даже сами себя они таковыми не считали. Несомненно, как он сам сказал, будут и Повелители ужаса. Врагов достаточно, чтобы расстроить все его замыслы, чтобы сокрушить все... Ранд вцепился пальцами в резное древко Драконова скипетра. А самый страшный враг, которого почти невозможно победить, – время.

– Я справлюсь с ними, Таим. Со всеми. Они думают, что раз способны разрушать, то им все подвластно. Только и делают, что разрушают, и ничего не создают взамен! Я покончу с этим. Я хочу создать нечто новое, оставить после себя не одни руины. И я добьюсь этого! Я одолею Темного. Я очищу саидин от порчи. Мужчинам не придется больше опасаться безумия, а мир перестанет бояться мужчин, способных направлять Силу. Я...

Он гневно потряс копьем, так что подпрыгнула бело-зеленая кисть, но тут же осекся и попытался взять себя в руки. Наверное, винить за эту вспышку ему остается жару и пыль. О чем это он размышлял? Лучшее, на что они могли надеяться, – это победить и умереть, не успев потерять рассудок, но Ранд понятия не имел, как добиться хотя бы этого. Единственное, что ему оставалось, – не прекращать попыток. Должен же быть какой-то выход. Если в мире существует справедливость, то должен быть и выход.

– Очистить саидин, – тихонько присвистнул Таим. – Вот оно что. Но, боюсь, для этого потребуется невероятная мощь. – Он задумчиво прикрыл глаза. – Хотя... слышал я о таких штуковинах, которые называются са'ангриалами. Есть у тебя такой, который мог бы...

– Тебе нет дела до того, что у меня есть или чего у меня нет, – оборвал его Ранд. – Учи тех, кого можно научить, и ищи новых учеников, вот что от тебя требуется. Темный ждать не станет. О Свет! У нас совсем нет времени, Таим, но мы обязаны справиться. Другого выхода нет!

– Я сделаю все, что в моих силах. Только не надейся, что к завтрашнему дню Дамер сможет сокрушить городские стены.

Ранд заколебался:

– Таим... Приглядывай за ними и, если заметишь, что кто-нибудь учится подозрительно быстро, тут же дай мне знать. Среди учеников может затесаться один из Отрекшихся.

– Отрекшихся?! – Таим чуть не поперхнулся. Всего во второй раз этот человек не смог скрыть потрясения. – Но зачем им...

– Хотелось бы знать, насколько ты сам силен, – вновь оборвал его Ранд. – Возьмись-ка за саидин и зачерпни столько, сколько сможешь удержать.

Некоторое время Таим молча, безо всякого выражения смотрел на Ранда, а затем потянулся к саидин, и поток Силы хлынул через него. Свечения, какое видят направляющие Силу женщины, не было, но Ранд отчетливо ощущал грозную мощь удерживаемого Таимом потока. Этот человек мог бы в считанные мгновения испепелить ферму и сровнять с землей все окружающее, насколько видит глаз. Он был почти так же силен, как и сам Ранд, если только... если

только не утаивал часть своих возможностей. И то сказать, зачем ему полностью раскрываться перед Рандом, не зная, как тот на это отреагирует?

Неожиданно поток Силы, бурливший в Таиме, стих; Ранд больше не ощущал ее в другом мужчине, но только сейчас почувствовал, что его самого переполняет саидин. Он тянул Силу через спрятанный в кармане маленький ангриал, стараясь вобрать в себя столько, сколько способен, до последней капли.

«Убей его, – бормотал Льюс Тэрин. – Убей сейчас же!»

Потрясенный, Ранд на миг растерялся. Окружавшая его пустота заколебалась под напором kloкочущего, бушующего потока, и Ранд едва успел отпустить саидин. Помедли он хоть мгновение, и напор Силы сокрушил бы и пустоту, и его самого. «Как это вышло?» – гадал Ранд. Кто ухватился за Источник – он сам или Льюс Тэрин? «Убей его! Убей его!»

«Замолчи!» – мысленно приказал Ранд, едва не прокричав эти слова вслух. К его изумлению, голос Теламона стих.

Дрожащей рукой Ранд утер градом катившийся по лицу пот. Нет, конечно же, он коснулся Источника сам, иначе и быть не могло. Нелепо даже думать о том, что это могла проделать бесплотная тень, укоренившийся в его сознании голос давно умершего человека. Просто он, Ранд, подсознательно не доверяет Таиму и, когда почувствовал, что тот удерживает слишком уж сильный поток, непроизвольно потянулся к саидин. В этом все дело.

– Просто приглядывай за ними и примечай, не станет ли кто схватывать все чересчур быстро, – пробормотал Ранд.

Возможно, он говорил Таиму больше, чем следовало, но ведь, с другой стороны, всякий человек вправе знать, с чем ему, возможно, придется столкнуться. Многие Ранд все равно не доверил бы ни Таиму, ни любому другому. Прознай кто-либо, что он, Ранд ал'Тор, держал в плену Отрекшегося, учился у него, а потом позволил ему бежать... Белоплащники и без того утверждали, будто он Лжедракон, да вдобавок еще и приспешник Темного. Впрочем, они говорили так о всяком, кто хотя бы раз касался Единой Силы, но, если мир прослышит об Асмодиане, многие и многие поверят этим рассказам. А ведь Ранд имел с ним дело лишь потому, что нуждался в помощи человека, способного научить его правильному обращению с саидин. Причем в помощи мужчины. Ни одна женщина для этого не годилась – он ведь не мог видеть их плетения, так же как они – его. Но кто стал бы слушать объяснения и оправдания? «Мужчина легко верит во все худое, женщина же – нет, ибо считает действительность намного страшнее» – так гласила старинная двуреченская поговорка. Так что лучше держать язык за зубами, а уж если Асмодиан объявится снова, он свое получит.

– Присматривай за ними внимательно, но так, чтобы это не бросалось в глаза.

– Как будет угодно милорду Дракону, – с поклоном ответил Таим и зашагал обратно к амбару.

Только сейчас Ранд заметил, что Девы – Энайла, Сомара, Сулин, Джалани и прочие – смотрят на него озабоченно и участливо. Они принимали как неизбежность почти все, что он делал, все, от одной мысли о чем всех, кроме айильцев, пробирала дрожь, все, сути чего они совершенно не понимали. Принимали как данность и тревожились за него.

– Ты не должен так утомляться, – тихонько произнесла Сомара.

Ранд взглянул на женщину с соломенно-желтыми волосами, и та покраснела. Таим уже отошел, но все же эту реплику мог и услышать. Не стоило говорить с ним в такой манере на людях.

Энайла тем временем вытащила из-за пояса шуфу и протянула Ранду.

– Солнце слишком жаркое, – пробормотала она. – Не ровен час, голову напечет.

– Ему нужна жена, – заметила другая Дева, – а то за ним и приглядеть некому.

Ранд не мог определить, кому из них принадлежали эти слова – подобные разговоры даже Энайла с Сомарой вели только у него за спиной, – зато он прекрасно знал, кого они

имели в виду, говоря о жене. Конечно же Авиенду. Да и то сказать, кто может быть лучшей женой для сына Девы, если не бывшая Дева, отрекшаяся от копья, чтобы стать Хранительницей Мудрости?

Подавив вспышку гнева, он обмотал шуфу вокруг головы и вынужден был признать, что это оказалось как нельзя кстати. Солнце и впрямь палило нещадно, а серовато-коричневая ткань удивительным образом отражала тепло. К тому же повязку мгновенно увлажнил пот, что тоже помогало переносить зной. Интересно, знает ли Таим, каким образом Айз Седай ухитряются не позволять ни жаре, ни холоду касаться их? Салдэя лежала далеко на севере, но этот человек, так же как и айилыцы, почти не потел.

– Чего я не должен делать, – буркнул Ранд, – так это торчать здесь и терять попусту время.

– Терять время? – переспросила Джалани чересчур невинным голоском. Она перевязывала заново шуфу и на миг обнажила голову, показав почти такие же ярко-рыжие, как у Энайлы, короткие волосы. – Не может быть, чтобы Кар’а’карн напрасно терял время. Я, помнится, как-то раз и сама вспотела, так же как он сейчас, но мне пришлось бежать целый день, от восхода до заката.

Девы покатились со смеху. Рыжеволосая, по меньшей мере лет на десять его старше, Майра хлопнула себя по бедру, златовласая Дезора, пряча улыбку, уткнулась в ладони, Лиа, чье лицо пересекал шрам, раскачивалась из стороны в сторону, а Сулин и вовсе сложилась пополам, держась за живот. Что ни говори, а юмор у айилыцев какой-то чудной. В преданиях никогда не упоминалось, чтобы кто-нибудь вышучивал героев, и Ранд сомневался, чтобы короли разрешали своим подданным эдак прохаживаться на свой счет. Проблема отчасти заключалась в том, что айильские вожди и даже вождь вождей, Кар’а’карн, не были королями. В известном смысле они обладали не меньшей властью, но любой айилец мог свободно обратиться к вождю и высказать все, что у него на уме. Но главным было даже не это.

Ранд вырос в Двуречье, и воспитал его Тэм ал’Тор, жена которого, Кари, умерла, когда мальчику было всего пять лет. Но настоящей матерью Ранда являлась Дева, родившая его на склоне Драконовой горы и умершая во время родов, а отцом – айильский клановый вождь. Несмотря на такое происхождение, сам Ранд не считал себя айильцем, однако в нынешних обстоятельствах айильские обычаи касались его напрямую. Он и ступить не мог без оглядки на эти странные понятия. Девы Копья не имели права выходить замуж. Если Дева, зачавшая и выносившая ребенка, не желала отречься от копья, она должна была отдать свое дитя Хранительницам Мудрости. Те передавали ребенка на воспитание другой женщине, причем кому именно, для родной матери навсегда оставалось тайной. Лишь приемные мать и отец знали, чье дитя они растят. Айильское поверье гласило, что рожденному Девой во всем сопутствует удача, и именно сыном Девы, возвращенным в мокрых землях, должен, согласно пророчеству Руидина, быть Кар’а’карн. Поэтому в глазах этих Дев Ранд ал’Тор, первый сын Девы, ставший известным всем, как бы воплощал в себе детей Фар Дарайз Май, детей, которых матери никогда не видели.

Большинство из них, и те, кто постарше, как Сулин, и молодые, вроде Джалани, приветствовали Ранда как давно утраченного, а ныне вернувшегося брата. На людях они выказывали ему почтение, подобающее вождю, но, оставаясь наедине, держались с ним как с братом, причем зачастую как с младшим, что никак не было связано с возрастом самих женщин. А мужчинам не особенно нравится, когда их ровесницы обращаются с ними как с несмышлениками. Ему оставалось радоваться, что лишь немногие из Дев держались с ним как Энайла и Сомара; когда женщина примерно твоего возраста ведет себя так, будто ты ее сын, то это очень и очень раздражает, и не важно, один ты с ней или рядом есть кто-то еще.

– Значит, нам следует отправиться туда, где я не буду так потеть, – сказал Ранд, выдавив из себя ухмылку.

В конце концов, Девы имели право на некоторую фамильярность, ведь многие из них уже отдали за него свои жизни, а еще большему числу предстояло погибнуть в ближайшем будущем. Услышав слова Ранда, они притихли, готовые следовать за Кар'а'карном, куда он укажет, и защищать его.

Но он еще не решил, куда именно идти. Башир дожидался его тщательно спланированного посещения, которое должно было выглядеть случайным; но если об этом прознала Авиенда, она наверняка тоже находится рядом с салдэйским лордом. А ее Ранд старался избегать – во всяком случае, остерегался оставаться с ней наедине. Остерегался прежде всего потому, что ему хотелось остаться с ней наедине. Он тщательно это скрывал, ибо, прознай Девы, что творится у него в голове, они бы ему и вовсе жизни не дали. Суть же заключалась в том, что он *вынужден* был держаться от нее подальше. Ранд будто распространял вокруг себя недуг, обрекавший на смерть всякого, кто оказывался рядом. Он был мишенью, и окружавшие его люди гибли один за другим. Скрепя сердце, кляня себя за то данное им обещание, он позволил погибнуть Девам, но они были воительницами, а Авиенда отсеклась от копья, чтобы стать Хранительницей Мудрости. Ранд и сам точно не знал, какие чувства к ней испытывает, но в одном не сомневался: погибни она, умрет что-то и в нем самом. Хорошо еще, сама девушка относилась к нему совсем по-другому. Авиенда старалась не упускать его из виду, но причиной тому было веление Хранительниц Мудрости, поручивших ей надзирать за ним. Впрочем, она и сама считала необходимым держать его под приглядом – ради Илэйн. Ни то ни другое жизни Ранду не облегчало.

Однако он быстро нашел решение, причем достаточно простое. Баширу придется подождать, а он тем временем посетит Вейрамона и избежит таким образом встречи с Авиендой. Конечно, это едва ли можно счесть весомой причиной для принятия решения, но что остается мужчине, если женщина не желает прислушаться к голосу рассудка? Возможно, так будет лучше. Те, кому следует, все равно прознают о якобы тайном визите к Вейрамону, причем сочтут, что выведали тщательно оберегаемый секрет. Ну а встреча с Баширом и салдэйцами состоится ближе к вечеру, отчего еще проще будет счесть ее совершенно случайной. Вот уж воистину, хитришь да мудришь, покуда сам себя не заморочишь. Все эти увертки достойны кайриэнского лорда, ведущего Игру Домов.

Коснувшись саидин, Ранд открыл ворота. Светящаяся щель расширилась, открыв взору внутреннее убранство полосатого шатра – просторного и пустого, если не считать ковров, вытканых прихотливыми тайренскими узорами. Вероятность засады здесь была еще меньше, чем на ферме, но это не помешало Энайле, Майре и прочим закрыть лица вуалями и выпрыгнуть наружу. Ранд помедлил и оглянулся.

Кели Гульдин понуро шагал к фермерскому дому, а рядом, ведя двоих ребятишек, поспевала жена. Она говорила мужу что-то утешительное и поглаживала его по плечу, но даже на таком расстоянии Ранд разглядел ее сияющее лицо. Не иначе как Кели испытания не прошел. Таим стоял напротив Джура Грейди, и оба не сводили глаз с трепетавшего между ними язычка пламени. Сора Грейди прижимала к груди сынишку. На мужа она не смотрела. Взгляд ее по-прежнему был устремлен на Ранда. «Женский глаз ножа острее, он разит куда больнее», – гласила еще одна двуреченская поговорка.

Пройдя сквозь ворота, Ранд пропустил следовавших за ним Дев и отпустил Источник. Он делал то, что должен был делать.

Глава 4

Чувство юмора

В полутемной палатке было так жарко, что Кэймлин, лежащий в восьмистах милях к северу, мог показаться прохладным местом, а уж когда Ранд откинул полог, то поневоле зажмурился – солнце ударило в глаза, словно молотом по наковальне. Стоило порадоваться тому, что по подсказке Дев он надел шуфу.

Над расцветенным зелеными полосами шатром реял Драконов стяг, а рядом развевалось темно-красное знамя с древним символом Айз Седай. Несчетные ряды палаток покрывали выжженную, вытопанную сапогами и конскими копытами равнину. Высокие и низкие, конические и приземистые, они были, вернее, когда-то были по большей части белыми, но ныне белоснежная парусина выгорела, запылилась и изрядно запачкалась. Немало попадалось и цветных, и полосатых шатров, над которыми реяли ярко расцветенные знамена лордов. Здесь, на рубежах Тира, на краю равнины Маредо, собралось огромное войско – тысячи и тысячи тайренских и кайриэнских солдат. Айильцы разбили свои лагеря в стороне, подальше от мокроземцев; айильских палаток уже сейчас было раз в пять больше, чем всех прочих, и с каждым днем прибывали все новые воины. Одного вида такой армии было достаточно, чтобы илианцев проняла дрожь, – трудно представить себе нечто, способное противостоять подобной силе.

Энайла и другие Девы с опущенными вуалями уже находились снаружи и смешались с айильцами, охранявшими шатер. Одеты и вооружены те были так же, как Девы, но ростом и статью превосходили их, как львы – леопардов. Сегодня стражу здесь несли *Ша'мад Конд* – Громоходцы, а командовал ими сам Ройдан, возглавлявший это сообщество по эту сторону Драконовой Стены. Честь составить личную охрану Кар'а'карна принадлежала Девам Копья, но и другие воинские сообщества претендовали на право оберегать вождя вождей.

Одна деталь в наряде некоторых воинов отличала их от Дев. Примерно половина из них носила приспособленную у висков темно-красную головную повязку с черно-белым диском над бровями – древним символом Айз Седай. Впервые подобные повязки появились совсем недавно – всего несколько месяцев назад. Носившие их называли себя *сисвай'аман*, что на древнем наречии означало «Копья Дракона» или, точнее, «Копья, кои принадлежат Дракону». Ранду становилось не по себе от одного вида подобных повязок и от того, что они означают, но поделаться он ничего не мог: когда он пытался заговорить на эту тему с айильцами, те делали вид, будто не понимают, о чем идет речь. Девы таких повязок не носили, во всяком случае,

при нем, но почему – ему так и не удалось узнать. Рассказывать об этом они не желали, точно так же как и мужчины.

– Я вижу тебя, Ранд ал’Тор, – сказал Ройдан. В некогда золотистой шевелюре айильца было куда больше серебра, чем золота, а лицо воина выглядело так, будто его можно было, а коли судить по рубцам да шрамам, и случалось использовать вместо наковальни. В сравнении с такой физиономией даже его льдисто-голубые глаза казались мягкими и добрыми. Он, как и все айильцы, предпочитал не смотреть на меч Ранда. – Да обретешь ты прохладу.

Это принятое у айильцев приветствие было всего лишь данью обычаю. Сам Ройдан почти не потел, но жители Пустыни, где вечно печет солнце, а тенистое дерево – диковина, почитали прохладу за наивысшее благо.

– Я вижу тебя, Ройдан, – вежливо отозвался Ранд в соответствии с обычаем. – Да обретешь ты прохладу. Скажи, есть здесь поблизости благородный лорд Вейрамон?

Ройдан кивком указал на расцвеченный красными полосами павильон под темно-алой крышей. Вокруг него выстроилась вышколенная стража – тайренские воины в полированных нагрудниках, надетых поверх черных с золотом одеяний Защитников Твердыни. Все они держали копья под одним строго выверенным углом. Над головами караульных на горячем, словно исходящем из печи, ветру реяли знамена: три полумесяца Тира, белые на ало-золотом фоне; восходящее солнце Кайриэна, разбрасывающее золотистые лучи по небесно-голубому полю, и между ними – алый Драконов стяг.

– Все вожди из мокрых земель собрались там, – заметил Ройдан и, взглянув Ранду прямо в глаза, добавил: – Бруана уже три дня не приглашали в этот шатер, Ранд ал’Тор. – (Бруан являлся вождем Накай Айил, того самого клана, к которому принадлежал и Ройдан. Вдобавок они оба происходили из септа Соляная Залежь.) – И не его одного. Ни Гана из Томанелле, ни Деарика из Рийн – ни одного из клановых вождей.

– Я поговорю с ними об этом, – заверил его Ранд. – Передай Бруану и другим вождям, что я здесь.

Ройдан с весьма серьезным видом кивнул.

Искоса поглядывая на мужчин, Энайла склонилась к Джалани и заговорила шепотом, который, впрочем, легко было расслышать шагов с десяти:

– Знаешь, почему их прозвали Громоходцами? Да потому, что, даже когда они стоят на месте, ты то и дело смотришь на небо, ожидая молнии.

Девы зашлись от хохота.

Молодой айильский воин подпрыгнул выше головы Ранда, выбросив в воздух обутую в мягкий сапог ногу. Красивый юноша, если не считать пересекающего лицо бледного шрама и черной повязки, прикрывающей выбитый глаз. У него на голове тоже красовалась повязка Копья Дракона.

– А вы знаете, почему Девы часто используют язык жестов? – выкрикнул он в полете, а приземлившись, скорчил рожу. Но не Девам – он обращался к своим товарищам, делая вид, будто женщин поблизости вовсе нет. – Да все потому, что, даже когда у них во рту языки от трескотни отсохнут, прекратить болтать им все едино неважно.

Ша’мад Конд расхохотался, так же как и Девы.

– Одни только Громоходцы и находят честь в том, чтобы охранять пустой шатер, – произнесла Энайла, с нарочито печальным видом покачивая головой. – Небось, когда они просят вина, *гай’шайн* приносят им пустые чаши, а они знай себе пьют да пьянеют почище, чем мы – от *оосквай*.

Громоходцы, по всей видимости, сочли шутку Энайлы весьма удачной. Во всяком случае, одноглазый воин не стал продолжать обмен остротами, он, как и некоторые другие, обернулся к Девам, поднял круглый, обтянутый бычьей кожей щит и несколько раз постучал по нему копьем. Энайла удовлетворенно кивнула и последовала за Рандом вместе с другими Девами.

Ранд окинул взглядом раскинувшийся вокруг военный лагерь, размышляя о странном айильском остроумии. В воздухе стоял запах пекшегося на углях хлеба, жарившегося на вертелах мяса и булькавшей в подвешенных на треногах котлах похлебки. Солдаты всегда стремились набить животы впрок, ибо в походах наесться досыта удается нечасто. К ароматам готовящейся снеди примешивался сладковатый запах сушеного бычьего навоза – здесь, на равнине Маредо, это топливо было доступнее, чем дерево.

То тут, то там сновали лучники, арбалетчики и копейщики в подбитых войлоком кафтанах или в кожаных безрукавках с нашитыми на них стальными дисками, но знать – и кайриэнская, и тайренская – презирала пехоту, а потому на виду чаще красовались всадники. Дворяне из Тира носили ребристые, с ободками и гребнями шлемы, сверкающие кирасы, кафтаны с пышными рукавами и плащи цветов начальствовавших над отрядами лордов. Кайриэнцев отличали темные кафтаны, нагрудники со следами прежних стычек и шлемы, напоминавшие колокола с вырезом для лица. У некоторых за спиной красовались флажки на коротких древках, именовавшиеся *кон* и служившие знаком, отличающим мелкого дворянина или младшего отпрыска знатного семейства, а порой и просто офицера. Впрочем, в большинстве случаев это было одно и то же – в Кайриэне, точно так же как и в Тире, простолюдинам редко удавалось выбиться в командиры. Тайренские и кайриэнские воины держались порознь. Сутулившиеся в седлах всадники-тайренцы насмешливо кривились при виде низкорослых кайриэнцев, которые, в свою очередь, старались держаться как можно прямее и совершенно не замечать тех. Оба государства враждовали с незапамятных времен, пока Ранд не объединил бывших противников под своей властью.

Старики и подростки в грубоотканой одежде и с крепкими дубинками в руках расхаживали по лагерю, выискивая крыс. То один, то другой оглушал крысу палкой и подвешивал к поясу. Возле одной из палаток большеносый малый, в заляпанной кожаной безрукавке на голое тело, с луком за спиной и колчаном у пояса, выложил на стол перед сидевшим за ним со скучающим видом тайренцем большую связку нанизанных на шнурок воронов и ворон, а взамен получил туго набитый кошель. Здесь, на юге, мало кто верил, что мурддраалы используют воронов и крыс в качестве соглядатаев. Да что там, многие тут сомневались и в существовании самих мурддраалов и троллоков, но это не мешало им ревностно истреблять крыс да ворон. Ежели лорду Дракону угодно очистить лагерь от этих тварей, почему бы и не услужить ему, тем паче что за каждую тушку лорд Дракон платит полновесным серебром.

Разумеется, слышались приветственные возгласы. Далеко не все знали его в лицо, но кто еще мог разгуливать по лагерю в сопровождении Дев и с Драконовым скипетром в руке?

– Да сияет Свет лорда Дракона! Да сопутствует удача лорду Дракону! – доносилось со всех сторон.

Возможно, многие кричали это от чистого сердца, хотя трудно понять, что у людей на душе, когда они орут во всю глотку. Впрочем, другие лишь ошарашенно таращились на Ранда, а то и поворачивали коней да отъезжали в сторонку. В конце концов, кто знает, что взбредет в голову лорду Дракону, – вдруг он начнет метать молнии или заставит землю разверзнуться под ногами? Всем ведь известно, что мужчины, направляющие Силу, рано или поздно сходят с ума, а от сумасшедшего можно ожидать чего угодно. Что же касается Дев, то на них настороженно поглядывали все. Вид вооруженных женщин сам по себе был зрелищем непривычным, к тому же айильцев считали столь же опасными и непредсказуемыми, как и безумцев.

Несмотря на шум, Ранд слышал, как переговаривались у него за спиной Девы.

– У него отменное чувство юмора, – сказала Энайла. – Кто-нибудь знает, как его зовут?

– Его зовут Лейран, – ответила Сомара. – Он из Косайда Чарин. Небось ты оценила его чувство юмора потому, что он предпочел твою шутку своей. Но руки у него, похоже, крепкие.

Некоторые Девы захихикали.

– Разве Энайла не рассмешила тебя, Ранд ал’Тор? – спросила шагавшая рядом с ним Сулин. – Ты не смеялся. Ты вообще никогда не смеешься. Порой мне кажется, что у тебя нет чувства юмора.

Ранд остановился как вкопанный и обернулся к ней, да так резко, что Девы потянулись к вуалям и принялись озиаться по сторонам в поисках того, что могло встревожить Кар’а’карна.

Ранд прочистил горло:

– Как-то раз поутру лучший петух вспылчивого, сварливого старого фермера по имени Хью взлетел на росшее рядом с прудом дерево и ни в какую не хотел спускаться. Видя, что самому ему петуха не снять, Хью зашел к соседу Уилу и попросил того помочь. Эти двое между собой не ладили, но Уил все же согласился. Они направились к пруду и стали взбираться на дерево, причем Хью полез первым. Они надеялись спугнуть петуха, но птица только перелетала с ветки на ветку, все выше и выше. Хью карабкался следом за петухом, а Уил следом за Хью. Возле самой макушки ветка обломилась, и Хью шлепнулся прямо в пруд, разбрызгав воду и тину. Уил поспешно спустился вниз и с берега протянул Хью руку, но тот даже не шевельнулся, хотя его затягивало в ил, да так, что скоро из воды только нос торчал. Хорошо, что один соседский фермер случайно увидел, что там творится, прибежал и вытащил Хью из пруда. «Почему ты не ухватился за руку Уила? – спросил он Хью. – Так ведь недолго было и утонуть!» – «Вот еще! – буркнул в ответ Хью. – С какой стати мне подавать ему руку? Я ведь только что среди бела дня пролетел мимо него, а он и слова мне не сказал». – Ранд замолк и выжидающе посмотрел на Дев.

Те обменялись недоуменными взглядами. Первой неуверенно заговорила Сомара:

– А что стало с прудом? Ясно ведь, что главное в этой истории – пруд.

Ранд махнул рукой и зашагал к полосатому павильону. За спиной у него Лиа неуверенно пробормотала:

– Кажется, он хотел нас рассмешить.

– Но что же тут смешного? Как можно смеяться, если не знаешь, что случилось с водой? – спросила Майра.

– Тут вся суть в петухе, – вставила Энайла. – Сразу-то я не сообразила, такие уж у них в мокрых землях шутки чудные. Но я вам точно говорю, это была шутка, и соль ее в петухе.

Ранд едва не расхохотался.

Заметив его приближение, Защитники Твердыни замерли, словно превратились в статуи. Двое, стоявшие у входа, плавно подались в стороны, откинув расшитый золотом полог. На Дев солдаты старались не смотреть.

Ранду уже случалось вести Защитников Твердыни в бой. Тогда яростная схватка с троллоками и мурддраалами разразилась в стенах самой Твердыни, и той ночью воины готовы были последовать за всяким, кто решился бы взять на себя командование. Вышло так, что возглавить их пришлось ему.

– Твердыня нерушима, – тихо сказал Ранд, обращаясь к солдатам. То был боевой клич Защитников, и на их лицах появились улыбки. Появились лишь на мгновение – в Тире простодушные улыбались словам лорда только в том случае, если не сомневались, что вельможа именно этого от них и ждет.

Большая часть Дев осталась у входа. Воительницы непринужденно присели на корточки, положив копыа поперек колен; в таком положении они могли оставаться часами. Однако Сулин, Лиа, Энайла и Джалани последовали за Рандом в шатер. Они оберегали бы его даже при встрече со старыми добрыми друзьями, а люди, дожидавшиеся внутри, таковыми вовсе не являлись.

Пол павильона устилали тайренские ковры с бахромой по краям и причудливыми узорами в виде спиралей и лабиринтов. В центре стоял массивный резной стол, украшенный позолотой и инкрустацией из бирюзы и поделочной кости, – чтобы доставить сюда эту махину, наверняка потребовалась здоровенная подвода. По обеим сторонам стола с разложенной на

нем картой стояли напротив друг друга облаченные в шелка лорды – дюжина тайренских и около полудюжины кайриэнских. Все они обливались потом, и перед каждым стоял высокий золоченый кубок – державшиеся в тени слуги в черных с золотом ливреях то и дело подливали охлажденный пунш. Гладко выбритые, казавшиеся шуплыми и бледными кайриэнцы носили темные кафтаны, неброские, если не считать ярких горизонтальных прорезей на груди. Цвета прорезей соответствовали цветам Домов, а количество цветных полос говорило о ранге. Тайренские лорды с остроконечными напояженными бородками, напротив, рядились в красные, желтые, зеленые и голубые кафтаны из парчи и атласа, с золотым и серебряным шитьем. Кайриэнцы держались замкнуто и сурово. Лица у большинства из них были худые, щеки впалые, а головы спереди выбриты и припудрены по моде, прежде бытовавшей только среди солдат, а отнюдь не лордов. Вельможи из Тира насмешливо кривили губы и нюхали надушенные носовые платки или ароматические шарики, запахи которых заполняли шатер. Помимо пунша, лордов с обеих сторон сближало лишь то, что и те и другие, коротко взглянув на вошедших в шатер айилок, теперь пытались делать вид, будто не замечают Дев.

Благородный лорд Вейрамон, важного вида господин с напояженной бородкой и тронутыми сединой волосами, отвесил церемонный поклон. Помимо него, в шатре находились еще трое благородных лордов, елеино улыбающихся Ранду: не в меру грузный Сунамон, тощий Толмеран с жесткой, смахивающей на наконечник копья седой бородкой и простоватый с виду Ториан, больше похожий на фермера, чем на лорда, – но верховное командование над собравшимися здесь силами Тира Ранд поручил Вейрамону. Остальные восемь тайренских командиров происходили из менее знатных семей, некоторые из них были связаны клятвой верности с тем или иным благородным лордом, но боевой опыт имелся у каждого.

Для уроженца Тира Вейрамон был довольно высок, хотя Ранд и превосходил его ростом на целую голову. Ранду этот напыщенный вельможа напоминал выпятившего грудь задиристого петуха.

– Все мы приветствуем лорда Дракона, который скоро станет покорителем Иллиана, – нараспев произнес Вейрамон. – Честь и хвала Повелителю утра!

Собравшиеся вокруг стола поклонились Ранду: тайренцы – разведя руки в стороны, кайриэнцы – приложив ладонь к сердцу.

Ранд поморщился. Повелитель утра... Если верить обрывкам древних преданий, таков был один из титулов Льюса Тэрина. Большая часть знаний о том времени была утрачена с Разлома Мира, многое погибло в ходе Троллоковых войн и Столетней войны, но кое-что чудом уцелело. Ранда удивило то, что употребление Вейрамоном древнего титула не заставило Льюса Тэрина снова подать голос. Кажется, Теламон вообще не напоминал о себе с того момента, как Ранд велел ему замолчать. Насколько он помнил, это был первый случай, когда его угораздило напрямую обратиться к обитавшему в его голове голосу давно умершего человека. От мысли о том, что может за этим крыться, по спине у него пробежали мурашки.

– Милорд Дракон... – заговорил Сунамон, потирая вспотевшие ладони. Он старался не смотреть на обернутую вокруг головы Ранда шуфу. – Вы?.. – Он, явно успев прикусить язык, поспешил заискивающе улыбнуться; вряд ли стоит спрашивать вероятного сумасшедшего – вероятного, это самое меньшее, – хорошо ли тот себя чувствует. – Не желает ли лорд Дракон пуншу? Прекрасное вино из сбора Лоданайль, смешанное с соком медовой дыни.

Истеван – долговязый, с крепкой челюстью и твердым взглядом лорд страны, служивший под началом Сунамона, – резко поднял руку, и слуга метнулся к стоящему у парусиновой стены столику за золоченым кубком. Другой прислужник поспешил наполнить сосуд.

– Нет. – Ранд поспешил отмахнуться, даже не взглянув на слугу. Он думал о том, мог ли Льюс Тэрин *слышать*? Если так, все усложнялось еще больше, но ломать над этим голову не хотелось. Ни сейчас, ни когда бы то ни было. – Как только придут Геарн с Симааном, почти все будут в сборе. – Обоих благородных лордов, которые вели два последних крупных

отряда тайренских солдат, следовало ждать со дня на день. Они выступили из Кайриэна с месяц назад. Потом, правда, будут еще подтягиваться мелкие группы с юга, немало кайриэнцев и еще больше айильцев. Те прибывали потоком. – Я хочу посмотреть...

Неожиданно Ранд понял, что в павильоне повисла гнетущая тишина. Все замерли, один лишь Ториан, запрокинув голову, допил пунш, вытер губы ладонью и вновь протянул кубок, чтобы его наполнили, не замечая, что слуги вжались в полосатую стену. Девы напряглись и привстали на цыпочки, готовые в любой миг поднять вуали.

– В чем дело? – спокойно спросил Ранд.

Вейрамон замялся.

– Симаан и Gearн... ушли в Хаддонское Сумрачье. Они не придут.

Ториан выхватил у слуги оправленный в золото кувшин и, расплескивая пунш по ковру, наполнил свой кубок.

– А почему они отправились туда, а не к нам? – не повышая голоса, спросил Ранд, хотя был уверен, что знает ответ. Этих двоих, так же как и еще пятерых благородных лордов, он и в Кайриэн-то отправил потому, что в Тире они стали бы беспрерывно интриговать против него.

Кайриэнцы дружно приподняли кубки, пытаясь скрыть ехидные усмешки. Семарадрид, высший из них по рангу, на что указывали многочисленные цветные прорезы на кафтане, усмехнулся открыто. Этот узколицый, седовласый мужчина с тяжелым, впору камни колоть, взглядом темных глаз двигался скованно, припадая на одну ногу. Участвуя в терзавших Кайриэн усобицах, он получил немало ран, но хромота напоминала о схватке за Тир. Основная причина, побуждавшая его к сотрудничеству с бывшими противниками, заключалась в том, что они не айильцы. Впрочем, и лорды из Тира соглашались иметь дело с кайриэнцами прежде всего по той же причине.

Ответил Ранду один из соотечественников Семарадрида, молодой лорд Менерил. Прорезей на его кафтане было в два раза меньше, чем у Семарадрида, а левый уголок рта кривился, словно в сардонической усмешке, из-за полученного во время гражданской войны шрама.

– Измена, милорд Дракон. Измена и мятеж.

Возможно, Вейрамон еще долго не решался бы сказать это Ранду в лицо, но не мог и допустить, чтобы вместо него говорил чужеземец. Бросив на Менерила свирепый взгляд, благородный лорд тут же вновь напустил на себя напыщенный вид и неохотно подтвердил:

– Именно так, бунт. И, милорд Дракон, не они одни приняли в нем участие. Благородные лорды Дарлин, Тедозиан и благородная леди Истанда тоже примкнули к мятежникам. Сгоря моя душа, милорд Дракон, они послали вам формальный вызов и все его подписали. Да еще втянули в это безумие два или три десятка мелких дворянчиков, по большей части вчерашних фермеров. Свет лишил их рассудка!

Дарлином Ранд почти восхищался. Этот человек с самого начала открыто выступил против него. Когда Ранд овладел Твердыней, Дарлин бежал из города и попытался подбить на сопротивление окрестных дворян. Тедозиан и Истанда, так же как и Gearн с Симааном, вели себя совсем по-другому. Они кланялись Ранду, заискивающе улыбаясь, именовали его лордом Драконом, а за спиной строили козни. Ранд ничего не предпринимал, терпеливо дожидаясь, когда их коварство выйдет наружу, что и случилось. А Ториан не случайно чуть не поперхнулся своим пуншем – его многое связывало с Тедозианом, да и с Gearном и Симааном тоже.

– Это не просто вызов, – холодно добавил Толмеран. – Они утверждают, будто вы – Лжедракон. Что же до взятия Твердыни и Меча-Который-не-Меч, то все это, по их словам, каким-то образом подстроили Айз Седай.

В голосе лорда прозвучал намек на вопрос. В конце концов, он мог сомневаться – в ту ночь, когда Ранд овладел Твердыней, Толмерана там не было.

– А как считаешь ты, Толмеран?

Утверждения бунтовщиков могли показаться правдивыми многим и многим, тем более в стране, где Айз Седай едва терпели, а направлять Силу было запрещено законом – до тех пор, пока Ранд этот закон не отменил. И где Твердыня Тира высилась недостижимой для врагов почти три тысячелетия, пока Ранд ее не захватил. И ему подобные утверждения были хорошо знакомы. Интересно, когда мятежники будут разбиты и пленены, окажутся ли среди них бело-плащники? Впрочем, едва ли – Пейдрон Найол слишком хитер, чтобы допустить такое.

– Я думаю, вы действительно взяли в руки *Калландор*, – промолвил худощавый лорд после минутного размышления. – Думаю, вы и вправду Дракон Возрожденный.

Слово «думая» оба раза прозвучало с легким нажимом. Толмеран был не лишен мужества. Истеван кивнул – медленно, но кивнул. Вот еще один отважный человек.

Однако никто из них не задал, казалось бы, самого естественного вопроса – не желает ли лорд Дракон искоренить мятежников? Ранда это не удивило. Прежде всего, Хаддонское Сумрачье не такое место, где легко искоренить что бы то ни было. Огромный дремучий лес, изрезанный оврагами и холмами, где нет ни деревень, ни дорог, тропинки и той не сыщешь. Северная, гористая его оконечность считалась почти непроходимой – никому не удавалось преодолеть больше нескольких миль за день. Целые армии могли маневрировать там, пока не истощатся припасы, да так и не повстречаться с противником. Но была и иная, возможно, более веская причина. Всякого задавшего подобный вопрос могли заподозрить в том, что он напрашивается в карательный поход, дабы просто-напросто присоединиться к Дарлину и прочим мятежникам. Но может быть, лорды из Тира не слишком ловко и умело играют в *Даэсс Дей'мар*, Игру Домов, во всяком случае не так, как это делают кайриэнцы – те во всем видят тайный смысл, за каждым словом, взглядом, жестом ищут скрытое значение, – однако и тайренцы подозревают всех и каждого, непрестанно плетут интриги и ничуть не сомневаются: все остальные делают то же самое.

Ранда сложившееся положение до поры до времени вполне устраивало. Пусть мятежники прячутся в глухомани – тем легче ему сосредоточиться на Иллиане. Однако он не мог допустить, чтобы его заподозрили в чрезмерной мягкости. И тайренские, и кайриэнские лорды едва ли выступят против него, но если они до сих пор не вцепились друг другу в глотки, то лишь по двум причинам. Во-первых, и те и другие смертельно ненавидели айильцев, а во-вторых, боялись гнева лорда Дракона. Стоит этому страху исчезнуть или хотя бы ослабнуть, и дело в два счета – «Джак-Туманчик» сказать не успеешь – может обернуться всеобщей резней.

– Кто хочет высказаться в их защиту? – спросил Ранд. – Может, кому-то известны смягчающие вину обстоятельства?

Желающих заступиться за мятежников не нашлось. Почти две дюжины пар глаз, если считать и слуг, выжидающе уставились на Ранда. А слуг считать стоило, они, похоже, были особо внимательны. Так же как и Девы – но те следили за всеми, кроме Ранда.

– Итак, – объявил он свое решение, – отныне все они лишены титулов и званий, а их владения конфискованы. Необходимо немедленно издать указ об аресте всех участников – и участниц – бунта, имена которых известны. – По законам Тира государственная измена каралась смертью. Ранд уже отменил некоторые законы, но этот пока не тронул, а теперь было поздно. – Объявите повсюду: всякий, кто окажет им какую-либо помощь, сам будет объявлен изменником. Любой вправе невозбранно убить бунтовщика. Но сложившим оружие и сдавшимся мятежникам будет сохранена жизнь. – Такое решение позволяло при известных условиях обойтись без казни Истанды – посылать на виселицу женщину Ранд не хотел. – Упорствующих же повесят!

Лорды – и тайренские, и кайриэнские – заерзали, обмениваясь встревоженными взглядами, кое у кого кровь отлила от лица. Смертного приговора бунтовщикам они ожидали: за мятеж, да еще в военное время, меньше не дают. Что их потрясло, так это лишение титулов. Хотя Ранд и изменил законы в обеих странах, и теперь благородные, как и все прочие, отве-

чали за свои проступки перед судом, и карой за убийство была смерть, и денежным штрафом наказывалось оскорбление, они по-прежнему считали, будто согласно некоему естественному порядку лордам от рождения определено быть львами, простолюдинам же – овцами. Благородный лорд, отправленный на виселицу, все равно оставался благородным лордом, тогда как Дарлину и прочим предстояло умереть простолюдинами. В глазах многих это было стократ страшнее самой смерти.

Слуги стояли с кувшинами наготове, ожидая, когда им снова прикажут наполнить кубки. Лица их оставались бесстрастными, но в глазах появился веселый блеск, которого раньше не замечалось.

– Ну, с этим покончено, – заявил Ранд, снимая шуфу и направляясь к столу. – Давайте взглянем на карты. Саммаэль важнее горстки глупцов, гниющих в Хаддонском Сумрачье.

Он надеялся, что там они и сгниют. Чтоб им сгореть!

Вейрамон поджал губы, а Толмеран поспешил согнать нахмуренность со своего лица. Физиономия Сунамона казалась слишком уж спокойной – это вполне могло быть маской. На лицах остальных тайренских лордов, да и кайриэнских тоже, как ни пытался скрыть это Семарадрид, было написано сомнение. Некоторые из них сами дрались с троллоками и мурддраалами в Твердыне Тира, другие видели схватку Ранда с Саммаэлем у Кайриэна, тем не менее многие считали, что утверждать, будто Отрекшиеся на свободе, – признак безумия. Он уже слышал шепотки, будто сожженные и перепаханные взрывами окрестности Кайриэна – его вина, когда он, точно маньяк, наносил удары, не разбирая, где друг, а где враг. Судя по каменному выражению лица Лиа, если лорды не поостерегутся и будут и дальше так поглядывать на Ранда, то кто-то из них рискует получить меж ребер копьем Девы.

Однако, когда Ранд, отбросив в сторону шуфу, начал рыться в разбросанных по столу картах, все сгрудилось вокруг. Прав был Башир, когда говорил, что люди последуют и за безумцем, лишь бы тот побеждал. И будут следовать до тех пор, покуда его – а стало быть, и их – не покинет удача. Как раз к тому времени, когда Ранд нашел нужную карту – подробный чертеж восточной оконечности Иллиана, – пришли айильские вожди.

Первым вошел Бруан из Накай Айил, за ним Джеран из Шаарад, Деарик из Рийн, Ган из Томанелле и Эрим из Чарин. Каждый из них ответил кивком на кивки Сулин и трех Дев. Бруана, широкоплечего гиганта с печальными серыми глазами, Ранд поставил во главе воинов пяти кланов, которые он отправил на юг, и другие вожди не возражали. Бруан слыл великим воителем, что совсем не вязалось с его добродушным видом. Все айильцы были облачены в кадин'сор, шуфы свободно лежали у них на плечах. Оружия, если не считать тяжелых поясных ножей, никто из них не имел, но пока у айильца есть руки и ноги, его нельзя считать невооруженным.

Кайриэнцы пытались делать вид, будто не видят айильцев, тогда как тайренские лорды усмехались, морщились и демонстративно нюхали надушенные платки и ароматические шарики. Они гордились тем, что в Тире айильцы овладели лишь Твердыней, да и то – по их убеждению – с помощью Дракона Возрожденного или, как шептались некоторые, Айз Седай, тогда как Кайриэн те побеждали и разоряли дважды.

Айильские вожди, кроме Гана, ни на кого не обращали внимания. Седовласый, с морщинистым, продубленным ветрами и солнцем лицом Ган метал по сторонам свирепые взгляды, но это никак не могло изменить того факта, что некоторые тайренские лорды не уступали ему ростом. В мокрых землях Ган считался бы очень высоким человеком, но среди соплеменников выглядел низкорослым, что делало его, как и Энайлу, крайне обидчивым в этом отношении. Кроме того, кайриэнцев айильцы презирали более всех прочих обитателей мокрых земель и именовали не иначе как «древобийцами» и «клятвопреступниками».

– Сосредоточимся на Иллиане, – твердо сказал Ранд, расстлал карту. Чтобы один край не загибался, он придавил его Драконовым скипетром, а на другой поставил чернильницу на

золотом основании и парную к ней чашу для песка. Он не хотел, чтобы все эти люди принялись убивать друг друга. Хотя он и не думал, что такое возможно – по крайней мере, пока он тут. В преданиях союзники поневоле становились со временем искренними и преданными друзьями, но то в преданиях. Ранду с трудом верилось, что нечто подобное может произойти и с его разноплеменным воинством.

Холмистая равнина Маредо простиралась на территорию Иллиана, где поблизости от реки Шал, бравшей начало от Манетерендрелле, постепенно переходила в лесистые холмы. Восточный край этих холмов был отмечен пятью чернильными крестиками; судя по карте, на местности их отделяло друг от друга около десяти миль. Дойрлонские холмы.

Ранд ткнул пальцем в один из крестиков, расположенный в центре.

– Вы уверены, что у Саммаэля не прибавилось лагерей? – Легкая гримаса на лице Вейрамона заставила Ранда раздраженно бросить: – Да пусть будет кто угодно: лорд Бренд, Совет девяти, хоть сам король Маттин Стефанеос ден Балгар! Я о деле спрашиваю: лагеря все те же?

– Наши разведчики говорят, что там все без изменений, – спокойно ответил Джеран. Стройный и прямой как клинок, с проседью в густых светло-каштановых волосах, теперь он всегда был спокоен, ибо с приходом Ранда завершилась четырехсотлетняя кровная вражда кланов Шаарад и Гошиен. – *Совин Най* и *Дуад Махди'ин* ведут постоянное наблюдение. – Он одобрительно кивнул, и Деарик поступил так же. Прежде чем стать вождем, Джеран принадлежал к воинскому сообществу Совин Най – Руки-Ножи, а Деарик – к Дуад Махди'ин – Ищущие Воду. – Гонцы докладывают нам обо всех передвижениях каждые пять дней.

– Мои разведчики сообщают, что все по-прежнему, – сказал Вейрамон с таким видом, будто и не слышал слов Джерана. – Я отправляю отряд каждую неделю. На дорогу туда и обратно уходит целый месяц. Но уверяю вас, что у меня самые свежие сведения. Разведка очень сложна – слишком далеко.

Айильцы и бровью не повели, лица их оставались словно высеченными из камня.

Ранд предпочел не обращать на это внимания. Он и прежде пытался сблизить между собой подвластные ему народы, да все без толку, – стоило ему отвернуться, как пропасть между тайренцами, кайриэнцами и айильцами становилась прежней.

Что же касается лагерей... Ранд знал, что их по-прежнему всего пять, ибо побывал в них, если можно так выразиться. Существовало... некое место, в которое можно попасть, если знаешь как. Странное, безлюдное отражение реального мира. Он ходил по земляным валам и бревенчатым стенам огромных фортов, знал ответы почти на все вопросы, которые собирался задать, но скрывал это, ибо в каждом его плане заключался иной, скрытый, и Ранд жонглировал ими, словно менестрель факелами.

– И Саммаэль все еще приводит новых людей? – На сей раз Ранд произнес это имя с нажимом.

Лица айильцев не изменились: если Отрекшиеся освободились, значит так оно и было; эти люди понимали, что порой приходится принимать вещи такими, каковы они есть, независимо от того, нравится тебе это или нет, – прочие же бросали на Ранда быстрые и встревоженные взгляды исподлобья. Ну что ж, рано или поздно им тоже придется уразуметь, что дела обстоят не так, как хотелось бы.

– Туда стягиваются все мало-мальски способные держать оружие. Кажется, скоро весь Иллиан соберется там, – с мрачным видом заявил Толмеран. Тир враждовал с Иллианом со времени распада империи Артура Ястребиное Крыло, и история обеих стран представляла собой нескончаемую череду войн, начинавшихся зачастую по смехотворным поводам. Толмеран, как истинный уроженец Тира, был не прочь сразиться с иллианцами, однако же, в отличие от других благородных лордов, кажется, полагал, что не каждую битву можно выиграть одним лихим наскоком. – Все разведчики докладывают, что лагеря растут и возводятся новые укрепления.

– Нужно выступать немедленно, милорд Дракон, – с пылом заявил Вейрамон. – Сожги мою душу Свет, если я не застану этих иллианских раззяв врасплох, со спущенными штанами. Они сами загнали себя в угол, засев в этих мышеловках. У них ведь и кавалерии-то почти нет! Клянусь, я раздавлю их, и дорога на город будет открыта. – (В Иллиане, так же как в Тире и Кайриэне, говоря «город», имели в виду столицу, по имени которой называлась и вся страна.) – Стори мои глаза, я водружу ваше знамя над Иллианом уже через месяц. Самое позднее, через два. – Бросив взгляд на кайриэнцев, он нехотя поправился: – Мы водрузим. Семарадрид и я.

Семарадрид едва заметно кивнул.

– Нет! – отрезал Ранд.

Затея Вейрамона грозила обернуться бедой. Между его станом и укрепленными лагерями Саммаэля на двести пятьдесят миль простирались бескрайние травянистые равнины, где пятидесятифутовый холмик считался горой, а крохотная, в два гайда, рощица – чашчобой. У Саммаэля тоже есть разведчики: каждая крыса, каждый ворон может оказаться его соглядатаем. Двести пятьдесят миль – это двенадцать или тринадцать дней пути для тайренских и кайриэнских солдат, да и то если повезет. Айильцы добрались бы быстрее, дней за пять, но даже у айильцев целое войско движется медленнее, чем двое-трое разведчиков. К тому же план Вейрамона не предусматривает их участия в походе. Задолго до приближения армии Вейрамона к Дойрлонским холмам Саммаэль будет предупрежден и сам сможет нанести противнику смертельный удар. Дурацкий план. Еще более глупый, чем тот, который навязывал им Ранд.

– Нет. Я уже отдал приказ. Всем оставаться здесь, пока не прибудет Мэт и не примет на себя командование. Но даже и тогда никто не тронется с места, пока я не решу, что сил собралось достаточно. Сюда идут подкрепления – из Тира, из Кайриэна, и айильцы подходят. Я намерен разгромить Саммаэля, Вейрамон. Покончить с ним навсегда и водрузить над Иллианом знамя Дракона. – Последнее было правдой. – Мне хотелось бы остаться здесь, с вами, но в Андоре необходимо мое присутствие.

Вейрамон поморщился, а Семарадрид скорчил такую кислую мину, что она могла бы превратить вино в уксус. На лице Толмерана не было вовсе никакого выражения, но именно это указывало на крайнюю степень неодобрения. Семарадрида беспокоила задержка. Он не раз указывал на то, что коли здесь, в лагере, с каждым днем собирается все больше народу, значит и в Иллиане происходит нечто подобное. Ранд подозревал, что Вейрамон предложил свой план, поддавшись на уговоры Семарадрида. Толмеран же сомневался в способности Мэта командовать армией. Конечно, истории о воинских подвигах Мэтрима Коутона он слышал, но почитал их пустыми россказнями глупцов, желавших подольститься к простому деревенскому парню, которого угораздило оказаться приятелем самого лорда Дракона. Некоторые возражения лордов не были лишены резона, но это не имело значения, ибо план, предложенный им Рандом, являл собой не что иное, как очередную хитрость. Представлялось маловероятным, чтобы Саммаэль целиком положился на одних воронов и крыс. Ранд полагал, что у него, у других Отрекшихся, да и у Айз Седай тоже в лагере немало и обычных лазутчиков.

– Да свершится воля лорда Дракона, – угрюмо проворчал Вейрамон.

Храбрости Вейрамону было не занимать, но и глупости тоже. Он думал лишь о собственной славе, смертельно ненавидел Иллиан, презирал кайриэнцев, а айильцев считал дикарями. Именно такой человек и нужен был Ранду. Пока командует Вейрамон, Толмеран и Семарадрид особого рвения проявлять не станут.

Некоторое время говорили военачальники. Ранд же только слушал, изредка задавая вопросы. Противодействия его плану больше не было, о том, чтобы немедленно выступить в поход, никто и не заикался. Разговор шел в основном о подводах, лошадях и припасах. На равнине Маредо деревни встречались редко, а городов, если не считать Фар Мэддинга на севере, и вовсе не было. Плодородной земли едва хватало для прокорма немногочисленных местных жителей, следовательно, для снабжения огромной армии требовался постоянный подвоз из

Ти́ра всего необходимого – от муки для выпечки хлеба до подковных гвоздей. Однако благородные лорды, за исключением Толмерана, сходились на том, что все необходимое, дабы добраться до рубежей Иллиана, войско может везти в обозах, а уж перейдя границу, оно прокормится за счет противника. Похоже, их привлекала возможность опустошить земли исконных врагов на манер стаи саранчи. Кайриэнцы, особенно Семарадри́д и Менери́л, придерживались другого мнения. Гражданская война и осада, которой подвергли их столицу Шайдо, заставили оголодать не только кайриэнское простонародье. Ввалившиеся щеки военачальников говорили сами за себя. Иллиан слыл богатым краем – даже на Дойрлонских холмах встречались фермы и виноградники, но Семарадри́д и Менери́л полагали, что грабеж – не самый надежный способ обеспечить пропитание для солдат. Что же до Ранда, то он, конечно же, не желал разорения Иллиана.

Ни на кого из лордов Ранд особо не нажимал. Сунамон заверил его, что подводы готовят, а тайренец уже усвоил, что говорить Ранду одно, а делать другое небезопасно. Заготовка припасов велась по всему Ти́ру, невзирая на то что Вейрамон кривился от нетерпения, а обливавшийся потом Ториан сетовал на непомерные расходы. Так или иначе, все шло по плану и будет идти по плану впредь – об этом есть кому позаботиться.

Когда Ранд собрался уходить, обмотав голову шуфой и взяв Драконов скипетр, тайренцы и кайриэнцы вновь рассыпались в пышных славословиях, то и дело изысканно кланяясь, и потом принялись уговаривать его остаться на пир, искренне надеясь получить отказ. Как тайренские, так и кайриэнские вельможи старались по возможности избегать общества Дракона Возрожденного, хотя и скрывали это, опасаясь впасть в немилость. Ну а уж когда он прибегал к Силе, все они думали лишь о том, как бы оказаться подальше. Разумеется, они с поклонами проводили его до выхода и проследовали за ним несколько шагов снаружи, но, когда наконец отстали, Сунамон вздохнул, а Ториан – Ранд сам это слышал – аж хихикнул от облегчения.

Айильские вожди, хранившие молчание во время совета, так же молча последовали за Рандом. Девы присоединились к Сулин и трем ее спутницам и сомкнулись кольцом вокруг шестерых мужчин, направившихся к другому, в зеленую полосу шатру. На этот раз приветственных криков было заметно меньше, а вожди хранили молчание. Когда все вошли в шатер, Ранд заметил, что вожди сегодня не очень-то разговорчивы.

– А что толку говорить, если эти мокроземцы все равно не хотят слушать? – отозвался Деарик, рослый, всего на палец ниже Ранда, носатый мужчина с проблеском седины в золотистых волосах. Его голубые глаза выражали крайнюю степень презрения. – Они слушают только ветер.

– Они рассказали тебе о мятеже? – спросил Эрим. Ростом он превосходил Деарика, седины в рыжих волосах имел побольше, а его нижняя челюсть задиристо выдавалась вперед.

– Рассказали, – ответил Ранд.

Ган угрюмо посмотрел на него и промолвил:

– Если ты пошлешь этих тайренских болтунов в погоню за им подобными, то совершишь большую ошибку. Даже если сами они не предадут тебя, с предателями все равно не совладают. Отправь копьа. Одного клана будет более чем достаточно.

Ранд покачал головой:

– Дарлин и прочие мятежники могут подождать. Саммаэль – вот что сейчас важно.

– В таком случае давай двинемся на Иллиан сейчас, – предложил Джеран. – И забудь ты об этих мокроземцах, Ранд ал’Тор. Ведь здесь сейчас собралось почти двести тысяч копий. Мы разобьем иллианцев еще до того, как Вейрамон Саньяго и Семарадри́д Маравин преодолеют половину пути.

Ранд на мгновение прикрыл глаза. Ну неужто все так и будут без конца с ним спорить? И айильцы туда же, а ведь они не из тех, кто робеет от одного сердитого взгляда Дракона Возрожденного. Пророчества мокрых земель ничего для них не значили, и они не испытывали почте-

ния к титулу Дракона Возрожденного. Айильцы следовали за Тем-Кто-Пришел-с-Рассветом, за Кар'а'карном, но и Кар'а'карн, о чем ему уже надоело слышать, вовсе не был королем.

– Я хочу, чтобы каждый из вас пообещал, что не уйдет отсюда до прибытия Мэта.

– Мы останемся, Ранд ал'Тор. – В обманчиво мягком голосе Бруана слышалось недовольство. Остальные подтвердили свое согласие кивками, неохотно, но подтвердили.

– Хотя это и пустая трата времени, – добавил, поморщившись, Ган.

– Да не видать нам вовек прохлады, если это не так, – подхватили Джеран и Эрим.

Ранд не ожидал, что они так легко согласятся.

– Чтобы сберечь время, то и дело приходится тратить его впустую, – пояснил он, и Ган фыркнул.

Громоходцы приподняли на шестах боковины полосатого шатра, чтобы его продувал ветерок. Он был жарким и сухим, но айильцы, по-видимому, находили его освежающим. Ранд же потел не меньше, чем на солнцепеке. Сняв шуфу, он уселся на уложенные в несколько слоев ковры напротив Бруана и остальных вождей. Девы, присоединившись к Громоходцам, окружили шатер. Время от времени они беззлобно подтрунивали друг над другом и весело смеялись. Кажется, на сей раз в обмене колкостями верх взял Лейран; во всяком случае, Девы дважды поднимали свои круглые кожаные щиты и стучали о них копьями. Ранд, как всегда, почти ничего не понял.

Примяв пальцами табак в коротенькой трубочке, он пустил по кругу кiset из козлиной кожи – в Кэймлине нашелся небольшой бочонок доброго двуреченского табака. Затем, пока остальные дожидались Громоходца, посланного к костру за горящим прутиком, он направил Силу, и его трубка зажглась сама собой. Наконец все раскурили свои трубки и, добродушно попыхивая, завели разговор.

Продолжался он примерно столько же времени, сколько и совещание с лордами, причем вовсе не потому, что обсуждались слишком уж важные дела. Просто, раз Кар'а'карн беседовал с вождями мокрых земель, ему надлежало поговорить и с айильскими. Айильцы были до крайности щепетильны в вопросах чести – понятие *джи'и'тох*, долг и честь, определяло все стороны их жизни. Правда, правила, которыми они руководствовались, уразуметь было порой столь же нелегко, как и понять их юмор. Они поговорили о подтягивавшихся из Кайриэна айильских отрядах, о том, когда ждать прибытия Мэта и что предпринять в отношении Шайдо, если вообще стоит что-либо предпринимать. Говорили и об охоте, о женщинах, о бренди – так ли он хорош, как оосквай, – и, конечно же, о шутках и чувстве юмора. Даже терпеливый Бруан в конце концов беспомощно развел руками и признал, что ему не под силу втолковать Ранду, в чем соль тех или иных айильских шуток. Ну как, во имя Света, можно уразуметь, что смешного в том, что мужчина, желавший жениться на одной женщине, женился на ее сестре, а какая-то другая женщина чем-то ненароком уколола мужа? Ган фыркал, ворчал и решительно отказывался верить, что Ранду не смешно, – сам он так хохотал над историей о случайном уколе, что чуть не лопнул со смеху. Единственное, о чем никто не говорил, так это о надвигавшейся войне с Иллианом.

Когда еще не отошедшие от смеха вожди ушли, Ранд встал, выбил трубку и, шурясь на солнце, наполовину спустившееся к горизонту, растер каблуком пепел. Еще было время вернуться в Кэймлин и встретиться с Баширом, но он вошел в шатер и долго сидел, молча наблюдая закат. Когда светило коснулось горизонта и краешек неба окрасился кровавым багрянцем, Энайла с Сомарой принесли ему тарелку тушеной баранины, да такую, что с избытком хватило бы на двоих, каравай хлеба и кувшинчик с мятным чаем, который тут же поставили охлаждаться в кожаное ведро с водой.

– Ты мало ешь, – заметила Сомара. Она порывалась еще и пригладить ему волосы, но Ранду удалось уклониться.

Энайла взглянула на него и заметила:

– Не бегай ты так от Авиенды, она бы проследила, чтобы ты ел как следует.

– Он оказывает ей знаки внимания, а потом сам же ее избегает, – пробормотала Сомара. – Теперь тебе придется заново добиваться ее расположения. Попроси разрешения вымыть ей волосы.

– Ну уж нет, так забегать вперед не стоит, – решительно возразила Энайла. – Пусть предложит причесать ее, для начала и этого будет более чем достаточно. Он ведь не хочет, чтобы Авиенда сочла его слишком настырным.

Сомара хихикнула:

– Мудрено счесть его не в меру настырным, коли он от нее прячется. Ты слишком уж скромничаешь, Ранд ал'Тор.

– Вы что, решили вдвоем заменить мне матушку, а?

Облаченные в кадин'сор женщины растерянно переглянулись.

– Как ты думаешь, это очередная шутка в манере мокроземцев? – спросила Энайла.

– Не знаю. Непохоже, что ему смешно, – пожалв плечами, ответила Сомара и похлопала Ранда по спине. – Я уверена, шутка у тебя что надо, но было бы неплохо разъяснить нам ее суть.

Ранд молча страдал, чуть ли не скрежеща зубами; он с трудом запихивал в рот кусок за куском под пристальными взглядами обеих Дев, следивших буквально за каждой ложкой. После того как они удалились с пустой тарелкой, легче не стало, поскольку явившаяся им на смену Сулин принялась втолковывать Ранду, как ему вернуть благосклонность Авиенды. По айильским понятиям, такого рода советы могла бы давать первая сестра первому брату.

– В ее глазах ты должен выглядеть скромным, – наставляла седовласая Дева, – но не настолько, чтобы показаться скучным. Попроси ее потереть тебе спину в палатке-парильне, но сделай это с застенчивым видом, потупив глаза. А когда будешь раздеваться перед сном, чуток попляши, будто оттого, что просто доволен жизнью, а потом сделай вид, словно только что ее заметил, извинись – и быстро под свои одеяла. При этом не мешало бы покраснеть. Ты умеешь?

Ранд молча страдал. Девы, конечно же, знали многое, но кое о чем понятия не имели.

Когда он вернулся в Кэймлин, солнце давно закатилось. Ранд прокрался в свою спальню на ощупь, с сапогами в руках, с трудом находя путь в темноте передней. Даже если бы он не знал, что Авиенда находится там, на своем неизменном соломенном тюфяке у стены, то все равно почувствовал бы ее присутствие. В ночной тиши он отчетливо слышал ее дыхание. Ранд надеялся, что вернулся достаточно поздно и Авиенда уже уснула. Ему до смерти надоело выслушивать насмешки Дев по поводу «робости» и «застенчивости». Они утверждали, что качества эти, бесспорно, хороши, но все хорошо в меру.

Устраиваясь в постели, Ранд испытывал и облегчение – сумел-таки незамеченным проскочить мимо Авиенды, и раздражение – не решился даже зажечь лампу и умыться. Он уже закрыл глаза, когда Авиенда повернулась на своем тюфяке – скорее всего, она вовсе не спала – и сказала:

– Спокойного сна и доброго пробуждения.

Радоваться тому, что женщина, встреч с которой избегаешь, пожелала тебе доброй ночи, – это уж полная дурь. Вот как размышлял Ранд, ворочаясь на набитой гусиными перьями подушке. Авиенда, скорее всего, сочла его попытку пробраться в спальню тайком превосходной шуткой. Айильцы относились к юмору как к искусству, причем предпочитали такие остроты, от которых пахло кровью. Перед тем как сон окончательно сморил его, Ранд успел подумать и о том, что у него в запасе есть действительно великолепная шутка, о которой, кроме него самого, знают лишь Мэт и Башир. Начисто лишенный чувства юмора Саммаэль и представить себе не мог, что собранная в Тире могучая армия – это самая грандиозная шутка, какую видел мир. Если повезет, Саммаэль расстанется с жизнью, так и не сообразив, что ему было над чем напоследок посмеяться.

Глава 5

Другой танец

«Золотой олень» во многих отношениях оправдывал свое название. Большой обеденный зал был уставлен полированными столами и скамьями с резными ножками, а одна служанка в белом переднике только и делала, что без конца подметала такой же белый каменный пол. Стены были оштукатурены, а под высоким потолком тянулся узорчатый, голубой с золотом бордюр. Искусно сложенные каменные каминные полки были украшены хвойными веточками, а над каждым дверным и оконным проемом красовалась резная оленья голова с ветвистыми рогами, поддерживающими винную чашу. На одной из каминных досок даже стояли часы, причем позолоченные. На маленьком помосте усердствовали музыканты – двое потных мужчин в одних рубахах играли на визгливых флейтах, другая пара – на девятиструнных биттернах, а краснолицая женщина в платье в голубую полоску крошечными деревянными молоточками настукивала по цимбалам на тонких высоких ножках. Больше дюжины служанок в бледно-голубых платьях и белоснежных передниках сновали туда-сюда. В большинстве своем они были молоденькими и хорошенькими, хотя попадались и такие, которым было не меньше лет, чем самой хозяйке гостиницы госпоже Дэлвин – маленькой круглолицей женщине с жиденьким пучком седых волос на затылке. Заведение ее было из числа тех, которые всегда нравились Мэту, а его притягивали уют и запах денег. К тому же, что во многом определило выбор Мэта, «Золотой олень» находился в самом центре города.

Безусловно, не все в нем оправдывало славу одной из двух лучших гостиниц в Мироуне. Из кухни тянуло репой, бараниной и острым ячменным супом, без которого здесь не обходился ни один обед. Все эти «ароматы» смешивались с запахами пыли и конского пота, проникающими с улицы. Но что поделаешь, город наводнен беженцами и войсками, а в окружавших его лагерях солдат собралось еще больше. Бравые вояки шатались по улицам, хриплыми головами горланили солдатские песни и на чем свет стоит кляли невиданную жарю. В воздухе висела горячая пыль, поднятая множеством сапог и конских копыт. Несмотря на духоту, окна

гостиницы были плотно закрыты. Хозяйка знала, что стоит их приоткрыть, как в помещение набьется пыль, а прохладнее все равно не станет. Весь город был настоящим пеклом.

В пекло же, по мнению Мэта, мало-помалу превращался и весь этот паршивый мир, а уж почему – об этом ему и задумываться не хотелось. Чего ему хотелось, так это забыть и о жаре, и о том, зачем он торчит в Мироуне, и вообще обо всем на свете. Его щегольской зеленый кафтан с золотым шитьем по обшлагам и воротнику был растянут, ворот тонкой полотняной рубахи не зашнурован, но Мэт все равно потел, как загнанная лошадь. Может быть, сними он намотанный на шею черный шелковый шарф, стало бы чуток полегче, но Мэт почти никогда не делал этого на людях. Допив вино, он поставил на стол блестящую оловянную кружку и принялся обмахиваться широкополой шляпой. Сколько он ни пил, влага тотчас выходила наружу по-прежнему.

Когда Мэт решил остановиться в «Золотом олене», многие лорды и офицеры из Отряда Красной руки последовали его примеру, а постояльцам попроще пришлось перебраться в другие трактиры. Госпожу Дэлвин это не слишком огорчило. С лорда можно запросить за кровать вдесятеро больше, чем с простолюдина. Благородные гости платили не скупясь, драк за столами не затевали, а ежели собирались пустить друг другу кровь, то выходили на улицу. Правда, сейчас, в полдень, зал был почти пуст – за столиками сидели человек девять или десять, и хозяйка то и дело поглядывала на свободные скамьи и вздыхала, поглаживая узел волос на затылке. Трудно было рассчитывать продать до вечера много вина, а основной барыш давало именно оно. Впрочем, музыканты наяривали что есть мочи. От горстки лордов, которым понравилась музыка – а обращения «милорд» заслуживает всякий, у кого водится золотишко, – можно получить больше монет, чем от целой оравы простых солдат.

Нет, сколь это ни было прискорбно для музыкантов и их кошельков, прислушивался к игре один только Мэт, да и тот морщился и вздрагивал на каждой третьей ноте. По правде сказать, то была не вина музыкантов – их музыка могла показаться не такой уж скверной, если знать, какую мелодию слушаешь. Мэт знал – он сам, отбивая такт, напел музыкантам этот мотив, – но никто другой не слышал ничего подобного две с лишним тысячи лет. Музыканты заслуживали похвалы уже за одно то, что им удалось уловить ритм.

До ушей Мэта долетел обрывок разговора. Бросив обмахиваться шляпой, он поманил кружкой служанку, давая понять, что хочет еще вина, и повернулся к трем собеседникам, сидящим за соседним столом:

– О чем это вы, а?

– Да вот пытаемся найти способ выудить из тебя хотя бы часть наших денег. Ты ведь нас вконец обчистил, – буркнул в кружку с вином Талманес. Он не улыбался, но и огорченным не выглядел. Просто этот человек редко улыбался. Он был несколькими годами старше Мэта, на целую голову ниже его и всем своим обликом порой наводил на мысль о сжатой пружине. – В карты тебя никому не обыграть.

Талманес командовал половиной кавалерии Отряда и, будучи кайриэнским лордом, на солдатский манер брил голову спереди и пудрил ее, хотя большую часть пудры смывал пот. В Кайриэне многие молодые дворяне усвоили эту солдатскую моду, однако Талманес вдобавок носил простой кафтан без цветных прорезей, хотя по происхождению имел право на немалое их число.

– Так уж и обчистил! – протестующе воскликнул Мэт. Конечно, когда приваливала удача, он выигрывал помногу, но даже ему карта шла не всегда. – Кровь и пепел! Не ты ли на прошлой неделе оставил меня на пятьдесят крон?

Пятьдесят крон! А ведь всего год назад он, Мэт, выиграв одну крону, в пляс бы пустился, а лишившись одной-единственной монеты, наверное, с ума бы сошел. Но сказать начистоту, год назад ему нечего было лишаться, денег в его карманах тогда не водилось.

– Полсотни выиграл, это точно, но сколько сотен я просадил тебе до того? – сухо вато заметил Талманес. – Мне хотелось бы отыграться.

На самом деле, начини Мэт часто проигрывать, это вызвало бы беспокойство у Талманеса, да и не у него одного. Многие считали необычное везение Мэта своего рода талисманом Отряда.

– Кости тут не сгодятся, – пробормотал Дайрид, командовавший в Отряде пехотой, и жадно отхлебнул из кружки, не обращая внимания на лишь наполовину скрытую за напояженной бородкой усмешку Налесина. Дворяне в большинстве своем считали игру в кости грубой и подобающей лишь простолюдию. – Я ни разу не видел, чтобы, бросая кости, ты закончил вечер с проигрышем. Но должно быть и нечто тебе неподвластное. Понимаешь, что я имею в виду?

Ростом Дайрид был чуть повыше своего соотечественника Талманеса и лет на пятнадцать его старше. Не раз перебитый нос и пересекающие лицо глубокие белесые шрамы выдавали в нем бывшего вояку. Он тоже брил и пудрил голову, причем очень давно – вся его жизнь прошла на военной службе. Из сидевшей за столом троицы он один не имел благородных предков и вышел в офицеры из простых солдат.

– Вот мы и подумали: может, скачки подойдут, – вставил, жестикулируя оловянной кружкой, Налесин. Крепкий и ладный, превосходивший ростом обоих кайриэнцев, этот тайренский лорд командовал в Отряде второй половиной кавалерии. Мэт порой недоумевал, почему даже в такую жару он не сбрил свою роскошную черную бороду, да еще и подстригал ее каждое утро, чтобы сохранить остроконечную форму. Простые серые кафтаны Дайрида и Талманеса были распахнуты, а зеленый, шелковый, с пышными по тайренской моде рукавами и шитыми золотом манжетами кафтан Налесина наглухо застегнут. Лицо лорда блестело от пота, но он не обращал на это внимания. – Сгори моя душа, и за карточным столом, и на поле боя тебе несказанно везет. И при игре в кости тоже, – добавил он, искоса взглянув на Дайрида и поморщившись. – Но на скачках все зависит не столько от удачи, сколько от лошади.

Мэт оперся локтями о стол и улыбнулся:

– Найди себе доброго коня, и посмотрим, чья возьмет.

Он не был уверен, что на скачках ему будет везти так же, как в картах, везение вообще вещь непредсказуемая, зато прекрасно разбирался в лошадях, ибо, можно сказать, вырос в конюшне. Его отец торговал лошадьми.

– Так будете вы пить или нет? Я вам вина налить не могу, мне до кружки не дотянуться.

Мэт оглянулся через плечо. Позади с блестящим оловянным кувшином в руках стояла служанка. Темноглазая, со светлой кожей и падающими на плечи темными кудрями, она была невысока ростом, но сложена чудесно. Мелодичный кайриэнский акцент делал ее голосок похожим на перезвон колокольчиков. Бетсе Силвин приглянулась Мэту с того самого дня, когда он впервые переступил порог «Золотого оленя», но только сегодня у него появилась возможность поговорить с ней – до сих пор всякий раз находился пяток неотложных дел да десяток таких, которые надо было сделать еще вчера. Его собеседники уже уткнулись в кружки, будто оставляя его наедине с девушкой. Надо же, хоть двое из них и лорды, а соображают, что к чему.

Ухмыльнувшись, Мэт перекинул ноги через скамью и подставил девушке кружку.

– Спасибо, Бетсе, – сказал он, и служанка сделала реверанс. Однако, когда Мэт предложил девушке и самой выпить с ним, та поставила кувшин на стол, сложила руки на груди, склонила голову набок и, окинув юношу взглядом, сказала:

– Боюсь, что госпоже Дэлвин такое вряд ли понравится. Точно не понравится. А вы лорд, да? Вроде бы вы тут всем заправляете, но лордом вас никто не кличет. Да и почти никто не кланяется.

Мэт вскинул голову.

– Нет! – ответил он куда резче, чем собирался. – Никакой я не лорд. – Ранд сглупил, позволив всем и каждому называть его лордом Драконом, но уж от него, Мэтрима Коутона, подобной дурости никто не дождется. Он глубоко вздохнул и вернул себе привычную ухмылку. Некоторые девицы любят морочить мужчинам голову, но в этой игре он и сам мастак. – Давай-ка без церемоний, Бетсе. Называй меня просто Мэт, и на «ты». Договорились? И присядь рядышком, уверен, госпожа Дэлвин возражать не станет.

– Еще как станет! Но малость поболтать с тобой, наверное, можно, ведь что бы ты там ни говорил, а все-таки ты почти что лорд. А зачем ты носишь шарф в такую жару? – Девушка наклонилась и легонько сдвинула пальчиком шарф. Мэт поначалу даже ничего не заметил. – А это что такое? – Она коснулась окружающего шею бледного, затвердевшего рубца. – Надо же, тебя пытались повесить! Вот это да! Но за что? Ты слишком молод, чтобы быть отъявленным головорезом.

Он откинул назад голову и поспешно затянул шарф, чтобы снова спрятать шрам, но Бетсе это не смутило. Она ловко запустила руку за распахнутый ворот рубахи и выудила висящий на кожаном шнурке серебряный медальон в виде лисьей головы:

– Уж не за то ли, что ты стянул эту штуковину? Она выглядит дорогой. Наверное, ценная, а?

Мэт отобрал у девушки медальон и засунул обратно. Он бы и рад был вставить словечко, но Бетсе решительно не давала ему такой возможности. Он услышал позади хохоток Налесина и Дайрида и промолчал. Порой везение, сопутствовавшее ему в азартных играх, начисто пропадало, когда дело касалось женщин. Интересно, что тут смешного они находят?

– Нет, – снова затрещала служанка, – краденую вещь у тебя бы наверняка отобрали, разве не так? И потом, ты почти что лорд, а значит, можешь позволить себе такие вещички. А вздернули тебя небось за то, что ты слишком много знал. Ты выглядишь как раз таким малым, который очень много знает. Или воображает, будто знает. – Она изобразила одну из тех многозначительных улыбочек, с помощью которых женщины околпачивают мужчин, делая вид, будто им известно нечто важное. – Неужто тебя хотели повесить только за то, что ты вообразил, будто много знаешь? Или за то, что прикидывался лордом? А ты точно не лорд?

Дайрид с Налесином уже покатывались со смеху, и даже Талманес похохатывал, хотя все трое делали вид, что смеются над чем-то другим. Дайрид придумал уловку: в промежутках между взрывами хохота рассказывал историю о каком-то мужчине, свалившемся с лошади. В том, что удалось расслышать Мэту, ничего смешного не было.

Он, однако же, продолжал ухмыляться, твердо решив, что этой балаболке не удастся обратить его в бегство, даже если она будет тараторить быстрее, чем он способен бежать. Девчонка-то прехорошенькая, а ему в последние недели приходилось разговаривать главным образом с людьми вроде Дайрида, а то и похуже, с потными мужчинами, порой забывавшими побриться, а помыться зачастую не имевшими возможности. По щекам Бетсе тоже струился пот, но пахло от нее лавандовым маслом.

– На самом деле я получил эту царапину из-за того, что знал слишком мало, – беспечно произнес Мэт. Женщинам всегда нравится, когда мужчины рассказывают о своих ранах. Это Мэт знал слишком хорошо. – Теперь я действительно много знаю, но тогда все было иначе. Можно сказать, меня хотели вздернуть в уплату за знание.

Бетсе покачала головой и поджала губы:

– Слишком уж мудрено звучит. Ты, наверное, остришь, да? Молодые лорды вечно острят, но ты ведь не лорд, сам сказал. А я девушка простая, и все это остроумие не по мне. Раз ты не лорд, так и говори по-человечески, а то можно подумать, будто корчишь из себя благородного. Такое ни одной женщине не понравится. Может, сделаешь одолжение и растолкуешь, что ты имел в виду?

Мэт с трудом сохранял улыбку – сколько можно трещать без умолку? К тому же непонятно, то ли она и впрямь такая простушка, то ли хочет, чтобы он из кожи вон лез, стараясь ей понравиться. Однако куда ни кинь, а девчонка премиленькая, и пахнет от нее не потом, а лавандой.

Дайрид и Налесин, похоже, уже задыхались от смеха, а Талманес насвистывал «Лягушку на льду». Не иначе как решил, что он, Мэтрим Коутон, ступил на скользкую почву.

Поставив кружку на стол, Мэт поднялся и склонился над Бетсе:

– Я тот, кто я есть, ничуть не больше, но, как гляну на твое личико, у меня все слова в голове путаются. – Красотка заморгала – цветистый разговор всякой девице по вкусу. – Может, потанцуем?

Не дожидаясь ответа, он повел ее на свободный пяточок между столами. В конце концов, свести знакомство с такой милашкой уже удача, а ежели танец заставит ее попридержаться язычок, то можно считать, ему повезло вдвойне. Кроме того, он никогда не слышал о девушке, чье сердце не смягчил бы танец. «Потанцуй с ней, и она многое тебе простит. Танцуй хорошо, и она простит что угодно», – гласила старая поговорка. Очень старая.

Закусив губу, Бетсе огляделась в поисках госпожи Дэлвин, но маленькая пухленькая хозяйка лишь улыбнулась, поощрительно махнула рукой – дескать, пляши, что уж там, – и принялась с удвоенным пылом, будто зал был набит битком, гонять остальных служанок. Несмотря на безобидную внешность, госпожа Дэлвин способна была окоротить любого буяна – в юбках она прятала коротенькую дубинку и порой умело пускала ее в ход: Налесин до сих пор с опаской косился на нее, когда ей случалось оказаться поблизости. Но кажется, желание гостя потанцевать с одной из служанок не вызвало у нее возражений. Завидя приготовления к танцу, музыканты заиграли громче, хотя вряд ли лучше.

Мэт взял Бетсе за обе руки и распростер их в стороны.

– Делай, как я, – шепнул он девушке. – Начнем с простого, и у тебя все получится.

В такт музыке он повел ее в танце – нырок, скользящий шажок правой ногой, потом левая, тоже скользя, подтягивается к правой... Нырок, шажок, скольжение – и все это раз за разом, с распростертыми руками.

Бетсе оказалась на редкость понятливой, все фигуры схватывала на лету и была легка на ногу. Когда они приблизились к помосту, Мэт плавно поднял свои – и ее – руки над головой и перекрутился с нею спиной к спине. Снова нырок, боковой шаг, поворот – и они опять оказались лицом к лицу. Нырок, шаг в сторону, вращение – снова, снова и снова – до того места, откуда они начали. Девушка все осваивала мгновенно, ни разу не сбилась и, когда поворачивалась к нему лицом, всякий раз улыбалась. Она и впрямь была прехорошенькая.

– Сейчас будет чуткое посложнее, – предупредил Мэт и повернулся так, что их лица обратились к музыкантам, а руки скрестились. Правое колено вверх, легкий взмах ногой влево, скольжение вперед и направо. Левое колено вверх, взмах ногой вправо, скольжение вперед и налево. Сплетая причудливое кружево движений, они вновь переместились к помосту. Бетсе радостно смеялась. С каждым новым па она чувствовала себя все непринужденнее и увереннее. Легкая как перышко, она буквально порхала в его руках и, что совсем хорошо, молчала.

Ритм танца захватил Мэта. По мере того как они с Бетсе проносились по залу к помосту и обратно, в голове его все ярче всплывали воспоминания. Воспоминания о том самом танце, который он уже танцевал в незапамятные времена. Тогда он был рослым – на голову выше, чем сейчас, – голубоглазым малым с длинными золотистыми усами, обряженным в янтарного цвета шелковый кафтан с красным поясом, брыжами из тончайших барсинских кружев и застежками из желтых сапфиров, добытых в Арамелле. А танцевал он со смуглой, необычайно красивой посланницей Ата'ан Миэйр, Морского народа. Крошечные медальончики на цепочке, тянувшейся от кольца в ноздре к сережке в ухе, указывали на ее ранг. То была Госпожа Волн клана Шодин. Впрочем, ему не было дела до высокого положения этой женщины – то забота

короля, а не мелкого дворянина. Он лишь радовался тому, как она прекрасна и грациозна. Они порхали под огромным хрустальным куполом дворца в Шемали, прекраснейшего из дворцов, ибо в те дни весь мир завидовал великолепию и могуществу Кореманды. Прочие воспоминания теснились вокруг того танца, вспыхивая и угасая, словно искорки. Утро принесет весть о новых жестоких набегах троллоков из Великого Запустения, через месяц станет известно, что Барсин, город золотых шпилей, разграблен и сожжен дотла, а орды троллоков хлынули на юг. Так суждено было начаться тому, что позднее назовут Троллоковыми войнами. Три с лишним столетия пройдут в нескончаемых битвах, кровопролитиях, грабежах и пожарах, прежде чем удастся повергнуть Повелителей ужаса и отбросить троллоков. Падут Кореманда со всеми ее сокровищами, Эссения, славившаяся мудрецами и научными школами, Манетерен, Эхарон и все Десять государств. Конечная победа достанется дорогой ценой – великие страны исчезнут с лица земли, обратятся в прах, и на их месте воздвигнутся новые державы. Новые народы сохранят лишь предания о былых, более счастливых временах, да и те будут казаться многим всего лишь мифами. Но он отогнал назойливые мысли, ведь все это впереди. А сегодняшний вечер прекрасен, и он танцует с...

Мэт моргнул, встрепенулся и сквозь пелену пота увидел в струившемся из окон солнечном свете улыбающееся, красивое лицо Бетсе. Он чуть было не сбился с шага, но вовремя спохватился и успел-таки правильно выполнить очередное па. Оно и не диво, он слишком хорошо знал этот танец, ибо память о нем, как и все прочие воспоминания, то ли украденные, то ли взятые взаймы, были такими же реальными, как и воспоминания о собственной жизни Мэтрима Коутона. Все эти картины прошлого и настоящего сплелись в единую ткань, и ему уже требовалось прилагать усилия, чтобы отличить одни от других. Странные пробелы в его памяти заполнились, да так, будто он и вправду сам прожил множество жизней.

То, что он сказал девушке насчет шрама на шее, не было ложью. Повесили его из-за знания и незнания одновременно. Он дважды вступал в тер'ангриал, вступал наобум, вслепую, словно деревенский простачок, решивший, что это так же легко, как прогуляться по полянке. Ну, почти.

Случившееся в итоге лишь укрепило его недоверие ко всему, так или иначе связанному с Силой. В первый раз было сказано, что ему суждено умереть и жить снова, – это помимо всего прочего, чего он предпочел бы не слышать, поскольку как раз услышанное тогда положило начало пути, приведшему его ко второму тер'ангриалу. Он ступил сквозь него в поисках знания, а ему затащили на шее веревку.

А ведь каждый его шаг был продиктован необходимостью и представлялся в то время оправданным и разумным, но результаты оказывались такими, о каких он и помыслить не мог. И так без конца – словно он оказался затянутым в какой-то немислимый танец. Умереть – и жить снова! И ведь он умер, был мертв, пока Ранд не обрезал веревку и не вернул его к жизни. В сотый раз Мэт зарекался шагать вслепую – надо смотреть, куда ставишь ногу, и думать, чем может закончиться каждая новая затея.

Но по правде сказать, в тот день он заработал не только шрам на шее. У него остался медальон – серебряная лисья голова с единственным зачерненным глазом, выглядевшим как древний символ Айз Седай. Из-за этого медальона Мэт порой смеялся до ломоты в боках. Ведь он не доверял ни одной Айз Седай, но при этом и мылся, и спал, не снимая этой штуковины с шеи. Вот уж и впрямь этот мир – презабавное место.

Другим приобретением стали знания, хотя о них-то он и не просил. Теперь его память была полна как бы срезам жизни других людей, тысяч людей. Порой это были срезы лишь немногих часов, но иногда – долгих лет. В голове теснились обрывки воспоминаний о придворных церемониях, битвах и поединках, иные из них происходили тысячу с лишним лет назад, до Троллоковых войн, и вплоть до последнего сражения, когда началось возвышение Артура Ястребиное Крыло. Теперь это были его воспоминания – или вполне могли быть ими.

Налесин, Дайрид и Талманес хлопали в ладоши в такт музыке, да и прочие сидящие за столами воины Отряда Красной руки подбадривали своего командира. Свет, от одного этого названия у Мэта холодело внутри. Так назывался легендарный отряд героев, сложивших головы при попытке спасти Манетерен. И ведь ни один из ехавших верхом или маршировавших за знаменем отряда и думать не думал о том, что ему суждено войти в легенду. Госпожа Дэлвин тоже хлопала в ладоши, да и служанки, побросав работу, глазели на танцующую пару.

Именно благодаря странной памяти Мэта Отряд следовал за ним, хотя солдаты, конечно же, этого не знали. И сто человек не могли бы участвовать в таком количестве войн, сражений и походов, какое помнил он. Ему случалось бывать и среди победителей, и среди побежденных, но он всегда помнил, почему та или иная битва была выиграна или проиграна, и требовалось не так уж много ума, чтобы, используя этот опыт, вести Отряд от победы к победе. Во всяком случае, до сих пор ему это удавалось. Когда не удавалось избежать сражения.

Порой ему хотелось избавиться ото всех этих воспоминаний. Не будь их, он не оказался бы здесь, во главе почти шести тысяч солдат, к которым каждый день присоединялись новые добровольцы. Ему предстояло вести их на юг и возглавить кровопролитное вторжение в страну, где правил один из этих мерзких Отрекшихся. А ведь Мэт не был героем и вовсе не стремился им стать. За героями водилась скверная привычка героически погибать, что его отнюдь не прельщало. Да и всякий солдат, если подумать, недалеко ушел от героя.

С другой стороны, не будь у него этих воспоминаний, его бы не окружало сейчас шеститысячное войско. Он был бы один, оставаясь при этом самим собой, то есть та'вереном, накрепко связанным с Драконом Возрожденным. Прекрасной мишенью для Отрекшихся. Кое-кому из них наверняка многое известно о Мэте Коутоне. Морейн утверждала, что он очень важен, прямо-таки необходим Ранду и Перрину, чтобы они одержали победу в Последней битве. Если она права, он, конечно, сделает все от него зависящее, вот только поначалу свыкнется с этой мыслью. Сделать-то сделает, но становиться при этом каким-то там паршивым героем вовсе не собирается. Если бы еще удалось придумать что-нибудь дельное насчет этого растреклятого Рога Валир... Он вознес краткую молитву о душе Морейн, надеясь, что она все же ошибалась.

Они в последний раз достигли края свободного пространства. Мэт остановился, и Бетсе со смехом упала ему на грудь:

– О, это было чудесно! Мне казалось, что я на балу в каком-то королевском дворце. Может, мы повторим, а? Ну хоть разочек!

Госпожа Дэлвин несколько раз хлопнула в ладоши, но сообразила, что все служанки стоят без дела, и, энергично размахивая руками, принялась гонять их по залу, точно цыплят.

– Ты, часом, ничего не слыхала о Дочери Девяти Лун? Тебе это ничего не говорит?

Эти слова вырвались у Мэта сами собой, наверное, потому, что он думал о тех тер'ангриалах. Он знать не знал, где найдет Дочь Девяти Лун, и хотя горячо надеялся, что это случится не скоро, однако не сомневался – их встреча состоится не за трактирным столиком в захолустном городишке, переполненном беженцами и солдатней. И опять же, кто может сказать, как и когда исполнится пророчество? А это, тут уж не поспоришь, было нечто вроде пророчества. Умереть и жить снова! Жениться на Дочери Девяти Лун! Отказаться от половины света мира, чтобы спасти мир! Трудно уразуметь, что все это значит, но ведь он и вправду умирал, болтаясь на той веревке. А раз сбылось одно предсказание, то, наверное, сбудутся и все остальные. Тут уж ничего не поделаешь.

– Дочь Девяти Лун? – переспросила еще не отдышавшаяся Бетсе. – Так гостиница называется? Таверна? В Мироуне такой нет, это я точно знаю. Может, в Арингилле, за рекой? Я никогда не была... – Даже запыхавшись, она тарахтела так же живо.

Мэт приложил палец к ее губам:

– Это не важно. Давай-ка лучше еще потанцуем.

Мэт решил, что на сей раз это будет простой сельский танец, для исполнения которого не потребуются никаких воспоминаний, кроме его собственных. Правда, теперь ему приходилось прилагать усилия, чтобы отличить одни от других.

Кто-то прокашлялся. Мэт обернулся через плечо и вздохнул при виде Эдориона, стоящего в дверях со шлемом под мышкой и латными перчатками за поясом. Это был уже не тот пухлый розовощекий юнец, с которым Мэт сживал за картами в Тире. Здесь, на севере, молодой лорд повзрослел и приобрел воинскую закалку. Шлем с ободком давно лишился плюмажа, некогда сверкавшую вызолоченную кирасу покрывали щербины и вмятины, а голубой в черную полоску кафтан с пышными рукавами изрядно поизносился.

– Ты просил в этот час напомнить про обход. – Эдорион прокашлялся в кулак, нарочито не глядя на Бетсе. – Но если хочешь, я подойду попозже.

– Нет, чего уж там. Я сейчас иду, – отозвался Мэт. Проводить обход ежедневно и каждый раз проверять что-то новое было очень важно. К такому выводу он пришел на основе воспоминаний людей, опыту которых можно было доверять. И коли уж взялся за эту работенку, надобно делать ее как следует – глядишь, таким манером и жизнь себе сбережешь.

Бетсе отступила в сторонку и пыталась утереть фартуком пот с лица да пригладить растрепавшиеся волосы. Восторженное выражение уже исчезло с ее лица, но Мэт полагал, что это не имеет значения. Такого танца ей не забыть. «Спляши с девицей в охотку, – самодовольно подумал он, – и она наполовину твоя».

– Дай это музыкантам, – сказал он девушке, вложив ей в ладошку три золотые марки. Как бы плохо те ни играли, эта мелодия помогла ему на некоторое время забыть и о сегодняшних заботах, и о ближайшем будущем. И вообще, женщинам нравится щедрость. Пока все складывалось прекрасно. Он поклонился, чуть не коснувшись губами ее руки, и добавил: – Счастливо, Бетсе. Мы с тобой еще потанцуем, когда я вернусь.

К удивлению Мэта, она предостерегающе погрозила ему пальчиком и покачала головой, словно прочла его мысли. Впрочем, он никогда и не утверждал, будто понимает женщин.

Нахлобучив шляпу, Мэт взял стоявшее у дверей копьё с черным древком – еще одно напоминание о том тер'ангриале, подарок, полученный по другую его сторону. По древку вились письмена на древнем наречии, а чуть искривленный, похожий на короткий меч наколечник был помечен клеймами в виде двух воронов.

– Сегодня мы проверим питейные заведения, – сказал он Эдориону, и они вышли в безумную сумятицу улиц Мироуна.

Городок был маленький, даже не обнесенный стенами, хотя и раз в пятьдесят больше любого из тех поселений, какие Мэту случалось видеть в Двуречье. По здешним меркам – разросшаяся деревня, только и всего. Кирпичные или каменные дома встречались нечасто, двухэтажные здания – еще реже, а уж в три этажа возводили только гостиницы. Дранка и солома на крышах попадались чаще, чем черепица. Улицы – мостовые здесь по большей части заменяла утрамбованная земля – были запружены народом. Люд в городке жил разношерстный, но главным образом кайриэнцы и андорцы. Хотя Мироун и располагался на кайриэнском берегу реки Эринин, теперь нельзя было сказать, какому государству он подвластен, и его, как и всякий пограничный город, населяли жители и с той и с другой стороны и еще из полудюжины земель, а уж приезжие попадались невесть откуда. С тех пор как Мэт заявился в город, сюда наведались даже три или четыре Айз Седай. Несмотря на медальон, он старался держаться от них подальше. Впрочем, Айз Седай пробыли тут совсем недолго и как пришли, так и ушли своей дорогой. Удача Мэту пока не изменяла, во всяком случае в важных делах. До сих пор не изменяла.

Горожане торопились кто куда и по большей части не удостоивали вниманием оборванных мужчин, женщин и детей, бесцельно шатавшихся по городу. В основном то были кайриэнцы из расположенных поблизости лагерей беженцев. Немногие из них решались вернуться

домой. Междоусобица в Кайриэне вроде бы и закончилась, но в стране все еще свирепствовали шайки разбойников. Еще больше люди опасались айильцев и, как понимал Мэт, Возрожденного Дракона. Да и по правде сказать, они бежали из родных мест так далеко, как только смогли; и сил на нечто большее, чем просто добраться до реки и поглазеть на Андор, почти ни у кого не осталось.

Солдаты Отряда Красной руки, кто в одиночку, кто в компании, болтались по лавкам и тавернам. Арбалетчики и лучники носили кожаные безрукавки, обшитые стальными пластинами, а копейщики – мятые нагрудники. Зачастую пехотинцы подбирали брошенные лордами покореженные доспехи, а то и просто сдирали их с мертвецов. Повсюду разъезжали всадники в стальных нагрудниках, тайренские латники в ребристых шлемах с ободком, кайриэнцы, чьи шлемы походили на колокола, и даже немногочисленные андорцы – те носили конические шлемы с решетчатыми забралами. Равин изгнал из королевской гвардии немало людей, выказывавших преданность Моргейз, и некоторые из них прибились к Отряду. Уличные торговцы сновали в толпе с лотками, наперебой предлагая иголки, нитки, всякого рода целебные снадобья – от вытяжного пластыря до клизм, нержавеющей оловянные горшочки и кружки, шерстяные чулки, ножи и стилеты наилучшей андорской стали, за качество которых продавцы ручались головой, и все прочее, что требовалось или могло потребоваться солдату с точки зрения торговца. Гомон стоял такой, что крики лоточников были слышны не более чем в трех шагах.

Разумеется, солдаты издали узнавали Мэта и, завидя его широкополую шляпу и диковинное копьё, громко приветствовали командира. Мэт знал, что в Отряде по-всякому толкуют насчет того, почему он не носит доспехов. Одни считали это пустой похвальбой, другие же всерьез утверждали, будто он неуязвим для оружия, кроме выкованного самим Темным. Поговаривали, что шляпу ему подарили Айз Седай и, покуда он ее носит, убить его *невозможно*. На самом деле шляпа была самой обыкновенной, а носил ее Мэт для холода – широкие поля давали какую-никакую тень, – а также потому, что этот мирный головной убор напоминал ему о необходимости держаться подальше от тех мест, где могут потребоваться шлем и латы. О его копьё, надпись на древке которого даже из дворян мало кто мог прочесть, тоже ходили всякие байки, впрочем не шедшие ни в какое сравнение с действительностью. Клинок, носивший клейма в виде воронов, был изготовлен Айз Седай во время Войны Тени, еще до Разлома Мира. Он не нуждался в заточке, и Мэт сомневался, что сможет сломать его, даже если пожелает.

Помахав рукой в ответ на выкрики «Да осияет Свет лорда Мэтрима!», «Лорд Мэтрим и победа!» и тому подобную чепуху, он, сопровождаемый Эдорионом, двинулся дальше. Хорошо еще, что проталкиваться не приходилось, – люди расступались, давая ему дорогу. Огорчало другое – многие беженцы смотрели на Мэта так, словно в его кармане находился ключ к осуществлению всех их надежд. Конечно, он следил за тем, чтобы им выдавали провизию с приходивших из Тира подвод, но больше ничем помочь не мог. Многие из них пооборвались, и почти всем не мешало бы помыться.

– Мыло в лагерях выдают? – спросил он ворчливо.

Несмотря на гвалт, Эдорион расслышал вопрос.

– Выдают, да что толку. Чаще всего они тащат его напрямик к торговцам и меняют на дешевое вино. Им не до мытья; единственное, чего они хотят, – это перебраться за реку или утопить свои горести в хмельном.

Мэт скорчил кислую мину и что-то буркнул. Предоставить им возможность отправиться в Арингилл он не мог.

До того как междоусобица и последовавшие за ней еще худшие бедствия разорвали Кайриэн на части, Мироун являлся перевалочным пунктом торговли между Кайриэном и Тиром, а потому трактиров и постоянных дворов здесь было почитай столько же, сколько и жилых домов. Первые пять питейных заведений, куда сунул свой нос Мэт, мало чем отличались одно от другого. От «Лисы и гуся» до «Кнута погонщика» – все они представляли собой каменные строе-

ния с уставленными столами залами. То здесь, то там случались потасовки, но Мэт предпочитал не обращать на них внимания, благо перепившихся солдат не было.

«Речные ворота» на противоположном конце Мироуна считались лучшей в городе гостиницей, даже лучше «Золотого оленя», но сейчас это заведение стояло закрытым. Тяжелые доски, которыми крест-накрест были заколочены двери, служили для всех трактирщиков и лавочников напоминанием о том, что поить солдат из Отряда категорически запрещено. Впрочем, солдаты дрались не только напившись. Тайренцы, кайриэнцы и андорцы задирали друг друга, пехотинцы затевали ссоры с конниками, люди одного лорда с людьми другого, ветераны с новобранцами, и, наконец, все солдаты не давали спуску гражданским. Но все эти стычки быстро гасили дежурные подразделения, носившие дубинки и красные нарукавные повязки от локтя до запястья. Каждый день для поддержания порядка назначалось новое подразделение, и именно они, «краснорукие», должны были из своего кармана возмещать ущерб, нанесенный во время их дежурства. Это правило побуждало их проявлять немало рвения в деле поддержания спокойствия.

В «Лисе и гусе» крепкий, средних лет менестрель жонглировал горящими булавами. В гостинице «Эринин» выступал другой, тощий и лысый. Подыгрывая себе на арфе, он декламировал отрывки из «Великой охоты за Рогом». Несмотря на жару, и тот и другой были облачены в неизменные, покрытые разноцветными лоскутами плащи. Менестрель скорее пожертвовал бы своей рукой, нежели плащом. Зрителей было достаточно. Деревенскому люду, набившемуся сейчас в Мироун, всякое выступление менестреля представлялось событием. В таверне «Три башни» на столе пела хорошенькая, с длинными темными кудрями девушка. Ее тоже слушали, хотя исполняемая ею песня об истинной любви едва ли могла тронуть сердца забулдыг и горлопанов. В прочих кабаках развлечений не было, разве что где-нибудь в углу тренькали один-два музыканта, но народу повсюду было полно. За многими столами бросали кости – от одного этого зрелища у Мэта чесались пальцы. Чесаться-то чесались, но играть он не садился. Он ведь почти всегда выигрывал, во всяком случае в кости, и не мог позволить себе обставлять своих же солдат. А за столами сидели по большей части солдаты – мало у кого из беженцев имелось достаточно денег, чтобы спускать их по тавернам.

Но все же в питейных заведениях проводили время не только воины Отряда. В одном месте Мэт заметил сухопарого кандорца с раздвоенной бородой, лунным камнем размером с ноготь большого пальца, вставленным в мочку уха, и серебряными цепочками, пересекающими грудь поверх темно-красного кафтана, в другом – меднокожую быстроглазую женщину в необычайно скромном для уроженки Арад Домана голубом платье. Все пальцы ее были унизаны перстнями с драгоценными камнями. Тарабонец в синей конической шляпе и с густыми усами, торчащими из-под прозрачной вуали, сидел неподалеку от нескольких уроженцев Тира в плотно облегающих кафтанах. Сухопарые мужчины в долгополых мешковатых одеяниях – не иначе как прибывшие из Муранди – соседствовали с остроглазыми женщинами в длинных, до лодыжек, добротных шерстяных платьях с высокими воротами. То были купцы, ждавшие, когда же наконец возобновится торговля между Андором и Кайриэном. Почти в каждом заведении можно было увидеть суровых, державшихся особняком людей. Некоторые были в дорогом платье, другие поизносились чуть ли не как беженцы, но у каждого на поясе или за спиной висел меч, и все они выглядели людьми, умеющими обращаться с клинком. Пригляделся Мэт и к двум женщинам, явно из той же компании. Оружия у них вроде бы не было, но рядом с одной стоял прислоненный к столу увесистый дорожный посох, а просторное дорожное платье второй наводило на мысль о спрятанных в его складках метательных ножах. Мэт и сам постоянно носил такие ножи. Он знал, кто они, эти мужчины и женщины, как знал и то, что надо вовсе лишиться ума, чтобы пойти на такое дело без оружия.

Уже выйдя вместе с Эдорионом из «Кнута погонщика», Мэт заметил пухленькую круглолицую женщину в простом коричневом платье для верховой езды, прокладывающую себе

путь сквозь толпу. С ее добродушной внешностью никак не вязался немигающий внимательный взгляд, не говоря уже об утыканной гвоздями дубинке и тяжеленном, под стать айильскому ножу, кинжале на поясе. Тоже одна из них, в этом сомнений не было. Охотники за Рогом, вот кто они. Охотники и охотницы. За тем самым легендарным Рогом Валир, который призовет умерших героев из могил на Последнюю битву. Имя человека, нашедшего Рог, навсегда останется в истории.

«Если только будет кому писать эту паршивую историю», – мрачно подумал Мэт.

Некоторые полагали, что Рог, скорее всего, найдется там, где царят разброд и сумятица. Со времени предыдущей Охоты прошло уже четыреста лет, и на сей раз от желающих принести клятву охотника просто не было отбоя. На улицах в Кайриэне Мэт видел целые толпы охотников и полагал, что, добравшись до Тира, встретит их еще больше. Хотя сейчас чуть ли не вся эта орава, наверное, устремилась в Кэймлин. Как бы ему хотелось, чтобы кто-то из них отыскал эту штуковину. Насколько мог судить Мэт, Рог Валир был спрятан где-то в недрах Белой Башни, а зная Айз Седай, он сильно сомневался в том, что сей факт известен охотникам.

Мимо промаршировал отряд пехоты, во главе которого ехал верхом офицер в покореженном нагруднике и кайриэнском шлеме. Над головами двух сотен пикинеров колыхался лес отменных копий. Следом вышагивали лучники с колчанами у пояса и луками за плечами. Это были не такие длинные луки, к каким Мэт с детства привык в Двуречье, однако же оружие вполне сносное. Лучников насчитывалось чуть более полусотни. Мэт намеревался раздобыть достаточно арбалетов и перевооружить часть стрелков, хотя и понимал, что многие лучники неохотно пойдут на такую замену. Перекрывая уличный гам, пехотинцы горланили песню:

Ведет дорога тяжкая неведомо куда.
Бобов протухших чашка – вот вся твоя еда.
А денежки увидишь ну разве что во сне,
Поверь, приятель, мне,
Коль ты солдатом станешь,
Коль ты солдатом станешь.

Следом семенила целая ватага молодых парней – горожане и беженцы вперемежку. Все они с восторгом таращились на солдат и разинув рты слушали их пение. Мэт порой удивлялся: казалось, чем сильнее кляли в песне солдатскую долю, тем большая собиралась толпа зевак. И не просто зевак. Он не сомневался, что многие из этих юнцов еще до вечера переговорят со знаменщиком, а переговорившие в большинстве своем завербуются в Отряд. Грамотные подпишут договор, прочие скрепят его каким-нибудь знаком. Наверное, эти остолопы думают, будто, распевая такие песни, солдаты хотят запугать их, чтобы не делиться с ними славой и военной добычей. Хорошо еще, что копейщики не затянули «Танец с Джаком-из-Теней». Мэт эту песню терпеть не мог. Как только местные недоумки догадывались, что Джак-из-Теней – это сама смерть, они тут же бросались на поиски знаменщика.

Другого милого, ей-ей, найдет твоя девица.
Могила, полная червей, – вот вся твоя земля.
Когда протянешь ноги, никто и не помянет.
Со всяким дурнем будет так,
Коль он солдатом станет,
Коль он солдатом станет.

– Люди поговаривают, – обронил на ходу Эдорион, когда сопровождаемая ротозеями колонна прошагала мимо, – что скоро мы двинемся на юг. Слухи всякие, то да се... – Краеш-

ком глаза он присмотрелся к Мэту, оценивая его настроение, и продолжил: – Я вот заметил: кузнецы и шорники проверяют упряжь, колеса да тележные оси.

– Когда надо, тогда и двинемся, – ответил Мэт. – Незачем предупреждать Саммаэля о наших намерениях.

Эдорион пристально посмотрел на Мэта. Да, этот тайренец – малый не промах, хотя и лорд. Налесин тоже не дурак, но больно уж усердствует, а у Эдориона, тут уж ничего не скажешь, голова на месте. Налесин нипочем не обратил бы внимания на каких-то там кузнецов. Жаль, что Дом Алдияя переплюнул Дом Селорна, а не то Мэт назначил бы Эдориона на место Налесина. Но куда там, все лорды встали бы на дыбы, они ведь помешаны на своих дурацких титулах. А Эдорион здорово соображает. Смекнул, что, как только Отряд выступит на юг, речные суда, а может и почтовые голуби, повсюду разнесут эту новость. Мэт медяка не поставил бы против того, что город полон лазутчиков, но в то же время необычайно остро чувствовал, что ему сопутствует удача. Ощущение было таким сильным, что у него чуть голова не лопалась.

– А еще толкуют, что вчера в городе побывал лорд Дракон, – добавил Эдорион настолько тихо, насколько позволял уличный шум.

– Вчера мне удалось наконец помыться, – сухо отозвался Мэт. – Это было самым главным событием за весь день. Давай-ка лучше делом займемся, а то так мы с тобой и до вечера не управимся.

Мэт готов был выложить кругленькую сумму, лишь бы дознаться, кто распускает такие слухи. Прошло всего полдня со времени появления Ранда, и никто, кроме самого Мэта, его не видел. Было раннее утро, когда в комнате Мэта в «Золотом олене» вдруг возник яркий вертикальный луч света. Мэт, наполовину стащивший с ноги сапог, упал спиной поперек кровати, выхватывая нож, прежде чем сообразил, что перед ним не кто иной, как Ранд, выходящий из этой паршивой дыры в пустоте. Наверное, он явился из дворца в Кэймлине – Мэту показалось, что за щелью, пока та не закрылась, виднелись колонны дворцового зала. Неожиданное появление Ранда чуть ли не ночью, без айильской стражи, прямо посреди комнаты не могло не напугать Мэта. Ведь окажись он в том месте, эта щель, или как там ее назвать, разрежала бы его пополам. Он не любил Единую Силу и все, что с ней связано.

– Поспешай медленно, Мэт, – сказал Ранд, меряя шагами комнату. На собеседника он не глядел. Губы Ранда были поджаты, лицо блестело от пота. – Он должен увидеть, как все готовится. Иначе не выйдет.

Усевшись на постели, Мэт стащил наполовину натянутый сапог и бросил его на половику, положенный у кровати госпожой Дэлвин.

– Знаю, – пробормотал он, потирая лодыжку, ушибленную о столбик, поддерживающий над кроватью балдахин. – Я ведь сам помогал составить этот поганый план, если ты помнишь.

– Мэт, а как ты узнаешь, что влюблен в женщину? – неожиданно спросил Ранд, не переставая мерить шагами комнату, причем с таким видом, будто этот вопрос как-то связан со сказанным прежде.

Мэт заморгал:

– Чтоб мне в Бездну Рока провалиться, коли я знаю. Благодарение судьбе, мне еще не случилось угодить в эту ловушку. А что произошло?

Однако Ранд пожал плечами, словно отмахиваясь:

– Я покончу с Саммаэлем, Мэт. Я поклялся и выполню свое обещание. Таков мой долг перед умершими. Но где остальные? Я должен уничтожить их всех.

– Само собой, но, наверное, все-таки по одному, а не чохом. – Мэт едва сумел воздержаться от вопроса; ни за что не догадаешься, что нынче взбредет в голову Ранду.

– Мэт, и в Мироуне, и в Алтаре есть принявшие Дракона. Люди, присягнувшие мне. Когда я овладею Иллианом, Алтара и Муранди упадут сами, как перезрелые сливы. Я свяжусь

с принявшими Дракона в Тарабоне, в Арад Домане – и пусть только белоплашники попытаются преградить мне путь в Амадицию. Я сокрошу их. Я слышал, что пророк распространяет свое учение не только в Гэалдане, но и в Амадиции. Можешь представить себе Масиму в роли пророка? Салдэя последует за мной – Башир в этом уверен. И Салдэя, и все Пограничные земли. Другого выхода нет. Я добьюсь этого, Мэт. Объединю все земли перед Последней битвой. Я добьюсь этого! – В голосе Ранда зазвучали лихорадочные нотки.

– Само собой, Ранд, добьешься, – медленно произнес Мэт, ставя второй сапог рядом с первым. – Но ведь не всего сразу, верно?

– Нельзя допускать в свою голову чужой голос, – пробормотал Ранд, и руки Мэта, стягивающие шерстяной чулок, замерли.

Странное дело, Мэт как раз поймал себя на мысли, хватит ли этой пары чулок еще на день носки. Ранд знал кое-что о том, что случилось внутри того *тер'ангриала* в Руидине, знал, что Мэт каким-то образом приобрел полководческий дар, но ему было известно далеко не все. О воспоминаниях других людей он и не догадывался. Конечно же нет, сказал себе Мэт. Ранд, похоже, вообще не замечает вокруг себя ничего необычного.

Взъерошив волосы пятерней, Ранд продолжил:

– Мэт, Саммаэля можно обмануть – он всегда мыслит прямолинейно, но вдруг мы что-то упустили? Вдруг оставили щель, в которую он сможет проскользнуть? Малейшая наша оплошность повлечет за собой гибель тысяч людей. Десятков тысяч! Сотен смертей нам все одно не избежать, но я хочу сберечь тысячи жизней...

Вспоминая этот разговор, Мэт скривился так, что потный лоточник, вознамерившийся продать ему кинжал с рукояткой, усыпанной «драгоценными камнями» из цветного стекла, чуть не выронил свой товар и нырнул в толпу. Вот так и Ранд – постоянно перескакивает с одного на другое. С вторжения в Иллиан – на Отрекшихся, с тех – на женщин; видит Свет, Ранд всегда умел найти подход к женщинам, да и Перрин тоже. То он заводил разговор о Последней битве, то о Девах Копья, а то и вовсе о таких вещах, что Мэт и понять его не мог. Похоже, он говорил сам с собой – ответов Мэта почти не слышал, а иногда даже не дожидался. А послушать, как Ранд говорит о Саммаэле... И ведь рано или поздно Ранд обречен сойти с ума. Что, если безумие уже проникает в...

И какая участь ждет тех несчастных глупцов, которые прибились к Ранду, чтобы научиться направлять Силу? И Мазрима Таима, который уже умеет? Об этом Ранд обмолвился лишь мимоходом – вроде бы Таим, проклятый Лжедракон, теперь учит этих болванов, растреклятых Рандовых учеников, или как их там назвать. Вот будет заваруха, когда все они спят. Мэт предпочел бы оказаться не менее чем в тысяче миль от этой компании, но понимал, что выбор у него не больше, чем у листа, подхваченного вихрем. Он – та'верен, и Ранд тоже, но Ранд гораздо сильнее. В пророчествах о Драконе ничего не говорилось про Мэта Коутона. Он угодил в ловушку, ровно горностай под забором. О Свет, лучше бы ему никогда не видеть этого проклятого Рога Валир!

В таком мрачном настроении он заглянул еще в добрую дюжину кабаков, почти ничем не отличавшихся один от другого. Всюду было полно народу; люди пили, играли в кости и мерились силой на руках. Гвалт стоял такой, что музыкантов зачастую почти не было слышно. Кое-где завязывались драки, но «краснорукие» быстро охлаждали горячие головы. В одной таверне менестрель декламировал «Великую охоту». Хотя охотников в этом заведении не было, принимали его хорошо, – видать, тема вызвала интерес. В другом трактире невысокая светловолосая женщина распевала слегка скабрезную песенку, казавшуюся еще более непристойной в сочетании с ее круглым личиком и невинными, широко раскрытыми глазами.

Этот «Серебряный рог» – вот уж поистине идиотское название – Мэт покинул, по-прежнему пребывая в скверном расположении духа. Возможно, именно по этой причине, услышав

крик, он устремился на шум. Необходимости в его вмешательстве не было. Он знал: если расшумелись солдаты, «краснорукие» живо их урезонят. Просто ему хотелось отвлечься. Ведь Ранд не иначе как уже спятил и бросил его на произвол судьбы. Саммаэль подстерегает в Иллиане, остальные Отрекшиеся одному Свету ведомо где, и все они только и ждут возможности заполучить между делом голову Мэта Коутона. А что будет, если он снова угодит в лапы Айз Седай? Уж они-то слишком много знают. И все вдобавок невесть почему ждут от него подвигов, будто он и вправду какой-нибудь растреклятый герой! Мэт не любил драк и всякую ссору старался уладить миром, но сейчас его прямо-таки подмывало врезать кому-нибудь по носу. Однако обнаружил он вовсе не то, чего ожидал.

Толпа горожан – невысокие, невзрачно одетые кайриэнцы и кучка андорцев ростом повыше и в платье более веселых цветов – обступила двух худощавых мужчин с подкрученными усами, в долгополых мурандийских кафтанах из яркого шелка. Оба были вооружены мечами с богато изукрашенными эфесами. Малый в красном кафтане, ухмыляясь, смотрел, как его приятель в желтом, словно пес крысу, тряс за шиворот мальчугана, ростом едва ли по пояс Мэту.

Мэт попытался взять себя в руки – он ведь не знал, с чего все началось, кто тут прав, а кто виноват.

– Полегче с мальчонкой, – сказал он, ухватившись за желтый рукав. – Что он такого натворил?..

– Этот деревенщина трогал мою лошадь, – заявил человек с миндийским акцентом, стряхивая руку Мэта. Миндийцы славились на всю Муранди своим скверным характером, да еще и похвалялись этим. – Я сломаю его тощую мужицкую шею! Выверну его костлявый...

Не говоря ни слова, Мэт поднял копье и крепко ударил этого типа древком между ног. Мурандиец разинул рот, но не мог издать ни звука. Глаза его закатились так, что были видны только белки, ноги подкосились, и он упал, уткнувшись носом в землю. Мальчишка, воспользовавшись этим, метнулся в сторону.

– Ничего у тебя не выйдет, дуралей, – сказал Мэт.

Дело, однако же, этим не кончилось. Мурандиец в красном схватился за меч и даже успел вытащить клинок из ножен на пару дюймов, когда Мэт треснул его древком по запястью. Выругавшись, тот выпустил рукоять меча, но левой рукой потянулся к висящему на поясе длинному кинжалу. Пришлось съездить ему еще и по уху – не слишком сильно, однако этот малый растянулся поверх своего приятеля. Паршивый болван, лезет куда не надо! Мэт так и не понял, подумал он это о незнакомце в красном кафтане или о себе самом.

Наконец сквозь толпу зевак продрались «краснорукие» – полдюжины конников из Тира, чувствовавших себя неловко, вышагивая пешком в кавалерийских сапогах до колен. Наружные повязки примяли пышные черно-золотые рукава их кафтанов. Эдорион ухитрился изловить мальчугана – исхудавший босоногий малец лет шести отчаянно извивался, пытаясь вырваться на волю. Выглядел он безобразно – большеротый, лопухий и вдобавок грязнее грязного. Судя по его оборванной и дырявой одежке, он явно был из беженцев.

– Уладь это дело, Гарнан, – распорядился Мэт, обращаясь к возглавлявшему «краснорукых» младшему командиру – угрюмому малому со впалыми щеками и грубой татуировкой в виде сокола на левой стороне лица. Похоже, в последнее время эта дурацкая мода стала распространяться в Отряде, хотя в большинстве своем солдаты делали татуировки на тех частях тела, которые прикрывала одежда. – Выясни, из-за чего шум, да и выстави этих неотесанных остолопов из города.

Мэт решил, что они заслуживают наказания, даже если малец тоже не без греха.

Сухопарый человек в мурандийском кафтане из темной шерсти протиснулся сквозь толпу зевак и упал на колени рядом с валяющимися на земле франтами. Малый в желтом каф-

тане сдавленно стонал, а его приятель в красном обхватил голову руками и бормотал что-то невнятное. Вновь пришедший поднял больше шума, чем оба они вместе.

– Беда! Несчастье! О горе мне! Мои господа! Лорд Кулен! Лорд Паерс! Вы живы? – Он протянул к Мэту дрожащие руки. – Не убивай их, достойный лорд. Таких беззащитных! Они охотники за Рогом, вот они кто. Великие герои, вот кто они такие. А я – их слуга, меня зовут Падри.

– Не собираюсь я никого убивать, – с отвращением бросил Мэт. – Но чтобы к закату этих великих героев в городе не было. Усади их на коней, и пусть проваливаются. Мне не нравится, когда взрослый мужчина угрожает сломать шею мальчонке. К закату!

– Но они ранены, достойный лорд. А этот мальчишка, он ведь всего лишь деревенщина и цеплялся к коню лорда Паерса.

– Я только посидел на лошади, – взорвался мальчуган. – Вовсе я не цеп... не то делал, о чем ты там болтаешь.

Мэт угрюмо кивнул:

– Нельзя ломать шею мальцу за то, что он забрался на лошадь, Падри. Даже деревенскому мальцу. Ты позаботишься о том, чтобы эти двое убрались из города, в противном случае мне придется позаботиться о том, чтобы шеи сломали им.

Мэт подал знак Гарнану, который, в свою очередь, резко кивнул своим «красноруким», – младшие командиры, как правило, ничего не делали сами, предпочитая отдавать приказы. Те бесцеремонно подхватили Паерса и Кулена и оттащили беспомощно стонавших лордов в сторону. Падри тащился сзади, причитал, ломал руки и талдычил одно и то же – что его господа ранены, не могут ехать верхом, а также что они охотники за Рогом и великие герои.

Эдорион все еще держал за руку виновника всего этого переполоха. Мэт сначала удивился этому, но почти сразу все понял. Ушли «краснорукие», стали расходиться горожане, до мальчишки никому не было дела. Всем надо кормить своих детей, а это ой как непросто. Мэт тяжело вздохнул:

– А ты, малец, неужто сам не понимаешь, что запросто мог жизни лишиться, «просто посидев» на чужой лошади? Такие люди, как эти двое, ездят на горячих жеребцах, а со скакунами, знаешь ли, шутки плохи. Мальчишку вроде тебя конь может так отделать копытами, что потом и не разберешь, был ли вообще мальчуган.

– Мерин! – Паренек снова дернулся, но, видать, уразумел, что из хватки Эдориона ему не вырваться, и скорчил кислую физиономию. – Какой там жеребец, это был мерин! Тоже мне горячий скакун! Ничего бы он мне не сделал, меня вообще лошади любят. И никакой я не мальчишка, я уже большой! Мне, если хочешь знать, девять лет. А зовут меня Олвер. Я большой, точно тебе говорю.

– Олвер, да? – Девять лет? Может, оно и так, Мэт не очень-то умел определять на глаз возраст детей, особенно кайриэнских. – Ну так скажи, Олвер, где твои родители? – Мэт огляделся по сторонам, но беженцы расходились так же быстро, как и горожане. – Где они, Олвер? Хоть ты и большой, мне надо вернуть тебя им.

Олвер, не ответив, закусил губу. В одном глазу блеснула слеза, и он сердито утер ее рукавом.

– Моего папу убили айильцы. Эти, как их там... Шадо. А мама сказала, что мы поедем в Андор. Будем жить на ферме, где много лошадей.

– А где она сейчас? – тихонько спросил Мэт.

– Она захворала. Я... я похоронил ее в хорошем месте, там цветы росли.

Неожиданно Олвер лягнул Эдориона и забился в его руках с удвоенной силой. Слезы катились по лицу мальчишки.

– Отпусти меня. Я сам о себе позабочусь. Отпустите.

– Займись им, пока мы не найдем кого-нибудь другого, – сказал Мэт Эдориону, из всех сил старавшемуся не дать мальчишке вырваться.

Тот удивленно уставился на Мэта:

– Я? Что прикажешь с ним делать? Это ведь не ребенок, а помесь мышонка с леопардом.

– Сперва накорми его, а потом... – Мэт сморщился; судя по запаху, паренек не только взобрался на того мерина, но и ночевал у него в стойле. – А потом выкупай. От него воняет.

– Ты со мной говори! – возмущенно закричал Олвер, размазывая слезы по грязной физиономии. – Со мной, а не с кем-то там, через мою голову.

Мэт удивленно моргнул, потом наклонился к мальчишке:

– Извини, Олвер. Сам терпеть не могу, когда со мной так поступают. Так вот, послушай меня. От тебя плохо пахнет, поэтому Эдорион отведет тебя в «Золотой олень», где госпожа Дэлвин разрешит тебе искупаться.

Олвер надулся.

– А если она начнет возражать, скажи, что я разрешил. Тогда она не станет тебе мешать.

Мальчишка уставился на него, и Мэт едва сдержал ухмылку, испугавшись, что она испортит дело. Возможно, Олвер и не слишком стремился мыться, но если кто-то вздумает ему запретить...

– Так вот, делай все, что тебе скажет Эдорион. Он настоящий лорд из Тира. Тебя как следует накормят, раздобудут ладную одежку и какие-нибудь башмаки.

Мэт понимал: о том, что за мальцом присмотрят, в его присутствии лучше не заикаться. Ничего, госпожа Дэлвин сумеет позаботиться о парнишке, даже если не слишком обрадуется его появлению. Золото прекрасно смягчает сердца.

– Не люблю я тайренцев, – пробурчал Олвер, поглядывая исподлобья то на Эдориона, то на Мэта. – Так говоришь, он взаправдашний лорд? А ты тоже лорд?

Ответить Мэт не успел. Расталкивая народ, к нему подбежал запыхавшийся Истин. Его круглая физиономия блестела от пота, измятая кираса еще сохранила остатки золочения, а алые атласные полосы на рукавах желтого кафтана основательно вытерлись. По его виду никак нельзя было сказать, что он сын самого богатого благородного лорда Тира. Впрочем, он и раньше мало походил на отпрыска знатного рода.

– Мэт... – пропыхтел он, запустив пятерню в прямые волосы, все время падающие ему на лоб. – Мэт... Там, на реке...

– Что еще? – раздраженно бросил Мэт, думая о том, не вышить ли ему на кафтане надпись: «Никакой я не проклятый лорд». – Кто там на реке? Саммаэль? Шайдо? Гвардия королевы, эти проклятые Белые Львы? Кого еще нелегкая принесла?

– Корабль, Мэт. – Запыхавшийся Истин вновь провел пятерней по волосам. – Здоровенный корабль. Не иначе как Морского народа.

Такое представлялось маловероятным – Ата'ан Миэйр никогда не уводили свои суда далеко от моря, но все же... По пути к югу вдоль берегов Эринин не так уж много селений, а припасы, которые удастся погрузить на подводки, иссякнут до того, как Отряд достигнет Тира. Конечно, он уже нанял полдюжины речных суденышек, но большой корабль мог оказаться более чем полезным.

– Пригляди за Олвером, Эдорион, – сказал Мэт и, не обращая внимания на недовольную гримасу лорда, потребовал: – Ну-ка, Истин, покажи мне этот корабль.

Тот кивнул и, наверное, припустил бы бегом, но Мэт придержал его за рукав. Истин вечно торопился, да так, что частенько не успевал даже подумать, что делает. Из-за этого ему несколько раз крепко доставалось от госпожи Дэлвин.

По мере приближения к реке возрастало число попавшихся навстречу беженцев, людей по большей части вялых и апатичных. К длинной просмоленной пристани было привязано с полдюжины широких плоскодонных паромов, но весла с них были сняты, да и паромщиков

нигде не наблюдалось. Зато на палубах крепких одно- и двухмачтовых речных суденышек, нанятых Мэтом, лениво копошились босоногие матросы. Погрузка уже закончилась, трюмы были набиты под завязку, и капитаны заверяли Мэта, что отплывут, как только получат приказ. По Эринин тоже двигались суда – тупоносые речные баржи с квадратными парусами и узкие быстроходные ладьи с треугольными. Они сновали вверх и вниз по течению, но ни одна лодочка не пересекала реку между Мироуном и обнесенным стеной Арингиллом, над одной из башен которого реял Белый лев Андора.

Не так давно это знамя развевалось и над Мироуном, и удерживавшие город андорские солдаты не пожелали впустить в город Отряд Красной руки. Хотя Ранд и овладел Кэймлином, здешние гвардейцы королевы, как и отряды солдат, которых набрал Гейбрил, навроде тех, которых называли Белыми Львами, – его власти не признавали. Сейчас часть из них отступила куда-то на восток – видать, не случайно оттуда доходили слухи о разбойниках, – другие же сразу после стычки с Отрядом перебрались за реку. С тех пор больше никто не пересекал Эринин.

Посреди широкой реки стоял на якоре корабль. Это и вправду был корабль Морского народа, казавшийся огромным в сравнении даже с самыми большими речными судами. Длинный, узкий, с высокими бортами и двумя мачтами, имеющими легкий наклон. С берега были видны карабкающиеся по снастям темные фигурки. Все Ата'ан Миэйр носили просторные шаровары, но некоторые члены судовой команды были обнажены по пояс, другие же – женщины – в ярких блузах. Женщины составляли не меньше половины команды. Большие квадратные паруса были подняты к реям, но висели дряблыми складками, готовые в любой момент развернуться.

– Найди мне лодку, – бросил Мэт Истину, – и нескольких гребцов. – Истину приходилось напоминать даже об этом, иначе он запросто мог откопать где-нибудь пустую лодку. Тайренец растерянно уставился на Мэта, скребя в затылке. – Живее, приятель!

Истин закивал и, сорвавшись с места, пустился бегом.

Подойдя к краю ближайшего причала, Мэт вскинул копье на плечо и вытащил из кармана зрительную трубу. Он поднес к глазу желтую медную трубочку, и корабль как будто оказался совсем рядом. Вне всякого сомнения, Ата'ан Миэйр чего-то ждали, знать бы еще чего. Некоторые поглядывали в сторону Мироуна, но большинство, в том числе и все собравшиеся на юте, где должна была находиться Госпожа Парусов со всеми корабельными офицерами, уставились в противоположном направлении. Поводив трубой туда-сюда, Мэт заметил на реке длинную узкую лодку со смуглыми гребцами на веслах, направлявшуюся к кораблю.

На одном из длинных арингиллских причалов – все они представляли собой почти точную копию мироунских – царило оживление. Гвардейцы королевы в начищенных до блеска кирасах поверх красных с белыми воротниками кафтанов встречали гостей с корабля. Но что заставило Мэта тихонько присвистнуть, так это пара красных, с бахромой зонтиков над головами двух новоприбывших. Один из зонтиков был двухъярусным. Порой старые воспоминания оказывались кстати. Благодаря им Мэт понял, что Арингилл посетила Госпожа Волн целого клана в сопровождении своего Господина Мечей.

– Мэт, Мэт, – позвал за его плечом запыхавшийся Истин. – Лодка готова. И гребцов я нашел.

Мэт снова перевел трубу на корабль. Судя по суете на палубе, узкая лодка уже причалила и ее поднимали на борт. Люди на кабестане выбирали якорь, другие расправляли паруса.

– Похоже, лодка мне не потребуется, – пробормотал Мэт.

На другом берегу посланцы Морского народа поднялись на причал и в сопровождении гвардейцев удалились. Все это было довольно странно. Корабль Морского народа более чем в девятистах милях от моря! Да еще и Госпожа Волн. Выше ее рангом была только Госпожа Кораблей; выше Господина Мечей был лишь Господин Клинок. Более чем странно, если верить воспоминаниям давно умерших людей. Благодаря им Мэт «помнил», что об Ата'ан

Миэйр вообще мало известно, меньше, чем о них, знают разве что об айильцах. Но как раз об айильцах он кое-что знал, причем не из чужих воспоминаний, а из собственного опыта, и считал, что этого ему более чем достаточно. Но может быть, эти воспоминания устарели и нынче у Морского народа многое по-другому? У кого бы узнать?

Носовой якорь еще вытаскивали на палубу, с него текла вода, а взвившиеся над кораблем паруса уже наполнял ветер. Команда спешила, причем спешила отнюдь не вернуться к морю. Медленно набирая скорость, судно заскользило вверх по реке, к находившемуся в нескольких милях севернее Мироуна окаймленному болотами устью Алгуэни.

Так или иначе, с этим Мэт ничего поделать не мог. Бросив последний взгляд на корабль, куда, наверное, вместились бы припасы чуть ли не со всех нанятых им суденышек, он спрятал зрительную трубу в карман и повернулся спиной к реке. Истин растерянно смотрел на него.

– Истин, скажи гребцам, что они свободны, – со вздохом произнес Мэт.

Бормоча что-то невнятное и почесывая голову, тайронец отправился выполнять приказ.

С тех пор как Мэт побывал у реки в последний раз – всего-то несколько дней назад, – русло ее стало чуточку уже. Между водой и сухой, потрескавшейся прибрежной глиной добавилась клейкая, всего в ладонь шириной полоска донного ила. Эринин медленно, но верно высыхала. Впрочем, он и с этим не мог ничего поделать. Мэт повернулся и продолжил обход питейных заведений; важно, чтобы сегодня все было как всегда и не происходило ничего необычного.

Когда солнце уже село, он вернулся в «Золотой олень» и снова пригласил на танец Бетсе, которая ради такого случая сняла свой передник. Музыканты наяривали вовсю. На сей раз играли просто сельский танец, который знали все. Столы сдвинули в сторону, освободив место для шести, а то и восьми пар. Когда стемнело, стало чуточку прохладнее, но только в сравнении с палящим дневным зноем. Все обливались потом. Мужчины, посмеиваясь, потягивали хмельное, служанки сновали туда-сюда, разнося репу, баранину, ячменный суп, подливая посетителям в кружки и чаши эль и вино.

Удивительное дело, все эти девицы, кажется, считали танец лучшим способом отдохнуть от беготни с кувшинами и подносами. Во всяком случае, каждая расцветала, когда подходил ее черед утереть пот и скинуть передник, хотя и во время танца все они потели нещадно. Возможно, госпожа Дэлвин установила для них какую-то очередность, но, если и так, для Бетсе было сделано исключение. Эта молоденькая стройная девица не приносила вина никому, кроме Мэта, танцевала только с Мэтом, а хозяйка гостиницы, глядя на них, лучилась, словно мамаша на свадьбе дочери, отчего Мэту становилось не по себе. Бетсе плясала с ним до тех пор, пока у него ноги не заболели, при этом она не переставала улыбаться, и глаза ее блестели от неподдельного удовольствия. Блеск слегка тускнел, лишь когда они останавливались, чтобы перевести дух. Точнее, чтобы ему перевести дух. Бетсе, похоже, ни в чем подобном не нуждалась. Как только переставали двигаться ноги, она принималась молотить языком и к тому же, когда Мэт пытался ее поцеловать, всякий раз, не переставая тараторить, ловко уворачивалась, так что он целовал то ухо, то макушку. Похоже, эта игра тоже доставляла ей удовольствие. Он так и не понял, то ли она просто легкомысленная болтушка, то ли очень даже себе на уме.

Ближе к двум часам пополудни Мэт сказал ей, что для одного вечера танцев более чем достаточно. Девушка разочарованно надула губки – не иначе как настроилась танцевать до утра. И не она одна. У большинства девушек горели глаза, и только одна служанка постарше, опершись о стену, массировала лодыжку. Зато многие мужчины выдохлись и, когда девицы стаскивали их с лавок, отвечали вымученными улыбками, а то и вовсе норовили отмахнуться. Мэту только удивиться оставалось – почему так получается? Не иначе как оттого, что мужчинам в танце достается больше – все эти подхваты да повороты, – а женщины знай себе порхают вокруг, да и сами они легче, вот и устают меньше. Взгляд Мэта упал на дородную служанку, которая крутила вокруг себя Истина – именно так, а вовсе не наоборот, – и он вздохнул. Видать, этот малый насчет танцев не промах, этак можно и всю ночь проплясать.

Достав толстую золотую андорскую крону, Мэт вложил ее в руку Бетсе – пусть купит себе что-нибудь стоящее.

Девушка взглянула на монету, потом поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы, легонько, будто перышком провела.

– Я бы нипочем не стала тебя вешать, что бы ты ни натворил. Мы еще потанцуем завтра?

Он и рта раскрыть не успел, как она уже захихикала, убежала и, оглядываясь на него через плечо, принялась стаскивать с лавки Эдориона, чтобы поплясать и с ним. Однако госпожа Дэлвин пресекла эти попытки, вручив не в меру приткой служанке фартук и указав ей пальцем на кухню.

Слегка прихрамывая, Мэт заковылял к столу у стены, где уютно устроились Талманес, Дайрид и Налесин. Талманес сосредоточенно пялился в свою кружку, словно надеялся увидеть на ее дне ответы на все жизненно важные вопросы. Дайрид с ухмылкой наблюдал за тем, как Налесин пытается отделаться от пухленькой сероглазой служаночки со светло-русыми волосами, не сознаваясь при этом, что уже отбил пятки. Мэт оперся кулаками на стол:

– Отряд выступает на юг с первыми лучами солнца. Займитесь приготовлениями.

Трое мужчин удивленно уставились на него.

– Но ведь до рассвета и осталось-то несколько часов, – протестующе воскликнул Талманес.

– И все это время уйдет на то, чтобы выгашить наших парней из кабаков, – поддержал его Налесин.

– Видать, никто из нас сегодня ночью спать не ляжет, – добавил Дайрид, морщась и качая головой.

– Я лягу, – заявил Мэт. – А через два часа кто-нибудь из вас меня разбудит. Мы выступаем с рассветом.

Так оно и вышло. Рассвет едва забрезжил, когда Мэт уже сидел верхом на Типуне, своим крепком гнедом мерине, держа копье поперек седла. Длинный лук со снятой тетивой, заткнутый под подпругу, терся о попону. Мэт не выспался, голова у него болела, но все шло, как было задумано. Отряд Красной руки – все шесть тысяч человек – покидал Мироун. Воины – половина пешие, половина верхами – подняли такой шум, что разбудили бы и мертвеца. Несмотря на ранний час, горожане высыпали на улицы или повысовывались в окошки.

Впереди везли квадратное знамя Отряда, белое, с красной бахромой, с изображением красной руки и вышитым снизу красными же буквами девизом: «Довай'анди се товиа сагайн». «Пора метнуть кости». Рядом со знаменем ехали Налесин, Талманес и Дайрид. Десяток всадников из всей мочи колотили в подвешенные к седлам медные литавры с алой бархатной обивкой, столько же трубачей дудели в свои горны. За музыкантами ехали всадники Налесина – среди них были и Защитники Твердыни, и кайриэнские дворяне с флажками кон за спиной, сопровождаемые собственными вассалами, и кучка андорцев. Каждый эскадрон шел под собственным флагом с изображенными на нем красной рукой, мечом и присвоенным подразделению номером. Установить этот порядок Мэту удалось не сразу, и, по правде сказать, ропот его решение вызвало изрядный.

Поначалу кайриэнские конники соглашались следовать лишь за Талманесом, а тайренцы признавали своим командиром лишь Налесина. С пешими было полегче – те с самого начала представляли собой разношерстную компанию. Многие возражали против попыток присвоить эскадронам номера и разбить все войско на равные по численности подразделения. Это было непривычно, ведь до сих пор каждый лорд или капитан вел за собой столько людей, сколько ему удавалось собрать, и все они именовали себя людьми Эдориона, Мересина или Алхандрина, а вовсе не солдатами того или иного эскадрона. Конечно, старые привычки сохранялись: например, пять сотен всадников, которыми командовал Эдорион, упорно не желали называться первым эскадронам, предпочитая прозвание «Молоты» Эдориона, но, так или иначе, Мэт сумел

вдолбить в упрямые солдатские головы, что всякий, откуда бы он ни был родом, прежде всего воин Отряда, а уж потом чей-то земляк или вассал. Тем, кому такой порядок не по душе, было предложено уйти, но, что примечательно, желающих не нашлось.

Почему люди не уходили, для Мэта оставалось загадкой. Конечно, следуя за ним, они побеждали, но некоторые все же гибли или получали увечья. Мэту было нелегко обеспечить им сносную кормежку, не говоря уже о своевременной выплате жалованья, что же до воинской добычи, то на этом пока еще никому не удалось разбогатеть. И скорее всего, не удастся. Безумие, чистой воды безумие.

Завидя Мэта, солдаты первого эскадрона принялись выкрикивать приветствия, тут же подхваченные четвертым и пятым – «Леопардами» Карломина и «Орлами» Реймона, как они себя называли.

– Лорд Мэтрим и победа! Лорд Мэтрим и победа!

Окажись у Мэта под рукой булыжник, он непременно запустил бы им в кого-нибудь из этих болванов.

Следом за конницей длинной, извилистой колонной маршировала пехота – рота за ротой. Впереди ротный длинный флажок, на котором вместо меча красовалось копье, и отбивающий ритм барабанщик, следом двадцать рядов ошестинившихся копьями солдат, а за ними пять рядов стрелков – лучников или арбалетчиков. Почти в каждой роте вдобавок имелся еще и флейтист, а то и два. Гремела музыка, и солдаты горланили песню:

Нам пить всю ночь и целый день
Плясать с девчонками не лень,
На них не жаль спустить свои деньжата.
Когда ж разлуки час придет,
Мы снова выступим в поход.
И грянут хором brave солдаты:
Приспело времечко, ей-ей,
Сплясать и с Джаком-из-Теней!
А ну-ка спляшем с Джаком-из-Теней!

Мэт пропустил пехоту, выслушав всю песню до конца, дождался появления конницы Талманеса и прищипорил Типуна. За Отрядом не тянулась длинная вереница обозных подвод, не гнали табуны запасных лошадей. В этом не было смысла. По пути отсюда до Тира заводные кони все едино или охromeют, или околеют от таких хворей, о каких отрядные коновалы и не слыхивали, а кавалерист без лошади немногого стоит. Вниз по реке, чуть опережая течение, следовали семь небольших судов под треугольными парусами, на мачте каждого реял маленький белый флаг с изображением красной руки. За ними двигалась стайка совсем уж утлых лодчонок, поднявших все паруса, какие только отыскились на борту.

Когда Мэт догнал голову колонны, солнце уже выглянуло из-за горизонта, осветив первыми лучами пологие холмы и разбросанные тут и там рощицы. Мэт, чтобы не слепило глаза, пониже надвинул шляпу. Налесин, подавляя мощный зев, поднес ко рту кулак в стальной рукавице, Дайрид болтался в седле, как куль с овсом, веки у него опускались, и сам он, казалось, вот-вот повалится на шею лошади и заснет. Только Талманес держался бодро, с прямой спиной и открытыми глазами. Мэт больше всех сочувствовал Дайриду – он его понимал.

Чтобы перекрыть рев труб и грохот барабанов, Мэту пришлось возвысить голос:

– Как только город скроется из виду, вышлите вперед разведчиков. – Дальше на юг лежала открытая равнина, сменяющаяся порой небольшими перелесками. По ней проходила недурная дорога – хотя большая часть грузов перевозилась по воде, люди многие годы ходили

пешком и ездили на фургонах и вдоль берега. – Вышлите разведчиков и прекратите наконец этот растреклятый шум!

– Разведчиков? – недоуменно переспросил Налесин. – Сгори моя душа, да здесь во всей округе не найдется человека с копьем. Может, ты думаешь, что Белые Львы больше не удирают? Да коли и так, они и на пятьдесят миль к нам приблизиться не посмеют, такого мы им задали жару.

Мэт, не обращая на него внимания, продолжил:

– Двигаться будем быстро. Я хочу пройти сегодня тридцать пять миль. И не только сегодня. Посмотрим, не удастся ли делать по тридцать пять миль каждый день.

Тут уж на него устали все. Даже лошадям не под силу выдерживать такой темп долго, что уж говорить о пехоте. Все, кроме, конечно, айильцев, считали, что для пеших дневной переход в двадцать пять миль – великолепный результат. Но Мэт должен совершить невозможное – приходилось играть не по правилам.

– Комадрин писал так: «Появляйся там, где тебя не ждут, атакуй внезапно. Отступай, когда враг ждет нападения, нападай, когда он ждет, что ты побежишь. Внезапность – залог победы, быстрота – залог внезапности. Для солдата быстрота – это жизнь».

– Кто он такой, этот Комадрин? – после недолгого размышления спросил Талманес.

Чтобы ответить, Мэту пришлось собраться с мыслями.

– Полководец. Он давно умер, просто я как-то прочел его книгу.

Мэт помнил, что читал эту книгу не раз, хотя сомневался, сохранился ли в мире хотя бы один экземпляр. К тому же он и сам встречался с Комадрином – проиграл ему сражение за шестьсот лет до Артура Ястребиное Крыло. Эти воспоминания подкрадывались незаметно, и слова сами просились на язык. Хорошо еще, что в последнее время он научился сдерживаться и не говорить на древнем наречии.

Проследив взглядом за рассыпавшимися веером по равнине конными разведчиками, Мэт позволил себе расслабиться. Он играл свою роль согласно намеченному плану. Отряд должен двигаться на юг стремительно, будто для того, чтобы никто не заметил этого маневра. В действительности его непременно должны были заметить. Со стороны действия Мэта могли показаться глупыми, но оно и не худо. Чем быстрее будет двигаться Отряд, тем лучше; это поможет избежать в дороге ненужных стычек, а с реки колонну все равно углядят. Он поднял глаза. На небе не было ни ворон, ни воронов, даже голубей, но это ничего не значило. Мэт готов был слопать собственное седло, если сегодня утром кое-кто не покинул Мироун.

Самое большее через несколько дней Саммаэль узнает, что Отряд выступил в поход, а слухи, распушенные Рандом в Тире, заставят его поверить, будто это означает неминуемое и скорое вторжение в Иллиан. Как бы Мэт ни спешил, Отряд доберется до Тира не раньше чем через месяц; так что, если повезет, Саммаэль будет раздавлен, словно вошь между скалами, прежде чем Мэт подберется на сотню миль к нему. Саммаэль видит и примечает все – почти все. Он думает, что всем придется плясать под его дудку, но как бы не так. Это будет совсем другой танец. Совсем другой. План, разработанный Рандом, Баширом и Мэтом, действительно позволял надеяться на успех. Мэт поймал себя на том, что принялся насвистывать. Хотя раз все шло так, как было задумано.

Глава 6

Паутина Тени

Оставив проход открытым на тот случай, если придется отступать, и не отпуская саидин, Саммаэль осторожно шагнул на узорчатый шелковый ковер. Обычно он соглашался на встречи лишь у себя или, на худой конец, на нейтральной территории, но сюда приходил уже во второй раз. Приходил по необходимости. Он никогда не отличался доверчивостью и, уж конечно, не проникся ею после того, как узнал – разумеется, лишь отчасти, – что произошло на встрече Демандреда с тремя женщинами. У Саммаэля не было сомнений, что Грендаль рассказала ему лишь то, что сочла нужным, – у нее были свои планы, которыми она не собиралась делиться с другими Избранными. Ведь только один из них сможет стать Ни'блисом, а это стоит самого бессмертия.

Он стоял на огражденном с одной стороны мраморной балюстрадой помосте, где были расставлены золоченые столы и стулья, украшенные довольно фривольной резьбой и инкрустацией. Эта площадка не менее чем на десять футов возвышалась над длинным колонным залом. Лестница туда не вела. С помоста можно было наблюдать за увеселительными выступлениями внизу – по сути, весь зал представлял собой огромную сцену. Солнечный свет искрился в высоких окнах с причудливыми цветными витражами, но жара сюда не проникала. Воздух был прохладен и свеж, хотя Саммаэль ощущал это лишь отдаленно. Грендаль нуждалась в прохладе ничуть не больше его самого, но тем не менее не пожалела усилий на пустую прихоть. Удивительно, что она еще не оплела сетью весь дворец.

Со времени его последнего посещения в нижнем зале кое-что изменилось, но он пока не мог сообразить, что именно. По центральной оси зала располагались три неглубоких продолговатых бассейна с изысканных форм каменными фонтанами, посылавшими струи воды чуть ли не к резным мраморным выступам на высоком сводчатом потолке. В бассейнах и рядом с ними показывали свое искусство мужчины и женщины, едва прикрытые лоскутами тончайшего шелка. Здесь выступали жонглеры, акробаты, танцовщики и музыканты. Разного роста и телосложения, разных оттенков кожи, волос и глаз, они были прекрасны и соперничали друг с другом в физическом совершенстве. Все это предназначалось для услаждения взоров стоящих на помосте. Бессмысленная трата времени и сил. Как раз в духе Грендаль.

Когда Саммаэль ступил на помост, там никого не было, но он все равно удерживал саидин, а потому ощутил сладковатый, словно благоухание цветочного сада, аромат духов Грендаль и услышал легкий шелест ступавших по коврам туфелек задолго до того, как позади него раздался голос:

– Ну, разве мои зверушки не прекрасны?

Она подошла к балюстраде и встала рядом с ним, с улыбкой поглядывая на представление внизу. Тонкое голубое платье доманийского покроя облегалo ее стройное тело, более открывая взору, нежели скрывая. Как обычно, все ее пальцы были унизаны перстнями – ни один самоцвет не повторялся, – на запястьях красовалось по несколько усыпанных драгоценными камнями браслетов, а высокий ворот платья обвивало кольцо из огромных сапфиров. Хотя Саммаэль и не слишком хорошо разбирался в подобных вещах, он не без оснований полагал, что ее прическа – нарочито небрежно ниспадающие на плечи золотые кудри, усеянные мерцающими тут и там лунниками, – являлась плодом сознательных усилий и точного расчета.

Саммаэлю случалось задумываться о Грендаль. Он никогда не встречал эту женщину до тех пор, пока не решил бросить безнадежное дело и последовать за Великим повелителем, но, конечно же, слышал о ней. Эту аскетичную отшельницу высоко чтили повсюду, ибо она врачевала умы и души, что неподвластно Целительству. Принеся клятву Великому повелителю, она тут же забыла о воздержании, отбросила благочестие и стала вести жизнь, противоположную той, какой славилась прежде. Создавалось впечатление, будто жажда удовольствий захватила ее полностью, не оставив места даже стремлению к власти. На деле все обстояло иначе, но она крайне редко выступала в открытую. Грендаль всегда умела скрывать свою истинную суть. Саммаэль полагал, что знает ее лучше, нежели любой другой из Избранных, – ведь это она сопровождала его в Шайол Гул, когда он отправился туда выразить почтение Великому повелителю, – но даже ему было не под силу проникнуть в ее истинные помыслы. Слишком сложной и многогранной натурой была эта женщина. Каждое ее слово, каждая мысль несли столько оттенков смысла, сколько чешуек у *джегала*, причем переходить от одного к другому она умела с быстротой молнии. Тогда хозяйкой положения была она, а Саммаэль, при всех своих воинских заслугах, мог лишь следовать за нею. Теперь, однако же, обстоятельства изменились.

Никто из выступающих внизу даже не поднял глаз, но с появлением Грендаль у них будто добавилось вдохновения и даже, если это вообще возможно, грации. Все они старались показать себя с наилучшей стороны, ибо существовали лишь для того, чтобы угождать своей госпоже. В этом Грендаль была уверена.

Она небрежным жестом указала на могучего темноволосого мужчину, удерживающего на весу трех стройных женщин. Тела акробатов были умащены маслом, и медного оттенка кожа лоснилась.

– Вот эти, пожалуй, мои любимцы. Рамзид – брат доманийского короля. На плечах он держит свою жену, а две другие женщины – младшая сестра короля и его старшая дочь. Право же, просто удивительно, чего могут добиться люди, если наставить их на путь истинный. Сколько талантов пропадает впустую.

Это было одно из любимых высказываний Грендаль. Она утверждала, что каждый должен занимать предназначенное ему место и делать свое дело в соответствии с собственными способностями и потребностями общества. Каковые потребности, похоже, сосредоточивались на удовлетворении прихотей Грендаль. Саммаэля эта философия раздражала, – исходя из подобных соображений, он и сейчас должен бы оставаться тем, кем был.

Акробат медленно повернулся, чтобы с возвышения можно было лучше рассмотреть живую пирамиду – одна женщина стояла у него на плечах с распростертыми руками, а две другие – на его руках, тоже расставленных в стороны.

Грендаль тем временем обернулась к темнокожей курчавой паре. Мужчина и женщина, стройные и очень красивые, играли на странных продолговатых арфах, увешанных колокольчиками, которые хрустальным эхом вторили струнам.

– Каковы, а? Мое последнее приобретение – они из тех земель, что лежат за Айильской пустыней. Им следует благодарить меня за то, что я их спасла. Чиап была там Ш'боан, что-то вроде императрицы. Она только что овдовела, а Шаофан должен был жениться на ней и стать Ш'ботэй. Ей предстояло править своей страной семь лет, а на восьмом году умереть. После того ему надлежало избрать новую Ш'боан и править так же безраздельно следующие семь лет – до своей смерти. Можешь себе представить, они следовали этому правилу три тысячи лет без перерыва! – Грендаль издала смешок и недоуменно покачала головой. – Самое удивительное, что и Шаофан, и Чиап считают эти смерти естественными. Воля Узора – так они это называют. У них на все один ответ – Воля Узора.

Саммаэль продолжал смотреть на выступающих. Грендаль щебетала без умолку, словно легкомысленная глупышка, но только настоящий дурак мог бы счесть ее таковой. Вся эта болтовня была тщательно продумана, каждое будто бы случайно оброненное слово направлено точно в цель, как игла *конджи*. Не помешало бы выяснить, зачем она все это затеяла и что хотела для себя выгадать. С чего это, например, она стала набирать себе любимцев в таких дальних краях? Ее поступки никогда не бывали случайными. Может быть, она хотела отвлечь его внимание, убедить, будто ее интересы связаны со странами, отрезанными от остального мира Пустыней? Но поле будущей битвы находилось здесь. Именно здесь коснется мира Великий повелитель после своего освобождения. Весь прочий мир скроется за завесой бурь, бури истерзают землю, но рассыпаться они будут именно отсюда.

– Странно, что ты не удостоила своим вниманием все королевское семейство Арад Домана, – сухо заметил Саммаэль.

Если она хотела его отвлечь, то этот номер не пройдет. Сама угодит в собственную ловушку. Ей ведь и в голову не приходит, что кто-то может знать о ней достаточно, чтобы разгадать ее хитрости.

Гибкая темноволосая женщина, уже не молодая, но отличающаяся той неувядающей красотой и изяществом, какие останутся с нею до конца дней, появилась у его локтя, бережно держа в руках хрустальный кубок с темным винным пуншем. Саммаэль взял его, хотя пить не собирался. Новички всегда наблюдают за направлением главного удара, покуда глаза не заболят, а одинокий убийца тем временем подкрадывается сзади. Союзники, пусть даже временные, это, конечно, неплохо, но чем меньше Избранных уцелеет ко Дню возвращения, тем больше будет у каждого из них шансов быть названным Ни'блисом. Великий повелитель всегда поощрял такого рода... соперничество. Служить ему достойны лишь самые способные. Порой Саммаэлю казалось, что править миром, как обещано, будет последний, единственный Избранный, оставшийся в живых.

Женщина повернулась к мускулистому молодому человеку, облаченному, как и она, в белое полупрозрачное одеяние. Тот держал в руках золоченый поднос с еще одним кубком и высоким, под стать кубку, хрустальным кувшином. И она, и он украдкой бросали быстрые взгляды на открытые ворота, через которые виднелись покои Саммаэля в Иллиане. Прислуживая Грендаль, женщина смотрела на нее с обожанием. Грендаль могла позволить себе говорить свободно в присутствии своих слуг и «зверушек», хотя среди них не было ни одного приверженца Тьмы. Приверженцам Тьмы она не доверяла, утверждая, что любого из них ничего не стоит склонить к измене, не то что ее людей. По отношению к своим любимцам и слугам она использовала столь высокий уровень Принуждения, что в их сознании почти не оставалось места для чего-либо, кроме безмерного восхищения своей госпожой.

– Я уже почти ожидал, что сам король будет подносить здесь вина, – продолжил он.

– Ты же знаешь, я приближаю к себе лишь самых изысканных, утонченных людей. Алсалам никак не соответствует моим требованиям.

Грендаль приняла вино у женщины, даже не взглянув на нее, и Саммаэль уже в который раз задумался, не являются ли все эти любимцы всего лишь ширмой, как и легкомысленная болтовня. Пожалуй, стоит продолжить этот разговор, вдруг она обронит лишнее словечко, которое позволит заглянуть за завесу.

– Рано или поздно, Грендаль, ты все равно допустишь оплошность. Что, если один из твоих гостей узнает того, кто поднесет ему вино или станет убирать постель, и у этого гостя достанет ума попридержать язык до ухода? Что, скажи на милость, ты будешь делать, когда кто-нибудь заявится в этот дворец? И приведет армию, чтобы спасти мужа или сестру? Конечно, шокowym копьям нынешние стрелы не чета, но и стрелы способны разить насмерть.

Грендаль откинула голову назад и рассмеялась – мелодичная трель должна была обозначать скорее веселое недоумение, чем обиду, будто она не усмотрела в его словах и намека на оскорбление. Во всяком случае, так могло показаться тому, кто ее не знал.

– Ох, Саммаэль, что это тебе взбрело в голову? С чего ты решил, что я позволяю посетителям высматривать у меня, что им вздумается? Уж конечно, мои любимые зверушки и мои личные слуги им прислуживать не станут. У меня бывают и сторонники Алсалама, и его враги, и... Да что там, даже принявшие Дракона покидают мой дом в твердом убеждении, будто я поддерживаю их и только их. И потом, кто и в чем может заподозрить калеку?

Кожу Саммаэля начало слегка покалывать. Грендаль направила Силу, и в одно мгновение облик ее изменился. Медная кожа потускнела, волосы словно выцвели, темные глаза утратили блеск. Она выглядела болезненно худой и хрупкой. Ни дать ни взять – некогда прекрасная доманійка, медленно проигрывающая схватку со смертельным недугом.

Саммаэль едва удержался от усмешки. Достаточно было одного прикосновения, чтобы обман раскрылся. Лишь очень тонкое использование Иллюзии позволяло пройти это простое испытание, Грендаль же, похоже, была склонна к примитивным эффектам. В следующее мгновение она вновь стала прежней, на губах ее играла кривая усмешка.

– Ты и представить себе не можешь, как все они верят мне и слушаются меня.

Он никогда не понимал, чего ради она предпочитала оставаться здесь, в терзаемой распрями стране, да еще и во дворце, известном всему Арад Доману. Само собой, она вряд ли могла допустить, чтобы о ее пристанище узнали остальные Избранные. То, что она доверилась Саммаэлю, не могло не насторожить его. Грендаль ценила удобства, но вовсе не любила утруждать себя их поддержанием, а этот дворец находился поблизости от Гор тумана. Приходилось прилагать немало усилий, чтобы до нее не докатилась царившая в стране анархия, чтобы никто не задавался вопросом, куда подевался прежний владелец со всеми своими домочадцами и челядью. Саммаэль не удивился бы, узнав, что всякий побывавший здесь доманіец уезжал, пребывая в убеждении, будто эта земля передавалась в ее семье из поколения в поколение со времен Разлома. Грендаль настолько часто пользовалась Принуждением, словно молотом, что могло создаться впечатление, будто она не владеет более деликатными его формами, позволявшими направлять чужой разум исподволь, столь тонко и изощренно, что обнаружить следы постороннего вмешательства было практически невозможно. В действительности же она великолепно владела и этим методом. Пожалуй, в области Принуждения Грендаль не знала себе равных.

Он позволил своим вратам исчезнуть, но продолжал держаться за Истинный Источник. Против обернувшегося в саидин ее штучки не сработают. Кроме того, он подсознательно наслаждался этой постоянной борьбой с потоком, борьбой не на жизнь, а на смерть. Выживает сильнейший – таково было убеждение Саммаэля, и, касаясь Источника, он всякий раз словно подтверждал свое право на существование. Грендаль не могла знать, продолжает ли он удерживать саидин, но, глядя поверх своего кубка, лукаво улыбнулась с таким видом, будто для нее не

существует секретов. Ему это не нравилось. Саммаэль терпеть не мог, когда люди делали вид, будто что-то знают, но еще больше не любил, когда они действительно знали нечто неизвестное ему.

– Так что ты хотела мне сказать?

Вопрос прозвучал, пожалуй, слишком грубо.

– Сказать? А, это насчет Льюса Тэрина. Ты ведь, похоже, ничем другим не интересуешься. Так вот, его место среди моих зверушек. Он будет гордостью моей коллекции. Конечно, он не столь красив, как некоторые другие, но, памятуя о том, кто он, можно закрыть на это глаза. – Она снова улыбнулась и пробормотала так тихо, что без саидин Саммаэль мог бы и не расслышать: – К тому же мне нравятся рослые мужчины.

Он едва сдержался, успев подавить непроизвольную попытку приосаниться. Саммаэль был далеко не коротышкой, но втайне терзался, считая, что его рост никак не соответствует выдающимся способностям. Льюс Тэрин был на голову выше его, и этот ал’Тор тоже. Почему-то рост всегда считался чуть ли не главным достоинством мужчины. Еще одно усилие потребовалось ему, чтобы не коснуться шрама, пересекающего лицо от волос до квадратной бородки. Рану нанес ему Льюс Тэрин, и Саммаэль сохранил шрам как напоминание. Он заподозрил, что Грендаль намеренно сделала вид, будто не совсем поняла вопрос, ибо желала применить его как наживку.

– Льюс Тэрин давным-давно умер, – резко бросил он. – А этот выскочка Ранд ал’Тор всего-навсего деревенский мальчишка-навозник, которому случайно повезло!

Грендаль взглянула на него с деланным удивлением и даже заморгала:

– Ты и впрямь так думаешь? А мне кажется, тут замешано нечто большее, чем простое везение. На одной удаче, знаешь ли, его бы так далеко и так быстро не занесло.

Саммаэль явился сюда вовсе не затем, чтобы говорить об ал’Торе, и сейчас по спине у него пробежал холодок. В голову лезли непрошенные мысли, которые он всеми силами гнал прочь. Ал’Тор не был Льюсом Тэрином, но являл собой воплощение возродившейся души Льюса Тэрина, как и сам Льюс Тэрин – воплощение той, иной души. Саммаэль не был ни философом, ни теологом, но вот Ишамаэль был и тем и другим, и он утверждал, что в этом факте сокрыта одна из величайших тайн мироздания. Конечно, Ишамаэль погиб, впад в безумие, но и тогда, когда он пребывал в здравом рассудке, когда казалось, что они вот-вот нанесут Льюсу Тэрину Теламону поражение, – и тогда он утверждал, будто эта борьба ведется со дня Творения. Нескончаемая война между Великим повелителем и Творцом, в которой и тот и другой используют суррогаты людей. Более того, Ишамаэль говорил, что, как только Великий повелитель освободится, он обратит Льюса Тэрина к служению Тени. Возможно, Ишамаэль уже тогда начинал сходить с ума, но попытки привлечь Льюса Тэрина на сторону Великого повелителя действительно имели место. А по словам Ишамаэля, выходило, будто такое случалось и прежде, причем бывало, что поборник Творца создавал творение Тени и сам возвышался, как поборник Тени.

Все эти вызывающие тревогу суждения были слишком запутанными и сложными, но одно не шло у Саммаэля из головы. Он вовсе не исключал вероятность того, что Великий повелитель захочет сделать Ни’блисом именно ал’Тора. Но невозможно возвыситься в пустоте, без всякой опоры. Ал’Тору требуется помощь, и, судя по всему, он ее получает. Помощь – вот что объясняет удачу, которая сопутствовала ему до сих пор.

– Ты узнала, где ал’Тор прячет Асмодиана? Или где находится Ланфир? Или Могидин?

Впрочем, Могидин скрывалась всегда. Ее не зря прозвали Паучихой, она, как паук, нападает, когда думаешь, что она уже мертва.

– На сей счет тебе известно столько же, сколько и мне, – беспечно ответила Грендаль, отпив из кубка. – Я думаю, что Льюс Тэрин всех их поубивал. Ой, да не морщись ты так! Пусть будет ал’Тор, раз ты настаиваешь.

Похоже, ее это особо не беспокоило. Впрочем, Грендаль не собиралась вступать в открытую борьбу с ал'Тором. Это не в ее духе. Если ал'Тор вызывает, где она прячется, Грендаль просто-напросто сбежит и устроит себе логово в другом месте, ну а коли не удастся удрать, сдастся прежде, чем он успеет нанести удар, и тут же примется убеждать его в том, что без нее ему не обойтись.

– Из Кайриэна доходили слухи, будто Ланфир умерла на руках Льюса Тэрина в тот самый день, когда он убил Равина.

– Слухи, они слухи и есть. Ланфир, если хочешь знать мое мнение, помогала ал'Тору с самого начала. Я заполучил бы его голову еще в Твердыне Тира, если б кто-то не послал мурддраалов и троллоков ему на выручку. Это сделала Ланфир, кто же еще? Она мне надоела, я ее убью, если только увижу! И зачем, скажи пожалуйста, ему убивать Асмодиана? Вот я убил бы его, попадись он мне в руки, а ему какая с того корысть? Асмодиан перебежал к ал'Тору и учит его, помяни мое слово!

– Вечно ты находишь оправдание своим промахам, – прошептала Грендаль в свой кубок и снова так тихо, что лишь саидин позволила Саммаэлю расслышать эти слова. Затем она заговорила чуть погромче: – Что ж, выбирай те объяснения, которые тебе больше нравятся. Может, ты и прав. Но мне кажется, что Льюс Тэрин выводит нас из игры одного за другим.

Рука Саммаэля дрогнула от гнева, да так, что он едва не расплескал пунш. Ранд ал'Тор! Ранд ал'Тор, а никакой не Льюс Тэрин. Он, Саммаэль, пережил великого Льюса Тэрина Теламона, пожиная плоды побед, которые не мог одержать сам, и ожидая новых, чтобы насладиться ими. Единственное, о чем он сожалел, так это о том, что не осталось могилы Льюса Тэрина, чтобы можно было на нее плюнуть.

Помахав унизанными перстнями пальцами в такт доносившейся снизу мелодии, Грендаль заговорила рассеянно, словно музыка и вправду отвлекала ее:

– Так много наших уже сложило головы, столкнувшись с ним. Агинор и Балтамел. Ишаммаэль, Бе'лал и Равин. И Ланфир с Асмодианом, что бы ты там ни думал. Могилин, та, может быть, и впрямь таится где-нибудь в тених, выжидая, когда все мы погибнем, у нее на это глупости хватит. Я все же надеюсь, что ты уже присмотрел местечко, куда бежать. Похоже, следующим, на кого он обрушится, будешь как раз ты. И случится это, сдастся мне, скоро. Так что мне здесь едва ли придется выдерживать натиск чьей-нибудь армии, а вот про тебя этого не скажешь. Я слышала, будто Льюс Тэрин собрал немалое войско против тебя. Таковую цену приходится платить, если не только хочешь обладать властью, но еще и желаешь, чтобы все это видели.

Конечно же, Саммаэль подготовил пути к отступлению – этого требовало простое благоразумие, – но в голосе Грендаль слышалась бесившая его уверенность, что они ему понадобятся.

– И если я уничтожу ал'Тора, то никоим образом не нарушу волю Великого повелителя. – Сути этих велений он не понимал, но того и не требовалось. Надлежало лишь повиноваться Великому повелителю, а не вникать в его замыслы. – Не нарушу, насколько я могу судить о них с твоих слов. Если ты что-то утаила...

Глаза Грендаль похолодели, превратившись в голубой лед. Она всегда старалась избегать столкновений, но терпеть не могла угроз. Впрочем, уже в следующий миг на ее лице вновь появилась глупая улыбка – эта особа была переменчива, как погода в М'джинне.

– Я пересказала тебе то, что поведал мне Демандред, а с ним говорил сам Великий повелитель. Пересказала все, Саммаэль, до последнего слова. И не думаю, чтобы он осмелился солгать, передавая волю Великого повелителя.

– Но ты почти ничего не рассказала о том, что затевает сам Демандред, – тихо промолвил Саммаэль. – Он, Семираг и Месана. По существу, ничего.

– Я рассказала все, что знаю, Саммаэль, – повторила Грендаль и досадливо вздохнула.

Возможно, она говорила правду. Похоже, даже сожалела о своем незнании. Похоже, но... что-то, а пустить пыль в глаза она умела.

– Ну а насчет всех прочих... Вспомни, Саммаэль, мы и прежде умышляли друг против друга, боролись друг с другом чуть ли не столь же ожесточенно, как с Льюсом Тэрином, но все же добивались побед, пока он не подстерег всех нас в Шайол Гул.

Она содрогнулась, и лицо ее на миг исказила гримаса страдания. Саммаэль и сам не любил вспоминать тот день, а еще меньше все случившееся потом. Нескончаемый сон без снов, сон, за время которого мир неузнаваемо изменился и плоды всех его трудов исчезли.

– Теперь мы пробудились в ином мире, каждый из нас отличается от простых смертных, словно мы и они не относимся к одному и тому же человеческому роду, и что же? Мы гибнем, гибнем один за другим. Попробуй хоть на миг забыть о том, кто будет Ни'блисом. Подумай о другом. Ведь когда мы пробудились, ал'Тор – называй его ал'Тором, коли тебе так угодно, – был беспомощен, как младенец.

– Ишамаэль так бы не сказал, – возразил Саммаэль, хотя полагал, что Ишамаэль уже тогда обнаруживал признаки подступающего безумия. Грендаль, однако же, продолжала, будто и не слышала его слов:

– Мы ведем себя так, будто вернулись в мир, который некогда знали, тогда как это вовсе не так. От того мира почти ничего не осталось. Нас остается все меньше, а ал'Тор с каждым днем становится сильнее. Земли и люди собираются вокруг него, а мы умираем. Мы, которым даровано бессмертие. Я не хочу умирать.

– Если он так пугает тебя, убей его, – сказал Саммаэль и тут же пожалел о неосторожной обмолвке. Он был бы рад проглотить эти слова.

По лицу Грендаль промелькнула недоверчивая усмешка.

– Я служу Великому повелителю и повинуюсь ему, Саммаэль.

– Как и я. Как и все остальные.

– Как мило, что ты соблаговолил преклонить колени перед нашим Господином. – Голос ее был холоден, как и ее улыбка, и лицо у него потемнело. – Ну так вот, единственное, что я хочу сказать: Льюс Тэрин и сейчас столь же опасен, как в наше время. Напугана, говоришь? Да, я напугана. Я намерена жить вечно и не желаю разделить судьбу Равина!

– *Tsag!* – (Бранное слово заставило ее моргнуть и действительно посмотреть на Саммаэля.) – Ал'Тор, Грендаль! Не Льюс Тэрин, а ал'Тор. Невежественный мальчишка, чему бы там ни научил его Асмодиан! Деревенщина, грубый дикарь, наверняка до сих пор неспособный даже вообразить девять десятых того, что мы считаем само собой разумеющимся. Он заставил кланяться нескольких лордов и возомнил себя покровителем народов и завоевателем. Да у него воли не хватит, чтобы действительно покорить их и зажать в кулаке. За ним следуют только эти Айил... *Бажад дровиш!* Кто бы мог подумать, что они способны так измениться?! – Саммаэль умолк и попытался взять себя в руки. До сих пор он никогда так не ругался, ибо неумение владеть собой считал непростительной слабостью. – На самом деле они одни поддерживают его, да и то не все. Он висит на волоске, и волосок этот так или иначе непременно оборвется.

– Так ли? А что, если... – Она осеклась и торопливо, так что пунш расплескался, обрызгав запястье, поднесла к губам кубок. Одним глотком Грендаль осушила его до дна. Изящная служанка тут же поспешила к ней с кувшином. Подставив ей кубок, Грендаль на одном дыхании выпалила: – Скольким из нас суждено погибнуть, прежде чем все кончится? Мы должны сплотиться, как никогда прежде.

А ведь начала она совсем не с того. По спине Саммаэля вновь пробежал холодок, но он не обратил на это внимания. Ал'Тор не станет Ни'блисом. Ни за что! Итак, выходит, она хочет, чтобы они сплотились?

– Тогда объединяйся со мной. Соединись узами. Вдвоем мы сможем достойно противостоять ал'Тору. Давай положим начало новому союзу.

На лице Грендаль отразилось недоумение, и Саммаэль улыбнулся – дернулся пересекающий лицо шрам. И то сказать, разве могла она до такой степени на него положиться, ведь соединит их узами она, но контроль над ними будет принадлежать ему, и именно он будет решать, когда разорвать эту связь.

– Ладно. Похоже, мы будем действовать как прежде, – заключил Саммаэль. Дело и впрямь ясное – ни он, ни она доверчивостью не отличались. – Что еще ты хочешь мне сказать?

В конце концов он явился сюда именно за этим, а не выслушивать болтовню Грендаль об ал’Торе. С ал’Тором он разберется – или сам, или чужими руками.

Грендаль пристально посмотрела на него, в ее глазах блеснула ярость. Не приходилось сомневаться: она не забудет, что потеряла самообладание в его присутствии. Однако гнев никак не сказался на ее манере говорить, голос звучал спокойно и даже слегка небрежно.

– Немного. По существу, больше и рассказывать-то нечего. Семираг на последнюю встречу не явилась – не знаю почему и думаю, что Месане и Демандреду это тоже неизвестно. Месана, так та была раздосадована, хотя всячески старалась это скрыть. Она говорила, что Льюс Тэрин скоро окажется в наших руках, ну так ведь она всякий раз это твердит. Помнится, она была уверена, что Бе’лал убьет или пленит его в Тире, и весьма гордилась расставленной ловушкой. Ну а Демандред предупреждает, чтобы ты был осторожен.

– Стало быть, Демандред знает о нашей с тобой встрече? – Вечно из нее приходилось выдавливать сведения по капельке.

– Разумеется, знает. Я сообщаю тебе не так много, но и это кое-что значит. Пойми, Саммаэль, я пытаюсь объединить нас, пока не станет слишком...

– Передай Демандреду, – оборвал ее Саммаэль, – я знаю, что он замышляет. – Во всем происходящем на юге угадывалась рука Демандреда, действовавшего, как обычно, через своих приспешников. – Скажи, что это *ему* следует быть осторожным. Я не потерплю, чтобы он или его друзья попытались расстроить мои планы. – Возможно, удастся направить внимание ал’Тора туда. Тут, скорее всего, ему и конец придет, даже если другие средства не помогут. – Пусть его прислужники делают все, что ему угодно, но не смеют совать нос в мои дела. Если они не станут держаться от меня подальше, он ответит за это. – После того как открылся Проход в узилище Великого повелителя, последовала долгая борьба и прошло много лет, прежде чем было собрано достаточно сил, чтобы выступить открыто. На сей же раз, когда падет последняя печать, он, Саммаэль, уже объединит под своей властью народы и будет готов бросить их в бой во славу Великого повелителя. И пусть эти людишки не знают, кто их ведет и куда, какое это имеет значение? Он, Саммаэль, не подведет, как Бе’лал или Равин. Великий повелитель увидит, кто служит ему лучше всех. – Так и передай ему!

– Как хочешь. – Грендаль поморщилась, но уже в следующий миг снова беспечно улыбалась. До чего же все-таки она переменчива. – Ладно, я уже утомилась от всех этих угроз. Лучше послушай музыку и успокойся.

Саммаэль собрался было сказать, что не интересуется музыкой, хотя она и так это знала, но Грендаль уже повернулась к мраморным перилам:

– Вот они. Послушай.

Темнокожая пара с необычными арфами приблизилась к подножию помоста. Видимо, эти бубенчики что-то добавляют к их треньканию, предположил Саммаэль, но что именно – понять не мог. Музыканты заметили, что Грендаль наблюдает за ними, и на их лицах засияли почтительные улыбки.

Хотя Грендаль и предложила Саммаэлю помолчать и послушать, сама она продолжала щебетать без умолку:

– Они родом из чудных краев. Там у них женщины, способные направлять Силу, выходят замуж только за сыновей женщин, способных направлять Силу. Всех представителей этих родословных линий помечают при рождении, нанося на лицо татуировку. Татуированным

запрещено жениться или выходить замуж вне своего круга, а если кто из них и вступает в связь с обычным человеком, то родившееся от такого союза дитя немедленно умерщвляют. Впрочем, и всех татуированных мужчин убивают, как только им исполнится двадцать один год, а до этого времени держат взаперти и даже не учат читать.

«Итак, она снова вернулась к этой теме. Не иначе как считает меня простаком», – подумал Саммаэль и решил сам ее поддеть:

– А что, они связывают себя, точно преступники?

На лице Грендаль отразилось недоумение, хотя она тут же попыталась это скрыть. Ей было невдомек, о чем речь, и неудивительно. В их время мало кто совершал серьезные преступления, не говоря уже о том, чтобы преступить закон дважды. Так, во всяком случае, было, пока не появился Проход. Но признаться в своем неведении ей, разумеется, не хотелось. Утаивать невежество порой вовсе не вредно, но у Грендаль это стремление доходило до смешного. Зная об этом, он и преподал ей маленький урок в отместку за то, что ему пришлось выудить из нее бесполезные обрывки сведений.

– Нет, – промолвила она, будто поняла его вопрос. – Айяд, как они себя называют, живут в маленьких городках, закрытых для всех прочих. Считается, что они никогда не направляют Силу без дозволения или прямого приказа Ш'ботэй или Ш'боан. Фактически же им принадлежит настоящая власть, и именно по этой причине Ш'ботэй или Ш'боан правят всего семь лет. – Грендаль сочно расхохоталась. Она всегда считала, что за всякой видимой властью таится иная, незримая. – Да, интересный край. Жаль только, что лежит далеко, а стало быть, и пригодится не скоро. – Она небрежно пошевелила в воздухе унизанными перстнями пальцами. – После Дня возвращения будет время подумать, на что его употребить.

Она явно хотела заставить его думать, будто у нее есть какой-то интерес в тех краях, тогда как, будь это так, она и словом не обмолвилась бы о землях, лежащих за пустыней.

Саммаэль поставил нетронутый кубок на поднос, услужливо подставленный мгновенно уловившим его движение мускулистым малым. Слуги у Грендаль вышколены отменно.

– Не сомневаюсь, играют они прекрасно, – сказал Саммаэль. Может, для тех, кто разбирается в подобных вещах, так оно и было. – Но мне пора, я должен проследить за приготовлениями...

– Надеюсь, это тщательные приготовления? – промолвила Грендаль, коснувшись ладонью его руки. – Великий повелитель будет недоволен, если ты нарушишь его планы.

Саммаэль стиснул зубы:

– Я сделал все, что мог, разве что не сдался ему, лишь бы убедить ал'Тора, что не представляю для него угрозы. Но этот малый, похоже, помешан на мне.

– Ты можешь покинуть Иллиан и обосноваться где-нибудь в другом месте.

– Ну уж нет! – вскричал Саммаэль. Он никогда не бегал от Льюса Тэрина, а уж от этого захолустного шута и подавно не станет. Не может быть, чтобы Великий повелитель возжелал поставить это ничтожество над Избранными. Над ним, Саммаэлем! – Ты все рассказала о распоряжениях Великого повелителя?

– Я не люблю повторяться, Саммаэль. – На сей раз голос Грендаль звучал чуточку устало, но в глазах вспыхивали гневные огоньки. – Если ты не поверил мне в первый раз, то не поверишь и сейчас.

Саммаэль окинул ее долгим взглядом, потом резко кивнул. Скорее всего, она сказала правду: если дело касалось Великого повелителя, всякая ложь грозила обернуться бедой.

– Не вижу причин встречаться снова, пока ты не сможешь рассказать что-нибудь более интересное, чем явилась куда-то Семираг или нет. – Насупленный вид Саммаэля должен был убедить Грендаль, что ей удалось заморочить ему голову. Он скользнул взглядом по бассейнам, фонтанам, акробатам, музыкантам и прочей ерунде. Вся эта бессмысленная демонстрация плоти внушала ему лишь отвращение. – В следующий раз можешь навестить меня в Иллиане.

Она пожала плечами, будто это не имело значения, но губы ее слегка шевельнулись, и обостренный саидин слух уловил слова:

– Если ты еще там останешься.

Холодно усмехаясь, Саммаэль открыл проход обратно, в Иллиан. Мускулистый слуга не успел увернуться. Он и пикнуть не успел, как его рассекло надвое, сверху донизу, вместе с подносом и хрустальным кувшином. По сравнению с этой щелью в пространстве любая бритва показалась бы тупой. Грендаль капризно поджала губки, досадуя на потерю одного из своих любимцев.

– Если ты действительно хочешь помочь нам выжить, – сказал ей Саммаэль, – постарайся выяснить, как Демандред и прочие собираются выполнить волю Великого повелителя.

Не сводя глаз с ее лица, он ступил в открывшийся переход.

Досада не сходила с лица Грендаль, пока за Саммаэлем не закрылся проход, а после этого она даже раздраженно постучала ноготками по мраморным перилам. У Саммаэля чудесные золотые волосы, и он, пожалуй, мог бы занять место среди ее любимцев, если бы позволил Семираг удалить тот безобразный шрам от ожога, что портил его лицо. Когда-то такие вещи считались делом обычным, но теперь этим навыком обладала лишь Семираг. Мысль была праздная. По существу, значение имело лишь одно – оправдались ее усилия или нет.

Шаофан и Чиап продолжали играть. Их музыка, кружево сложнейших созвучий и диссонансов, была по-своему гармонична и очень красива, а лица музыкантов лучились от радости. Их радовала возможность доставить ей удовольствие. Грендаль кивнула, почти физически ощутив их восторг. Вне всякого сомнения, теперь они счастливы, гораздо счастливее, чем тогда, когда были предоставлены самим себе. Сколько усилий, и все ради нескольких минут, проведенных с Саммаэлем. Наверное, не стоило так утруждаться, для этого сгодились бы любые уроженцы тех мест, но Грендаль даже к такого рода уловкам привыкла подходить серьезно. К тому же она с давних времен взяла за правило не отказывать себе ни в одном из возможных удовольствий, если только это не угрожало ее положению у Великого повелителя.

Уронив взгляд на перепачкавшие ковер внутренности, она капризно сморщила нос. Конечно, очистить ковер можно несложным плетением, но ей претило самой убирать кровь. Короткий приказ – и Осана устремилась за слугами, чтобы те унесли ковер. А заодно и останки Рашана.

Саммаэль – глупец, и дурость его видна насквозь, подумала было Грендаль и тут же поправилась. Нет, не глупец. Он смертельно опасен, если осознает угрозу и видит, против кого сражается, но, когда дело доходит до уловок, может оказаться слепым. Скорее всего, он решил, что все это предназначено для маскировки, чтобы отвлечь его от ее истинных замыслов. Он и вообразить не мог, что ход его мыслей, путаных и извращенных, для нее отнюдь не загадка. Не зря ведь, в конце концов, она провела четыре столетия, изучая умы куда более изощренные. Все его ухищрения видны насквозь. Как бы он ни старался это скрыть, он был в ярости. Мудрил, мудрил, а в результате сам себя засадил в ловушку, которую теперь будет оборонять до последнего вздоха, но нипочем не бросит. Скорее всего, там и сложит голову.

Грендаль отпила вина и слегка наморщила лоб. Возможно, она добилась своей цели и от него больше не будет толку, хотя ей казалось, что потребуется еще встречи четыре, может, даже пять. Не худо бы найти повод, чтобы наведаться к нему в Иллиан, – даже после того, как желаемое направление избрано, пациента лучше держать под приглядом.

Понять, кто же ал'Тор на самом деле – простой деревенский парнишка или действительно вернувшийся к жизни Льюс Тэрин, – она не могла, но одно знала твердо: он слишком опасен. Грендаль служила Великому повелителю Тьмы, но умирать не собиралась – даже за Великого повелителя. Она намерена жить вечно! Разумеется, тот, кто не хочет умирать в мучениях целую вечность и целую вечность молить о смягчении своих страданий, даже в мелочах не

станет перечить воле Великого повелителя. И все же от ал'Тора необходимо избавиться, но так, чтобы вся вина легла на Саммаэля. Догадайся он, что его специально нацеливают на Ранда ал'Тора, словно охотничьего *дорната*, она бы немало удивилась. Нет, он не из тех, кто распознает уловки.

Правда, и дураком его не назовешь. Любопытно было бы выяснить, как он разузнал насчет связывания. Она бы и сама ни за что об этом не прознала, когда бы не редкостная оплошность Месаны, допущенная из-за того, что та рассердилась на Семираг. Ярость ее была настолько сильна, что она, сама того не заметив, многое выболтала. Хотелось бы знать, сколько времени провела Месана в Белой Башне. Суть дела в том, что она нашла интересные подходы. Вот бы еще выяснить, где скрываются Демандред и Семираг, тогда, глядишь, удалось бы узнать, что они затевают. Но ей они эту тайну не доверили, куда там. Эти трое сотрудничали со времен Войны Силы, а то и раньше, – во всяком случае, так это выглядело. Грендаль не сомневалась, что они интригуют друг против друга так же неумолимо, как и другие Избранные, но обнаружить между ними щель, куда можно было бы вбить клин, ей пока не удавалось.

Послышались шаги. Грендаль ожидала увидеть слуг, пришедших за ковром и телом Рашана, но вместо них появился Эбрам. Ладно скроенный молодой доманиец в облегающих красных штанах и ниспадающей свободными складками белой рубаше был бы достоин занять место в ее коллекции любимцев, не будь он сыном простого купца. Устремив на Грендаль сияющий взгляд, смуглый юноша преклонил колени:

– Прибыл лорд Итуралде, Великая госпожа.

Грендаль поставила кубок на стол, украшенный игривой инкрустацией из драгоценной поделочной кости, – на первый взгляд могло показаться, что это фигурки танцовщиков.

– Ну что ж, он будет говорить с леди Базен.

Эбрам плавно поднялся и предложил руку стоящей сейчас перед ним болезненно хрупкой и худой доманийке. Он знал, кто скрывается за плетением Иллюзии, но даже при этом почтительного восторга на его лице малость поубавилось. Эбрам боготворил Грендаль, а не Базен. Но в данный момент это не имело для нее значения. Так или иначе, Саммаэль нацелился на ал'Тора и, надо полагать, уже начал действовать. Что же касается Демандреда, Семираг и Месаны... Никто не знал, что Грендаль совершила собственное паломничество в Шайол Гул и спускалась к озеру огня. Никому не было ведомо, что Великий повелитель обещал... можно сказать, что почти наверняка обещал сделать ее Ни'блисом, надо лишь устранить с дороги ал'Тора. Она будет самой преданной служанкой Великого повелителя. Она будет сеять хаос, и, когда появятся всходы, легкие Демандреда взорвутся.

Окованная железом дверь закрылась за спиной Семираг. Одна из световых колб, каким-то, лишь Великому повелителю ведомым чудом сохранившихся с незапамятных времен, тускло мерцала, но она все равно давала куда больше света, чем свечи и масляные фонари, которыми ей приходилось пользоваться ныне. Но если не считать освещения, место это имело отталкивающий вид – ни дать ни взять тюрьма. Шершавые каменные стены, голый пол, а из мебели только грубо сколоченный деревянный столик в углу. Все не в ее вкусе: она любила сияющий безупречной белизной *куэран*, гладкий и стерильно чистый. Однако выбирать не приходилось, помещение подготовили без ее ведома, когда она еще знать не знала, что оно потребуется.

Светловолосая женщина в шелковом одеянии, с вытянутыми в стороны руками висевшая в воздухе посреди каменного склепа, устремила на вошедшую вызывающий взгляд. Айз Седай. Семираг ненавидела Айз Седай.

– Кто ты? – спросила пленница. Вернее, пациентка – Семираг предпочитала называть их так. – Приспешница Темного? Черная сестра?

Не обращая внимания на никчемный лепет, Семираг быстро проверила надежность заслона между пациенткой и саидар. Женщина не была сильна, и, ослабни барьер, Семираг

восстановила бы его без особых хлопот. Скорее всего, за ним и наблюдать-то не стоило, но привычка все проверять и перепроверять стала второй натурой Семираг. Как и привычка делать все не торопясь и последовательно, одно за другим. Теперь пришло время заняться одеждой этой женщины. Одетый человек порой чувствует себя увереннее, чем обнаженный. Аккуратно свив потоки Огня и Ветра, она срезала с пациентки платье, сорочку – все, вплоть до обуви. Одежда свернулась в воздухе в тугой ком, Семираг снова направила поток – на сей раз Огня и Земли, – и на пол посыпалась мельчайшая пыль.

Висевшая в воздухе женщина вытаращила глаза. Семираг сомневалась, что та сумела бы повторить этот простейший трюк, даже будь у нее возможность коснуться Источника.

– Кто ты? – снова спросила женщина, но уже не столь вызывающе. В голосе пациентки появился намек на нечто иное, возможно страх. Это всегда на пользу делу. Чем раньше появляется страх, тем лучше.

Семираг точно определила в мозгу пациентки центры, принимающие болевые сигналы, и со всей тщательностью приступила к их стимуляции с помощью Огня и Духа. Сначала она посылала совсем слабые сигналы, медленно их усиливая. Торопиться в таком деле нельзя; слишком сильная боль может убить за считанные секунды, но, наращивая ее постепенно, удастся добиться потрясающих результатов. Правда, работать с тем, чего не видишь воочию, нелегко даже на близком расстоянии, но Семираг знала устройство человеческого тела, как никто другой.

Распростертая в воздухе пациентка затрясла головой, будто пытаясь отогнать боль, поняла тщетность этих попыток и впилась взглядом в Семираг. Та просто наблюдала, сохраняя свитую ею сеть. Даже в таком не терпящем отлагательства деле она могла позволить себе проявить немного терпения.

Как же она ненавидела всех их, называющих себя Айз Седай! Некогда она сама была Айз Седай, настоящей Айз Седай, не чета невежественной простушке, подвешенной сейчас перед нею. Ее знали и чтили во всех уголках мира, ибо в искусстве Целительства ей не было равных. Она возвращала людей из-за роковой черты, ставила их на ноги, когда все остальные утверждали, будто надежды на спасение нет. И что же? Делегация Зала слуг поставила ее перед выбором, который на самом деле не был выбором. Ей предложили стать связанной, никогда более не знать своих удовольствий и наблюдать за приближением конца жизни, либо согласиться с тем, что ее отсекут от Источника – как говорят теперь, усмирят – и она перестанет быть Айз Седай. Конечно же, они рассчитывали, что она предпочтет связать себя. Это было единственно верным и разумным решением, а все они были в высшей степени рассудительными мужчинами и женщинами, всегда поступавшими так, как следовало. Никому из них и в голову не могло прийти, что она просто-напросто сбежит. Так и получилось, что она явилась в Шайол Гул одной из первых.

На бледном лице пациентки выступили крупные капли пота. Она кусала губы, ноздри ее трепетали, втягивая воздух. Время от времени у нее вырывался слабый стон. Терпение. Уже скоро.

Зависть – вот из-за чего они на нее ополчились. Зависть ничтожеств, неспособных делать то, что легко удавалось ей. Разве те, кого она вырвала из объятий смерти, предпочли бы эту самую смерть той боли, которую им довелось испытать? Пусть даже боль действительно была несколько сильнее, чем требовалось для Исцеления. А прочие – о них и говорить-то не стоит. Всегда находились люди, которые заслуживали страданий. Что дурного в том, чтобы воздать им по заслугам? И что за беда, если ей это нравилось? А эти ханжи из Зала слуг только и знали, что лицемерно хныкать насчет законности и чьих-то там прав. Как будто она не заслужила права делать то, что делала, не заработала его. Она представляла для мира несравненно большую ценность, чем все те, кто услаждал ее своими воплями, вместе взятые. А Зал слуг в своей злобе и зависти попытался сбить с нее спесь. С нее!

Что ж, кое-кому она это припомнила – в ходе войны некоторые из них попали к ней в руки. Имея время, она могла сломить самого сильного мужчину, самую горделивую женщину, переделать их, вылепить по своему усмотрению, как из глины. Возможно, этот способ не так скор, как Принуждение, зато он доставляет несравненно больше удовольствия. И, кроме того, едва ли Грендаль смогла бы переиначить на свой лад тех, с кем поработала она, Семираг. Сети Принуждения можно распутать, а вот ее пациенты... Они на коленях умоляли предать их души Тени и покорно служили до последнего вздоха. Всякий раз, когда очередной советник Зала публично объявлял о своей верности Великому повелителю, Демандред пыжился от гордости, полагая, что сделан еще один удачный ход. Для нее не было большей радости, чем видеть, как даже годы спустя их лица бледнели и они раболепно спешили заверить ее, что остались такими же преданными, какими она их сделала.

Висящая в воздухе женщина всхлипнула, всхлипнула в первый раз, но тут же усилием воли подавила рыдания. Семираг бесстрастно ждала. Возможно, обстоятельства и требуют быстрых действий, но чрезмерная поспешность могла все испортить. Рыдания послышались снова, пациентке уже не удавалось их сдерживать. Они становились все громче, громче и наконец перешли в истошный вой. Обнаженное тело, конвульсивно содрогавшееся в невидимых путах, покрылось потом, голова моталась из стороны в сторону, волосы развевались. Душераздирающие вопли продолжались, пока пациентка не выдохлась, но возобновились, как только она вновь набрала в легкие воздух. Голубые глаза выпучились и остекленели: похоже, она ничего не видела. Вот теперь можно и поговорить.

Семираг резко оборвала потоки саидар, но прошло несколько минут, прежде чем крики стихли и сменились тяжелым дыханием.

– Как тебя зовут? – мягко спросила она.

Сам вопрос не имел значения, важно было то, что пациентка ответит. Он мог прозвучать по-другому. Частенько Семираг спрашивала: «Ты по-прежнему противишься мне?» – и со смехом выслушивала заверения в том, что это не так. Но сейчас не было времени задавать вопросы только для развлечения.

По телу висящей женщины пробежала непроизвольная дрожь. Опасливо глядя на Семираг, она облизала губы, прокашлялась и наконец хрипло пробормотала:

– Кабриана Мекандес.

Семираг улыбнулась:

– Приятно говорить мне правду, не так ли? – Наряду с центрами боли в человеческом мозгу имеются и центры удовольствия, и сейчас Семираг, приблизившись к пациентке, на несколько мгновений возбудила один из них.

Глаза Кабрианы едва не выкатились из орбит, она ахнула и задрожала.

Вынув из рукава носовой платок, Семираг мягко приподняла голову женщины и утерла пот с ее недоумевающего лица.

– Я знаю, Кабриана, тебе приходится очень несладко. Постарайся не усложнять свое положение. – Легким касанием она убрала с лица пациентки упавшие на него влажные волосы. – Хочешь попить? – Не дожидаясь ответа, Семираг направила Силу, и маленькая металлическая фляга взлетела со столика в углу и оказалась в ее руке. Айз Седай не отрываясь смотрела на Семираг, но жадно припала к горлышку. После нескольких глотков Семираг отняла флягу от ее губ и вернула на стол. – Вот так-то лучше, не правда ли? Помни, что я сказала: не стоит усложнять свое положение.

Семираг отвернулась, и тут неожиданно послышался хриплый голос Кабрианы:

– Я плюю в молоко твоей матери! Проклятая приспешница Темного! Слышишь меня? Я...

Семираг прекратила слушать. В любое другое время она была бы рада узнать, что сопротивление пациентки еще не сломлено, значит, с ней можно работать и работать. Какое блажен-

ство медленно, шаг за шагом, лишая человека достоинства и собственной воли, видя, как он, чувствуя, что и то и другое покидают его, судорожно цепляется за последние жалкие остатки. Но сейчас времени на это не было. Семираг старательно вновь свила сеть, с тем чтобы болевые центры Кабрианы испытывали постоянное воздействие, завязала потоки. Вообще-то, она предпочитала лично контролировать процесс, но сейчас требуется поспешить. Семираг привела сплетенную сеть в действие и, направив напоследок Силу, чтобы потушить свет, вышла, закрыв за собою дверь. Темнота тоже сыграет свою роль. Эта упрямка останется в крошечной тьме, наедине с непрекращающейся нестерпимой болью.

Не сдержавшись, Семираг раздраженно фыркнула. Всему, что она делала сейчас, не доставало утонченности. Она не любила спешить, и ей не нравилось, что ее отрывали от дела. Девушка-то попалась своевольная, а обстоятельства довольно сложны.

Коридор имел почти столь же гнетущий вид, как и комната, – широкий мрачный тоннель, вырубленный в камне, с терявшимися во мраке поперечными ходами, заглядывать в которые у нее не было желания. Отсюда были видны только две двери, причем одна из них вела в ее нынешние покои. Достаточно уютные комнаты, коли уж ей пришлось на время обосноваться здесь, но сейчас она к своим покоям и шагу не сделала. Перед этой дверью стоял Шайдар Харан, облаченный в черное и словно окутанный тенью. Стоял он совершенно неподвижно, и Семираг испытала едва ли не шок, когда тот заговорил, и голос его звучал так, будто мололи в пыль сухие кости.

– Что ты узнала?

За призывом явиться в Шайол Гул следовало предупреждение Великого повелителя: *ПОВИНУЯСЬ ШАЙДАРУ ХАРАНУ, ТЫ ПОВИНУЕШЬСЯ МНЕ. НЕ ПОВИНУЯСЬ ШАЙДАРУ ХАРАНУ...* Как бы ни раздражало Семираг это предупреждение, повторять его не требовалось.

– Имя. Ее зовут Кабриана Мекандес. За столь малое время вряд ли я могла узнать больше.

Он проплыл через коридор – черный плащ свисал неподвижно, словно у статуи. Только что мурддраал находился в десяти шагах – и вдруг в следующий миг уже оказался рядом. Он возвышался над нею – она должна была или отступить, или задрать голову, чтобы видеть его безглазое, бледное как смерть лицо. Только не отступать – отступать нельзя.

– Ты иссушишь ее до конца, Семираг. Выжмешь из нее все, до последней капли, и перекажешь мне то, что узнаешь.

– Я обещала это Великому повелителю, – холодно отозвалась она.

Бескровные губы искривились в улыбке – это был единственный ответ. Круто развернувшись, он шагнул в тень и тут же бесследно исчез.

Интересно, подумала Семираг, как же все-таки это у них получается? Мурддраалы не умеют направлять Силу, но обладают необычной способностью: оказавшись на грани тени, там, где свет переходит в темноту, мурддраал мог мгновенно исчезнуть и появиться из другой тени, перенесшись в иное место, причем довольно далеко. Давным-давно Агинор провел опыты более чем с сотней мурддраалов, уничтожил их всех, но тщетно – он так ничего и не выяснил. Семираг только и удалось доказать, что мурддраалы сами не знают, каким образом они это проделывают.

Неожиданно она поймала себя на том, что по-прежнему прижимает руки к животу, – в желудке словно застрял ледяной ком. А ведь прошло много лет с тех пор, как она в последний раз испытывала страх где бы то ни было, кроме Бездны Рока, когда с трепетом предстала перед Великим повелителем. Холодный ком таял по мере того, как она шагала к двери, ведущей в другую темницу. Впоследствии надо будет, отрешившись от всех эмоций, проанализировать испытанное ею ощущение. Конечно, Шайдар Харан отличается от всех виденных ею мурддраалов, но он все же не более чем мурддраал.

Второй ее пациент, как и Кабриана, точно так же висел в воздухе. То был крепкий мужчина с квадратной челюстью, одетый в зеленый кафтан и такого же цвета штаны – подходящий наряд, чтобы прятаться в лесу. Половина световых колб в этом помещении едва мерцала, – казалось, они могут потухнуть в любой момент. Впрочем, то, что они еще горели, само по себе было чудом. К тому же особой надобности в ярком освещении не было, ибо для ее целей Страж Кабрианы никакого значения не имел. То, что требовалось, для какой бы цели это ни предназначалось, находилось в голове Айз Седай, и мурддраалам было приказано ловить именно Айз Седай, но, по всей видимости, Айз Седай и Стражи казались им неразделимыми. Впрочем, в известном смысле так оно и было. До сих пор ей еще не представлялось возможности сломить одного из этих воителей, о которых ходило столько толков.

Взгляд его темных глаз словно буравил ее голову, пока Семираг снимала и уничтожала его одежду и сапоги, точно так же как она поступила с нарядом Кабрианы. Его могучее волосатое тело, бугрящееся твердыми мышцами, было покрыто шрамами. Он ни разу не вздрогнул. И не проронил ни звука. В отличие от Айз Седай, он не пытался бросить ей вызов, но спокойно и просто давал понять, что не сдастся. Расколоть этого малого, наверное, потруднее, чем его хозяйку. При обычных обстоятельствах работать с ним было бы куда интереснее.

Семираг помедлила, присматриваясь к этому человеку. Было в его облике что-то... Напряженный рот и такие глаза, словно он уже боролся с болью. Ну конечно, осенило Семираг. Так оно и было. Сработала эта странная связь между Айз Седай и Стражем. Как все-таки странно, что эти невежественные самоучки сумели создать нечто, до сих пор не понятое никем из Избранных. Из того немногого, что Семираг знала об этой связи, следовало, что Страж, по всей видимости, испытывал те же ощущения, что и ее первая пациентка. Или приблизительно те же. В другое время это открывало бы интересные возможности для исследований, сейчас же означало лишь одно: он уже знал, с чем ему предстоит столкнуться.

– Твоя хозяйка не слишком хорошо о тебе заботилась, – заметила Семираг. – Не будь она всего-навсего дикаркой, тебе не было бы нужды ходить со всеми этими шрамами.

Выражение его лица едва уловимо изменилось, словно он презрительно бросил: «Ну-ну».

На сей раз она сплела сеть вокруг центров удовольствия и начала воздействовать на них, мало-помалу наращивая интенсивность. Мужчина был умен. Он нахмурился, покачал головой и вперил в нее взгляд темных, холодных как лед глаз. Он понимал, что не должен испытывать все возрастающее наслаждение, и, хотя не видел свитую Семираг сеть, сообразил: все, что он чувствует, ее рук дело. А сообразив, решил бороться. Семираг едва сдержала улыбку. Несомненно, этот человек думал, будто противостоять удовольствию легче, чем боли. Между тем ей случалось ломать людей, возбуждая только центры удовольствия, хотя сама она от этого радости получала мало. Да и результат оказывался плачевным: как правило, пациенты готовы были на все, лишь бы вновь испытать ни с чем не сравнимое наслаждение, но ни о чем другом не могли и думать, и разум их распадался буквально на глазах. Отчасти именно по этой причине Семираг не испробовала этого метода на первой пациентке: от той требовались связные, вразумительные ответы. Ну а этот малый скоро усвоит разницу.

Разница. Семираг задумалась, поднесла палец к губам. Хотелось бы знать, чем именно, кроме роста, Шайдар Харан отличается от прочих мурддраалов. Она не любила сталкиваться со странными фактами, особенно когда все складывается вроде бы в ее пользу, а мурддраал, поставленный, пусть даже временно, над Избранными, – это уже более чем странно. Ал'Тор ослеплен, все его внимание сосредоточено на Саммаэле, а Саммаэлю Грендаль позволяет знать ровно столько, чтобы он не испортил все своей непомерной гордыней. При этом, само собой, Грендаль и Саммаэль что-то замышляют, вместе или порознь. Саммаэль подобен *софару* с деформированными рулями, потерявшему управление, да и поступки Грендаля предугадать не легче. Они так и не усвоили, что единственный источник власти – Великий повелитель, и

он вручает ее кому заблагорассудится, руководствуясь своими резонами. Или... – она никогда не обмолвилась бы вслух – просто-напросто своей прихотью.

Немало беспокойства внушали ей и те Избранные, что исчезли неведомо куда. Демандред утверждал, что они погибли, Семираг и Месана не разделяли его уверенности. Куда все-таки они подевались, и в первую очередь Ланфир? Семираг верила, что, если в мире существует хоть какая-то справедливость, судьба рано или поздно отдаст Ланфир в ее руки. Эта женщина всегда появлялась там, где ее вовсе не ждали, вела себя так, будто имела неоспоримое право совать нос в чужие дела, а когда ее вмешательство приводило к беде, ухитрялась вовремя скрыться. Могидин тоже хороша. Она вечно пряталась за чужими спинами, но до сих пор не исчезала на такой долгий срок, ибо считала необходимым время от времени напоминать, что тоже принадлежит к Избранным. Что же до Асмодиана, то этот изменник обречен, но, так или иначе, он тоже исчез. Присутствие здесь Шайдара Харана, как и полученные приказы, напоминало о том, что Великий повелитель использует собственные методы для достижения собственных, лишь ему одному ведомых целей.

Все Избранные – не более чем фигуры на игровой доске. Они могут быть на ней и «советниками», и «шпилями», но остаются при этом всего-навсего фигурами. И если Великий повелитель тайно переместил сюда ее, то мог точно так же передвинуть куда-нибудь и Ланфир, и Могидин, и даже Асмодиана – почему бы и нет? Не исключено, что тот же Шайдар Харан передает секретные распоряжения Грендаль или Саммаэлю. Или Демандреду, или Месане. Их непрочный союз, если здесь можно применить это слово, означающее нечто крепкое, существовал уже долго, однако она не знала, получали ли они тайные приказы Великого повелителя, так же как они не подозревали о полученных ею – тех, во исполнение которых она оказалась здесь или, например, послала в Твердыню Тира мурддраалов и троллоков, дабы те сражались с мурддраалами и троллоками Саммаэля.

Если Великий повелитель вознамерился сделать ал'Тора Ни'блисом, она первая склонится перед этим человеком и будет терпеливо ждать, когда он допустит оплошность и попадет в ее руки. Бессмертие – это возможность бесконечного ожидания, а чтобы позабавить ее в это время, найдутся другие пациенты. Кто беспокоил ее более всего, так это Шайдар Харан. Она не была завзятым игроком в *тчиран*, но Шайдар Харан представлялся ей новой фигурой, неизвестной силы и назначения. И она знала, что наилучший способ захватить «высшего советника» противника и присоединить его к своим фигурам – это пожертвовать своими «шпилями» в ложной атаке. Да, она встанет на колени и будет стоять так, сколько понадобится, но не допустит, чтобы ею пожертвовали.

Странный импульс, пробежавший по сети, отвлек ее от размышлений. Семираг бросила взгляд на пациента и раздраженно цокнула языком. Голова его свесилась набок, подбородок потемнел от крови – малый явно закусил язык, – глаза остекленели и уже подернулись пленкой. Надо же, чуть-чуть отвлеклась – и воздействие оказалось слишком сильным. С досадой, никак, впрочем, не отразившейся на ее лице, Семираг прекратила направлять Силу. Не было смысла стимулировать мозг мертвеца.

Неожиданно ее осенило: если Стражу могли передаваться ощущения Айз Седай, не было ли между ними обратной связи? Поначалу, увидев шрамы на теле мужчины, она сочла это невозможным: нужно быть последней душой, чтобы сохранить подобную связь, если из-за нее приходится испытывать *такое*. Оставив труп Стража, Семираг поспешила выйти в коридор.

Подойдя к железной двери и еще не успев ее открыть, она услышала доносящиеся из-за нее вопли и облегченно вздохнула. Было от чего: если бы эта Айз Седай погибла прежде, чем выложила все, что знает, ей, Семираг, пришлось бы задержаться здесь по меньшей мере до тех пор, пока не захватят другую. По меньшей мере.

Среди истошных воплей с трудом можно было различить слова – отчаянный крик самой души пациентки:

– Пожа-алу-уйста-а! О Свет! Пожалуйста-а!!!
Семираг слегка улыбнулась. На худой конец, ей удалось чуть-чуть позабавиться.

Глава 7

Повод для размышлений

Сидя на матрасе, Илэйн кончила расчесывать волосы – она провела по ним щеткой добрую сотню раз, – убрала щетку в кожаный дорожный футляр, футляр спрятала под узкую кровать. Голова раскалывалась – весь день девушка направляла Силу, ибо провела его в попытках создать очередной тер’ангриал. Она занималась этим *слишком* часто. Найнив, сидевшая на расшатанном колченогом табурете, тоже уже расчесала свои длинные, до пояса, волосы и почти закончила заплетать их на ночь в не слишком тугую косу. Лицо ее блестело от пота.

Единственное окошко было распахнуто настежь, но прохладнее в маленькой комнатушке от этого вовсе не становилось. На усыпанном звездами небе висела полная луна. Огрызок свечи давал слабый, дрожащий свет. Свечей и лампового масла в Салидаре остро не доставало, и выдавали их крайне скупое – исключение делалось лишь для тех, кому приходилось работать по ночам с пером и чернилами. Каморка и впрямь была теснее некуда – пространства между двумя узкими койками оставалось очень мало. Едва удалось разместить там маленький столик. Большая часть пожитков обеих девушек была сложена в два потертых, окованных медью сундучка. Платья, какие подобало носить принятым, и плащи, в которых сейчас не было ни малейшей нужды, висели на вбитых в стену крючках. Желтая, потрескавшаяся штукатурка местами осыпалась со стен, обнажая дранку. В углу стоял маленький умывальник с белым кувшином и тазиком, на полу лежала целая куча лучины. Даже принятым, которых едва ли не каждый день по головке гладили, поблажки не давали.

Из желтой вазочки с отбитым горлышком торчал пучок голубых и белых полевых цветов: обманутые погодой, они распустились не вовремя и не слишком пышно. По обе стороны от вазочки стояли две глиняные чашки. Единственным, помимо букета, ярким пятном являлся сидящий в плетеной клетке певчий воробей в зеленую полоску. У птички было сломано крыло, и Илэйн выхаживала бедняжку. Она как-то испробовала свое пока еще более чем скромное умение Исцелять на другой птице, но увы... Певчие пташки слишком малы и не выдерживают потрясения, поэтому воробья приходилось лечить обычными методами.

«Терпи, терпи, нечего хныкать», – твердо сказала она себе. Айз Седай жили немного лучше, послушницы и слуги чуточку похуже, а солдатам Гарета Брина частенько и вовсе приходилось спать на голой земле. «Не хватает везения – вырывает терпение» – так частенько говаривала нянюшка Лини. Что поделаешь, если в Салидаре удобств маловато, а о роскоши и мечтать не приходится. И тем более о прохладе.

Оттянув ворот сорочки, Илэйн подула себе на грудь.

– Мы должны попасть туда раньше их, Найнив, – сказала она. – Ты ведь знаешь, что бывает, если им приходится ждать.

Горячий неподвижный воздух, казалось, заставлял тело плавиться, вытапливая пот из всех пор. Нужно что-то делать с погодой – должен же существовать какой-то способ. Правда, будь он известен, Ищущие Ветер Морского народа, наверное, уже воспользовались бы им, но она так или иначе намеревалась заняться этим. Если только Айз Седай позволят ей хоть ненадолго отвлечься от тер'ангриалов. Предполагалось, что, будучи принятой, она могла заниматься чем угодно, но на деле... «Хорошо еще, что они не вообразили, будто я даже за едой могу показывать, как создаются тер'ангриалы, а то не оставили бы мне и минуточки для себя». И то ладно, что хоть завтра настанет перерыв.

Сидя на своей кровати, Найнив нахмурилась и повертела браслет ай'дам, обхватывавший ее запястье. Она настаивала на том, чтобы одна из них не снимала его даже на ночь, хотя браслет определенно навевал странные и неприятные сны. Нужды в этом, по существу, не было. Ай'дам мог удерживать Могидин точно так же, когда бы он висел на стенном крючке. К тому же за Могидин присматривала Бергитте, а лучшей охранницы не сыщешь. Недаром при виде ее Могидин чуть не плакала. У Бергитте имелись веские основания желать смерти этой женщине, что для Могидин отнюдь не являлось тайной. Сегодня вечером браслет будет нужен даже меньше, чем обычно.

– Найнив, они будут *ждать*.

Найнив громко фыркнула – она терпеть не могла находиться в чем-либо распоряжении, – но взяла с прикроватного столика одно из приплюснутых каменных колец. Их было два – одно в синюю и коричневую крапинку и полоску, другое в синюю и красную, оба великоваты для пальца, и оба перекручены так, что у них имелась лишь одна сторона. Развязав свисавший с шеи кожаный шнурок, Найнив продела его сквозь сине-коричневое кольцо, и оно повисло рядом с золотым перстнем. Печаткой Лана. Нежно коснувшись пальцем гладкого золотого ободка, она спрятала оба кольца под вырез сорочки.

Илэйн взяла сине-красное кольцо и задумчиво на него посмотрела.

Эти кольца представляли собой тер'ангриалы, скопированные ею с подлинника, находившегося сейчас у Суан. Несмотря на незамысловатый вид, они были чрезвычайно сложны. С их помощью – если заснуть, когда один из них соприкасается с кожей, – можно было перенестись в *Тел'аран'риод*, Мир снов, являвшийся своеобразным отражением реального мира. Возможно, одним из отражений – некоторые Айз Седай утверждали, что существует множество миров, соответствующее множеству вариантов Узора, а все они в совокупности составляют еще больший Узор. Так или иначе, Тел'аран'риод, отражавший их мир, обладал некоторыми весьма полезными свойствами. Особенно полезными в силу того, что, насколько девушки знали, никто в Башне проникать туда не умел.

Ни одно из этих колец не могло сравниться с подлинником, но худо-бедно они действовали. С этими тер'ангриалами Илэйн повезло больше, чем с любыми другими: из четырех попыток изготовить копии только одна закончилась неудачей. По сравнению с тем, что она делала вначале, результаты совсем *неплохие*. Следовало помнить, что каждая ее оплошность могла повлечь за собой нечто худшее, чем простая неудача или изготовление предмета, который плохо работает или не работает вовсе. Некоторые Айз Седай, изучавшие тер'ангриалы, оказывались усмирёнными. Точнее, женщина, лишившаяся способности касаться Источника

не в наказание, а в результате несчастного случая, называлась не усмирённой, а выжжённой, но это не меняло дела, ибо способность направлять Силу утрачивалась навсегда. Правда, Найнив так не считала, но ведь то Найнив. Она бы попыталась Исцелить и покойника, умершего три дня назад.

Илэйн повертела в пальцах кольцо. *Что* достигалось с его помощью, понять было достаточно просто, но вот «как» – она до сих пор не уразумела. «Как» и «почему» – вот что было ключом к разгадке. Ей удалось выяснить, что сочетание цветов имело не меньшее значение, чем форма. Любые изделия, кроме сплюснутых и перекрученных колец, не давали никаких результатов, а одноцветное синее кольцо вызывало ужасные ночные кошмары, но воспроизвести в точности сине-красно-коричневую расцветку подлинника ей так и не удалось. Правда, повторить тонкую структуру оригинала – расположение мельчайших частиц, не приметных глазу без помощи саидар, – она сумела. И почему так важны *цвета*? Похоже, существовала некая общая структурная особенность, своего рода невидимая нить, отличавшая тер'ангриалы, действовавшие, когда направляют Силу, от тех, которые срабатывали сами по себе. Это открытие послужило зацепкой, подтолкнувшей ее к попытке изготовить тот, первый тер'ангриал. Но слишком много она не понимала и могла лишь строить догадки.

– Ты, случаем, не собралась так всю ночь просидеть? – сухо поинтересовалась Найнив, и Илэйн встрепенулась. Поставив одну из глиняных чашек на столик, Найнив скрестила руки на груди. – Не ты ли *сама* без конца твердила, что негоже заставлять их ждать. Я, во всяком случае, не собираюсь позволять этим клушам щипать себя за хвост.

Илэйн торопливо нанизала крапчатое колечко – оно только выглядело каменным – на шнурок, который повязала вокруг шеи. Во второй чашке тоже находилась приготовленная Найнив травяная настойка, слегка сдобренная медом, чтобы смягчить горьковатый привкус. Илэйн выпила около половины. По прошлому опыту она знала – этого достаточно, чтобы заснуть даже с головной болью. А заснуть надо поскорее, сегодня ночью никак нельзя тратить время впустую.

Растянувшись на узкой койке, она направила струйку Силы, чтобы загасить свечу, и обмахнулась сорочкой, желая если не ощутить прохладу, то хотя бы всколыхнуть неподвижный воздух.

– Хоть бы Эгвейн поскорее поправились. Мне надоело догадываться обо всем по тем крупичкам, которые Шириам и прочие находят нужным нам сообщать. Я хочу точно знать, что происходит!

Как только у нее вырвались эти слова, Илэйн сообразила, что затронула опасную тему. Эгвейн была ранена в Кайриэне полтора месяца назад, в тот день, когда погибли Морейн и Ланфир. В тот самый день пропал Лан.

– Хранительницы Мудрости говорят, что ей *лучше*, – слышалось в темноте сонное бормотание Найнив. В этот раз голос ее не звучал так, словно она готова тут же пуститься на поиски Лана. – Да и Шириам и вся ее компания утверждают то же самое. А им незачем лгать, даже если бы они и могли.

– Хотелось бы мне завтрашней ночью заглянуть через плечо Шириам.

– Ага... – Найнив подавила зевоту. – А заодно чтобы Совет избрал тебя Амерлин, пока ты для этого годишься. Хотеть, конечно, не вредно, да только боюсь, что к тому времени, когда они кого-нибудь выберут, мы с тобой уже посеем и будем староваты для такой работенки.

Илэйн открыла рот, желая что-то сказать в ответ, но вместо этого тоже зевнула. Найнив начала похрапывать – пока не слишком громко, но мерно. Илэйн закрыла глаза, но продолжала сосредоточенно размышлять.

Создавалось впечатление, что Совет просто-напросто тянул время. Члены его встречались раз в несколько дней, а то и недель, но и тогда заседания продолжались не больше часа. Держались они так, словно спешить было некуда, хотя представительницы от шести Айя –

Красных сестер в Салидаре, разумеется, не было – не рассказывали о том, что обсуждали на своих заседаниях, даже другим Айз Седай, а уж тем более принятым. А между тем основания торопиться у них были. Если их намерения оставались покуда тайной, то сам факт пребывания непокорных сестер в Салидаре таковой уже не являлся, и было бы глупо надеяться, что Элайда и Башня надолго оставят их без внимания. К тому же совсем близко, в Амадиции, находились белоплащники, а принявшие Дракона, или, как их еще называли, преданные Дракону, если верить слухам, были и вовсе в самой Алтаре. А что могут натворить принявшие Дракона, пока Ранд не взял их под свою руку, одному Свету ведомо. Деяния пророка: сгоревшие дома и фермы, люди, убитые лишь за то, что не слишком рьяно восхваляли Возрожденного Дракона, – были тому прекрасным, точнее сказать, ужасным примером.

Наинив храпела, словно кто-то вспарывал ткань, но звук этот доносился будто издалека. От очередного зевка Илэйн чуть не вывихнула челюсть. Девушка повернулась на бок, устранившись поудобней на плоской подушке. Да, надо спешить. Саммаэль в Иллиане, а до иллианской границы всего несколько сот миль – для Отрекшегося рукой подать. Один Свет знает, где таятся и что замышляют остальные Отрекшиеся. А Ранд? Следует подумать и о Ранде. Правда, он не опасен и никогда не будет опасен. Но ключ ко всему – *он*. Нынче мир и вправду вращается вокруг него. Она *привяжет* его к себе, обязательно как-нибудь свяжет узами... Мин. Мин и посольство уже преодолели половину пути до Кэймлина. Снега нет, так что задержек в пути не предвидится. Через месяц они прибудут туда. Не то чтобы Илэйн очень уж беспокоила Мин, ну едет она к Ранду... И о чем только эта девушка думает? И все-таки Мин...

Илэйн сморил сон. Она скользнула в Тел'аран'риод и...

...оказалась на главной улице обаятого тишиной ночного Салидара. Горбатая луна – между второй четвертью и полнолунием – висела над головой, но видела девушка гораздо отчетливее, чем мог позволить один только лунный свет. В Мире снов всегда казалось, будто свет струится отовсюду и ниоткуда, сама темнота и то светится. Нечто подобное бывает во сне, а ведь Тел'аран'риод – это сон, хотя и необычный, но сон.

Здесьняя деревня являлась отражением реального Салидара, почти точным, но более спокойным и неподвижным. Все окна были темны, и над селением тяжело нависал дух пустоты, будто в домах никто не жил. Разумеется, никто и не жил – здесь. Послышался пронзительный крик ночной птицы, затем другой, третий. В этом странном полусвете-полусумраке что-то слабо прошелестело, словно с легким плеском проскользило по воде, но в конюшнях и на огороженных выгонах и среди коновязей за околлицей было пусто. Дикие животные и птицы встречались здесь нередко, домашние же не попадались никогда. Некоторые детали успевали измениться в промежутке между первым и вторым взглядом. Крытые соломой дома оставались теми же, но бочка с водой могла оказаться в другом месте, а то и вовсе исчезнуть, закрытая дверь – предстать в следующий миг открытой. Чем недолговечнее был тот или иной предмет, чем чаще менялось его положение или состояние в реальном мире, тем изменчивее оказывалось и его отражение.

Порой в створе темной улицы появлялась и исчезала, пройдя несколько шагов, а то и пролетев по воздуху, человеческая фигура. В обычных снах люди могли касаться Тел'аран'риода, но лишь мимолетно. К счастью для них. Одним из свойств Мира снов являлось то, что все приключившееся здесь с человеком оказывалось вполне реальным, когда он просыпался. Если он умирал тут, то не просыпался вовсе. Это было странное отражение реального мира. Впрочем, жара оставалась неизменной и здесь.

Наинив, в белом с цветными полосами по подолу платье принятой, уже стояла там, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, рядом с Суан и Лиане. На запястье Найнив красовался серебряный браслет. Здесь он не срабатывал, хотя там, в реальном мире, по-прежнему удерживал Могидин, однако Найнив, оказавшаяся в Мире снов, ничего не могла почувствовать через него. Лиане была царственно стройна, хотя ее доманийское одеяние из тончайшего, почти про-

зрачного шелка казалось Илэйн слишком откровенным. К тому же оно все время меняло цвет – с теми, кто еще не освоился здесь, такое происходит часто. Суан справлялась со своим обликом лучше. На ней было простое платье из голубого шелка с довольно низким, таким, что виднелись и бусы, и нанизанное на одну нитку с бусинами перекрученное кольцо, вырезом. Правда, и на ее платье то появлялась, то исчезала кружевная отделка, а бусы превращались то в простую серебряную цепочку, то в великолепное кольцо из оправленных в золото рубинов, изумрудов и огневигов с серьгами ему под стать.

На шее Суан висел подлинный тер'ангриал, и выглядела она столь же вещественно, как и любое из зданий вокруг. Себе Илэйн казалась обычной, но она знала, что остальные видят ее словно сквозь пелену тумана – такой же, какими она видела Найнив и Лиане. Создавалось впечатление, будто сквозь них просачивается лунный свет. Это все потому, что они использовали копии тер'ангриалов. Илэйн могла коснуться Истинного Источника, но саидар ощущала слабо; вздумай она направлять здесь Силу, результат был бы соответствующим. Воспользуясь она кольцом Суан, все обстояло бы иначе, но что поделаешь. Если твои секреты становятся известны кому-то еще, приходится за это платить. Суан доверяла подлиннику больше, чем изготовленным Илэйн копиям, а потому или носила его сама, или передавала иногда Лиане. Найнив и Илэйн, которые могли использовать саидар, приходилось довольствоваться собственными изделиями.

– Где они? – нетерпеливо спросила Суан. Сейчас на ней было зеленое платье и ожерелье из нанизанных на нить крупных лунных камней. – Мало того что они суют весла в мои уключины и гребут куда им вздумается, так теперь еще и заставляют меня ждать.

– Вот уж не знаю, почему это так тебя огорчает, – заметила Лиане. – Тебе ведь нравится, когда они попадают впросак, благо на деле они не знают и половины того, о чем думают, будто уж это-то им всяко известно. – На миг ее платье сделалось чуть ли не совсем прозрачным, на шее появилось и тут же исчезло жемчужное ожерелье. Лиане ничего этого даже не заметила. В таких делах у нее было меньше опыта, чем даже у Суан.

– Мне бы не помешало поспать по-настоящему, – пробормотала Суан. – Брин пытается умотать меня так, чтобы я с ног валилась, а тут еще приходится ублажать этих женщин, которые способны провести полночи, вспоминая, как ходят пешком. Не говоря уже об этих двух девицах, что под ногами путаются. – Серdito сдвинув брови, она посмотрела на Илэйн с Найнив, а потом закатила глаза к небу.

Найнив вцепилась в косу – верный признак того, что внутри у нее все бурлит. На сей раз Илэйн разделяла ее чувства. Хуже нет, когда ученицы воображают о себе невесть что, да еще и при каждом удобном случае норовят устроить выволочку своим наставницам. Правда, кое с кем иметь дело было еще труднее, чем с Суан и Лиане. Да где же они?

На улице появились новые фигуры – шесть женщин, окруженных свечением саидар. В отличие от коснувшихся Мира снов случайно, они не исчезали. Шириам и ее ближайшие сподвижницы, как обычно, заснули в своих спальнях и перенесли сюда. Илэйн полагала, что они до сих пор слабо разбираются в свойствах Тел'аран'риода. Во всяком случае, они старались делать все на свой лад, даже когда им рассказывали о более простых и надежных способах. Еще бы – разве Айз Седай допустят, чтобы их поучали!

Между тем все шесть женщин пока не слишком освоились в Мире снов. Наряды Айз Седай менялись всякий раз, когда Илэйн смотрела в их сторону; они, казалось, даже не замечали, что оказывались то в платьях, то в легких дорожных плащах-пыльниках, то в вышитых шальных с цветной, соответствующей Айя, бахромой и с большим белым Пламенем Тар Валона на спине. Судя по их лицам, лишенным признаков возраста, они не замечали и палящего зноя. Айз Седай никогда не обращали внимания на жару.

Выглядели Айз Седай столь же зыбко, как Найнив и Лиане. Все они предпочитали использовать переносящие в Мир снов тер'ангриалы, которые можно было привести в дей-

ствие, лишь направляя Силу, а кольцам не доверяли. Создавалось впечатление, будто им не хотелось признавать, что Тел'аран'риод не имеет никакого отношения к Единой Силе. Зато Илэйн не могла по виду определить, кто из них пользовался изготовленными ею копиями. Три женщины из шести имели маленькие диски из материала, бывшего прежде железом, с запечатленными на обеих сторонах тугими спиралями. Эти тер'ангриалы управлялись потоками Духа – единственной из Пяти стихий, какую можно было направлять во сне. У трех других были маленькие, будто бы янтарные пластинки с вделанными внутрь изображениями спящих женщин. Пожалуй, сейчас, окажись даже все шесть тер'ангриалов в руках Илэйн, она едва ли смогла бы выбрать среди них два подлинника – так удачно они были скопированы. Но все же копия есть копия.

Айз Седай шагали по пыльной немощенной улочке, и до ушей Илэйн донесся обрывок их разговора, хотя понять, о чем речь, она не могла.

– ...осудят наш выбор, Карлиния, – говорила огненноволосая Шириам, – но они осудят любой выбор, какой бы мы ни сделали. Мы будем придерживаться принятого решения – мне нет нужды заново приводить все резоны.

Морврин, плотная, с проседью в волосах Коричневая сестра, хмыкнула:

– После того как мы сами навязали Совету одно решение, навязать другое будет нелегко.

– Какое нам дело, если ни один правитель не возражает? – раздраженно заметила Мирелле. Самая младшая по возрасту, она лишь недавно стала Айз Седай и еще не научилась в полной мере владеть собой.

– Правители? Да разве они осмелятся? – спросила Анайя таким тоном, будто уверяла, что детишки не станут пачкать ковры. – Ни один король, ни одна королева не располагают достаточными сведениями, чтобы судить о делах Айз Седай. Нас должно заботить лишь мнение сестер.

– А вот меня, – невозмутимо вставила Карлиния, – беспокоит то, что если нам удастся руководить ею так легко, то с тем же успехом это может делать и кто-нибудь другой. – Бледная, с темными, почти черными глазами, Белая сестра всегда оставалась невозмутимой и холодной как лед.

Но о чем бы ни толковали Айз Седай, они явно не хотели, чтобы кто-нибудь подслушал их разговор, а потому прекратили его, не дойдя до Илэйн и прочих.

Завидя новоприбывших, Суан и Лиане резко отвернулись друг от друга, будто бранились и лишь появление Айз Седай положило конец их перепалке. Илэйн поспешно проверила свое платье, которое оказалось белым, с соответствующей каймой. Она и сама не знала, как отнестись к тому, что оказалась соответствующе одетой, вовсе о том не думая. Найнив наверняка пришлось менять платье после появления Айз Седай. Но ведь Найнив храбрая, а вот она, Илэйн, трусиха. Неужели она когда-нибудь сможет управлять Андором? А ведь придется научиться, если ее мать... Если она мертва.

Взгляд раскосых зеленых глаз чуть полноватой, скуластой Шириам упал на Суан и Лиане. На мгновение у нее на плечах возникла шаль с голубой бахромой.

– Даю слово: если вы не научитесь вести себя как следует, я обеих отправлю к Тиане. – Впрочем, в ее голосе слышалась лишь привычная досада, а не гнев, который сделал бы эту угрозу реальной.

– Вы провели бок о бок невесть сколько времени, – с сильным тарабонским акцентом произнесла Беонин. Она была очень хороша собой, с заплетенными во множество косичек волосами цвета меди и с огромными серо-голубыми глазами, придававшими ей удивленный вид. На самом деле Беонин ничему не удивлялась.

«Скажи ей, что поутру солнце взошло, и то она не поверит, покуда не увидит своими глазами, – подумала Илэйн. – Ну а если однажды утром этого не случится, Беонин все едино и глазом не моргнет. Просто лишний раз убедится в необходимости подвергать все сомнению».

– Вы можете и должны работать вместе и дальше, – заметила Беонин.

Судя по тону, Беонин повторяла это так часто, что даже не задумывалась о том, что говорит. Все Айз Седай в Салидаре давно уже привыкли к Суан и Лиане, причем относились к ним как к несмышленным девчонкам, вечно препирающимся из-за пустяков. Айз Седай и впрямь смотрели на всех не принадлежащих к их числу как на детей. В том числе и на этих двух женщин, хотя они прежде были сестрами, и не простыми.

– Посылай их к Тиане, не посылай, – заявила Мирелле, – сейчас об этом толковать нечего.

Илэйн и не думала, что эта смуглая красивая женщина сердится на Суан. Или на Лиане. Возможно, она вообще ни на кого не сердилась – просто нрав имела слишком переменчивый даже для Зеленой.

Неожиданно у золотисто-желтого шелкового платья Мирелле появился высокий ворот и довольно низкий, открывающий верхнюю часть груди овальный вырез, а на шее Айз Седай возникло странное ожерелье, похожее на широкий серебряный ошейник, поддерживаемый будто тремя маленькими кинжальчиками, – рукоятки угнездились в ложбинке между грудями. Четвертый кинжал появился и тут же исчез, будто привиделся. Мирелле окинула Найнив таким взглядом, словно хотела углядеть какой-нибудь изъян:

– Так собираемся мы в Башню или нет? – спросила Зеленая сестра. – Если да, то, может, заодно сделаем что-нибудь полезное.

Илэйн догадывалась, отчего Мирелле сердится. До прихода в Салидар Илэйн и Найнив каждые семь дней встречались в Тел’аран’риоде с Эгвейн и обменивались новостями. Это было не так-то просто, ибо Эгвейн всегда появлялась в сопровождении по меньшей мере одной из обучающих ее айильских Хранительниц Мудрости. Поговорить без Хранительницы, а то и двух, удавалось крайне редко. Но с прибытием в Салидар все изменилось. Эти шесть Айз Седай – Шириам и ее окружение – стали отправляться на встречи сами, хотя тогда у них было всего-навсего три подлинных тер’ангриала, а знаний о Тел’аран’риоде и того меньше. Это произошло как раз тогда, когда Эгвейн была ранена. Вот так и вышло, что Айз Седай стали встречаться с Хранительницами Мудрости лицом к лицу, безо всяких посредников. А ведь и те и другие отличались своеобразием, гордостью, подозрительностью и крайней неуступчивостью.

Разумеется, Илэйн не знала, что происходило на тех встречах, но по обрывкам разговоров сестер да и по собственному опыту могла догадываться.

Айз Седай не сомневались в своей способности мигом усвоить что угодно, знать бы только что, требовали к себе почтения, подобающего царствующим особам, и считали решительно всех обязанными рассказывать им абсолютно все, без оговорок и проволочек. Скорее всего, они требовали ответов на множество вопросов: что затевает Ранд, скоро ли Эгвейн поправится и сможет снова появляться в Мире снов, можно ли отслеживать людей в Тел’аран’риоде и следить за их снами, войти в Мир снов телесно или провести туда кого-либо против его воли? Наверняка не раз спрашивали, как воздействовать на реальный мир через сон, и ни за что не хотели верить, что это невозможно. Морврин читала кое-что о Тел’аран’риоде и в распросах была самой настырной, хотя Илэйн подозревала, что часть вопросов подсказывала ей Суан. Ей казалось, что Суан всячески пыталась добиться разрешения присутствовать на этих встречах, но безуспешно. Похоже, Айз Седай считали, что дозволение использовать в дополнение к сбору сведений от сети агентов еще и кольцо – уже само по себе достаточная уступка. То, что Айз Седай вмешивались в ее работу с глазами-и-ушами, изрядно расстраивало Суан.

Что же касается айильских Хранительниц Мудрости – по крайней мере, ходящих по снам, – то, насколько могла судить Илэйн по своим встречам с ними, они не только знали о Мире снов больше кого бы то ни было, но и считали его чем-то вроде своей вотчины. Им не нравилось, когда туда совались невежды, и с таковыми они обходились круто. Кроме того, они, судя по всему, были преданы Ранду, а потому на все вопросы отвечали уклончиво и скупой, дескать, Ранд жив и здоров, а Эгвейн появится в Мире снов, как только поправится, или,

если находили вопросы неподобающими, вовсе отказывались отвечать. Неподобающим же они могли счесть все что угодно, если это как-то не соответствовало их своеобразным представлениям о чести и долге. О джи'и'тох Илэйн всего-то и знала, что такое понятие существует и что оно во многом определяет странное поведение часто более чем шепетильных айильцев.

Всякий раз коса находила на камень, и с приближением каждой очередной встречи – проходящей каждые семь дней – Илэйн начинала опасаться, что на сей раз она закончится худо.

Поначалу Шириам и пять ее подруг брали уроки каждый вечер, но теперь – только в вечер перед встречей с Хранительницами, будто желая отточить свои навыки накануне состязания, и в следующий вечер, когда они, как правило, появлялись с поджатыми губами и пытались выяснить, что сделали не так и как это исправить. Мирелле наверняка кипятилась как раз потому, что предвидела, чем обернется завтрашняя встреча.

Морврин повернулась к Мирелле и открыла было рот, но тут среди них вдруг появилась еще одна женщина. Илэйн не сразу узнала в ней Гиру, одну из поварих, ибо та похудела, лицо ее приобрело лишние возрастные черты, а на плечах красовалась шаль с зеленой бахромой и Пламенем Тар Валона. Предупреждающе погрозив Айз Седай пальцем, она исчезла.

– Вот, стало быть, какие у нее сны, – сухо заметила Карлиния. У ее снежно-белого платья появились пышные рукава и высокий, плотно охватывающий шею ворот. – Надо будет как-нибудь с нею потолковать.

– Да брось ты, Карлиния, – хихикнула Анайя. – Гира – хорошая повариха, и какая нам разница, что ей снится! Она видит себя во снах Айз Седай, а я, например, писаной красавицей. – Неожиданно Анайя сделалась стройнее и выше, хотя черты ее лица – выглядела она по-матерински уютно – не изменились. Она снова хихикнула и спросила: – Карлиния, да неужто ты ни в чем не замечаешь ничего забавного?

Карлиния выдавила из себя прохладный смешок.

– Очевидно, Гира нас тоже видела, – заметила Морврин, – но останется ли все это в ее памяти? – Темные стальные глаза Айз Седай были задумчивы. Ее шерстяное платье оставалось почти неизменным – некоторые детали менялись, но столь незначительно, что Илэйн даже не могла сказать, какие именно.

– Конечно останется, – недовольно буркнула Найнив. Она уже сто раз все это объясняла. Все шесть Айз Седай взглянули на нее, приподняв брови, и Найнив малость сбавила тон – чистить котлы ей вовсе не улыбалось. – Она все запомнит, но будет считать, что ей это просто-напросто приснилось.

Морврин нахмурилась – она мало что принимала на веру, уступая во въедливости разве что Беонин. А у Найнив, на которую и остальные сестры посматривали с недоверием, выражение лица было отнюдь не кротким, что определенно сулило ей неприятности. Прежде чем Илэйн успела сообразить, как отвлечь внимание Айз Седай от Найнив, на помощь ей неожиданно пришла Лиане.

– Может, нам пора отправляться? – робко поинтересовалась она. Суан презрительно фыркнула, словно насмехаясь над боязливостью Лиане, но и сама заговорила столь же нерешительным тоном:

– Да, ведь чем больше времени вы сможете провести в Башне, тем лучше.

На сей раз фыркнула Лиане.

Получалось у них и в самом деле неплохо. Ни Шириам, ни ее приятельницы не подозревали, что Суан и Лиане не просто две усмирённые женщины, пытающиеся обрести смысл жизни, цепляясь за воспоминания о том, кем они были прежде. Две несчастные, по-детски обидчивые женщины, без конца задирающие одна другую. А ведь Айз Седай следовало помнить, что Суан всегда славилась силой воли, изобретательностью и умением скрытно манипулировать людьми. Все эти качества, пусть и в несколько меньшей степени, были присущи и Лиане. Вздумай они открыть свои истинные намерения или показать, что действуют заодно,

и сестры, безусловно, вспомнят все, и эта парочка окажется под неусыпным приглядом. Но вечно грызущиеся и, даже сами того не замечая, пресмыкающиеся перед Айз Седай, они не заслуживали особого внимания... Когда одна из них неохотно соглашалась со словами другой, это придавало дополнительный вес сказанному. Как и в том случае, когда кто-то из них возражал другой по какой-то явно пустяковой причине. Сестры искренне полагали, что используют обеих в своих целях, тогда как на деле Суан и Лиане исподволь подталкивали их в нужном направлении. Например, к решению оказать помощь Ранду. И к чему-то еще – Илэйн очень хотелось знать, к чему именно.

– Они правы, – твердо заявила Найнив, в свою очередь смерив Суан и Лиане презрительным взглядом. Их притворство прямо-таки бесило ее: уж она-то ни за что ни перед кем не стала бы так лебезить. – Следует помнить, что чем дольше вы пробудете здесь, тем короче будет ваш настоящий сон и тем меньше вы отдохнете. Пребывание в Мире снов не приносит той пользы, что обычный сон. И не забывайте об осторожности, особенно если увидите что-нибудь необычное. – Она терпеть не могла повторяться, что отчетливо прозвучало в ее голосе. Правда, предупреждение это, скорее всего, было отнюдь не лишним, но Найнив все же не мешало бы прекратить поучать Айз Седай с таким видом, словно они несмышленные девчонки. – Кто-то из коснувшихся Тел'аран'риода в обычном сне, вот как наша Гира, может в это время видеть кошмары, и такие кошмары очень опасны. Избегайте всего, что выглядит необычно, и старайтесь держать под контролем свои мысли. Тот возникший ниоткуда мурддраал, которого мы видели в прошлый раз, вполне возможно, был чьим-то кошмаром, но, мне кажется, он появился из-за того, что одна из вас позволила своим мыслям блуждать неведомо где. Помните, вы тогда говорили о Черной Айя, гадали, не она ли впустила в Башню порождения Тени. – Все бы ничего, но Найнив еще и добавила: – Не думайте, что вы поразите Хранительниц Мудрости своим умением, если на завтрашнюю встречу с ними запустите мурддраала.

Илэйн поморщилась.

– Дитя, – подчеркнуто мягко произнесла Анайя, поправляя неожиданно сползшую на плечи шаль с голубой бахромой, – ты делаешь немалые успехи, спору нет, но это еще не основание говорить таким тоном.

– Вы обе пользуетесь известными привилегиями, – добавила Мирелле отнюдь не столь мягко, – но ты, кажется, забываешь, что это именно *привилегии*, а не неотъемлемые права. – Ее хмурого взгляда должно было хватить, чтобы Найнив вздрогнула. В последнее время эта сестра относилась к Найнив все строже и строже. Она тоже поправила шаль, что было дурным знаком.

Морврин сердито засопела:

– Когда я была принятой, любой девчонке, вздумавшей так разговаривать с Айз Седай, пришлось бы целый месяц драить полы, даже если бы через месяц ей самой предстояло стать Айз Седай.

Желая разрядить обстановку, Илэйн поспешно заговорила:

– Я уверена, она не имела в виду ничего дурного. Мы стараемся изо всех сил. Простите нас, Айз Седай.

Поскольку сама Илэйн ничего худого не сделала, можно было надеяться, что ее вмешательство поможет. Или, может статься, полы драить им придется обеим. По крайней мере, Найнив взглянула на подругу и, кажется, опомнилась – она попыталась придать своему лицу подобающее выражение, сделала реверанс и даже потупила глаза, будто и вправду смутилась. Не исключено, что действительно смутилась. Илэйн продолжала, словно Найнив сама извинилась перед Шириам и получила прощение:

– Я знаю, вы все хотите провести как можно больше времени там, так что, пожалуй, не стоит задерживаться. Попробуйте мысленно представить себе кабинет Элайды, каким видели его в последний раз. – В Салидаре никто не называл Элайду Амерлин, а потому и покои Амер-

лин в Белой Башне именовали несколько иначе. – Сосредоточьтесь на этом все разом, и тогда мы окажемся там вместе.

Первой кивнула Анайя, но, похоже, на этот отвлекающий маневр поддались даже Карлиния и Беонин.

Трудно сказать, то ли они двинулись вперед, то ли Тел'аран'риод обернулся вокруг них. Судя по тому немногому, что понимала Илэйн, действительности могло соответствовать и то и другое. Мир снов был бесконечно податлив. Только что они стояли на пыльной улочке Салидара, а в следующее мгновение очутились в просторной, богато отделанной комнате. Айз Седай удовлетворенно кивнула: опыта у них еще не доставало – и они радовались всякий раз, когда задуманное ими осуществлялось.

Подобно тому как в Тел'аран'риоде отражался реальный мир, в облике этой комнаты отразились пристрастия и вкусы женщин, властвовавших в Башне последние три тысячи лет. Золоченые напольные светильники на высоких подставках не были зажжены, но света в помещении хватало – того самого неведомого откуда берущегося света, который всегда присутствует в Тел'аран'риоде, как и в настоящих снах. Высокий камин был сложен из золотистого кандорского мрамора, пол устлала полированные плиты из красного камня, добытого в Горах тумана. Стенные панели из странного светлого, с узорчатыми разводами дерева были изготовлены сравнительно недавно – всего какую-то тысячу лет назад. Панели украшала причудливая резьба – изображения невиданных животных и птиц, существовавших, по мнению Илэйн, только в воображении резчика. Высокие стрельчатые окна, заключенные в рамы из отливающего перламутром камня, выходили на балкон, нависавший над личным садом Амерлин. Этот камень был спасен из безымянного города, во время Разлома Мира погрузившегося в Море штормов, – подобного ему не было больше нигде в мире.

Каждая женщина, занимавшая эти покои, оставила здесь след своего пребывания. В том числе и Элайда. Позади внушительного письменного стола, покрытого искусной резьбой в виде строенных колец, высилось массивное, похожее на трон кресло со знаком Пламени Тар Валона на спинке, выложенным из драгоценной поделочной кости. Столешница была пуста, если не считать трех расписных лаковых шкатулок алтарской работы, стоявших на равном расстоянии одна от другой. У стены на простом белом постаменте располагалась простая белая ваза, полная роз. Их цвет и количество менялись с каждым взглядом, но всякий раз это были именно розы. Подумать только, розы! В такое время года и в нынешнюю-то погоду! Вырастить их можно было лишь с помощью Единой Силы. Причем потраченной *совершенно зря*. Впрочем, Элайда поступала так же и тогда, когда была советницей матери Илэйн.

Над камином висела картина, выполненная в новой манере – на холсте. Изображала она смертельную схватку среди облаков: двое противников, один из них с пламенным ликом, метали молнии. Вторым был Ранд. Илэйн, побывавшая в Фалме, не могла не признать, что все это недалеко от истины. Рваная дыра на лице Ранда – будто туда запустили чем-то тяжелым – была аккуратно, так что почти не осталось следов, заделана. По всей видимости, Элайда хотела, чтобы нечто постоянно напоминало ей о Возрожденном Драконе, но радости от подобного напоминания отнюдь не испытывала.

– Извините меня, – произнесла Лиане, прежде чем Айз Седай закончили кивать и переглядываться. – Я должна проверить, дошли ли мои распоряжения до моих людей.

Все Айя, кроме Белой, имели сеть глаз-и-ушей в разных странах, а многие Айз Седай заводили вдобавок и собственных осведомителей. Что же до Лиане, то, будучи хранительницей летописей, она ухитрилась создать сеть соглядатаев и в самом Тар Валоне – случай редкий, если не уникальный. Едва закончив фразу, Лиане исчезла.

– Не стоит ей разгуливать тут в одиночку, – усталым голосом обронила Шириам. – Найнив, отправляйся-ка следом. Побудь с нею.

Найнив дернула себя за косу:

– По-моему... я думала...

– По-моему, ты частенько не думаешь, что говоришь! – перебила ее Мирелле. – Делай, что тебе велено, принятая!

Бросив кислый взгляд на Илэйн, Найнив кивнула, подавила вздох и исчезла. Илэйн не особенно ей сочувствовала. Надо было в Салидаре вести себя сдержаннее, тогда, глядишь, и сейчас удалось бы объяснить им, что Лиане может находиться в любом месте города и найти ее сейчас почти невозможно и что сама она не раз и не два бродила в одиночку по Тел'аран'риоду.

– Ну-ка взглянем, что тут интересненького, – пробормотала Морврин, но никто и с места не успел двинуться, как в кресле за столом появилась Элайда.

Скорее импозантная, чем красивая, в кроваво-красном платье, с полосатым палантином Амерлин на плечах, она грозно сверкнула глазами и властным, суровым голосом изрекла:

– Как я и Предрекала, Белая Башня вновь объединится под моей властью. Под *моей*! – Она решительным жестом указала на пол перед столом. – На колени, несчастные! Кайтесь в своих грехах и молитесь о пощаде!

С этими словами она исчезла.

У Илэйн вырвался глубокий вздох, но она с облегчением отметила, что это случилось не с ней одной.

– Предрекала? – Беонин задумчиво нахмурилась.

В ее голосе не слышалось беспокойства, но основания для такового имелись. Элайда обладала даром Предсказания. Проявлялся он нерегулярно, но уж если на нее накатывало, то все предсказанное непременно сбывалось.

– Сон, – произнесла Илэйн и сама подивилась тому, как твердо звучит ее голос. – Она спит и видит во сне то, чего бы ей хотелось. Что тут удивительного?

«О Свет, хоть бы это действительно было так», – взмолилась Илэйн в душе.

– Вы заметили палантин? – спросила Анайя, не обращаясь ни к кому в отдельности. – На нем не было голубой полосы.

На накидке Амерлин должны были присутствовать цвета всех Айя.

– Это сон, – с нажимом сказала Шириам. Страха в ее голосе не было, но на плечах вновь появилась шаль с голубой бахромой, и она теребила ее край. Так же, как и Анайя.

– Как бы то ни было, – ворчливо заметила Морврин, – не мешает заняться тем, зачем мы сюда явились.

Ничто не могло испугать эту женщину.

Некоторые ухватились за слова Коричневой сестры, сочтя их хорошим поводом для того, чтобы улизнуть из этого помещения. Сама Морврин, Карлиния и Анайя выскользнули в приемную, где находился рабочий стол Алвиарин Фрайден, ставшей при Элайде хранительницей летописей. Как ни странно, Белой сестры – а ведь Амерлин и хранительница *всегда* бывали из одной и той же Айя.

Суан испытующе посмотрела им вслед. Она сама утверждала, что из бумаг Алвиарин можно узнать больше, чем из переписки самой Элайды, ибо, похоже, хранительница о многом была осведомлена лучше той, кому вроде как служила. По словам Суан, ей дважды попадались свидетельства того, что Алвиарин отменяла приказы Элайды, причем без всяких последствий. Правда, что это были за приказы, Суан не рассказывала ни Илэйн, ни Найнив. Ее доверие имело свои пределы.

Шириам, Беонин и Мирелле собрались за столом Элайды, открыли одну из лакированных шкатулок и принялись рыться в бумагах. Элайда хранила здесь самые свежие письма и доклады. Шкатулка, украшенная схватившимися среди белоснежных облаков на фоне голубого неба золотыми ястребами, захлопывалась сама собой всякий раз, когда крышку отпустили, пока кому-то не пришлось в голову придерживать крышку рукой. Порой документ не успевали дочитать до конца, а он уже оказывался совсем другим, но что поделаешь – содержимое

шкатулки и в реальном мире постоянно менялось. Айз Седай раздраженно фыркали, досадливо вздыхали, но упорно продолжали свое дело.

– Вот донесение от Данелле, – пробормотала Мирелле, быстро пробегая глазами страницу.

Суан попыталась заглянуть в грамоту – Данелле, молодая Коричневая сестра, была одной из участниц заговора, приведшего к ее свержению, – но Беонин бросила на нее такой взгляд, что та поспешно отступила в угол, что-то ворча себе под нос. Суан еще и трех шагов сделать не успела, а Беонин вновь обратила свое внимание на шкатулку. Две другие Айз Седай ничего не заметили.

Мирелле продолжала:

– Она пишет, будто Маттин Стефанеос от всей души согласен, Роэдран все еще колеблется, а Аллиандре и Тайлин якобы говорят, что им требуется время на размышления. Здесь есть и приписка, сделанная рукой Элайды: «Надавить на них!» – Донесение, которое она держала в руке, растаяло, и Айз Седай цокнула языком: – Там не сказано, чего они добивались от этих четверых, но мы-то понимаем: есть только две возможности.

Маттин Стефанеос был королем Иллиана, Роэдран – Муранди, Аллиандре – королевой Гэалдана, а Тайлин – Алтары. И убеждали их, скорее всего, выступить или против Ранда, или против Айз Седай, не покоровившихся Элайде.

– По крайней мере мы знаем, что Элайда еще не сумела их уломать, а стало быть, и у наших послов есть надежда на успех, – заметила Шириам.

К Маттину Стефанеосу послов из Салидара, разумеется, не отправляли; на деле власть в Иллиане принадлежала не ему, а лорду Бренду из Совета девяти, то есть Саммаэлю. Илэйн многое отдала бы за возможность узнать, что предложила Элайда Саммаэлю за его поддержку, точнее, за обещание поддержки от имени Маттина Стефанеоса. Она не сомневалась, что и все три Айз Седай очень хотели бы это знать, но сейчас они продолжали доставать из лакированной шкатулки бумагу за бумагой.

– Приказ об аресте Морейн еще остается в силе, – сказала Беонин и покачала головой, когда взятый ею листок неожиданно превратился в толстенную пачку бумаг. – Она еще не знает, что Морейн мертва. – Айз Седай поморщилась и выпустила бумаги из рук. Они разлетелись, кружась, как осенние листья, и растворились в воздухе, так и не коснувшись пола. – Элайда по-прежнему намерена построить себе дворец.

– Она построит, – сухо заметила Шириам, взяла еще одну записку, и рука ее дрогнула. – Шимерин убежала. *Принятая* Шимерин.

Все три Айз Седай бросили взгляды на Илэйн и вернулись к шкатулке, успевшей за это время захлопнуться. По поводу услышанного ни одна из них ничего не сказала.

Илэйн стиснула зубы. Они с Найнив говорили им, что Элайда низвела Шимерин, Желтую сестру, до принятой, но они, конечно же, не поверили. Айз Седай можно было заставить принести покаяние, отправить ее в изгнание – но лишить звания Айз Седай, не усмирив! О таком никто прежде не слыхивал. Однако для Элайды закон Башни был не писан. Точнее, она присвоила себе право писать его.

Илэйн и Найнив рассказывали этим женщинам многое, во что те отказывались верить. Да и как они могли придавать значение словам молодых девушек, не удостоенных звания полноправной сестры. Считалось само собой разумеющимся, что принятые в силу скудости своих познаний легко принимают на веру и пересказывают всяческие небылицы. Илэйн едва сдержалась, чтобы не топнуть ногой. Принятая получает лишь то, что соблаговолит дать ей Айз Седай, и не вправе просить того, чего Айз Седай предпочитает не давать. Например, извинений – этого от них не дождешься. Внутри у Илэйн все кипело, но она старалась не подавать виду.

Суан проявила меньшую сдержанность. Она бросала на Айз Седай негодующие взгляды, правда лишь тогда, когда была уверена, что они этого не заметят. Стоило хоть одной сестре

обернуться, и Суан тут же изображала кротость и смирение. В этом она здорово поднаторела. Лев выживает потому, что он лев, а мышка потому, что она мышка, – так она говорила Илэйн. Говорить-то говорила, но все же мышка из нее получилась неважная.

Илэйн показалось, что в глазах Суан промелькнуло еще и беспокойство. С тех пор как Суан убедила Айз Седай в том, что может пользоваться этим кольцом, – правда, Илэйн и Найнив втайне давали им с Лиане уроки, – сбор информации стал ее главным делом. Ее и Лиане. Потребовалось немало времени на то, чтобы восстановить связь с осведомителями в разных странах и убедить их направлять донесения не в Белую Башню, а в Салидар. Если же теперь этим займется сама Шириам или кто-нибудь из ее сподвижниц, Суан уже не будет им необходима. До сих пор в Башне не бывало, чтобы сетью глаз-и-ушей руководила женщина, не являвшаяся полноправной сестрой. Правда, в пользу Суан говорил ее огромный опыт: еще не будучи Амерлин, она возглавляла шпионскую сеть Голубой Айя, а получив верховную власть, завела еще и множество личных лазутчиков. Однако Беонин и Карлиния открыто заявляли, что не пристало им в столь важном деле зависеть от женщины, больше не являющейся одной из них, да и другие скорее разделяли их мнение. Кроме того, говоря по правде, всем им было не по себе в обществе усмиренной.

Илэйн и самой оставалось лишь стоять в стороне. Айз Седай могли говорить, что берут у нее уроки, могли даже на самом деле так думать, но девушка знала: вздумай она поучать, когда об этом не просят, ее живо окоротят. Она находилась здесь, дабы отвечать на вопросы, если таковые возникнут, и не более того. Илэйн подумала о табурете, и он, с ножками, украшенными резьбой в виде виноградных лоз, тут же появился у ее ног. Илэйн скромно присела и принялась ждать. Кресло, конечно, было бы поудобней, но принятой вряд ли пристало расслаживаться в кресле в присутствии Айз Седай, не то те, чего доброго, решат, что она мается бездельем. Поразмыслив, Суан улыбнулась Илэйн, бросила гневный взгляд на спины Айз Седай и сотворила себе точно такой же табурет.

Когда Илэйн впервые посетила эту комнату в Тел'аран'риоде, перед украшенным богатой резьбой столом полукругом стояло более дюжины подобных табуретов. С каждым новым визитом их становилось все меньше, и наконец не осталось ни одного. Что-то за этим крылось, но что именно – ей было невдомек. Наверное, Суан тоже обратила на это внимание. Возможно, она даже смекнула, в чем дело, но, коли и так, своими догадками ни с Илэйн, ни с Найнив не поделилась.

– Столкновения в Шайнаре и Арафеле стихают, – бормотала себе под нос Шириам, – но здесь ничего не сказано о том, из-за чего, собственно, они начались. Думаю, речь здесь идет о стычках, а не о войнах. Жители Пограничных земель друг с другом не воюют, на то у них есть Запустение.

Шириам была родом из Салдэйи, а Салдэйя – страна Пограничья.

– Хорошо еще, что в Запустении нынче все спокойно, – сказала Мирелле. – Долго это не продлится. Хоть у Элайды полно лазутчиков в Пограничье, и то ладно.

Суан одновременно скривилась и бросила на Айз Седай возмущенный взгляд. Илэйн подозревала, что Суан до сих пор не удалось наладить связь со своими осведомителями в Пограничных землях, слишком уж далеки они от Салидара.

– Неплохо, если бы так же обстояли дела и в Тарабоне. – Листок в руке Беонин увеличился в размерах. Айз Седай заглянула в него, хмыкнула и отбросила в сторону. – Все тарабонские глаза- и-уши пока молчат. Ни один из них не дает о себе знать. Последнее донесение, касающееся тамошних дел, содержит всего-навсего пришедший из Амадиции слух, будто в той войне замешаны Айз Седай. – Она покачала головой – что еще скажешь по поводу такой чепухи? Всем ведь известно – Айз Седай в усобицах не участвуют. Во всяком случае открыто. – Из Арад Домана ничего интересного. Несколько невразумительных писулек.

– Скоро мы и сами узнаем о Тарабоне все, что требуется, – успокоительно промолвила Шириам. – Еще несколько недель...

Просмотр продолжался долго, ибо бумаг в лакированной шкатулке не убавлялось. Порой чем больше из нее доставали, тем больше появлялось новых. Разумеется, прочитать полностью удавалось лишь самые краткие. Бывало, одно и то же донесение доставали из шкатулки по несколько раз. Большинство документов просматривалось в молчании, некоторые вызвали короткий обмен репликами, и лишь очень немногие Айз Седай обсуждали.

Суан, кажется, уже перестала обращать на них внимание – от скуки она сделала из веревочки кошачью колыбельку и забавлялась ею. Илэйн пожалела, что не может заняться тем же, а еще лучше почитать, и на полу у ее ног появилась книга «Странствия Джейина Далекоходившего». Девушка спешно заставила ее исчезнуть. С Суан спрос меньше – она-то ведь не Айз Седай, к тем же женщинам, кому предстоит стать Айз Седай, отношение куда строже. И так или иначе, ей удалось услышать кое-что небесполезное.

Слух о том, что к событиям в Тарабоне приложили руку Айз Седай, оказался далеко не единственным, дошедшим до письменного стола Элайды – всякого рода домыслов было хоть отбавляй. Тот факт, что Пейдрон Найол собирал вкуче все силы белоплащников, толковали по-разному: одни полагали, что он вознамерился захватить трон Амадиции, в чем у него явно не было надобности, другие – будто он собрался силой покончить с волнениями в Тарабоне и Арад Домане или даже *поддержать* Ранда. В последнее Илэйн готова была поверить лишь после того, как солнце взойдет на западе. Имелись донесения о странных происшествиях в Иллиане и Кайриэне – деревнях, охваченных безумием, кошмарах среди бела дня, говорящих двухголовых телятах и отродьях Тени, появляющихся из ниоткуда. Наверняка были сообщения и о других случаях, но среди прочих бумаг они не попадались. К такого рода историям сестры относились без особого интереса; они во множестве доходили и до Салидара – и с окраин Алтары, и из Муранди, и из-за реки, из Амадиции. Айз Седай почитали это не чем иным, как свидетельством паники, охватившей людей, узнавших о Возрожденном Драконе. Илэйн думала иначе. Ей случалось видеть такое, чего они, несмотря на их возраст и опыт, и представить себе не могли. Ходили слухи, будто ее мать собирает войска на западной окраине Андора, причем – это ж надо такое выдумать! – под древним флагом Манетерен. Правда, другие уверяли, что она угодила в плен к Ранду или, напротив, укрылась за пределами Андора. В качестве убежища королевы называли все мыслимые страны, включая Пограничные земли и, что уж и вовсе *невероятно*, Амадицию. Башня, скорее всего, не принимала всерьез ни одного из этих слухов, да и сама Илэйн, увы, могла лишь гадать, что же случилось на самом деле.

От размышлений о судьбе матери девушку оторвало упоминание ее имени. Шириам не обращалась к ней, она лишь торопливо читала вслух квадратный листок бумаги, успевший за это время превратиться в узкий лист пергамента с подвешенными к нему тремя печатями. В нем говорилось, что Илэйн Траканд надлежит разыскать и вернуть в Башню любой ценой, а виновные в неисполнении этого приказа «позавидуют Макуре». Услышав это имя, Илэйн поежилась. По дороге в Салидар женщина по имени Ронде Макура чуть было не отправила ее и Найнив в Белую Башню, словно две связки белья в прачечную. В документе, прочитанном Шириам, говорилось, что «правлящий дом Андора – ключ ко всему», но к чему именно – не пояснялось.

Ни одна из трех Айз Седай не обернулась к Илэйн, все они сосредоточенно занимались своим делом. Возможно, они позабыли о ней, а возможно, и нет. Что бы они ни сделали, что бы ни решили – укрыть ее от Элайды или препроводить в Башню связанной по рукам и ногам, – это будет решением Айз Седай. «Щука карася глотает не спрося», – говаривала, бывало, нянюшка Лили.

Об отношении Элайды к объявленной Рандом амнистии можно было без труда догадаться по состоянию следующего отчета: по всей видимости, бумажный лист скомкали и отбро-

сили в сторону, но потом холодно разгладили и спрятали в шкатулку. Элайда и в ярости оставалась холодной. На том документе она не оставила никаких пометок, зато сделанные небрежным почерком приписки к другому говорили о многом. Из примечаний к перечню Айз Седай, находившихся в Башне, можно было понять, что она готова публично объявить изменницами всех сестер, которые не выполняют ее приказа и не вернутся в Тар Валон. Шириам и две ее помощницы обсудили такую возможность довольно спокойно. Хотя многие сестры наверняка собирались подчиниться указу, в жизнь он претворится очень не скоро. Некоторым придется добираться в Тар Валон издалека, иные же наверняка до сих пор и слышать не слышали о подобном распоряжении. Но обнародовать такой указ означало признать перед всем миром истинность слухов о расколе в Башне. Если Элайда и впрямь затеяла такое, она, должно быть, впала в панику, а то и вовсе лишилась рассудка.

По спине Илэйн пробежал холодок – не все ли равно, страхом или яростью руководствуется в своих действиях Элайда. Из перечня явствовало, что в настоящий момент в Башне пребывает двести девяносто четыре Айз Седай. Почти треть всех Айз Седай. Стало быть, Элайду поддерживают двести девяносто четыре сестры, и почти столько же собралось в Салидаре. Хорошо, если и все остальные расколются примерно пополам. Пожалуй, это лучшее, на что можно рассчитывать. Поначалу Айз Седай стекались в Салидар потоком, но теперь он истончился до струйки. Хотелось верить, что так же уменьшился и приток сестер в Башню. Очень хотелось.

Некоторое время Айз Седай рылись в шкатулке молча, затем Беонин воскликнула:

– Это Элайда, она!.. Она отправила посольство к Ранду ал’Тору.

Илэйн вскочила на ноги, но предостерегающий жест Суан, едва успевшей убрать свою кошачью колыбельку, заставил девушку прикусить язык.

Шириам потянулась к листку, но тут вместо одного их стало три.

– Куда они направились? – спросила она одновременно с Мирелле, которая сказала:

– Когда они выехали из Тар Валона?

– В Кайриэн, – ответила Беонин в повисшей вдруг напряженной тишине. – А когда – я не заметила. Или не успела прочесть, или дата не была указана. Но они, безусловно, отправятся в Кэймлин, как только выяснят, где ал’Тор находится на самом деле.

Это неплохая новость, ведь на дорогу от Кайриэна до Кэймлина уйдет месяц, а то и больше. Стало быть, можно не сомневаться, что посольство из Салидара доберется до Ранда первым. Там, в Салидаре, Илэйн хранила под матрасом рваную карту и каждый день отмечала на ней расстояние, которое, по ее прикидкам, должно было преодолеть посольство в Кэймлин.

Серая сестра продолжала:

– Похоже, что Элайда... она собирается предложить ему поддержку. И пригласить в Башню, с почетным эскортом!

Шириам подняла брови.

– Неслыханно! – воскликнула Мирелле. Ее оливковые щеки побагровели. – Ведь Элайда была Красной!

Считалось, что Амерлин в равной мере представляет все Айя, но пока еще ни одной из них не удавалось забыть, кем она была прежде.

– Эта женщина готова на все, – промолвила Шириам. – А его, вероятно, прельстит возможность заручиться поддержкой Белой Башни.

– Может, стоит через этих айилок передать послание Эгвейн? – неуверенно предложила Мирелле.

Суан громко и весьма ненатурально кашлянула, но было уже поздно. Тут уж Илэйн не смогла удержаться. Конечно, Эгвейн предупредить необходимо. Ведь если люди Элайды обнаружат ее в Кайриэне, то наверняка отволокут назад в Башню, а уж там бедняжке не поздоровится. Но остальное...

– Да как вы могли подумать, что Ранд станет слушать, что ему там наплетут от имени Элайды? Думаете, ему неизвестно, что она из Красной Айя? Или он не догадывается, что это значит? Вовсе они не собираются ему помогать, и вы это прекрасно знаете. Мы должны предупредить его! – Илэйн понимала, что в ее словах одно с другим не сходится, но тревога не позволяла ей молчать. Если с Рандом что-то случится, она этого не переживет!

– И как ты предлагаешь *нам* сделать это, принятая? – холодно осведомилась Шириам.

Илэйн опасалась, что больше всего она похожа на рыбу с разинутым ртом. И надо бы ответить, да нечего. Выручили ее неожиданно донесшиеся откуда-то издалека истошные вопли и раздавшиеся из-за двери бессловесные крики. Стоявшая ближе всех к двери Илэйн бросилась на зов, остальные устремились следом.

Приемная была пуста, если не считать письменного стола хранительницы летописей с аккуратно сложенными на нем стопками бумаг и пергаментных свитков. Вдоль одной из стен тянулся ряд стульев, предназначенных для Айз Седай, ожидавших приема у Элайды. Анайи, Морврин и Карлинии в комнате не было, но одна из дверей, ведущих в коридор, еще не успела закрыться, и оттуда слышались отчаянные женские крики. Шириам, Мирелле и Беонин, едва не сбив Илэйн с ног, устремились в коридор. Может, они и выглядели туманными, но сами себя таковыми отнюдь не ощущали.

– Осторожно! – крикнула им Илэйн, но три Айз Седай промчались мимо. Ей и Суан не оставалось ничего другого, как, подхватив юбки, последовать за ними. Они вылетели из приемной и оказались чуть ли не в центре кошмара. В буквальном смысле слова.

Справа, шагах в тридцати от двери, увешанный шпалерами коридор неожиданно расширился, превращаясь в гигантскую, казавшуюся бесконечной пещеру, тускло освещенную багровым пламенем костров и жаровен. Пещера была полна огромных тварей со звериными мордами и уродливыми рылами, с птичьими клювами, клыками, рогами, бивнями или хохолками из перьев. Троллоки, находящиеся вдаль, казались расплывчатыми и туманными, но ближайшие выглядели вполне вещественно. Будучи вдвое выше человека, они превосходили ростом троллоков, существовавших в реальном мире. Облаченные в черные шипастые доспехи чудища с диким завыванием скакали вокруг котлов, корыт и каких-то причудливых металлических конструкций.

Этот кошмар, самый настоящий кошмар, был пострашнее тех, о которых Илэйн слышала от Эгвейн и Хранительниц Мудрости. Но природа его оставалась той же. Привидевшиеся кому-то в кошмарном сне страшилища в тот момент, когда сон коснулся Тел'аран'риода, освободились от породившего их сознания. Подобные кошмары то и дело блуждали по Миру снов, порой укореняясь в том или ином месте. Айильские ходящие по снам, наталкиваясь на такие становища, конечно же, их уничтожали, но и они, и Эгвейн предупреждали, что от блуждающих кошмаров лучше держаться подальше. И Илэйн, и Найнив не раз рассказывали об этом Айз Седай, в том числе и Карлинии, но та, видать, слушала не слишком внимательно.

Белая сестра была связана и подвешена за лодыжки на цепи, свисающей откуда-то из мрака над головой. Илэйн видела, что Карлинию окружает свечение саидар, но проку от этого не было никакого. Айз Седай отчаянно извивалась и визжала, а троллоки медленно опускали ее на цепи вниз головой, целя в громадный черный котел, где булькало кипящее масло.

Как и Илэйн, Анайя и Морврин, выбежав в коридор и обнаружив, что он обрывается, превращаясь в пещеру, резко остановились. На миг они замерли на месте, затем их размытые очертания стали удлиняться, клонясь к зеву каверны, подобно дыму, втягиваемому в дымоход. Ближе, ближе... Они коснулись невидимой грани и тут же оказались внутри, в пещере. Морврин заверещала, когда два троллока принялись растягивать ее в суставах, вращая большие железные колеса. Анайю, подвешенную за запястья, бесновавшиеся вокруг троллоки хлестали длинными ременными кнутами с железными крючьями на концах. Хлесткие удары вырывали лоскуты из ее платья.

– Мы должны соединиться, – сказала Шириам, и окружившее ее свечение саидар слилось с аурами Мирелле и Беонин. Но даже при этом оно было не столь ярким, каким представало свечение всего лишь одной женщины в реальном мире. Одной, но не являющейся туманным сном.

– Нет! – вскричала Илэйн. – Нельзя! Не вздумайте считать все это явью! Смотрите на это как...

Она схватила Шириам за руку, но было поздно. Свитый тремя Айз Седай поток Огня, тонкий и разреженный, несмотря на их соединение, коснулся грани, отделявшей сон от кошмара, и плетение исчезло, будто кошмар поглотил его, а трех женщин в тот же миг потянуло внутрь, словно подхваченную ветром дымку. Успев лишь испуганно вскрикнуть, они коснулись невидимой грани и тут же исчезли. Уже в следующее мгновение Шириам появилась с другой стороны, ее голова торчала из какой-то темной металлической штуковины, похожей на колокол. Рыжие волосы ее развевались. Троллоки налегали на рычаги и рукояти, а она кричала все пронзительнее и пронзительнее, все громче и громче. Двух других не было видно, но откуда-то издали доносились отчаянные призывы о помощи.

– Помнишь, мы рассказывали тебе, как разгонять кошмары? – спросила Илэйн.

Не сводя глаз с пещеры, Суан кивнула:

– Не признавай их явью. Старайся удерживать обстановку такой, какой она была без них.

Шириам, как, наверное, и все остальные Айз Седай, допустила ошибку. Направляя Силу в попытке совладать с кошмаром, она тем самым признала его реальностью, а это признание отдало ее во власть жуткого сна. Она и остальные сестры вошли в кошмар, стали его частью и останутся беззащитными перед ним до тех пор, пока не поймут, что это всего-навсего ужасный бред. Но осознать это им, похоже, не под силу. Душераздирающие вопли становились все громче и громче.

– Коридор, – пробормотала Илэйн, стараясь вообразить его таким, каким видела в последний раз. – Вспомни, каким был коридор, каким ты его видела раньше!

– Я стараюсь, девочка, – прорывалась Суан, – только ничего не выходит.

Илэйн вздохнула. Суан говорила правду. Страшная картина перед ними не изменилась, разве что стала чуть более размытой. Голова Шириам тряслась над кожухом, скрывавшим ее тело. Морврин сдавленно стонала; Илэйн почти слышала те противные звуки, с которыми выворачиваются суставы жертвы. Волосы Карлинии уже коснулись мутной поверхности горячего масла. Усилий всего двух женщин было недостаточно, чтобы справиться с этим слишком уж сильным кошмаром.

– Нам нужна помощь, – сказала Илэйн.

– От кого? От Найнив и Лиане? Девочка, если б мы знали, где их искать... Шириам и все остальные погибли прежде, чем мы... – Она осеклась и уставилась на Илэйн. – Постой, постой, ты ведь не Найнив с Лиане имела в виду, да? Ты хочешь сказать, что Шириам и...

Илэйн лишь кивнула в ответ, она была слишком напугана, чтобы говорить.

– Понимаю. Боюсь только, что, пока мы здесь, они не услышат и не увидят нас. Глянька, троллоки даже не смотрят в нашу сторону. Стало быть, нам нужно попробовать изнутри.

Илэйн снова кивнула.

– Девочка, – бесстрастным голосом продолжила Суан, – я вижу, храбростью ты чистая львица, а разумом – птица-рыболов, но... – Она помолчала и, тяжело вздохнув, добавила: – Но я тоже не вижу другого выхода.

Илэйн была согласна с Суан во всем, кроме, конечно, похвалы ее отваге. Какая уж тут храбрость, у нее так тряслись поджилки, что она боялась, как бы не растянуться на полу, вымощенном плитами цветов всех Айя. Неожиданно она поняла, что держит в руке меч – длинный сверкающий клинок, совершенно бесполезный, даже если бы она умела с ним обращаться. Илэйн выпустила рукоять, и меч исчез, не успев упасть на пол.

– «Без толку ждать – не сеять да жать», – пробормотала она, вспомнив очередное при-
словье нянюшки. Девушка боялась, что еще чуть-чуть – и она растеряет даже те жалкие крохи
мужества, которые ей с трудом удалось собрать.

Вместе с Суан она ступила вперед, коснулась разграничительной линии и неожиданно
почувствовала, как ее словно затягивает в водоворот.

Только что она стояла в коридоре, глядя на ужас со стороны, а в следующий миг уже
лежала ничком на грубой каменной плите со связанными вместе за спиной руками и лодыж-
ками. В самом центре кошмара. Похоже, коридор Башни перестал существовать вовсе – пещера
простиралась во всех направлениях. Пронзительные крики отдавались эхом от каменных стен
и свисающих с потолка сталактитов. В нескольких шагах от Илэйн над ревущим костром кипел
огромный черный котел. Троллок с клыкастой кабаньей мордой подбрасывал туда неведомые
коренья. Котел. Троллоки едят любое мясо, и человечину тоже. Она попыталась представить
свои руки и ноги свободными, но грубые веревки по-прежнему врезались в плоть. Даже блед-
ная тень саидар исчезла без следа. Истинный Источник был недостижим для нее, во всяком
случае здесь. Кошмар стал явью – попалась она крепко.

Суан, хотя и в ее голосе слышалась боль, пыталась перекричать вопли и стоны:

– Шириам, слушай меня! – Что с ней делали, было ведомо одному Свету; Илэйн не видела
ни ее, ни других своих спутниц. Только слышала крики. – Это сон! А-а... а-а-а! По... поду-
май, как должно... должно быть на самом...

– Шириам, Анайя, все слушайте меня, – подхватила Илэйн. – Вы должны вспомнить
коридор. Таким, каким он был. Какой он был на самом деле! Здесь реально то, во что мы
верим! – Она заставила себя увидеть коридор – выложенные ровными рядами цветные плиты
на полу, золоченые светильники и яркие шпалеры. Но ничего не изменилось. Вопли звучали
по-прежнему, гулким эхом отдаваясь от сводов. – Коридор! Вообразите его и думайте только
о нем! Сосредоточьтесь, соберитесь с мыслями – и вы одолеете! – Над нею, с острым ножом
в руке, склонился троллок. – Шириам, Анайя, сосредоточьтесь! Мирелле, Беонин, думайте о
коридоре.

Троллок перекатил Илэйн на бок. Она попыталась вырваться, но он придавил ее массив-
ным коленом и, без видимого усилия удерживая на месте, принялся полосовать на ней платье,
словно охотник, свежую оленя. Девушка из последних сил старалась удержать в голове
образ коридора.

– Карлиния, Морврин, во имя Света, сосредоточьтесь! Думайте о коридоре! Думайте все!
Все!

Проворчав что-то невнятное – грубое наречие троллоков мало похоже на человеческий
язык, – тварь снова швырнула ее лицом вниз и взгромоздилась сверху, тяжелыми коленями
вдавлив ей в спину связанные руки.

– Коридо-о-о-р! – кричала Илэйн. – Коридо-о-о-р!

Толстые пальцы вцепились в волосы, оттягивая голову назад.

– Коридор! Коридор!

Остро отточенный клинок коснулся туго натянувшейся кожи под левым ухом.

– Коридор!

Нож начал свое движение.

В следующее мгновение Илэйн увидела у себя под ногами цветные плиты. Дивясь тому,
что руки и ноги свободны, она потрогала свою шею и поднесла к глазам повлажневшие пальцы.
Кровь, но не так уж много, всего-то пятнышко. Девушку била дрожь. Если бы тот троллок с
ножом... Никакое Исцеление не смогло бы ей помочь. Силясь унять дрожь, она поднялась на
ноги и, оглядевшись по сторонам, обнаружила себя в коридоре Башни, близ покоев Амерлин.
Троллоковой пещеры не было видно и следа.

Тут находились и Суан в изодранном платье, с ног до головы покрытая синяками и ссадинами, и Айз Седай, выглядевшие, несмотря на расплывчатость очертаний, столь же плачевно. Карлиния получила меньше видимых повреждений, чем остальные, – лишь окунувшиеся в кипящее масло темные волосы стали совсем короткими, с ладонь длиной, а кончики закручивались. Но она дрожала, то и дело трогая свои волосы, а в ее широко раскрытых, темных глазах застыл ужас. Шириам и Анайя, покрытые окровавленными лохмотьями, сгорбившись, тихонько всхлипывали. Мирелле, чье обнаженное тело покрывали длинные багровые рубцы, съежилась и побледнела. Морврин стонала при каждом движении, а двигалась так скованно, словно все ее суставы утратили гибкость. Беонин, тяжело дыша, стояла на коленях с широко раскрытыми глазами и держалась за стену, чтобы не упасть. Платье ее было изодрано в клочья, словно когтями.

Только сейчас Илэйн поняла, что ее платье и сорочка, аккуратно разрезанные спереди сверху донизу, лоскутами свисают с плеч. Охотник, свежующий оленя. Девушку передернуло так, что она чуть не упала. Привести в порядок одежду было несложно – достаточно об этом подумать, но вот в том, что ей так же легко удастся избавиться от страшных воспоминаний, Илэйн сомневалась.

– Мы должны вернуться, – сказала Морврин, с трудом опускаясь на колени между Шириам и Анайей. Несмотря на скованность движений и то и дело прорывавшиеся стоны, говорила она так же бесстрастно, как и всегда. – Нужно провести Исцеление, но здесь у нас ничего не получится.

– Да... – Карлиния в который раз коснулась своих укоротившихся волос. – Да, наверное, лучше вернуться в Салидар. – В голосе этой всегда холодной и невозмутимой женщины звучала непривычная неуверенность.

– Я малость задержусь, если никто не против, – промолвила Суан смиренным тоном, плохо вязавшимся с ее решительным настроем. Платье ее уже обрело прежний вид, но кровоподтеки и ссадины остались. – Вдруг мне все же удастся разузнать что-нибудь полезное. Со мной все в порядке, эти пустяковые царапины не в счет. Упав в лодке, мне случалось набивать шишки похуже.

– Вид у тебя такой, словно эта лодка на тебя упала, – отозвалась Шириам. – А впрочем, делай как знаешь.

– Я бы тоже осталась, – сказала Илэйн. – Я совсем не пострадала и могу помочь Суан.

На самом деле у нее отчаянно саднило в горле при каждой попытке сглотнуть.

– Мне помощь не нужна, – решительно возразила Суан почти одновременно с Морврин, голос которой звучал еще тверже:

– Сегодня ты держалась молодцом, дитя мое, но не стоит сейчас все портить. Идем с нами.

Илэйн неохотно кивнула. Споры и возражения не сулили ничего хорошего, только неприятностей не оберешься. Создавалось впечатление, будто Коричневая сестра является наставницей Илэйн в Тел'аран'риоде, а не наоборот. По всей видимости, Айз Седай решили, что Илэйн угодила в этот кошмар по собственной глупости, как и они.

– Помните, вы можете выйти из сна прямоком в свое тело. Вам не обязательно возвращаться в Салидар.

Трудно сказать, слышали ли они ее. Как только Илэйн кивнула, Морврин отвернулась от нее и заговорила с сестрами:

– Шириам, успокойся. Мы вернемся в Салидар через несколько мгновений. Не волнуйся, Анайя. – (Шириам перестала наконец всхлипывать, хотя еще постанывала от боли.) – Карлиния, поможешь Мирелле? Ты готова, Беонин?

Серая сестра подняла голову и, взглянув на Морврин, кивнула.

Шесть Айз Седай исчезли.

Бросив последний взгляд на Суан, Илэйн задержалась всего на миг и тоже пропала, но она направлялась не в Салидар. Царапину у нее на шее, конечно, кто-нибудь Исцелит, если они и заметили эту ранку. Однако поначалу сестрам будет не до Илэйн, ведь все они проснутся в таком виде, словно их пропустили через механизм гигантских часов. Так что она вполне могла рассчитывать на несколько свободных минут и побывать в том месте, которое давно не шло у нее из головы.

Как ни странно, попасть в Тронный зал дворца ее матери в Кэймлине удалось не сразу – потребовалось усилие. Илэйн ощутила легкое сопротивление, но в следующее мгновение уже стояла на вымощенном красными и белыми плитами полу, под высокими сводами, между рядами массивных белых колонн. Свет, как обычно, исходил отовсюду и ниоткуда. За огромными окнами стояла тьма, и потому невозможно было различить витражи, где изображения белых львов чередовались с картинами достославных деяний первых королей и со сценами великих побед Андора.

Теперь она сразу поняла, что затрудняло ее попадание сюда. Знакомый облик Большого зала несколько изменился. Там, где долженствовало находиться Львиному трону, высилось некое уродливое исполинское сооружение в виде сверкающих алой эмалью и позолотой драконов с солнышками вместо глаз. Но и трон ее матери не был удален из зала. Он стоял на установленном позади странного сооружения постаменте, столь высоком, что Львиный трон возвышался над неуместными драконами.

Илэйн не торопясь обошла зал и, поднявшись по беломраморной лестнице, устремила взгляд на раззолоченный престол андорских королей. На Белого льва Андора, выложенного из лунных камней на фоне рубинов. На тот самый герб, который должен был красоваться над головой ее матери.

– Что же ты делаешь, Ранд ал’Тор? – хрипло прошептала она. – Что это ты задумал?

Она очень боялась, что без ее наставлений Ранд наделает глупостей. Правда, в Тире он все делал как следует, да и в Кайриэне вроде бы тоже, но ее народ – совсем другое дело. Андорцы люди честные, смелые и на дух не переносят, когда ими пытаются манипулировать или, паче того, запугивать их. То, что вполне годилось в Тире или в Кайриэне, здесь, в Андоре, грозило обернуться взрывом – вроде тех фейерверков, что устраивает гильдия иллюминаторов.

Если бы только она могла быть рядом с ним. Хотя бы предупредить его о посольстве из Башни. Ведь у Элайды наверняка заготовлены всяческие хитрости – уж она-то позаботилась о том, чтобы захватить Ранда врасплох. Хватит ли у него разума, чтобы понять это и поостеречься? Тревожило Илэйн и то, что она понятия не имела о содержании инструкций, полученных салидарским посольством. Невзирая на все старания Суан, Айз Седай в Салидаре так и не смогли прийти к единому мнению относительно Ранда ал’Тора. Даже признавая его Драконом Возрожденным, предреченным спасителем человечества, они не могли забыть о том, что он – мужчина, направляющий Силу, а стало быть, обреченный на гибель и безумие и несущий их с собой.

«Мин, – подумала Илэйн. – Мин, помоги хоть ты ему, позаботься о нем».

Вспомнив о подруге, девушка испытала укол ревности, ведь Мин будет с ним рядом и сможет делать то, что хотела бы делать она сама. И с этим, видимо, ничего не поделаешь – так или иначе, делить Ранда с другими ей *придется*. Но право хотя бы на часть его она себе обеспечит. Она *обязательно* сделает его своим Стражем, чего бы это ни стоило.

– Сие да исполнится! – провозгласила она, подняв руку к Львиному трону, дабы поклясться, как с незапамятных времен клялись государыни Андора. Постамент был очень высок, и дотянуться до престола она не могла, но ведь главное – это намерение. – Сие да *исполнится*!

Время истекало. Скоро Айз Седай, вернувшиеся в Салидар, начнут ее разыскивать, чтобы Исцелить жалкий порез на шее. Вздыхнув, девушка выступила из сна.

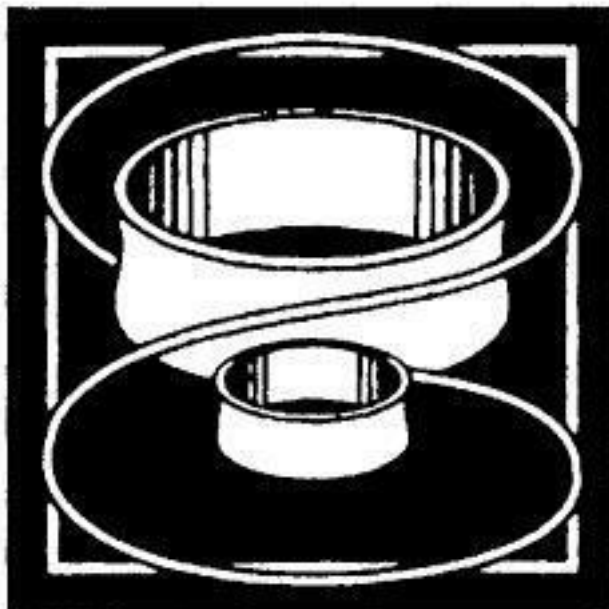
А из-за колонн Тронного зала выступил Демандред. Он смотрел на то место, где только что находилась девушка. Если его догадка верна, это была Илэйн Траканд, и воспользовалась она, судя по туманному облику, каким-то слабеньким тер'ангриалом, не иначе как предназначенным для обучения новичков. Он бы дорого дал за возможность проникнуть в ее мысли; впрочем, и оброненные ненароком слова, и выражение лица девушки позволяли судить о многом. Ей не понравилось то, что проделывает здесь Ранд ал'Тор, определенно не понравилось, и она явно вознамерилась что-то предпринять. И предпримет – девица-то, судя по всему, весьма решительная. Что ж, еще одна ниточка потянулась из клубка, хотя, надо признать, слабоватая.

– Пусть правит властелин хаоса, – сказал Демандред тронам, хотя ему по-прежнему хотелось знать, почему должно быть так, и открыл себе проход, чтобы покинуть Тел'аран'риод.

Глава 8

Предчувствие бури

На следующее утро Найнив проснулась с первыми лучами солнца, причем чувствовала себя весьма неуютно. Ее не покидало ощущение, что надвигается буря, хотя, выглянув в окошко, она не обнаружила на все еще сером небе ни облачка. День обещал быть таким же знойным, как и все предыдущие. Сорочка ее насквозь пропотела и вся измялась – спала Найнив беспокойно. Когда-то она могла полагаться на свою способность слушать ветер, но, похоже, с тех пор как ей пришлось покинуть Двуречье, все пошло наперекосяк. Чутье не исчезло, но, увы, стало нередко подводить.

Ожидание своей очереди к умывальнику и рассказ Илэйн обо всем случившемся после их расставания в покоях Элайды настроения не улучшили. Сама она провела ночь в бесплодных поисках на улицах Тар Валона. Они были пусты, если не считать голубей, крыс и немыслимого количества отбросов. Последнее явилось для Найнив потрясением. Тар Валон всегда славился безупречным порядком, и если в Тел'аран'риоде город представал неубранным, стало быть, Элайда основательно его запустила. Раз ей почудилось, будто в окне таверны близ Южной гавани – подумать только! – промелькнуло лицо Лиане, но, когда Найнив заглянула внутрь, там никого не было, лишь свежевыкрашенные синие столы да лавки. Она бы давно все это бросила, да только Мирелле не давала ей покоя. Найнив хотела иметь возможность с чистой совестью заявить Айз Седай, что она сделала все, что могла, – любой обман Мирелле обнаружила бы вмиг. Вот и пришлось в очередной раз потратить время впустую, так что, когда она прошлой ночью вышла из Тел'аран'риода, кольцо Илэйн уже лежало на столе, а сама Илэйн крепко спала. Если бы за бесплодные усилия полагалась награда, ее следовало бы вручить Найнив. А теперь еще выяснилось, что Шириам и прочие в это время чуть не погибли... Даже щебетание воробья в плетеной клетке раздражало ее сверх меры.

– Они, видишь ли, решили, будто все знают, – презрительно скривившись, пробормотала Найнив. – А ведь я им рассказывала о блуждающих кошмарах, предупреждала их, и не раз.

То, что все шесть Айз Седай были Исцелены еще до возвращения Найнив из Тел'аран'риода, не имело значения. Все могло закончиться гораздо хуже, потому что они вообразили, будто все знают. Найнив раздраженно теребила косу и никак не могла собраться заплести ее заново. Браслет ай'дам то и дело цеплялся за волосы, но снимать его она не собиралась. Вообще-то, сегодня была очередь Илэйн носить браслет, но Найнив опасалась, что та, скорее всего, оставит его висеть на стенном крючке. Через браслет, помимо тревоги и неизменного страха, просачивалось раздражение. Несомненно, «Мариган» уже встала и помогает на кухне, а необходимость заниматься уборкой и стиркой, похоже, раздражала эту особу даже больше, чем ее подневольное положение.

– Здорово, что ты до этого додумалась, Илэйн. Ну а дальше что было? После того, как ты попыталась предупредить остальных?

Вытирая лицо салфеткой, Илэйн поежилась:

– Додуматься-то было не так уж сложно. Чтобы совладать с кошмаром такой силы, требовались наши совместные усилия. Возможно, случившееся хоть немного научит их смирению. Хорошо бы, тогда, глядишь, и их встреча с Хранительницами Мудрости пройдет не так уж плохо.

Найнив кивнула в подтверждение скорее не слов Илэйн, а собственных мыслей. Правда, думала она вовсе не о Шириам и других – ясное дело, Айз Седай научатся смирению не раньше, чем тому же научатся Хранительницы Мудрости. А вот Илэйн – другое дело. Девчонка наверняка оказалась заткнутой в кошмар по своей воле, хотя нипочем в этом не сознается. Найнив не могла взять в толк: то ли Илэйн считает воздавать должное своей храбрости непозволительным хвастовством, то ли просто не осознает, насколько она смела. Так или иначе, Найнив испытывала противоречивые чувства: она одновременно восхищалась смелостью подруги и желала, чтобы Илэйн хоть раз признала свое бесстрашие.

– Мне показалось, что я видела Ранда, – промолвила Найнив.

Салфетка моментально опустилась.

– Он был во плоти? – Если верить Хранительницам Мудрости, это более чем опасно, ибо грозило утратой части человеческой сущности. – Ты ведь предупреждала его.

– Разве он когда-нибудь прислушивался к разумным советам? Но видела я его лишь мельком; возможно, он ненароком коснулся Тел'аран'риода во сне.

Впрочем, такое представлялось маловероятным. По всей видимости, Ранд ограждал свои сны от постороннего проникновения столь мощным барьером, что, как считала Найнив, вряд ли мог достичь Мира снов иначе как во плоти, даже будь он ходящим по снам и *обладай* одним из колец.

– А может, это был кто-то другой, просто на него похожий. Я же сказала – он только промелькнул у меня перед глазами. На площади, возле Башни.

– Я должна быть рядом с ним, – пробормотала Илэйн. Вылив грязную воду из тазика в ночной горшок, она отступила в сторону, давая Найнив место у умывальника. – Я *нужна* ему.

– Что нынче, что всегда, нужно ему одно, – буркнула Найнив, наполняя тазик водой из кувшина. Ей не нравилось умываться водой, простоявшей всю ночь. Хорошо еще, что вода не холодная, – холодной теперь вовсе не было. – Чтобы кто-то ему мог уши надрать и не позволял блуждать мыслями неведомо где, а указывал прямой и верный путь.

– Это несправедливо. – Чистая сорочка, натягиваемая через голову, приглушила слова Илэйн. – Я о нем все время думаю. – Лицо девушки показалось из выреза сорочки. Несмотря на сердитый тон, выглядела она скорее обеспокоенной, чем возмущенной. Сняв с крючка белое платье принятой, она продолжила: – Я даже *во сне* не перестаю за него тревожиться. Как ты думаешь, он за *меня* так же переживает? Что-то я сомневаюсь.

Найнив кивнула, хотя в душе понимала, что это не одно и то же. Ранду сообщили, что Илэйн в безопасности, на попечении Айз Седай, хотя и не уточнили, где именно. А разве сам Ранд может хоть где-нибудь чувствовать себя в безопасности?

Она склонилась над тазиком. Кольцо Лана выпало из-за выреза сорочки и повисло на кожаном шнурке. Нет, все-таки Илэйн права. Где бы ни находился сейчас Лан, чем бы он ни занимался, весьма сомнительно, чтобы он думал о ней столько же, сколько она о нем. «О Свет! – взмолилась Найнив. – Сбереги его, если даже он вовсе обо мне не думает». Однако одна мысль о подобной возможности рассердила Найнив настолько, что, не будь ее руки в мыле, она, пожалуй, выдернула бы собственную косу.

– Даже если ты собираешься стать Зеленой сестрой, – язвительно промолвила Найнив, – это еще не основание думать только о мужчинах. Расскажи лучше, что им удалось выяснить прошлой ночью.

Рассказ получился длинный, но не слишком содержательный, так что вскоре Найнив присела на койку Илэйн и принялась задавать уточняющие вопросы. Но и из ответов почерпнуть удалось немного – это ведь совсем не то, что самой читать документы. Выходит, Элайда наконец узнала об объявленной Рандом амнистии. Вот и прекрасно, но что она собирается предпринять по этому поводу? Свидетельство того, что Башня ищет подходы к правителям, – новость на самом деле неплохая; возможно, хоть это расшевелит Совет. В конце концов, что-то ведь должно заставить их действовать. Элайда отправляет посольство к Ранду – это, конечно, плохо, но не настолько же он глуп, чтобы слушать посланцев Элайды. Хотя кто знает? Что он там вытворяет в Кэймлине? Взгромоздил Львиный трон на какой-то постамент. Дались ему эти троны! Может, он и Дракон Возрожденный, и айильский Кар... как его там? Но она-то хорошо помнила, что приходилось возиться с ним, когда он был малышом, а случилось и отшлепать.

Илэйн тем временем продолжала одеваться и успела одеться полностью, прежде чем закончила свой рассказ.

– Остальное я потом доскажу, – поспешно бросила она и выскочила за дверь.

Найнив что-то буркнула и принялась одеваться сама, но без спешки. Сегодня Илэйн предстояло давать урок послушницам – первый ее урок. Ей, Найнив, обучение послушниц пока не доверяли, ну и ладно. Зато у нее есть Могидин, которой, кстати, пора бы и закончить возиться с завтраком.

Но когда Найнив нашла наконец эту особу на огороженном деревянным забором участке, та вместе с доброй дюжиной других женщин усердно стирала. Серебристое ожерелье ай'дам выглядело особенно нелепо в сочетании со стиральной доской и корытом. Другие служанки развешивали свежевystиранное белье на длинных веревках, натянутых между шестами, но, судя по высившимся грудам постельных принадлежностей и одежды, работы прачкам предстояло еще немало; кипела вода, бурля в котлах. Взгляд, которым Могидин встретила появление Найнив, должен был прожечь ее насквозь. Через ай'дам перекатывались негодование, стыд и ожесточение такой силы, что казалось, вот-вот они переселят даже неизменный страх.

Тощая как щепка седовласая женщина по имени Нилдра, отвечавшая за эту большую стирку, деловито выступила вперед. Темные шерстяные юбки она подоткнула до колен, чтобы не замочить их в расплескавшейся повсюду воде и не испачкать размякшей землей, но валец для белья держала словно скипетр.

– Доброе утро, принятая. Тебе, наверное, нужна Мариган, а? – В ее тоне естественное почтение смешивалось с пониманием того, что эта принятая, как и любая другая, в один прекрасный день может оказаться среди подчиненных ей прачек и она получит возможность гонять будущую сестру, точно простую служанку, а то и пуще. – Тут, стало быть, дело такое – я пока не могу ее отпустить. Дел у меня непроворот, а подручных, как назло, нехватка. Одна из моих девушек сегодня выходит замуж, одна, видишь ли, сбежала, ну а еще двух я приставила к

работенке полегче, потому как они на сносях. Мирелле Седай сказала, что я могу располагать этой Мариган. Но посмотрим, может, я и сумею обойтись без нее часок-другой.

Могидин выпрямилась и открыла рот, но Найнив твердым взглядом приказала ей молчать, а чтобы придать приказу побольше веса, заговорщически коснулась ай'дам у себя на запястье, и женщина вновь принялась за работу. Вот и хорошо, а то ведь, не ровен час, ляпнула бы что-нибудь вовсе не подобающее простой служанке, за которую ее выдают. Одно необдуманное слово могло привести Могидин к усмирению, а там и напрямую на плаху, да и Найнив с Илэйн подобный оборот ничего хорошего не сулил. Найнив не удержалась и даже сглотнула от облегчения, когда Могидин, что-то бормоча себе под нос, снова склонилась над корытом. Стыд и ярость прорывались сквозь ай'дам.

Найнив выдавила из себя улыбку для Нилдры, пролепетала что-то вежливое и невразумительное и удалилась. Направилась она к общим кухням, за завтраком.

«Опять Мирелле, – размышляла Найнив на ходу. – Не иначе как эти Зеленые против меня ополчились невесть почему». Неужто всю жизнь придется дрожмя дрожать, и все из-за этой противной Могидин. С тех пор как она нацепила на Могидин ай'дам, приходится есть гусиную мяту, словно леденцы.

Без труда получив глиняную кружку, полную чаю с медом, и горячую, с пылу с жару, булочку, Найнив принялась есть на ходу, и тут же ее лицо покрылось бусинками пота. Даже в столь ранний час было уже жарко. Из-за леса, образуя над ним расплавленный золотой купол, поднималось солнце.

Еще светало, а утопанные салидарские улочки уже были, как обычно, полны народу. Айз Седай, не устаивая пыль и жару ни малейшим вниманием, безмятежно проплывали мимо, с таинственными лицами направляясь по столь же таинственным делам. Их нередко сопровождали Стражи – волки с холодными глазами, пытавшиеся притворяться ручными. На каждом углу попадались солдаты – обычно в пешем или конном строю. Найнив недоумевала, чего ради этим воякам разрешают болтаться по и без того переполненному городку, коли у них есть лагеря в окрестных лесах? За отрядами солдат стайками носились мальчишки с палками вместо мечей и копий. Проталкиваясь сквозь толпу, поспешали по своим делам облаченные в белое послушницы. Служанки сновали с охапками белья и корзинками провизии, бычьи упряжки волокли тяжелые подводы с дровами, носильщики тащили на плечах какие-то короба и освежаванные бараньи туши. Казалось, вот-вот – и не рассчитанный на такую прорву народу Салидар лопнет по швам.

Найнив шла дальше. Считалось, что принятая, если не дает уроков послушницам, вольна в выборе своих дневных занятий; причем заниматься она могла как под руководством Айз Седай, так и самостоятельно. Правда, это не значило, что принятая вправе позволить себе бездельничать, за такое любая Айз Седай устроила бы ей выволочку. Но уж во всяком случае Найнив не собиралась губить день, помогая Коричневой сестре составлять книжный каталог или копировать бумаги для Серой. Она терпеть не могла переписывать. Вот уж морока, стоит случайно посадить кляксу, и начинаются такие охи да ахи, только держись. Найнив прокладывала себе путь сквозь пыль и толпу, пытаясь углядеть Суан или Лиане, и была настолько сердита, что вполне могла направлять Силу без участия Могидин.

Всякий раз, как только пристроившееся в ложбинке между грудей тяжелое золотое кольцо напоминало о себе, она беззвучно твердила: «Он жив. Должен быть жив. О Свет, пусть даже он забыл меня, только бы был жив». Последняя мысль, само собой, рассердила Найнив еще сильнее. Если ал'Лан Мандрагоран дошел до того, что и вправду ее забыл, она это дело быстро исправит. Главное, чтобы он остался в живых. Стражи нередко гибнут, пытаясь отомстить за своих Айз Седай, это столь же непреложно, как восход солнца; и ни один Страж не позволит кому бы то ни было встать между ним и долгом возмездия, но ведь с Ланом случай особый. Ему не было смысла мстить за Морейн. Она могла бы сломать себе шею, свалившись

с лошади. Схватка Морейн с Ланфир закончилась смертью обеих. Лан *должен быть* жив. И с какой стати ей, Найнив, чувствовать себя виноватой из-за смерти Морейн? Лан таким образом обрел свободу, что правда, то правда, но ведь она к этому руки не приложила. И все же... Услышав о гибели Морейн, она прежде всего почувствовала облегчение. Освобождение Лана обрадовало ее больше, чем опечалила смерть Морейн. Сознать это было стыдно, а от своего стыда она злилась еще больше.

Неожиданно Найнив заметила шедшую ей навстречу Мирелле. Сопровождал Айз Седай желтоволосый Крой Макин, один из трех ее Стражей. Он был худощав, еще совсем молод, но крепок как скала. Судя по решительному лицу самой Мирелле, она уже полностью оправилась от ночного потрясения. Неизвестно, куда направлялась Айз Седай, но Найнив на всякий случай решила убраться с глаз подальше и быстренько нырнула в дверь большого каменного здания, бывшего прежде одной из трех салидарских гостиниц.

Просторное помещение, бывший обеденный зал, привели в порядок и обставили так, чтобы оно хоть мало-мальски подходило для приемов. Высокий потолок побелили, стены заново оштукатурили и украсили несколькими яркими шпалерами, а на пол, уже не покрытый щербинами, но еще не до конца отполированный, бросили несколько цветных ковриков. После жаркой улицы в затененной комнате и в самом деле показалось прохладней.

Перед одним из широких неразожженных каминов с важным видом стоял облаченный в шитый золотом красный кафтан с отвернутыми назад лапами Логайн. За ним бдительно приглядывала Лилейн Акаши, по случаю официальной встречи накинувшая на плечи шаль с голубой каймой. Стройная женщина, величавое достоинство которой не умаляла то и дело освещавшая лицо теплая улыбка, являлась одной из трех восседающих, представлявших Голубую Айя в салидарском Совете Башни. Сейчас ее пронизательный взор был обращен на представителей алтарской знати, приехавших накануне, чтобы увидеть и услышать Логайна.

Их было трое, двое мужчин и женщина, все в роскошных одеяниях, все с проседью в волосах, а один из мужчин вдобавок с изрядной проплешиной. Правда, квадратная подстриженная борода и длинные усы вполне возмещали нехватку растительности на голове. Влиятельные алтарские вельможи прибыли в Салидар в сопровождении многочисленной вооруженной свиты – все они не доверяли друг другу, а уж тем более Айз Седай, собиравшим войско на окраине Алтары. В этой стране люди выказывали преданность в первую очередь тому или иному лорду, леди или городу, а не государству в целом. Дворяне в большинстве своем податей не платили, а на указы правившей в Эбу Дар королевы не обращали внимания. Зато когда под самым носом у них объявилось войско, на это они внимание обратили. Одному Свету ведомо, как подействовали на них слухи о принявших Дракона. Сейчас, однако, они даже перестали бросать друг на друга и на Лилейн надменные, вызывающие взгляды, ибо вперились в Логайна, как, наверное, смотрели бы на огромную пеструю змею.

Меднокожий Бурин Шарен, выглядевший так, словно был вырезан из выкорчеванного пня, присматривал и за Логайном, и за посетителями, и он был готов в любой миг действовать молниеносно и решительно. Страж Лилейн находился здесь не для того, чтобы стеречь Логайна – предполагалось, что тот явился в Салидар по собственной воле, – а главным образом, чтобы один из посетителей не засадил Логайну нож в сердце.

Сам же Логайн, похоже осознавая, что находится в центре внимания, чувствовал себя прекрасно. Он был высок, смугл и очень красив. Длинные вьющиеся волосы ниспадали на широченные плечи. Он выглядел суровым, уверенным в себе и горделивым, как орел, но в глазах его пламенела жажда мщения. Он знал: посчитаться со всеми ему не под силу, но надеялся, что многие его враги не уйдут от возмездия.

– ...это случилось примерно за год до того, как я объявил о себе. В Косамелле меня разыскивали шесть Красных сестер, – говорил Логайн, когда вошла Найнив. – Их предводительницу звали Джавиндра, кажется, так, хотя другая, по имени Барасин, говорила больше и громче.

Элайду они тоже упоминали, – как я понял, она знала об их затее. Они застали меня спящим и – я и глазом не успел моргнуть – отгородили от Источника.

– Айз Седай, – резко вступила в разговор слушавшая Логайна коренастая женщина с суровым взглядом. Ее щеку пересекал тонкий шрам, который, как решила Найнив, не подходит ни одной женщине. Конечно, у уроженок Алтары репутация особ задиристых и свирепых, хотя, вероятно, она все же раздута. – Айз Седай, как можно проверить, правду ли говорит этот человек?

– Как проверить, не знаю, леди Сарена, – спокойно отозвалась Лилейн, – но мне это подтверждали те, кто не может лгать. Он говорит правду.

Выражение лица Сарены не изменилось, но руки сжались за спиной в кулаки. Один из ее спутников – рослый худощавый мужчина с заметной проседью в черных волосах, – стараясь не выдать волнения, сунул большие пальцы рук за пояс, на котором висел меч, не заметив, как вцепился в ремень с такой силой, что побелели суставы.

– Как я уже говорил, – продолжал Логайн с вкрадчивой улыбкой, – они застали меня врасплох и предложили выбор: умереть на месте либо принять их условия. Условия странные, ничего подобного я не ожидал, однако выбор был не таков, чтобы долго раздумывать. Само собой, они не сказали мне, делали ли такое же прежде, но чувствовалось, что им не впервой. Объяснить, зачем им это потребовалось, они не пожелали, но теперь, оглядываясь назад, я многое понимаю. Велика ли честь изловить и доставить в Башню одного несчастного простака, способного направлять Силу? А вот низвергнуть Лжедракона...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.